

А. Ф. ШУЛЬГОВСКИЙ

**АРМИЯ
И ПОЛИТИКА
В ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

А. Ф. ШУЛЬГОВСКИЙ

АРМИЯ И ПОЛИТИКА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Ответственный редактор
д.э.н., проф. В.В.Вольский

В книге подробно рассматривается политическая роль вооруженных сил в странах Латинской Америки. Автор исследует различные типы и модели военных режимов, в частности прогрессивные, антиимпериалистические, правоавторитарные, фашистского типа. В работе широко использованы иностранные источники, главным образом латиноамериканские: документы, периодическая печать, исследования.

III1105 - 224 414 - 79 0804000000
042(02) - 79

© Издательство "Наука", 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена анализу политической роли вооруженных сил в странах Латинской Америки. Об актуальности и значимости этой проблемы говорит все более активное и широкое вмешательство армий региона в политику, которое проявляется в многообразных формах, вплоть до прихода вооруженных сил к политической власти, установления военных режимов.

Приход военных к власти носит далеко не однозначный характер. В одних случаях (Перу, Панама) вооруженные силы выступили инициаторами глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований. В других — (Бразилия) военное правление служит целям развития капитализма, подавления борьбы трудящихся. Трагедия Чили, где вооруженные силы выступили как фашистская контрреволюционная сила, показала, что армия может служить последним резервом реакции, стремящейся любой ценой задержать развитие революционного процесса, насильственно прервать его и удержать свою власть с помощью навязывания военно-террористических диктатур фашистского типа.

Наряду с упомянутыми "моделями" военного вмешательства в политику существуют и другие формы, как бы неустоявшиеся, переходные, которые характеризуются своего рода зыбким равновесием в рядах армии, что приводит нередко к быстрым и внешне неожиданным, "парадоксальным" изменениям политической ориентации вооруженных сил. Какие бы своеобразные формы ни принимало вмешательство вооруженных сил в политику, в его основе лежит глубокий кризис социально-экономических, политических структур латиноамериканских стран, обострившийся под воздействием основного противоречия современности, воз-

растающего влияния трех главных потоков мирового революционного процесса на борьбу народов латиноамериканских стран, огромных изменений в мире.

На XXV съезде КПСС были глубоко и всесторонне проанализированы магистральные пути развития мирового революционного процесса, его характерные черты. "Мы живем в эпоху коренных социальных перемен, — говорил в своем выступлении на съезде Л.И.Брежнев, — продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. Победы национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий, против эксплуататорских порядков. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса.

Такова могучая поступь истории. В революционный процесс включаются новые поколения и социальные слои, новые партии и организации" ^I.

Возникновение патриотических, антиимпериалистических течений в вооруженных силах ряда латиноамериканских стран подтверждает эту мысль об углублении мирового революционного процесса. Именно под влиянием огромных сдвигов политического исторического значения во всем мире, успехов мирового социалистического содружества, роста его влияния на мировое развитие происходит усиление патриотического самосознания в рядах армий латиноамериканских стран.

Активное вмешательство армии в политику не представляет какого-то "чисто" латиноамериканского явления. Это — составная часть социального феномена, характерного и для других регионов мира. Быстрый процесс политизации вооруженных сил характерен не только для стран Азии, Африки, Латинской Америки, но и для капиталистической Европы. В этих регионах вмешательство армии в политику весьма многообразно по своей социальной и идеологической направленности. В Африке оно в

^I Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с.27.

одних случаях олужит целям насаждения и развития капиталистических отношений с помощью ориентации на союз с международными монополиями. В то же время приход к власти в Эфиопии военного правительства, объявившего главной целью своей политики построение нового неэксплуататорского, социалистического общества, социалистическая ориентация военного режима в Республике Бенин, свидетельствуют о растущей притягательной силе передовых революционных идей среди военных.

В Европе до недавнего времени существовал военно-фашистский режим в Греции, защищавший интересы местной крупной монополистической буржуазии и империализма. Свержение этой диктатуры, помимо всего прочего, стало возможным в результате оппозиции со стороны патриотической части вооруженных сил. Антифашистская, демократическая революция в Португалии, совершенная Движением вооруженных сил при активной поддержке масс, с особой ясностью показала наличие и в армиях европейских стран патриотических, прогрессивных течений. Однако португальский пример свидетельствует и о том, что сближение армии с народом встречает ожесточенное сопротивление со стороны представителей реакционных течений в вооруженных силах. Он свидетельствует также и о наличии противоречий внутри самих демократических, прогрессивных течений в рядах армии.

В испанской армии существуют течения, представители которых выступают за ликвидацию франкистского, фашистского наследия. Демократические, освободительные традиции итальянского Сопротивления, антифашистские настроения находят отклик в вооруженных силах Италии. В то же время реакционные силы в армии, как об этом свидетельствует деятельность контрреволюции в Португалии, неофашистов, правых экстремистов в Италии, ультраправых в Испании и других европейских странах, надеются использовать армию в своих интересах.

Все это предопределяет необходимость расширить и углубить марксистско-ленинский анализ армии, как социально-политического фактора исключительной важности, вскрыть наряду с его своеобразием и особенностями в отдельных регионах мира общие тенденции и черты.

В этом плане исследование политической роли армии стран Латинской Америки важно не только в силу того, что в этом регионе процесс вовлечения военных в политику разворачивается весьма интенсивно, но и по ряду других существенных причин. В Латинской Америке, на наш взгляд, как бы сфокусировались характерные, глубинные тенденции развития этого фактора, которые присущи как развивающимся странам Азии и Африки, так в определенной степени и странам с уже сложившейся развитой капиталистической структурой. Да и само вмешательство армии в политику прошло в этом регионе различные фазы и этапы: от политических акций каудильо, которые В.И. Ленин называл "республиканскими" авантюрами "генералов" в мелких государствах Южной Америки"², до выступления вооруженных сил в период обострения борьбы вокруг путей общественного развития. В отличие от стран Азии и Африки подавляющее большинство стран Латинской Америки завоевало политическую независимость еще в начале прошлого века, что предопределило уже сравнительно длительное осуществление всех атрибутов суверенных государств с их политическими институтами, национальными вооруженными силами. В свою очередь, завоевание государственной самостоятельности при всей ее ограниченности в результате интенсивного проникновения иностранного капитала, который наряду с латифундизмом тормозит развитие Латинской Америки, привело к созданию определенных условий и предпосылок для постепенного формирования во многих странах сравнительно развитых социальных, классовых структур. Причем в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия, Чили происходит формирование системы государственно-монополистического капитализма в условиях зависимого положения этих стран. В то же время неравномерность развития капитализма в Латинской Америке предопределила существование и крайне отсталых аграрных государств (Гондурас, Гаити, Парагвай), мало чем отличающихся по своей структуре от многих государств, скажем, Африки.

---

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 114.

Все эти факторы и обстоятельства накладывают печать своего влияния на формы и масштабы политического вмешательства военных в различных латиноамериканских странах.

Вступление вооруженных сил на авансцену политической борьбы, их идеологическая и политическая ориентация в конечном счете определяются соотношением классовых, социальных сил в той или иной стране, глубиной и масштабами классовых противоречий и антагонизмов.

В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, обосновывая важность выбранной для исследования темы, что в Латинской Америке отчетливо, пусть в своеобразных формах, с корректировкой на конкретно-исторические условия, подтверждаются те закономерности в эволюции роли вооруженных сил в обществе, которые были открыты основоположниками марксизма-ленинизма.

Это обстоятельство тем более необходимо отметить, что быстрый процесс роста политической активности вооруженных сил в различных регионах мира ведет к обострению идеологической борьбы по поводу истолкования роли и места вооруженных сил в общественном развитии. К чилийской трагедии, португальской революции, перуанскому феномену апеллируют представители различных сил, чтобы доказать правоту своих взглядов относительно роли армии в обществе, ее влияния на пути общественного развития. В этих острых спорах и дискуссиях достаточно ясно проявляется отремление как правых, так и "левых" антикоммунистов представить в искаженном, фальсифицированном виде позицию марксизма-ленинизма по вопросу об армии, очернить деятельность компартий в этой области.

В борьбе против этих фальсификаций коммунисты опираются на богатейшее идейное марксистско-ленинское наследие, творчески развивают идеи научного социализма относительно роли армии в обществе.

"Военный вопрос необходимо рассматривать как один из стратегических факторов великой битвы, развернувшейся на континенте между революцией и контрреволюцией, — говорил

Родней Арименди, Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая, на международном симпозиуме в Праге (8-10 апреля 1975 г.), посвященном 40-летию VII конгресса Коминтерна. — Это требует выработки определенной политики коммунистических партий и демократических и антиимпериалистических сил по отношению к вооруженным силам. Она должна быть свободна и от вульгарного антимиитаризма, и от легкомысленных иллюзий. Нельзя впадать и в так называемый военный патернализм.

Раньше работа в армии понималась в узком смысле, что вело к забвению ленинских указаний. В 1905 г. В.И. Ленин ставил вопрос о завоевании на сторону революции армейской массы. В 1917 г. это было проведено в жизнь. В Латинской Америке работа в армии понималась лишь как подпольная. В настоящее время она возведена в ранг большой политики. Во-первых, от этого в большой степени зависит победа над фашизмом и начало революционных изменений. Во-вторых, как свидетельствует континентальный опыт, этот вопрос поставлен самой жизнью. В-третьих, это связано с социальным, классовым подходом к военной проблематике"³.

Разработка проблем, связанных с ролью армии в обществе, основоположниками марксизма-ленинизма — яркий пример поистине неисчерпаемых возможностей научной революционной теории в познании сложных и противоречивых явлений общественной жизни, умения связывать теорию с практикой революционной борьбы пролетариата, трудящихся масс. Вот почему такое огромное значение приобретает всестороннее, диалектическое изучение марксистско-ленинского идейного наследия по указанным проблемам, которое необходимо рассматривать в тесном единстве всех его компонентов. Из такого системного подхода исходил автор данной книги, основывая на марксистско-ленинских идейных методологических принципах свое исследование политической роли вооруженных сил стран Латинской Америки.

---

³ Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Прага, 1975, с.42-43.

Само название работы предопределяет круг рассматриваемых проблем. В книге специально не рассматриваются вопросы, связанные с военной экспансией империализма, такие чисто военные проблемы, как боевая и тактическая подготовка латиноамериканских армий, их военно-экономический потенциал, система подготовки профессиональных кадров, степень оснащенности современным вооружением и т.д. В то же время автор считает необходимым остановиться на анализе различных типов военных доктрин, взятых на вооружение армиями стран Латинской Америки. Эти доктрины, собственно говоря, далеко выходят за рамки чисто профессиональных военных проблем, как правило, соотносятся с общественно-политическими, социальными аспектами развития латиноамериканских стран. При этом нередко они имеют противоположную политическую и идеологическую направленность и смысл (пример Перу и Бразилии), хотя чисто военные, профессиональные их аспекты во многом, по крайней мере внешне, схожи. Иными словами, анализ этих военно-политических доктрин и концепций позволяет вскрыть некоторые очень важные закономерности и особенности политизации вооруженных сил, вовлечения их в борьбу по вопросу о путях общественного развития.

Перед автором встал вопрос: что брать за исходное, за своеобразную точку отсчета при анализе процесса роста политической роли армии? Обычно, когда рассматривают данную проблему, и прежде всего применительно к развивающимся странам, исходят из того, что политизация армии — это, собственно говоря, политические позиции офицерского корпуса, поскольку рядовой и сержантский составы являются во многом пассивной массой, идущей за офицерством. Латинская Америка в общем подтверждает тот факт, что именно офицерский корпус проявляет наибольшую политическую активность, его позиция накладывает глубокий отпечаток на процессы, происходящие в вооруженных силах. Однако анализом только политических позиций офицерства нельзя ограничивать рамки исследования. Рост политической активности под влиянием обострения социальных, классовых противоречий, размаха борьбы трудящихся

города и деревни все более характерен и для солдатского, сержантского, унтер-офицерского состава вооруженных сил, что оказывает серьезное влияние и на позицию офицерства, на борьбу течений и тенденций в среде военных. Естественно, степень этой активности далеко не одинакова в армиях отдельных латиноамериканских стран, но этот процесс уже начался, внося немало нового в эволюцию вооруженных сил. Поэтому автор работы, уделяя главное внимание анализу настроений офицерского корпуса, в то же время стремился по мере возможности, сообразуясь с наличием материала, ввести новые параметры при характеристике политизации вооруженных сил, обратить внимание на одвиги, так сказать, в "базовых" эшелонах вооруженных сил, особенно на уровне сержантского и унтер-офицерского состава.

При написании работы перед автором встал вопрос о наиболее целесообразной структуре изложения и размещения материала. Был выбран проблемно-исторический принцип анализа. Такой подход, по мнению автора, позволяет показать в исторической динамике некоторые общие особенности и закономерности все большего вовлечения армии в политику и в то же время более углубленно и дифференцированно проанализировать различные формы такого вмешательства. Такой подход к исследуемой теме предопределен также стремлением автора показать вклад латиноамериканских коммунистов в творческую марксистско-ленинскую разработку военного вопроса, их критику буржуазных и мелкобуржуазных концепций политической роли армии. Книга посвящена политической роли армий стран Латинской Америки после второй мировой войны. Особое внимание обращено на период 60-70-х годов, поскольку именно в это время особенно четко проявились тенденции и процессы, анализируемые в работе.

Вкратце об изучении данной проблемы в Советском Союзе.

В нашей стране методологическим, политическим, идеологическим, конкретно-историческим аспектам изучения роли армии в обществе уделяется все большее внимание. Причем в сфере этого исследования входят различные регионы, все большее число стран.

Привлекая внимание к новым явлениям, связанным с возрастающей ролью вооруженных сил в обществе, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС, акад. Б.Н.Пономарев отмечает: "Известно, что революционные события в такой стране, как Перу, явились результатом действий патриотически настроенных военных, пришедших к власти. Ход революционного развития показал, таким образом, возможность появления новых государственных форм, которые характеризуются участием вооруженных сил в прогрессивном развитии. Это - новое явление. Его социальная природа и причины заслуживают обстоятельного исследования марксистско-ленинской наукой. Это тем более важно, что форма развития революции, как об этом свидетельствует весь исторический опыт, во многом зависит от позиции армии ... Возникновение и усиление революционно-демократических настроений в армии, в том числе среди офицерства, могут ускорять ход революционного развития" ⁴.

Однако, как подчеркивает Б.Н.Пономарев, возможен и иной, контрреволюционный вариант вмешательства армии в политику: "Напротив, когда армия идет за реакционной военной, контрреволюция обретает силу, позволяющую ей одерживать верх" ⁵.

На такие противоречивые, разновариантные процессы в вооруженных силах стран Латинской Америки обращают внимание читателя и авторы исследования "Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики" ⁶.

Советские ученые, основываясь на марксистско-ленинской методологии, рассматривают вопрос об армии и с точки зрения возможных, потенциальных союзников пролетариата. Так, данная проблема ставилась в подготовленных Институтом международного рабочего движения АН СССР тезисах для дискуссии

⁴ Коммунист, 1971, № 15, с.62.

⁵ Там же.

⁶ См. Международное коммунистическое движение. Очерк стратегии и тактики. М., 1974, с.406.

марксистов "Рабочий класс и его союзники", организованной журналом "Проблемы мира и социализма". "Армия является социально-репрессивным органом в руках господствующего класса. Вместе с тем вооруженные силы, особенно в тех случаях, когда речь идет не о наемной, профессиональной армии, представляют собой специфически организованную социальную категорию, отражающую, пусть не совсем адекватно, как общественную структуру, так и структуру политической ориентации каждой страны. Это относится не только к переменному составу, отбывающему воинскую повинность, но и к постоянным военным кадрам, в том числе — наиболее массовым категориям офицерского состава. В тех случаях, когда офицерские должности становятся массовыми, эта социально-профессиональная категория теряет прежний, преимущественно элитарный характер и пополняется главным образом за счет выходцев из средних слоев. Соответственно позиции, характерные для этих слоев, накладывают растущий отпечаток на взгляды и поведение офицерского корпуса. Упрочение союза со средними слоями создает дополнительные возможности распространения этого союза и на значительную часть вооруженных сил. С другой стороны, сотрудничество с этой частью вооруженных сил может способствовать расширению союзных отношений рабочего класса со средними слоями"⁷.

За последнее время советские ученые создали ряд работ как коллективных, так и индивидуальных, в которых предпринята попытка проанализировать закономерности, причины и факторы возрастания политической роли вооруженных сил развивающихся стран, установления военных режимов. Большое внимание в этих работах уделяется таким проблемам, как специфичность положения армии в обществе, возможность выступать в качестве автономной, относительно самостоятельной силы.

Так, авторы коллективного исследования "Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы" справедливо подчеркивают: "Десятки военных переворотов, именших место

---

⁷ Проблемы мира и социализма, 1975, № 7, с.60.

в 50-60-х годах в Азии, Северной и Тропической Африке и Латинской Америке, показали всю органичность этой формы социальной борьбы и социального развития историческим условиям "третьего мира". Одновременно авторы показывают многообразие причин и факторов, предопределяющих подобную "органичность" захвата политической власти армией. "В одних случаях она берет власть вследствие физического отсутствия в обществе иной реальной социальной и политической силы. В других - из-за недостаточной способности уже существующих классов и групп к социальному лидерству в пору зрелости материальных предпосылок революции. В последнее двадцатилетие подобные ситуации возникали на нескольких, качественно различных развилках истории - в период кризисов постколониальных обществ в Южной Азии и на Ближнем Востоке, в ходе складывания классового общества в странах Тропической Африки, в период кризиса структур зависимого капитализма в Латинской Америке"⁸.

Специально проблеме политической роли армии в странах Азии и Африки посвящены исследования Г.И. Мирского⁹. Эти работы, отличаюсь широтой охвата темы, многоплановостью анализа, вскрывают важные закономерности и факторы, объясняющие резкое усиление политической роли армии в странах Азии и Африки. Анализ различных "моделей" вариантов прихода вооруженных сил к власти позволяет автору сделать следующий важный вывод: "Армия в развивающихся странах - это не просто "сколок с общества", не просто арифметическая сумма такого-то количества выходцев из крестьян, мелкой буржуазии и т.д. На военной службе все эти "выходцы" приобретают новое качество, сплачиваются в новый организм. Армия выступает как новая и в значительной мере самостоятельная социально-политическая сила, приобретает черты корпорации со свои-

---

⁸ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с.291.

⁹ Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970; его же. "Третий мир": общество, власть, армия. М., 1976.

ми собственными интересами (хотя, разумеется, далеко не всегда одинаковыми)" ¹⁰.

Анализу глубинных тенденций превращения армии в корпорацию, механизмов этого процесса, ведущего к укреплению позиции, относительной самостоятельности военных институтов в обществе посвящено исследование Р.Э.Севортяна ¹¹.

За последнее время усилился интерес советских латиноамериканистов к исследованию различных аспектов, проблем, связанных с вооруженными силами. Правда, до сих пор большинство содержательных работ (В.Н.Селиванов, К.С.Тарасов) посвящено главным образом или анализу военной политики США в Латинской Америке, или военно-экономическим аспектам экспансии США в этой регионе ¹². Непосредственно анализу политической роли вооруженных сил Бразилии посвящено глубокое монографическое исследование Ю.А. Антонова ¹³.

Автору данной книги принадлежит ряд работ по проблемам политической роли армии в латиноамериканских странах. Однако они посвящены или частным, страновым аспектам этой проблемы, или же представляют эскизные наброски, этюды на пути освоения данной темы ¹⁴.

¹⁰ Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки, с.338.

¹¹ Севортян Р.Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.

¹² Селиванов В.Н. Военная политика США в странах Латинской Америки. М., 1970; его же. Экспансия США в Латинской Америке. М., 1975; Тарасов К.С. США и Латинская Америка. М., 1974.

¹³ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. М., 1973.

¹⁴ Шульговский А.Ф. Свержение диктаторских режимов в Латинской Америке. - В сб.: Проблемы современной Латинской Америки, М., 1959; Оружие и политика в Латинской Америке. - Международная жизнь, 1967, № 5; Латинская Америка: армия и освободительное движение. М., 1972; Вооруженные силы Чили: от "аполитичности" к контрреволюции. - Латинская Америка, 1974, № 6; Идеологические и теоретические аспекты революционного процесса в Перу. - Латинская Америка, 1975, № 4; Роль патриотических традиций в истории перуанских вооруженных сил. - В сб.: Перу: 150 лет независимости". М., 1971; ряд других работ.

Автор отдает себе отчет в том, что предлагаемая вниманию читателей книга никоим образом не претендует на исчерпывающий анализ данной проблемы. Эту книгу следует рассматривать как своего рода проблемно-методологическое введение к всестороннему исследованию исключительно важного с политической и идеологической точек зрения вопроса.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ ОБ АРМИИ

(вместо введения)

Основоположники научного социализма, тщательно изучая с позиций материалистической диалектики политическую надстройку, роль различных социальных институтов, не могли пройти мимо такого важнейшего компонента этой надстройки, как армия. В известном письме к Ф.Энгельсу от 25 сентября 1857 г. К.Маркс отмечал, что "в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества"^I. К.Маркс и Ф.Энгельс характеризовали армию как одно из главных орудий в руках эксплуататорских классов, всесторонне исследовали особенности положения армии в системе господства правящих классов, отмечали, что к оценке ее роли необходимо подходить конкретно-исторически, а не руководствоваться абстрактными суждениями. Анализ общественных явлений с позиций материалистической диалектики, исторического материализма позволил К.Марксу и Ф.Энгельсу выдвинуть и научно обосновать в своих работах политически чрезвычайно важное и теоретически плодотворное положение об относительной самостоятельности различных надстроечных явлений и институтов, убедительно доказать, что они не есть пассивное, так сказать, зеркальное отражение базиса. Изучение конкретной действительности, глубокое проникновение в суть общественных явлений позволили К.Марксу и Ф.Энгельсу прийти к выводу, что в определенных конкретно-исторических условиях могут возникать такие ситуации, когда армия играет относительно самостоятельную, "автономную" роль в обществе, а ее позиции временами характеризуются даже революционной, прогрес-

^I Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.29, с.154.

сивной направленностью. Именно они заложили основы подлинно научной разработки проблем, связанных с различными формами, типами, "моделями" вмешательства армии в политику, общественную жизнь.

По их мнению, это явление было типично для Франции середины XIX в., периода установления бонапартистской диктатуры, и Испании времен гражданских войн и революций (первые десятилетия прошлого века).

Возможность для французской армии играть относительно самостоятельную роль К.Маркс и Ф.Энгельс обосновывали, анализируя такой социально-политический феномен, как бонапартизм, который возник и упрочился в условиях "равновесия" классовых сил, когда правящие классы, неспособные править "традиционными" методами, все больше апеллировали к армии как гаранту "социальной стабильности" и "порядка". Блестящий анализ социально-политической анатомии бонапартизма дан в работе К.Маркса "Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта".

По словам К.Маркса, французской буржуазии, давно сдавшей в архив свою революционность, принадлежит "честь" такого изобретения, как "осадное положение"². С помощью осадного положения, когда на политическую авансцену выступила армия, французская буржуазия стремилась найти выход из периодически повторяющихся кризисов, "умиротворить" французское общество, "подавить его сознание и утихомирить его"³. Но может ли армия при создавшихся условиях, задавал вопрос К.Маркс, удовлетвориться простой ролью слепого исполнителя воли господствующего класса? Ответ Маркса был отрицательным. Он писал: "... как могли казарма и бивуак, сабля и ружье, уны и солдатский мундир не прийти, наконец, к выводу: лучше спасти общество раз навсегда, провозгласив свой собственный режим главенствующим и совершенно избавив буржуазное общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и ружье, уны и солдатский мундир тем более должны были прийти к та-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.8, с.135.

³ Там же.

кой мысли, что они могли рассчитывать в этом случае на лучшую плату чистоганом за свои более серьезные заслуги, тогда как при только периодическом осадном положении и временном спасении общества по приказу той или другой фракции буржуазии на их долю выпадало мало существенного, кроме нескольких убитых и раненых и нескольких кривых улыбок со стороны буржуа. Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, и вместе с тем подвергнуть осаде кошельки буржуа?"⁴.

Несколько по-иному, чем во Франции, проявлялась относительно самостоятельная роль армии в Испании. Речь шла о стране, которая по уровню своего социально-экономического, политического развития заметно отставала от Франции. В Испании не было своего 1789 г. или июньских дней 1848 г. В то же время испанская армия, возникшая в огне освободительного движения против наполеоновского нашествия, испытывавшая влияние революционных идей Риго и его сподвижников, существенно отличалась от французской, пережившей контрреволюционный термидор, реставрацию Бурбонов, разлагающее влияние буржуазной монархии Луи Филиппа, кровавые июньские дни торжества буржуазной реакции. В этих условиях испанская армия не только смогла выступать в качестве относительно самостоятельной силы, оказывая заметное влияние на развитие событий (этому в значительной степени способствовали гражданские войны, в течение многих лет бушевавшие в стране), но и играть в ряде случаев даже революционную, прогрессивную роль. В целой серии интереснейших работ, посвященных Испании, К.Марко затрагивает вопрос о путях и судьбах испанской армии. Он писал: "... армия и герильерос являлись наиболее революционной частью испанского общества, ибо они рекрутировались из всех слоев без разбора, в том числе из среды гилькой, стремящейся вперед патриотической молодежи, свободной от расслаблявшего влияния центрального правительства,

⁴ Марко К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.8, с.135-136.

сбросившей с себя оковы старого режима; часть этой молодежи, подобно Риго, уже побывала несколько лет в плену во Франции. Поэтому нас не должно удивлять влияние, которое испанская армия оказывала на события в последующих движениях — как в тех случаях, когда она брала на себя революционную инициативу, так и в тех, когда своим преторианским характером она вредила делу революции" ⁵.

Новый этап в разработке и углублении основоположниками марксизма проблем, связанных с армией, относится к тому периоду, когда в европейских странах развернулась острая политическая борьба вокруг вопроса о введении всеобщей воинской повинности. Рассматривая вопрос об армии в плане сложного, диалектического взаимодействия базиса и надстройки, так оказать с позиций обратных связей, они не могли не заметить, что введение всеобщей повинности ставит перед революционными силами новые проблемы и задачи. К.Маркс и Ф.Энгельс призывали рабочий класс бороться за всеобщую воинскую повинность, которая приведет к замене армии наемников-профессионалов армией более демократичной, массовой. Выдающийся знаток военного дела Ф.Энгельс, анализируя влияние социальных процессов, классовых антагонизмов на армию, пришел к чрезвычайно важным выводам о возможности роста революционных настроений в ее рядах. Эти изменения, сдвиги в армии в результате демократизации ее состава интересовали Ф.Энгельса в первую очередь с точки зрения перспектив пролетарского, революционного движения. В письме английскому общественному деятелю Томасу Олсопу он подчеркивал: "... система военной муштры всего мужского населения, ставшая ныне правилом на всем континенте, приведет к революционизированию гигантских армий изнутри. Но этот процесс потребует определенного времени, а что касается Германии, то здесь он обнаруживает себя лишь с недавних пор. Это постоянное проникновение свежих революционных элементов в армию, наблюдаемое ежегодно с каждой новой партией рекрутов, является основным мотивом

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.10, с.457.

вом для введения закона против социалистов" ⁶. В приветственном обращении к французским рабочим 17 марта 1891 года в связи с 20-й годовщиной Парижской коммуны Ф.Энгельс говорил: "...теперь, когда каждый здоровый мужчина проходит через ряды армии, эта армия начинает все больше и больше отражать настроения и мысли народа; эта армия, главное орудие подавления, становится с каждым днем все менее надежной. Руководители всех крупных государств уже с ужасом предвидят тот день, когда находящиеся под ружьем солдаты откажутся убивать своих братьев и отцов...

Если происходит нечто подобное, если уже и в армии заимается новая заря, значит конец старого мира уже не за горами" ⁷.

В этих идеях, выдвинутых Ф.Энгельсом, содержалась чрезвычайно плодотворная и важная мысль об отсутствии фатальной предопределенности для армии навсегда оставаться орудием в руках эксплуататорских классов, быть носительницей милитаризма.

Последующее развитие событий в мире, в частности революционная борьба в России, подтвердило глубокое предвидение Ф.Энгельса. Первая русская революция (1905-1907 гг.), демократическая революция нового типа, дала возможность В.И.Ленину сделать много исключительно важных выводов и обобщений относительно больших сдвигов и изменений в армии, их чрезвычайно важного значения для перспектив революционной борьбы в стране. В.И.Ленин самым внимательным образом следил за ростом гражданского, демократического самосознания, усилением революционных настроений в рядах царской армии. С чувством восхищения отзывался он о революционных выступлениях солдат и матросов, о переходе на сторону революции броненосца "Потемкин", о таких офицерах-демократах, как лейтенант Шмидт, возглавивший легендарное восстание в Сева-

---

⁶ Правда, 1970, 27 ноября.

⁷ Марко К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.22, с.187-188.

стополе. Именно в этот период бурного подъема революционного движения появились замечательные ленинские работы "Революционная армия и революционное правительство", "Войско и революция", в которых была изложена позиция большевиков в отношении армии. В.И. Ленин обращал особое внимание на те процессы в армии, которые способствовали ее отходу с позиций защиты самодержавия, эксплуататорского строя. Анализ этих процессов в работах В.И. Ленина глубоко диалектичен, характеризуется конкретно-историческим подходом к исследуемым явлениям. Прежде всего В.И. Ленин исследует, в каких формах, какими темпами развивались эти процессы. "Позорная роль палачей свободы, — писал В.И. Ленин, — роль прилужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев — рабочих. Затем — переход части армии на сторону восстания.

Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма, — целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции" ⁸. (Здесь и далее подчеркнутое нами у В.И. Ленина выделено курсивом. — Прим. ред.) В переходе отдельных воинских частей и подразделений на сторону восставших трудящихся В.И. Ленин видел важный этап на пути создания "ядра революционной армии" ⁹, все более глубокого разрыва с самодержавием, господствующими классами.

Приветствуя эти процессы и сдвиги, В.И. Ленин в то же время отмечал трудности как объективного, так и субъективного плана, стоящие на этом пути, выделял факторы, которые смогли бы облегчить демократизацию армии. "Миновали безвозвратно те времена, — писал он, — когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336.

⁹ Там же, с. 337.

России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось свое движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду" ¹⁰.

Поэтому В.И. Ленин придавал такое исключительно большое значение росту демократического, гражданского самосознания в рядах армий, подчеркивая, что этому в решающей степени опосредствуют революционные выступления трудящихся масс. В.И. Ленин высоко ценил характер требований, выдвигаемых передовыми представителями армии, видел в них проявление роста гражданского самосознания. Анализируя характер солдатских требований, определяя позицию большевиков по отношению к ним, В.И. Ленин писал: "Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабочая превращается в армию революционную" ¹¹. Все это, по словам В.И. Ленина, свидетельствовало об интенсивном вовлечении армии в политику, что являлось важным фактором в деле углубления революционной борьбы. Поэтому В.И. Ленин решительно выступал против демагогических и лицемерных призывов реакционеров уважать "нейтралитет армии", что являлось ничем иным, как попыткой изолировать ее от революционной борьбы. Разоблачая фальшь и контрреволюционность этих призывов, В.И. Ленин писал: "Армия не может и не должна быть нейтральной. Не втягивать армию в политику — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику, превращали русских солдат в прилушников черной сотни, в пособников полиции" ¹².

Ленинский анализ сложных, противоречивых процессов в рядах армии неразрывно связан с конкретно-историческим подходом к такому социальному феномену, как милитаризм и его связи с военными институтами. В.И. Ленину принадлежит клас-

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, с. III-III2.

¹¹ Там же, с. III2.

¹² Там же, с. III3.

сическое определение милитаризма: "Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — "жизненное проявление" капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях ("Militarismus nach aussen", как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата ("Militarismus nach innen")"¹³. Анализ В.И. Лениным изменений в царской армии — хотя в годы первой русской революции они и не смогли решающим образом воздействовать на ее позиции — показал, что под воздействием революционной борьбы трудящихся возможно преодолеть влияние милитаризма на военных, заложить основы армии нового типа — демократической, антимилитаристской.

Опыт первой русской революции, роль в ней армии позволили В.И. Ленину сделать несколько исключительно важных выводов и обобщений: 1) не при любых конкретно-исторических условиях армия фатально продолжает оставаться орудием в руках правящих эксплуататорских классов; 2) победа революции нереальна без привлечения на сторону восставшего народа хотя бы части армии; 3) наиболее демократически-революционно настроенные соединения армии и флота станут ядром новой революционной армии.

Даже в самые мрачные годы реакции, наступившей после поражения первой русской революции, В.И. Ленин отмечал, что господствующие классы не доверяют армии, панически боятся новых революционных волнений в ее рядах. В статье "Бояться за армию" (1910 г.) он разоблачал политику российской контрреволюции в отношении вооруженных сил.

Период от Февральской революции до Октября 1917 г. был заполнен упорной борьбой большевиков за армию, за спасение "цветов народных сил", по словам В.И. Ленина, "от истребления в огне империалистической войны"¹⁴. Реакция лживо обвиня-

---

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17, с.187.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.40, с.8.

ла большевиков в отрешении разложить армию, подорвать ее боееспособность. В ответ на клевету о "подрывной" деятельности большевиков в армии, Ленин написал (июнь 1917 г.) специальную статью "Большевизм и "разложение" армий", чтобы, по его словам, "раз навсегда отгородиться и от клеветы "врагов", и от нелепейших извращений большевизма"¹⁵. Ленин четко охарактеризовал стратегическую линию сил реакции, направленную на то, чтобы воспрепятствовать росту революционных настроений в армии, натравливать ее на трудящихся, большевиков, представив последних сторонниками уничтожения военных институтов. С предельной ясностью Ленин писал: "Там, где большевизм имеет возможность открыто выступать, там дезорганизации нет.

Где нет большевиков или им говорить не дают, там экзекусы, там разложение, там лжебольшевики...

А этого-то как раз и нужно нашим врагам"¹⁶.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции о неопровержимой силой подтвердила глубину и прозорливость ленинского анализа процессов и сдвигов, происходивших в армии, всю справедливость ленинских выводов о роли армии в революции. К моменту свершения революции, благодаря общей революционизирующей обстановке, пропагандистской, политической деятельности большевиков-ленинцев, армия, по сути дела, перестала быть военной силой на службе буржуазно-помещичьей власти — солдатские и матросские массы, часть офицерства переходили на сторону народа. В.И. Ленин писал, что "в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года политический "ударный кулак", который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи..."¹⁷. После победы пролетар-

---

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.32, с.256.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.40, с.10.

ской революции, когда встал вопрос о создании новой революционной армии, большевики не пошли по пути немедленной ликвидации старой армии, переживавшей кризис и раздираемой острейшими противоречиями, как это предлагали ультрареволюционеры. Большевики осуществляли демократизацию старой армии, чтобы вырвать власть из рук реакционного генералитета при постепенной ее демобилизации и при одновременном создании новой революционной армии, привлекая в нее все лучшее, демократическое, патриотическое, что было в старой армии. Эта подлинно творческая марксистско-ленинская политика в военном вопросе привела к тому, что немало высших офицеров, известных генералов-патриотов старой армии (пример тому - выдающийся полководец первой мировой войны генерал Брусилев) вступили в революционные вооруженные силы, внесли весомый вклад в их становление. Без их большого вклада в укрепление обороноспособности молодой Советской республики, по словам В.И.Ленина, "не могла бы создаться та Красная Армия, которая... сумела одержать блестящие победы" ¹⁸

Марксистско-ленинское учение об армии, опыт политики большевиков в военной области имеют самое актуальное значение для разработки международным коммунистическим движением политики в отношении вооруженных сил различных стран. Действительно, многие закономерности процессов в армии, открытые марксизмом-ленинизмом, подтвержденные практикой революционной борьбы за армию, проявляющиеся, естественно, с модификациями и коррективами, внесенными временем и конкретно-историческими условиями развития, имеют место в различных регионах мира, в том числе в Латинской Америке.

---

¹⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.39, с.56.

ВЫХОД ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АВАНСЦЕНУ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война, ее последствия оказали глубокое влияние на социально-политические процессы в латиноамериканских странах, на эволюцию различных их институтов, в том числе на вооруженные силы. Последние, и так традиционно играя активную роль в обществе, приобрели еще больший вес в политической жизни стран Латинской Америки, чему способствовал ряд далеко не однозначных факторов и обстоятельств.

Подъем демократического, антифашистского движения в Латинской Америке, порожденный разгромом фашизма, ростом антиимпериалистической борьбы народов колониальных, зависимых стран, затронул и вооруженные силы. В Сальвадоре, Гватемале, Боливии, Эквадоре, некоторых других странах патриотически настроенные военные круги вместе с демократическими силами участвовали в свержении тиранических, антинародных режимов, содействовали демократизации политической жизни.

Активная политическая деятельность военных, их участие в определении послевоенного устройства стран Латинской Америки содействовали усилению роли армии^I в общественно-политической жизни, что превращало ее в объект настойчивого внимания и даже заигрывания со стороны различных буржуазных и мелкобуржуазных политических сил, ведущих борьбу за власть.

---

^I В данном случае и в дальнейшем понятие "армия" тождественно понятию "вооруженные силы".

Эта борьба, принимая острее формы в ряде латиноамериканских стран, нередко превращала армию в арбитра, которому принадлежало последнее слово.

Особенно большую роль приобрела она в условиях "холодной войны". Империализм и его союзники из лагеря латиноамериканской реакции, развязывая "холодную войну", пытались воспрепятствовать углублению освободительных процессов в Латинской Америке, перетянув вооруженные силы этих стран на свою сторону.

Вооруженные силы и «холодная война»

Империалистические и реакционные силы, стремясь превратить армию в орудие своей политики, использовали все средства, чтобы ликвидировать патриотические течения в среде военных. В Боливии, например, они поддержали контрреволюционный заговор, который привел в 1946 г. к свержению правительства, возглавляемого военным-патриотом полковником Вильяроэлем. Еще более откровенно империализм выступил в поддержку реакции в Парагвае, где в начале 1947 г. демократические силы, опираясь на патриотически настроенных военных, поднялись на вооруженную борьбу против проимпериалистической диктатуры Мориниго. Правящие круги США поспешили к нему на помощь. Американские летчики участвовали в боевых действиях против восставших, а глава американской военной миссии стал фактическим руководителем войск диктатора. "Отнюдь не случайно, — писал журнал кубинских коммунистов "Фундаментос", — кровавое подавление демократического движения в Парагвае, осуществленное во имя "континентальной обороны", совпало с провозглашением доктрины Трумена, с антикоммунистической кампанией и интервенцией США в Греции, с подписанием Пакта Рио-де-Жанейро"².

² Fundamentos. La Habana, 1949, N 93, p.1.

Именно в рамках "холодной войны" необходимо оценивать цели и задачи военной политики США в Латинской Америке. Главная ее цель состояла в том, чтобы "интегрировать" вооруженные силы стран Латинской Америки в глобальную стратегию империализма, определить их основные функции в регионе³. Этой цели служил выдвинутый президентом Труменом план военного сотрудничества между США и Латинской Америкой, смысл которого сводился к тому, чтобы с помощью "стандартизация вооружения", эксплуатации стратегических ресурсов латиноамериканских стран поставить их армии под полный контроль. Речь шла об их превращении в полицейско-карательные соединения по борьбе с освободительным движением, в преторианцев, охраняющих интересы олигархии и иностранных монополий. В этом плане надо рассматривать подписание в Рио-де-Жанейро 2 сентября 1947 г. так называемого "Межамериканского договора о взаимной помощи". Исключительно большое значение в нем наряду с задачами по "защите" от "внеконтинентальной агрессии" отводилось борьбе с "подрывной" деятельностью внутри латиноамериканских стран, что было прямо направлено против освободительного движения.

С еще большей очевидностью эта направленность военной политики США в Латинской Америке проявилась на IX Межамериканской конференции в Боготе (апрель 1948 г.). Принятая под нажимом США "Декларация о защите демократии", проникнутая духом яркого антикоммунизма, "холодной войны", открывала путь для реакционных, проимпериалистических военных переворотов. "Нью-Йорк таймс" признавала, что антикоммунистическая резолюция создает условия для укрепления "самых худших правительств в Западном полушарии"⁴. Целая серия военных проим-

³ В этой и последующих главах автор не ставит своей целью освещение собственно военной латиноамериканской политики США. Она лишь упоминается в качестве ориентира, необходимого для понимания главной темы исследования. В то же время в данной работе рассматриваются проблемы, связанные с позицией США в отношении политической роли вооруженных сил стран Латинской Америки.

⁴ The New York Times, 1948, May, 3.

периалистических переворотов, последовавших вскоре после Боготинской конференции, явилась подтверждением того, что империализм перешел к реализации на практике политики насаждения военно-полицейских режимов, главная цель которых состояла в подавлении освободительного движения, защите интересов иностранного капитала.

Однако было бы неверным рассматривать процессы, происходившие в вооруженных силах латиноамериканских стран в период "холодной войны", сводя причину всех изменений в армии к влиянию империализма, его агентуры в Латинской Америке. И в самый разгар "холодной войны" здесь не царил "кладбищенская тишина".

Патриотические силы не прекращали борьбу против реакции и империализма. В Гватемале продолжал развиваться начавшийся в 1944 г. освободительный, революционный процесс. Апрельское вооруженное народное восстание в Боливии в 1952 г. покончило с политическим господством олигархии. Углублялась борьба кубинских патриотов против тиранического режима, не прекращалась борьба прогрессивных сил против диктатур и в других странах региона. В некоторых из них, например Аргентине и Бразилии, возникли националистические режимы, которые, пусть не всегда последовательно, боролись против подчинения своих стран империалистическим интересам. Именно с учетом всех этих факторов необходимо оценивать развитие настроений в вооруженных силах, борьбу тенденций в их рядах. Перед всеми армиями в большей или меньшей степени вставал вопрос определения своей позиции в отношении режимов, на службе у которых они находились.

Неоднозначность ответа на этот вопрос только подчеркивала глубину и масштабы кризиса военных институтов. Больше того, эти кризисные явления в вооруженных силах стали как бы прообразом тех глубоких дилемм и альтернатив, с которыми столкнулись военные в более поздний период, когда кризис социально-экономических, политических структур латиноамериканских стран достиг небывалой остроты и масштаба.

Представляется необходимым хотя бы вкратце проанализи-

ровать такие проблемы, как армия и диктаторские режимы, армия и революция, вооруженные силы и националистическо-популистский режим, которые помогут яснее понять самые различные условия, при которых вооруженные силы втягиваются в политику.

Разлагающее влияние оказывали на вооруженные силы диктаторские режимы, установленные в ряде стран Латинской Америки в годы "холодной войны"⁵. Такие режимы возникли в результате государственных военных переворотов в Перу в 1948 г., в Венесуэле — в 1948 г., на Кубе — в 1953 г., в Парагвае — в 1954 г. К диктаторским режимам с известными оговорками можно отнести и колумбийский режим — 1953 г. Хотя между ними существовали различия, временами довольно значительные, обстоятельства, при которых эти режимы пришли к власти, были во многом сходными. Речь шла не только о самой обстановке "холодной войны", которая создавала благоприятные условия для переворотов под лозунгами антикоммунизма, "континентальной солидарности". Развитие социально-политических процессов в самих латиноамериканских странах способствовало усилению роли военных в политической жизни. К факторам такого рода, благоприятствующим возрастающей роли армии в политике, можно отнести острую борьбу за власть между буржуазными и мелкобуржуазными партиями, порождающую политическую нестабильность, усиливающую тяготение различных слоев населения к "сильной", "авторитарной" власти. Привли-

⁵ Здесь мы не рассматриваем место вооруженных сил в политической системе таких "традиционных" диктаторских режимов, как семейство Сомосы в Никарагуа, Трухильо в Доминиканской Республике. Армии в этих странах, созданные диктаторской кликой с помощью империализма, с самого начала превратились в своего рода преторианцев на службе у диктаторов, и не играли какой-либо самостоятельной роли. По словам испанского профессора Хесуса Галиндеа, долгое время жившего в Доминиканской Республике, ее армия представляет "оккупационную армию своей же собственной страны, просто-напросто орудие политического господства". — Galindez, Jesús de. *La era de Trujillo*. Santiago de Chile, 1956, p. 306. Однако впоследствии в доминиканской армии произошли сдвиги, которые привели к возникновению в ее рядах патристического течения.

легированные слои населения, буржуазно-помещичья олигархия, видели в ней эффективное средство подавления борьбы народных масс, стабилизации политического положения на консервативной основе.

В различных странах возникали теории о "мессианстве" армии, об "особой" роли военных каудильо, что находило благоприятный отклик в военной среде, особенно у молодого офицерства, которое в поисках более широких горизонтов для своей профессии, стремясь покончить с идиотизмом серой казарменной службы, видело главное средство достижения этой цели в активном участии армии в общественной и политической жизни. В то же время в этом процессе "раскрепощения" военных таилась та опасность, что он будет использован в корыстных целях политиками, авантюристами и честолюбцами в самих вооруженных силах. Этот противоречивый и сложный процесс удачно охарактеризовал в своей книге Виктор Уго Моралес, капитан венесуэльского военно-морского флота, активный участник патриотического движения военных: "Военный вышел из казармы, где он находился в положении своего рода социального остракизма, чтобы вести диалог, высказывать свое мнение и активно участвовать в национальной политике. Гражданское население, которое раньше по меньшей мере относилось к военным без чувства симпатии, теперь начало испытывать к ним уважение и даже симпатию. Прежде всего стало отходить в прошлое представление о вооруженных силах как о некоем едином институте, которым может по своей воле манипулировать высшее военное командование, находясь в услужении у очередного правительства. Военный, начав проявлять независимость суждений, почувствовал, что к нему начинают относиться как к личности. В то же время его начали усиленно обрабатывать те, кто хотел воспользоваться им в качестве важного фактора власти"⁶.

Глубокая противоречивость этой эволюции военных с особой очевидностью проявилась в годы пребывания у власти дик-

⁶ Morales V.H. Capitán de corbeta. Del Porteñazo al Perú. Caracas, 1971, p.23-24.

таторов-каудильо, правивших от имени вооруженных сил. Для идеологии этих режимов было характерно безудержное превозношение армии, которая объявлялась главной движущей силой истории, "становым хребтом" нации. "Существование армейского института определяет существование нации"⁷, — говорилось в одном из официальных венесуэльских изданий.

Заигрывая с армией, идеологи диктаторских режимов объявляли ее наследницей традиций войны за освобождение, а самих себя — продолжателями дела Боливаря и других руководителей освободительной борьбы испанских колоний прошлого столетия⁸.

Хотя диктаторы правили от имени всех вооруженных сил, на деле они ориентировались на поддержку узкой группы представителей военной верхушки, которую коррумпировали различного рода подачками и привилегиями. В годы пребывания у власти диктаторов возникла прослойка военных — бизнесменов, предпринимателей, представлявших привилегированный слой бюрократической буржуазии, тесно овязанный с государственным аппаратом. Так, в Венесуэле глава диктаторского режима генерал Перес Хименес назначал военных на прибыльные посты в государственных корпорациях, поощрял их участие в качестве акционеров во многих частных компаниях, как местных, так и иностранных. "Офицерам часто предоставлялась возможность получать побочные доходы", — писала о положении в Венесуэле "Нью-Йорк таймс"⁹. Диктатор Перу генерал Одриа позволял своим приближенным из числа военных выступать в роли "по-

⁷ Revista de la Guardia Nacional. Caracas, 1953, N 3, p.5.

⁸ В данном разделе диктаторские режимы рассматриваются только в плане позиции вооруженных сил. О политике и идеологии этих режимов см.: Шульговский А.Ф. Свержение диктаторских режимов в Латинской Америке (на примере Венесуэлы). — В об. Проблемы современной Латинской Америки. М., 1959; его же: Теория "демократического цезаризма" и венесуэльская действительность (социологические заметки). — В об. Венесуэла. М., 1967.

⁹ The New York Times, 1957, Aug., 4.

средников" в различного рода сделках, поощрял их самих создавать промышленные и торговые компании.

Быстрое обогащение военной верхушки происходило в Колумбии при режиме генерала Рохаса Пинильи. Часть вышедших офицеров стала крупными землевладельцами, скотопромышленниками, занялась бизнесом ^Ю.

Диктаторские режимы, стремясь привлечь на свою сторону офицерский корпус, строили фешенебельные клубы для военных, приобретали новое вооружение за рубежом, открывали все новые и новые военные училища. Однако прочно "интегрировать" вооруженные силы в политическую систему "цезаристских" режимов правящим кругам по сути дела так и не удалось. Они опирались, как уже оказано, на узкую группу вышей военной бюрократии, а также на различного рода организации политической тайной полиции, охранку, которые жестоко расправлялись с негодными диктаторам военными. Изощренной жестокостью при расправе с инакомыслящими отличалась, например, венесуэльская "служба национальной безопасности". Шпионская сеть "венесуэльского гестапо" — так называли тайную полицию в народе — охватывала и армию. "Отдельные попытки заговоров или даже слишком большое увлечение разговорами о политике пресекаются быстро и бесшумно", — писала "Нью-Йорк таймс", характеризуя деятельность "национальной безопасности" в вооруженных силах ^{II}.

Отсутствие доверия у диктаторских режимов к военным проявлялось и в том, что в рядах армии осуществлялась политика самого безудержного фаворитизма; назначения на командные посты производились не по соображениям профессиональной компетентности и деловым качествам, а в силу личной предан-

^Ю Бывший президент страны, противник режима, Гильермо Леон Валенсия публично заявил в 1957 г., естественно с изрядной долей демагогии, что колумбийская армия перестала быть армией освободителей, став армией скотопромышленников. Documentos políticos. Bogotá, 1967, N 67, p.33.

^{II}

The New York Times, 1957, Aug., 4.

ности диктатору, умения угождать сильным мира сего ¹².

Участие в армии в расправах над бастующими рабочими, студентами углубляло пропасть, отделяющую военных от широких слоев населения, усиливало антимилитариистские настроения ¹³. Все это не могло не заставить многих военных задуматься над той бесславной ролью, которую они должны были играть на службе у диктаторов, и побудить их искать пути выхода из глубокого кризиса, в котором оказались вооруженные силы. Эти поиски путей были весьма противоречивыми, поскольку неоднородными были и те течения в армии, которые стремились покончить с диктаторскими режимами. В армиях существовали патриотические группировки, которые, как это было в Венесуэле, вступали в контакты с демократической оппозицией диктатуре во имя создания единого антидиктаторского фронта. Именно эти патриотически настроенные военные активно содействовали падению диктаторского режима в результате народного восстания (январь 1958 г.). В Перу оппозиция ге-

---

¹² Как отмечал У. Моралес, диктатура Переса Хименеса проводила в армии политику самого неприкрытого фаворитизма по отношению к офицерам, "свободным от всяких подозрений".

Попытки же военных проявить самостоятельность мышления, отмежеваться от политики диктатуры расценивались идеологами террористического режима как проявления "поразительной неблагодарности". Например, официозная газета венесуэльской диктатуры "Эральдо" обрушилась на военных, которые осмелились выступать против режима. Называя их предателями, "Эральдо" негодовала по поводу того, что они выступили против своего "верховного вождя" (т.е. Переса Хименеса), который "возвысил" военных, снабдил новым оружием, что, по мнению газеты, за короткое время превратило армию в "образец организации и эффективности". — *El Heraldo. Caracas, 1958, 3 en.*

¹³

Перуанский публицист Виктор Вильянуэва, характеризуя отношение гражданского населения Перу к армии в годы диктатуры генерала Одря, пишет, что, например, после расправ со студентами в г. Арскипа враждебность к офицерам была настолько велика, что "все посетители кафе и ресторанов немедленно покидали их, как только туда входил офицер; то же самое происходило в трамваях и во всех общественных местах". Поэтому, по словам Вильянуэвы, офицеры, во избежание инцидентов, выходя на улицу, переодевались в гражданское платье. — *Villanueva V. 100 años del ejército peruano: frustraciones y cambios. Lima, 1971, p.135.*

нералу Одриа в рядах вооруженных сил, представлявшая весьма пестрый конгломерат взглядов и тенденций, воспрепятствовала сторонникам диктатора продлить существование режима путем проведения фальсифицированных президентских выборов. В. Вильянуэва отмечает, что для перуанских военных годы диктатуры генерала Одриа не прошли бесследно. Наиболее мыслящая часть армии, по его словам, постепенно начала осознавать причины враждебности народа к военным, который видел в них "цепного пса олигархии". Этим и объясняется постепенное усиление антиолигархических настроений в перуанских вооруженных силах¹⁴. Отказались вооруженные силы Колумбии поддержать генерала Рохаса Пинилью во время всеобщей забастовки в мае 1957 г. Консервативно настроенная часть офицерского корпуса, связанная с олигархическими кругами либеральной и консервативной партий, испытывала все растущее беспокойство перед "популистскими" экспериментами Рохаса Пинильи¹⁵. Военная верхушка опасалась также, как бы выдвинутый Рохасом Пинильей лозунг создания движения "третьей силы" на основе "единства армии с народом" при всей его риторичности и демагогичности не создал бы действительно реальные предпосылки для сближения военных с трудящимися массами. Для предотвращения этого процесса — а в армии, как подчеркивали колумбийские коммунисты, существовали патриотические течения — проолигархически настроенные вышние офицеры апеллировали к профессиональному чувству военных, внушая последним, что эксперимент с "третьей силой" приведет к ликвидации армии, замене ее рабочей милицией. Все эти факторы, а также разочарования патриотически настроенных военных диктаторскими методами правления Рохаса Пинильи, предопределили сплочение вооруженных сил, их отказ

¹⁴ Villanueva V. Op. cit., p. 135-136.

¹⁵ В своих выступлениях, особенно в последние два года правления, Рохас Пинилья призывал установить в стране режим "социальной справедливости", покончить с "индивидуалистическим", "элитарным" капитализмом.

поддержать генерала во время майской всеобщей политической забастовки (1957), в которой активное участие приняли и буржуазия, и олигархические круги.

Если вооруженным силам Венесуэлы, Колумбии, Перу о большим или меньшим ущербом для своего престижа и для ин-ституционального единства все же удалось "сохранить свое ли-цо", отказавшись от поддержки диктаторских режимов, то иная судьба постигла армии Парагвая и Кубы.

Парагвайская армия представляет собой яркий пример то-го, в каких тупиках моральной и профессиональной деградации могут оказаться вооруженные силы. Этот процесс деградации военных институтов в Парагвае связан с именем диктатора ге-нерала Стресснера, который захватил власть в 1954 г. С са-мого начала диктатура поставила в качестве одной из глав-ных политических целей—накрепко связать армию со своим ре-жимом, вытравить из сознания военных патриотические тради-ции. Эта политика облегчалась тем, что демократически наст-роенные военные были или физически уничтожены во время кро-вопролитной гражданской войны, или же изгнаны из вооружен-ных сил. Стресснер поставил во главе армии своих приближен-ных, связав их круговой порукой.

Как уже говорилось, диктаторские режимы благоприятст-вовали появлению "нового" типа военных, бизнесменов, пред-принимателей, образовавших влиятельную прослойку бюрократи-ческой буржуазии. Парагвайская диктатура проводила эту по-литику в особенно уродливых, гипертрофированных формах, при-дав ей явственно выраженные черты гангстеризма с его иерар-хией больших и малых боссов, наличием различных кланов, ма-фии. Особенно четко это проявилось в широком участии воен-ных в контрабандной экспортно-импортной торговле. В армии под вывеской воинских соединений существовали целые ганг-стерские кланы, в которых участвовали военные всех чинов и рангов. Так диктаторский режим стремился накрепко привя-зать к себе армию, коррумпировать ее, так сказать, на всех уровнях, полностью изолировать от народа. А антикоммунизм в его наиболее "пещерной" форме как бы освящал все престу-

пления диктатуры, ее преторианской гвардии в лице морально и профессионально деградировавших вооруженных сил.

Размышляя над относительной долговечностью военно-полицейского режима Строснера, нельзя не согласиться с советским исследователем С.И.Семеновым, который писал: "Преобладание патриархального и мелкотоварного уклада в экономике (в соединении с засильем местных и иностранных лати-фондий), значительная роль натурального хозяйства, политическая пассивность основной массы крестьян и традиционных средних слоев города, развитие торгового и ростовщического капитала в ущерб промышленному, неразвитость транспортной системы — все эти черты социально-экономической жизни порождают соответствующую политическую надстройку в виде традиционных авторитарных диктаторских режимов".¹⁶

К этим факторам и причинам следует добавить разобщенность и раздробленность оппозиционных диктатуре сил, отсутствие сколько-нибудь явно выраженного сопротивления политике антинародного режима в рядах армии.¹⁷

Не менее ярким примером в этом плане может служить судьба кубинской армии.

Гибель старой кубинской армии стала предметом острых политических и идеологических споров и дискуссий, фальсификаций со стороны антикоммунистов, поводом для выдвижения сектантских, авантюристических лозунгов ультралевыми. О причинах ликвидации старой кубинской армии раздумывали представители различных течений в вооруженных силах латиноамериканских стран. Свою принципиальную позицию по этой проблеме высказывали коммунисты.¹⁸ Такой пристальный, острый интерес

---

¹⁶ Семенов С.И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1971, с.279.

¹⁷ Попытки выступления военных против диктатуры подавлялись крайне жестоко. Так, после подавления антидиктаторского выступления военных столичного военного округа в декабре 1962 г. большинство руководителей было подвергнуто пыткам, а потом расстреляно.

¹⁸ О сути этих споров подробнее см. в заключительной главе.

к судьбам кубинской армии был далеко не случаен: в различии подхода к этой проблеме проявлялись зачастую антагонистические позиции относительно оценки места и роли вооруженных сил в обществе, в освободительных процессах.

Поэтому в этом разделе необходимо хотя бы вкратце остановиться на характере причин, приведших к развалу старой кубинской армии, позиции в отношении к ней кубинских революционеров во главе с Фиделем Кастро.

***

Враги кубинской революции утверждают, что ликвидация батистовской армии — де свидетелствует о враждебности революционеров к армии как особому профессиональному институту, их "органической" неприязни к офицерскому корпусу. В руки антикоммунистов "дополнительные" аргументы дают ультралевые, которые, искаженно трактуя кубинский опыт, выступают с позиции "вульгарного антимиитаризма", объявляя себя врагами вооруженных сил. Однако истинный, не фальсифицированный — сознательно или бессознательно, в данном случае неважно, — кубинский опыт свидетелствует об ином. Ликвидации старой кубинской армии в первую очередь способствовали многие своеобразные черты ее развития, которые с самого зарождения армии в огромной степени деформировали ее как профессиональный институт, обусловили ее особую предрасположенность к милитаризму. В решающей степени это объяснялось самим генезисом кубинской армии. Дело в том, что она ведет свое, так сказать, родословную не от легендарной освободительной армии, созданной Марти, Гомесом в конце прошлого века для борьбы с испанским господством, а, по сути дела, от таких наемных, антинародных военизированных соединений, как сельская гвардия, созданная вскоре после роспуска патриотической армии в начале XX в. Из кадров этой сельской гвардии, куда шли деклассированные элементы, карьеристы и честолюбцы, формировалась старая кубинская армия. Именно в сельской гвардии начинал свою военную карьеру будущий диктатор Фульхенсио Ба-

тиста, сыгравший столь зловещую роль в истории страны.

Выдвинувшись на первые роли в армии в начале 30-х годов после падения диктатуры Херардо Мачадо, Батиста своей политикой способствовал усугублению всех негативных антинародных, милитаристских черт, которые были присущи кубинской армии 19.

Захват власти Батистой от имени вооруженных сил оказал на последние разлагающее влияние. Батиста отремился сделать армию соучастницей своих преступлений, связать военных круговой порукой участия в борьбе против народа. Армию разъедала коррупция, фаворитизм, во главе ее стояли бездарные, продажные генералы, принадлежавшие к батистовской мафии. Честные, патриотически настроенные офицеры, несмотря на профессиональные качества, изгонялись из армии, замещались людьми бездарными, беспринципными, но зато пресмыкающимися перед тираном.

Милитаристские, антинародные черты батистовской армии отчетливо проявились во время кровавой расправы с революционерами, которые 26 июля 1953 г. штурмовали казармы Монкада. Эти преступления военщины заклеил в своей знаменитой обвинительной речи "История меня оправдает" Фидель Кастро 16 октября 1953 г. Это была не только речь, обличающая соучастие армии в преступлениях диктатуры, но и призывающая всех честных военных выступить против тиранического режима, отмежеваться от его политики. "Но я хочу быть прежде всего справедливым, - говорил Фидель Кастро, - поэтому я не могу считать всех военных ответственными за преступления. Эти гряз-

---

19 Известный кубинский историк Хосе А. Табарес так описывает жизненный путь диктатора: "Не испытывая угрызений совести, беспринципный, стремящийся к власти, жадный и окупой, не преследуя иной цели, как удовлетворение своих потребностей, Батиста появился на сцене общественной жизни 4 сентября 1933 г. и быстро перешел на службу к тем, кто мог платить ему больше. Он был прямым виновником убийстве тысячи кубинцев и установления жестокой диктатуры, руководимой им. В 1944 г. бывший пидий сержант был уже мультимиллионером. Безграничное честолюбие привело его при содействии армии к власти и на службу Вашингтону в 1952 г." - Х.А. Табарес. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М., 1974, с. 248.

ные дела и этот позор являются делом рук нескольких предателей и злодеев. Но каждый честный и достойный военный, любящий свое дело и уважающий свой мундир, обязан потребовать и бороться за то, чтобы были смыты эти позорные пятна, чтобы обман был разоблачен, чтобы виновные были наказаны, если они не хотят, чтобы принадлежность к армии означала вечный позор, а не гордость" 20.

В речи Ф.Кастро с большой силой и глубиной была разоблачена политика диктатуры, разлагающая армию, унижающая человеческое достоинство самих военных. "Множество старых бездарных военных, — говорил Ф.Кастро, — уволенных ранее из вооруженных сил, заняли высокие посты в армии, закрыв туда доступ способным и боевым молодым людям. Способных офицеров не замечали, в то время как по отношению к родственникам и приближенным выших военных чинов в армии господствовал самый скандальный фаворитизм... С другой стороны, военные еще больше страдают от тирании, чем гражданские лица. За ними ведется постоянная слежка, и никто из них не уверен, что удержится на своем посту. Любое несправедливое подозрение, всякая интрига, какой-нибудь наговор, — и этого достаточно, чтобы их сняли с должности, изгнали или подло бросили в тюрьму" 21.

Иными словами, речь Ф.Кастро была далека от "антимилитаристской" вражды к армии в целом, как это пытались утверждать батистовские прихвостни, устроившие судилище над революционерами.

Такой была позиция Ф.Кастро и его сторонников в 1953 г. Такой она оставалась и в последующие годы, когда Повстанческая армия вступила в открытую схватку с диктаторским режимом. Кубинские революционеры неизменно подчеркивали, что они борются не вообще против людей, одетых в военную форму, а против диктатуры, которая использует их в качестве орудия подавления борьбы кубинского народа. Этим-то объясняется

20 Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960, с.36.

21 Там же, с.37.

исключительная гуманность, благородство обращения Повстанческой армии с военнопленными, терпеливое разъяснение всем честным, но обманутым батистовской армии военным целей и задач революционной борьбы.

Убедительным примером такой политики Фиделя Кастро, всех кубинских революционеров может служить история с окружением в июне 1958 г. крупного соединения батистовских войск Повстанческой армией. Во избежание ненужного кровопролития Ф.Кастро обратился с посланием к командиру соединения капитану Хосе Кеведо Пересу с предложением одаться на почетных условиях. "Мы ведем войну не против армии, - говорилось в послании, - мы объявили войну тирании. Мы не хотим убивать солдат, и поэтому у нас вызывает чувство сожаления смерть каждого кубинского солдата, который погибает, защищая не-правое, постыдное дело" ²².

Небезынтересно отметить, что после того, как Кеведо Перес вместе со своим соединением сложил оружие, он перешел на сторону повстанцев, а впоследствии активно включился в строительство новой революционной кубинской армии. Такой путь бывшего офицера батистовской армии был не случаен. Он свидетельствовал, как пишет сам Кеведо в своих воспоминаниях, о постепенном процессе прозрения честных военных, которые все яснее начинали понимать, в какую пропасть толкал их антинациональный режим ²³.

Успехи Повстанческой армии способствовали углублению кризиса батистовской армии, которая разлагалась. В этом отношении весьма знаменательным был отказ крупного военного гарнизона в г.Сантьяго-де-Куба оражаться против Повстанческой армии накануне падения диктатуры. В руках народа оказалось большое количество военной техники и снаряжения. Переход воинских соединений на сторону народа означал, по сути дела, развал старой батистовской армии, что ставило на пове-

²² Comdte José Quevedo Pérez. La batalla del Jique. La Habana, 1971, p.85.

²³ Ibid., p.82-83.

отку дня создание уже новой революционной армии, стоящей на защите интересов народа, его революционных завоеваний. Именно об этой новой армии говорил в своем выступлении 2 января 1959 г. в Сантьяго-де-Куба Ф.Кастро, когда подчеркивал: "Вооруженные силы Республики станут в будущем образцовыми с точки зрения своей профессиональной подготовки, боеспособными в силу своего полного единения с интересами народа, ибо оружие отныне и навегда будет исключительно на службе у народа" ²⁴.

Все это говорит о том, что старая кубинская армия прекратила свое существование не в результате каких-то "дьявольских козней" революционеров, их "ортодоксальной" вражды к профессиональной армии, а в результате революционного свержения диктатуры, с которой тесно была связана батистовская армия.

Надо отметить, что судьба, которая постигла старую кубинскую армию, имела своего рода прецедент в лице боливийской армии. Во время народного вооруженного восстания в апреле 1952 г. старая боливийская армия фактически перестала существовать.

Такой судьбе этой армии способствовала вся ее предшествующая эволюция, к началу 50-х годов фактически превратившая вооруженные силы Боливии в конгломерат соперничающих фракций и группировок, приведшая их в политический тупик.

В течение долгого времени боливийская армия являла собой классический пример армии, стоявшей на страже интересов буржуазно-олигархических группировок. "Тот порядок, который защищала армия, был навязан олигархией, владевшей горнодобывающей промышленностью с целью эксплуатации страны" ²⁵, говорил генерал Хуан Хосе Торрес, представитель прогрессивного крыла вооруженных сил.

---

²⁴ Discursos de Dr. Fidel Castro Ruz comandante del ejército rebelde 26 julio y primer ministro del Gobierno revolucionario. La Habana, 1959, p.93.

²⁵ El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo. Cochabamba, 1970, p.200.

Война 1932–1935 гг. между Боливией и Парагваем, за опи-
ной которых стояли империалистические державы, чрезвычайно
обострила кризис олигархического господства в стране, что
отразилось на позиции армии. В ее рядах усилилась борьба
между различными течениями, происходила быстрая политизация
офицерского корпуса. "Представители различных течений в ар-
мии, — говорил Торрес, — начали задумываться над политиче-
скими вопросами, понимая, что их долгом является выдвижение
новых социальных идей в национальных интересах, а также ак-
тивное участие в их претворении в жизнь. Проблемы националь-
ной экономики и улучшение жизни нуждающихся слоев населения,
о чем никогда не задумывались традиционные партии, стали
привлекать внимание военных, которые только что вышли из
окопов" ²⁶.

Рост патриотических настроений в рядах армии привел к
созданию правительства под руководством сначала полковника
Торро, а затем полковника Буша. В 1936–1939 гг. была нацио-
нализирована собственность "Стандард ойл компани", установ-
лен государственный контроль над финансовыми операциями оли-
гархии. Однако сопротивление олигархии, опиравшейся на кон-
сервативные круги в армии, воспрепятствовало углублению ан-
тиимпериалистических и антиолигархических преобразований в
стране. Проолигархические военные круги, апеллируя к лозун-
гу "аполитичности" армии, вновь выдвинулись на первый план.

Обострение противоречий в рядах армии, подъем освободительного движения в стране привели к свержению в 1943 г.
правительства генерала Пеньяранды, прославившегося жестокими
расправами о трудящихся ²⁷. К власти пришла группа воен-
ных во главе с майором Гуальберто Вильярроэлем, принадле-
жавших к националистической армейской ложе "Право отечест-
ва" (РАДЕНА). Выступая в союзе с только что созданной мел-
кобуржуазной партией Националистическое революционное дви-
жение, правительство Вильярроэля предприняло шаги, направ-

²⁶ El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo, p.201.

²⁷ В 1942 г. он устроил кровавую бойню горняков.

ленные на экономическое освобождение страны, на улучшение положения трудовых слоев населения.

Заговор реакции, олиравшейся на правые круги армии, деклассированные слои населения, сектантские левацкие организации, привел к овержению режима Вильярроэля, его трагической гибели. Все эти события углубили кризис в вооруженных силах, привели к еще большему их расколу. Так, во время гражданской войны 1949 г. часть армии сражалась на стороне трудящихся, в то время как другая часть поддерживала олигархические группировки. Создание в 1951 г. военной хунты было последней отчаянной попыткой олигархии сохранить господство, прикрываясь армией, словно щитом. Народное восстание в апреле 1952 г., которое было поддержано прогрессивно настроенной частью армии, привело к падению военной хунты, разгрому воинских частей, выступивших на ее стороне.

Во многом иной характер носила эволюция гватемальской армии, которая стала орудием в руках контрреволюции, свергнувшей в июне 1954 г. патриотическое правительство полковника Хакобо Арбенса. В этой стране (с 1944 по 1954 г.) развивался освободительный, антиолигархический процесс, который приобретал все более глубокий характер²⁸. По мере развития гватемальской революции армия все более превращалась в консервативную силу, противопоставлявшую себя освободительному процессу. В дни народного восстания в октябре 1944 г. вместе с трудящимися и студенчеством против диктатуры выступили патриотически настроенные военные во главе с Х.Арбенсом. При их активной поддержке в стране был установлен буржуазно-демократический режим, который возглавил президент Хуан Хосе Аревало, человек либерально-реформистских взглядов. Сторонник так называемого сивилизма, т.е. гражданских форм правления, он

---

²⁸ Подробнее о гватемальской революции, ее этапах, движущих силах, достижениях и просчетах см.: Россотто Х.Д. Характер гватемальской революции. М., 1962; Тсриэль Г. Битва за Гватемалу. М., 1956.

придерживалоя теории "аполитичности" армии, ее невмешательства в политику.

Аревало и его сторонники считали, что гватемальская армия как бы автоматически будет защищать демократический строй. При этом они осылались на участие военных в овержении диктатуры как якобы гарантию неизменности такой позиции армии. Действительность, однако, была далека от такого прекраснодушия либералов. Хотя народное восстание и привело в октябре 1944 г. к изгнанию из армии наиболее одиозных элементов, связанных с диктатурой, ее не затронул по сути дела общий процесс демократизации страны. Само участие в освободительных процессах представителей офицерского корпуса, его наиболее многочисленной части — младшего офицерства, было далеко неоднозначным.

"Нельзя отрицать, что значительная часть младшего офицерского состава с растущей симпатией наблюдала за борьбой, возглавленной студентами и преподавателями. Некоторые из них в знак протеста потребовали своего увольнения из армии, — пишет Хайме Диас Россотто, видный участник гватемальской революции. — Это не означает, однако, что весь младший офицерский состав был охвачен революционными настроениями. Более того, многими из них двигало честолюбие и желание выдвигнуться. С самого начала вмешательство военных в политические события 20 октября носило двойственный характер, неоднократно повторяемые заверения в своих демократических убеждениях и, что самое главное, их сотрудничество, выразившееся в передаче народу оружия, — вот что подготавливало почву для последующих песнопений в честь демократизации армии" ²⁹.

В Гватемале "автономность", "аполитичность" армии была специально закреплена в конституции, которая в целях придания большего веса этому принципу изымала функции главнокомандующего у президента, вводила специальную должность командующего вооруженными силами.

В условиях развития освободительного процесса такая "автономность" армии содействовала все большему ее обособ-

²⁹ Россотто Х.Д. Указ.соч., с.68.

лению, росту консервативных настроений в ее рядах, все более широкому распространению среди военных убежденности в их мессианской роли. Пока освободительный процесс в стране не выходил за рамки буржуазно-либеральных реформ, негативные тенденции в эволюции армии не были так заметны. Военные, выходя из мелкобуржуазных слоев, повышали свой "социальный статус" в условиях расширения возможностей для "социальной мобильности" в гватемальском обществе. Более того, происходило обогащение представителей офицерского корпуса, многие из которых становились крупными землевладельцами.

Нет ничего удивительного в том, что углубление освободительного процесса в стране, что проявилось прежде всего в осуществлении аграрной, антиимпериалистической реформы правительством Арбенса (вступил на пост президента в 1951 г.), усилило антидемократические настроения в армии. С еще большей настойчивостью консервативные элементы в ее рядах апеллировали к тезису об "автономности", "аполитичности" армии. "Аполитичность" в конечном счете была ловко использована в качестве оружия оппортунизма, — подчеркивает Россетто. — Это служило армии оправданием неучастия в борьбе, которую вели рабочие и крестьяне, предоставляло ей свободу рук для защиты личных интересов... Таким образом, за такой "аполитичностью" скрывалось вполне определенное политическое кредо. С каждым разом все с большей очевидностью интересы армии противопоставлялись интересам народа. "Честь" армии прежде всего и превыше всего! Армия не желала делить свои функции с кем бы то ни было.

Так камень за камнем воздвигалась та стена, которая превратила армию в орудие империализма и внутренней реакции. Контроль армии над правительством стал неизбежным. Как могло случиться, что армия стала дамочным мечом революции? Это произошло потому, что имела место идеализация армии, которая должна была якобы стоять вне политики и быть как бы самоцелью. Мы уже видели, что армия не может быть самоцелью.

Она есть средство, причем главным образом средство именно политическое" ³⁰.

Свержение в июне 1954 г. правительства Арбенса совместными усилиями империалистических наемников и заговорщиков в рядах армии поставило как бы последнюю точку в ее эволюции в сторону контрреволюции.

Гватемальский опыт приобретает немалое значение в свете последующих контрреволюционных выступлений вооруженных сил в ряде других латиноамериканских стран, прежде всего в Чили. Этот опыт показал, что тезис об "автономности" армии, ее "чистом профессионализме", даже при наличии патриотических течений в ее рядах, в конечном счете содействует ослаблению этих течений и создает благоприятные возможности для усиления контрреволюционных настроений в вооруженных силах, что может сыграть наруку реакции.

Единственный эффективный путь превращения армии в важный элемент освободительно-революционных процессов состоит в сближении ее с народными массами, последовательной и глубокой демократизации. К обратным результатам приводят и попытки чисто формально включить армию вместе, скажем, с профсоюзами в политическую систему, которую можно назвать популистско-националистической. И в этом случае происходит в конечном счете процесс "автономизации" вооруженных сил, что приводит к разрушению существующей политической системы. Убедительное тому свидетельство — перонистский режим в Аргентине.

В 1946 г. в результате победы на выборах президентом Аргентины стал полковник Хуан Доминго Перон. Стиль его политического руководства характеризовался персонализмом, харизматическими чертами, апелляцией к массам, т.е. популизмом. Сам этот термин довольно приблизительно и условно отражает суть этого социального феномена, поскольку речь идет о таком явлении, которое характерно тем, что в силу определенных конкретно-исторических условий и обстоятельств националистически настроенной буржуазии удается, хотя бы на вре-

³⁰ Россотто Х.Д. Указ.соч., с.139.

мя, увлечь за собой, "мобилизовать" под "надклассовыми" националистическими лозунгами политически неопытные массы. Последние еще были связаны с сельскими районами, далеко еще не освободились от груза патерналистских, каудильистских иллюзий и стереотипов. В то же время для этих слоев населения, которые пополняли собой ряды быстро растущего аргентинского пролетариата, были характерны антиолигархические настроения, стремления к социальной справедливости, равенству. Уже сама по себе такая социальная опора перонизма таила возможности обострения социальных, классовых противоречий, кристаллизации различных центробежных тенденций в политической системе.

Показательна в этом плане эволюция аргентинских вооруженных сил, которые от поддержки перонистского режима перешли к открытой оппозиции ему, стали орудием в руках враждебных перонизму сил. С тех пор как в 1930 г. правонационалистически настроенный генерал Урибуру, опираясь на армию, совершил государственный переворот, вооруженные силы стали одним из важнейших, постоянно действующих факторов политической жизни страны, все больше приобретая в условиях углубляющегося кризиса традиционных структур относительную самостоятельность и автономность.

Военный государственный переворот 4 июня 1943 г., совершенный под руководством тайной военной ложи "Группа во имя единства" (ГΟΥ), с особой очевидностью показал претензии вооруженных сил на гегемонию в политической жизни. В то же время переворот 1943 г. обнажил острые противоречия в армии. В ее рядах существовали как ультранационалистические, даже профашистские течения, представители которых стремились установить в стране корпоративистский режим, так и течения патриотические, антиимпериалистические. Именно в такой обстановке непрочного, неустойчивого "институционального единства" армии на политическом небосклоне страны начала восходить звезда полковника Перона, который в борьбе со своими противниками занимал все более высокие государственные посты, обеспечивающие ему широкие контакты с массами, укреплял свои позиции среди трудящихся, умело нейтрализовал оп-

позицию в рядах армии, вербуя себе сторонников в вооруженных силах. В лице последних Перон отремился найти прочную опору своему режиму, превратить их в орудие своей политики, "интегрировать" в создаваемую им популистскую систему. Ряд факторов благоприятствовал успеху такой политики. Военных с их враждой к "профессиональным политикам", к институтам "представительной демократии" привлекали перонистские лозунги отказа от прежней, "либеральной" модели государства, ликвидации традиционной политической системы с помощью вооруженных сил ³¹.

Военным импонировали также провозглашенные Пероном лозунги борьбы за экономическое освобождение страны, важным компонентом которой объявлялась политика индустриализации страны, укрепление ее военно-промышленного потенциала ³². Не могло не вызвать одобрения у военных и то обстоятельство, что перонистский режим уделял большое внимание модернизации вооруженных сил, увеличению их численности. К 1955 г. численность вооруженных сил по сравнению с 1930 г. увеличилась в 3 раза. В сухопутных войсках к концу перонистского режима насчитывалось 100 тыс. человек, в военно-морском флоте — 22 тыс., а в военно-воздушных силах — 15 тыс. ³³. Резко увеличилась численность офицерского корпуса (свыше 5 тыс. человек), что достигалось путем облегчения условий поступле-

---

³¹ В одном из своих выступлений перед представителями вооруженных сил в июне 1950 г. Перон заявил: "Наша страна, созданная ее генералами, освобожденная ее генералами, руководимая ее генералами и ныне возрождаемая ее генералами, дает миру пример подлинной ценности нашего военного института, основанного на принципах чести, порядочности и доблести". — *Aportes. Paris, 1971, N 19, p.77.*

В этой же речи, противопоставляя военных "политикам", он заявил, что последние, начиная "со времени Сан-Мартина, только и делали, что чернили военных людей".

³² Именно в годы перонистского режима под руководством генерала Савио, патриота и антиимпериалиста, закладывались основы национальной металлургической промышленности, создавался сильный государственный сектор.

³³ *Argentina 1930-1960. Buenos Aires, p.174.*

ния в военные училища представителям непривилегированных слоев населения.

Поддержка частью военных перонистского режима объяснялась в определенной степени и их сочувствием бедственному положению трудящихся масс, стремлением облегчить их участь. Иными словами, позиция, занятая вооруженными силами в первый период существования перонистского режима, свидетельствовала о наличии, пусть весьма противоречивых, далеко еще не оформившихся, тенденций к сближению с народными массами, к поддержке борьбы за экономическое освобождение. Однако они не получили развития. Вооруженные силы постепенно все больше становились в оппозицию к перонистскому режиму, проявляли все более открытую враждебность к трудящимся массам, вступая в острую конфронтацию с профсоюзами. Причины усиления таких негативных тенденций в позиции вооруженных сил немало. Перонистское руководство не смогло выработать эффективную политику, способную превратить вооруженные силы в гаранта и оплот национального суверенитета, антиимпериалистических преобразований. В соответствии со своей популистской политикой, основанной на манипулировании различными социальными силами, перонисты пытались "интегрировать" армию в свою политическую систему путем ее "доктринизации" в перонистском духе, нередко прибегая к явным нарушениям норм деятельности военных институтов, насаждая в рядах армии фаворитизм, верноподданические настроения. При этом, стремясь подавить сопротивление этой политике в рядах вооруженных сил, руководители режима пытались противопоставить одни группировки военным другим, сержантский состав — офицерскому. Нередко перонистские руководители, особенно из числа профлидеров, выступали с лозунгами создания рабочей милиции, которая-де сможет заменить собой профессиональную армию.

Все эти факторы усиливали напряженность в отношениях между перонистским режимом и армией, что активно использовали в своих интересах реакционные силы как в самих вооруженных силах, так и вне их рядов. Они не без успеха апеллировали к высказываниям некоторых перонистских лидеров, что-

бы восстановить военных против рабочих, представить последних противниками армии, врагами национальных интересов ³⁴.

На рост антиимпериалистических настроений в армии в более общем плане оказывали влияние политические позиции средних слоев населения, из представителей которых в своем большинстве формировался офицерский корпус.

Связанные с институтами "либеральной демократии", они воспринимали харизматические, популистские методы руководства массами, государственным делом как разрушение "демократии", посягательство на свободу. Апелляция перонистского руководства к пролетариату расценивалась ими как стремление подорвать их социальный статус, уравнивать с лицами наемного труда, что воспринималось ими как катастрофа, ведущая на дно "пролетаризации". Надо сказать, что демагогические декларации профсоюзных лидеров о "синдикалистском государстве" в немалой степени способствовали росту антипролетарских настроений среди средних слоев, облегчали деятельность латифундистско-олигархической реакции, стремившейся расширить свою социальную базу для борьбы с перонизмом.

В 1954-1955 гг. социальные, классовые противоречия достигли пика своей остроты. Непрочное равновесие социальных сил, которое давало перонизму возможности для маневрирования, явно нарушалось, что приводило к эрозии режима. Все с большей решимостью аргентинский пролетариат заявлял о своих классовых правах. Однако его борьба неслла на себе печать влияния экономизма как следствие влияния профсоюзной бюрократии, и это изолировало рабочий класс от других слоев населения, стимулировало у последних рост антипролетарских настроений. В свою очередь, поддерживавшие перонизм слои

---

³⁴ Незадолго до падения перонистского режима в рядах армии распространялся памфлет, в котором утверждалось, что создание рабочей милиции будет означать первый шаг на пути к "синдикалистскому государству", в рамках которого произойдет коренная ломка и чистка армии, с целью превращения ее в послушное орудие перонистов. — Goldwert M. *Democracy, Militarism and Nationalism en Argentina 1930-1966*. Austin — London, 1972, p.132.

местной буржуазии проявляли все меньшее желание связывать с ним свою судьбу, выступая против усиления роли рабочего класса, опасаясь установления "синдикалистского государства". Постепенно в стране создавался широкий антиперонистский фронт, ударной силой которого стала армия. В рядах вооруженных сил было достигнуто институциональное единство, т.е. возобладало стремление к профессиональному корпоративизму. Этому процессу содействовало резкое обострение отношений между армией и профсоюзными лидерами, которые открыто поставили вопрос о создании рабочей милиции. Сыграл свою роль и острый конфликт между католической церковью и перонизмом, который усилил антиперонистские настроения среди военных-католиков. Уступки перонистского режима американским нефтяным компаниям вызвали недовольство среди патриотически настроенного офицерства. Все это привело к тому, что вооруженные силы как единое целое выступили в сентябре 1955 г. против перонистского режима, вынудив Перона отказаться от власти. Наступил новый период в истории Аргентины, когда вооруженные силы, превращаясь в один из определяющих факторов политического развития страны, все активнее втягивались в борьбу по вопросу об альтернативах общественного развития.

Сложный, противоречивый процесс политизации вооруженных сил, развертывавшийся в разгар "холодной войны" (конец 40-х - первая половина 50-х годов), при всей специфичности национальных условий отдельных стран, выявил ряд общих черт и тенденций. Прежде всего, все более отчетливо и явно проявлялся рост относительной самостоятельности, "автономности" вооруженных сил в обществе. Одним из существенных проявлений этого процесса была тенденция к институциональному единству вооруженных сил. Именно это обстоятельство предопределило тот факт, что данный процесс нередко внешне приобретал характер тенденции к совершенствованию профессионального облика армии. Но в своих глубинных проявлениях он отражал усиление политической роли военных, их стремление играть все более весомую роль в обществе. Отсюда и апелляция различных группировок военных, зачастую враждебных друг

другу, к единству вооруженных сил, к сохранению их особого, профессионального облика. Советский исследователь Р.Э.Севортян, опираясь на опыт стран современного Востока, так характеризует причины приверженности военных к институциональному единству, которое в общем имеет место и в Латинской Америке: "Поляризация сил в национальной армии могла бы стать причиной обострения взаимоотношений и противоречий между различными офицерскими группировками. Однако она всегда протекала в рамках института, в котором единство рассматривается в качестве обязательного условия его существования. Армия — это не клуб, в котором тот или иной лидер имеет право собрать сторонников и выделиться в отдельную организацию. Не случайно любая офицерская фракция, не огласившая о политике армейского руководства или о существующей власти, выступает от лица всей армии, так же как, впрочем, и ее противники. Армия должна быть всегда единой, руководствоваться строгой дисциплиной, соблюдать субординацию. Таково уж ее существо, как и любой другой государственной организации. В то же время это свойство как раз и позволяет ей стать гораздо более стабильным классовым институтом" ³⁵.

Все более явно выраженная тенденция к институциональному единству, рост относительной самостоятельности армии достаточно четко очертили рамки и масштабы влияния социального происхождения военных — в данном случае речь идет прежде всего о резком увеличении мелкобуржуазной прослойки в офицерском корпусе — на их политические позиции, идейные взгляды. Хотя этот фактор и играл определенную роль, он, однако, находился в подчиненном положении, завися от той политической ориентации, которую приобретает процесс такого единства, обладающий своим механизмом воздействия на позицию военных, своей внутренней логикой развития.

С особой ясностью эти процессы в вооруженных силах проявились в условиях обострения и углубления социально-экономического и политического кризиса латиноамериканских стран.

---

³⁵ Севортян Р.Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973, с.85.

Армия перед выбором

Подъем освободительного, антиимпериалистического движения, начавшийся в Латинской Америке со второй половины 50-х годов, существенно изменил ситуацию в регионе. Падение ряда проимпериалистических диктаторских режимов означало поражение наиболее экстремистских группировок в лагере сторонников "холодной войны", антикоммунистической реакции. Особенно тяжелый удар по позициям воинствующей реакции нанесла победа кубинской революции, которая своими глубокими преобразованиями показала несостоятельность теории "географического фатализма", продемонстрировала большие возможности освободительного движения в Латинской Америке. Все это делало явным анахронизмом прежнюю латиноамериканскую политику США, ориентирующуюся на наиболее консервативные силы стран континента.

"Победа революции на Кубе и борьба народов, — говорится в Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Гавана, июнь 1975 г.), — заставили вашигтонских правителей прибегнуть к использованию других путей и методов для поддержания своего господства в Латинской Америке, империализм решил создать "Союз ради прогресса" ³⁶.

Американская пропаганда, широко рекламируя "Союз ради прогресса", не скрывала, что США пошли на принятие такого рода сверхсрочной программы прежде всего в результате резкого подъема антиимпериалистического, освободительного движения в латиноамериканских странах, который был вызван победой кубинской революции.

---

³⁶ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм. Декларация Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшегося в Гаване с 10 по 13 июня 1975 г. М., 1975, с.20.

Какими же методами и средствами намеревались инициаторы "Союза ради прогресса" добиться своих целей? Они широко-вещательно заявляли, что в странах Латинской Америки экономическое развитие должно идти рука об руку с социальными преобразованиями. С этой целью предусматривалось осуществление аграрной, налоговой и других реформ.

Для претворения в жизнь целей "Союза" правящим кругам США понадобилось совершить своеобразную переоценку ценностей в том, что касалось их союзников в латиноамериканских странах. Союзники из лагеря реакционной латифундистской олигархии и ее клиентура настолько себя окомпрометировали, что опора на них могла принести американским правящим кругам лишь большие неприятности и никаких выгод. Поэтому в качестве союзника американская пропаганда начала шумно рекламировать представителей "среднего класса", которому, по ее уверению, принадлежало будущее в Латинской Америке. По утверждению идеологов "Союза", этот "средний класс" и его партии — "демократическая левая" (по их терминологии) — должны стать решающим фактором модернизации латиноамериканских стран в рамках "представительной демократии".

"Героями" американской пропаганды стали такие лидеры латиноамериканского национал-реформизма, как перуанец Айа де ла Торре, венесуэлец Бетанкур и другие политики, известные своим апологетическим отношением к империализму, ярким антикоммунизмом, враждой к революционным силам³⁷.

Одновременно с пересмотром тактики в латиноамериканской политике США изменения вносились и в военную политику. С конца 50-х годов правящие круги США стали все более явно отходить от своей доктрины "внеконтинентальной агрессии", заменяя ее доктриной "внутреннего фронта", "контрреволюционной" или "антипартизанской" войны. В какой-то степени

---

³⁷ Подробнее о политике "Союза ради прогресса", о его идеологии см.: Матлина А.А. Критика концепции "мирной регулируемой революции" для Латинской Америки. М., 1971; Шульговский А.Ф. В поисках идеологического компаса. — "Международная жизнь", 1963, № 7-8.

отказ от прежней доктрины, типичного порождения "холодной войны", означал косвенное признание идеологами правящих кругов США неэффективности, несостоятельности лозунгов об угрозе "внеконтинентальной" агрессии со стороны "международного коммунизма". Этот отказ в то же время свидетельствовал о невозможности осуществлять контроль над вооруженными силами стран Латинской Америки, апеллируя к прежней военной доктрине уже в силу хотя бы быстрого процесса политизации армии, стремления военных играть более активную роль в жизни своих стран.

По расчетам вдохновителей новой военной политики США, вооруженные силы этого региона должны были ликвидировать угрозу "внутренней агрессии", вести "антипартизанскую" войну. "Отсутствие сколько-нибудь значительной внешней угрозы нашему полушарию, - писал военный министр США Макнамара, - помогло нам сконцентрировать усилия всех стран-участниц Договора Рио-де-Жанейро на проблеме вооруженного восстания, необходимость ликвидации которого все признают"³⁸. В соответствии с этим в Латинской Америке при активном участии американских военных миссий начала осуществляться перестройка вооруженных сил путем придания им большей "мобильности", создания антипартизанских соединений, отрядов "командос" и т.д. Вооруженные силы оснащались специальным оружием, поставляемым из Соединенных Штатов. В армиях стран Латинской Америки появились новые разведывательные самолеты и бомбардировщики, вертолеты, легкое стрелковое оружие, новейшая полевая рация и даже "антипартизанский" легкий танк.

В самой новой военной доктрине, ее практической реализации потенциально были заложены возможности противоречий между США и вооруженными силами латиноамериканских стран. Речь шла о противоречиях двоякого рода. Ориентация вооруженных сил на борьбу с освободительным движением, иными словами, придание им полицейских функций порождало, как показало дальнейшее развитие событий, недовольство в их рядах,

---

³⁸ Mc.Namara R.S. The Essence of Security. N.Y., 1968, p.30.

способствовало возникновению патриотических течений. В то же время попытки установления контроля США над вооружением латиноамериканских армий не могли не вызвать недовольства в военных кругах как в силу чисто профессиональных причин, так и в результате стремлений к большей независимости в области военной политики.

Новое в военной политике США заключалось и в том, что речь шла о включении вооруженных сил стран Латинской Америки в качестве важного фактора в политическую стратегию "Союза ради прогресса". Армии латиноамериканских стран, по расчетам идеологов "новых рубежей", должны были выступать как бы в двух лицах. Перед ними ставилась задача обеспечить проведение реформ в условиях "стабильности" и "порядка", что ориентировало армию на борьбу с "экстремизмом" на "внутреннем фронте". В то же время идеологи "Союза ради прогресса" выдвинули тезис о модернизаторских функциях вооруженных сил. Аргументируя необходимость пересмотра традиционной военной доктрины, Макнамара, например, выступил против "статичного" понимания концепции национальной безопасности. "В развивающихся странах, - провозглашал он с претензией на афористичность, - национальная безопасность означает развитие"³⁹.

Однако и в такой интерпретации роли армии ей, наряду с модернизаторскими функциями, в конечном счете отводилась роль ударной силы по борьбе с революционным, освободительным движением. Правда, теперь идеологи "Союза" намеревались повысить эффективность этой борьбы путем завоевания для армии поддержки со стороны народных масс. Особые надежды при этом возлагались на так называемую "гражданскую миссию" вооруженных сил. По замыслам сторонников этой политики, вооруженные силы, чтобы привлечь на свою сторону население, изолировать "партизан" и другие "подрывные элементы", должны были осуществлять строительство школ, больниц, дорог, помогать населению в сельскохозяйственных работах. Все это, по словам Макнамары, должно было способствовать изменению в

³⁹ Mc. Namara R.S. Op.cit., p.29.

глазах народа "негативного представления о военных как репрессивной силе на страже загнивающего статус-кво"⁴⁰. Руководителям "Союза ради прогресса" пришлось столкнуться с такой щекотливой для них проблемой, как усиление политической роли вооруженных сил в условиях сохранения режимов "представительной демократии", упрочение которой объявлялось одной из основных целей "Союза ради прогресса".

Вооруженные силы, согласно постулатам идеологов "Союза", должны были гарантировать прочность и стабильность институтов "представительной демократии", обеспечить их "гармоничное" развитие. Причем в подкрепление этого тезиса приводились такие аргументы, как "деполитизация" вооруженных сил, их отказ от практики государственных переворотов, приверженность принципам "западной демократии" и другие подобные аргументы. Именно в этом ключе составил свой отчетный доклад госдепартаменту после поездки по странам Латинской Америки Эдлай Стивенсон, один из лидеров демократической партии, активный пропагандист "Союза ради прогресса". По его словам, эпоха военных государственных переворотов отходит в прошлое, поскольку в вооруженных силах стран Латинской Америки растет понимание необходимости укреплять "демократические институты"⁴¹. Большое значение в этом плане придавалось правящими кругами США американской военной помощи латиноамериканским странам. Так, выступая в сенате (1963 г.), представитель министра обороны Фрэнк Слоун заявил, что "военная помощь США целиком ориентирована на оказание помощи странам Латинской Америки с целью создания таких вооруженных сил, которые были бы политически подчинены

⁴⁰ Mc. Namara R.S. Op.cit., p.150.

⁴¹ The Department of State Bulletin. Washington, 1961, Aug. 21, p.315. Американский публицист Тэд Шульц в своей книге "Закат тиранических режимов" утверждал, что латиноамериканские военные все более явно ориентируются на поддержку "представительной демократии", отказавшись от вмешательства в политику. - Szulc T. Twilight of the Tyrantes. N.Y., 1959, p.5.

гражданскому контролю и были бы готовы принять конструктивное участие в развитии представительной, конституционной демократии. Наши программы обучения преследуют именно эту цель, особенно те, которые рассчитаны на обучение латиноамериканских офицеров в Соединенных Штатах, где они на собственном опыте смогут убедиться в эффективности и благотворности демократического образа жизни" ⁴².

Действительно, эти стремления "интегрировать" вооруженные силы латиноамериканских стран в систему "Союза ради прогресса" преопределили тот факт, что в военной политике США на первый план выдвинулись обучение латиноамериканских военных, их доктринизация в духе "американской демократии".

Прошло, однако, не так много времени, и волна военных переворотов, выступлений военных ⁴³ в латиноамериканских странах показала, насколько теоретические построения идеологов "Союза", их политические расчеты далеки от действительности.

Военные перевороты были далеко неоднотипны. Одни режимы провозглашали свою приверженность политике США (Сальвадор, Эквадор), другие же (Доминиканская Республика, Гватемала) носили даже черносотенный характер, иногда, правда, закамouflированный модернизаторской, десаролистской фразеологией. Третьи (Перу) проявляли тенденцию к проведению своей, "особой" политической линии, явно не желая быть облагодетельствованными патернализмом "Союза". В ряде случаев выступления военных (Венесуэла, Доминиканская Республика) носили антиимпериалистический, патриотический характер, явно не укладывався в те политические схемы, которые были разработаны идеологами "Союза ради прогресса". Нередко эти пере-

⁴² См. Veneroni H.L. *Estados Unidos y las fuerzas armadas de América Latina*. Buenos Aires, 1971, p.76-77.

⁴³ В начале 1961 г. был осуществлен переворот в Сальвадоре, в 1962 г. произошел переворот в Перу, в 1963 г. - в Гватемале, Гондурасе, Эквадоре, Доминиканской Республике. Позднее (в 1965 г.) часть доминиканской армии перешла на сторону восставшего народа. В 1962 г. в Венесуэле имели место два выступления военных.

вороты возглавлялись военными, которые подверглись "демократической доктринизации" в годы своей учебы в США.

Легкость, с которой происходили государственные перевороты, со всей очевидностью показала, что институты "представительной демократии" не столь прочны, как это рекламировалось идеологами "Союза", а партии "демократической левой" не являлись гарантом сохранения этих институтов.

Все эти проблемы, связанные с бурным процессом политизации вооруженных сил ряда латиноамериканских стран, стали предметом острой дискуссии в Соединенных Штатах, которая велась на всех уровнях: и в правящих кругах страны, и в "академическом мире". Здесь нет возможности подробно и обстоятельно излагать ход и все перипетии этой дискуссии, которая затронула широкий круг проблем — от судеб институтов "представительной демократии", партий "демократической левой", роли средних слоев населения до соответствия военных режимов программе "Союз ради прогресса".

Отметим только, что в результате этих споров, острой конфронтации различных точек зрения теория "представительной демократии" как своего рода "магистральный" путь развития для Латинской Америки стала явно отступать на задний план. Исчезал и сопутствующий тезис о "приверженности" вооруженных сил "демократическим институтам". Вместо них все более широкое распространение получала теория "новой роли" латиноамериканских военных, или "неомилитаризма". Речь шла о том, что военные режимы можно использовать в интересах "Союза ради прогресса". Причем они могут оказаться более эффективными, чем гражданские формы правления. О "неомилитаризме" немало писали североамериканские социологи, политологи, публицисты. К нему апеллировали в своих выступлениях государственные деятели. Так, в выпущенной группой американских социологов и публицистов работе "Роль армии в слаборазвитых странах" проблема нашла широкое отражение и обоснование. В работе проводилась идея о том, что военное обучение латиноамериканских офицеров в Соединенных Штатах открывает "интересные политические возможности". Эти офицеры, друзья

США, утверждалось в книге, в случае прихода к власти военных сумеют обеспечить развитие страны, помешают одновременно как правым, так и левым элементам в армии установить "тоталитарную диктатуру"⁴⁴. Именно в этой книге, а затем в работе американского социолога Джонсона "Военные и общество в Латинской Америке"⁴⁵, была, пожалуй, впервые так четко сформулирована позиция сторонников теории "неомилитаризма" с ее оправданием военных режимов, со скептическим отношением к институтам "представительной демократии".

С большей определенностью эта точка зрения, о явным креном в сторону ее реализации на практике, была изложена на страницах специального номера "Журнала корпуса морской пехоты" (сентябрь 1965 г.). Номер открывался кратким вступлением вице-президента страны Г.Хэмфри, известного пропагандиста идей "Союза ради прогресса". Подчеркнув исключительно важное "геополитическое значение" Латинской Америки для политики США, с тревогой отметив усиливающееся влияние марксизма на социальные и политические процессы в латиноамериканских странах, Хэмфри одобрил материалы, опубликованные в журнале, призывал военнослужащих США внимательно их изучать, чтобы понять опасность коммунистической "подрывной деятельности"⁴⁶.

Лейтмотивом всех материалов журнала звучала мысль о неспособности гражданских правительств, институтов "представительной демократии" обеспечить проведение социальных преобразований по программе "Союза" в рамках "стабильности" и "порядка", обезопасить латиноамериканские страны от "внутренней агрессии", угрозы "экстремизма". А отсюда делался вполне определенный вывод: без решающей политической роли

---

⁴⁴ The Role of the Military in Underdeveloped Countries. Princeton, 1962, p.129.

⁴⁵ Johnson J.J. The Military and Society in Latin America. Stanford, California, 1964.

⁴⁶ Marine Corps Gazette. Quantico - N.Y., 1965, Sept., p.1.

армии как "стабилизирующего фактора" вообще невозможен политический, социальный и экономический прогресс, к которому отремится "Союз" ⁴⁷.

Ту же точку зрения пропагандировали официальные представители правительственных кругов США. Такой подход к политической роли вооруженных сил нашел отражение в выступлениях Томааса Манна — бывшего помощника государственного секретаря по межамериканским делам. Он выступал за отказ от "доктринерского" подхода к вопросу о признании новых режимов в латиноамериканских странах, возникших в результате государственного переворота ⁴⁸. Т. Манн убеждал общественное мнение, что такая политика США не означает поощрения реакционных сил в Латинской Америке, так как, по его утверждению, в вооруженных силах имеется немало людей, которые выступают за социальные реформы ⁴⁹.

Какие же причины привели к "ревизии" позиции правящих кругов США по вопросу о роли армии в политической жизни латиноамериканских стран?

Прошло не так уж много времени с момента провозглашения "Сюза ради прогресса", а новая волна переворотов показала, что, казалось бы, безукоризненно "запрограммированная" политика начала давать все более заметные трещины. В ряде латиноамериканских стран проводились определенные социальные реформы (прежде всего аграрная) в рамках программы "Союза", строились школы, больницы, прокладывались дороги. Однако политика "Союза" встречала все большее сопротивление со стороны влиятельных кругов местной олигархии, крупной бур-

---

⁴⁷ Marine Corps Gazette. Quantico - N.Y., 1965, Sept., p.23.

⁴⁸ Одним из постулатов программы "Союз ради прогресса" было непризнание законности режимов, пришедших к власти в результате государственных переворотов, которые ликвидируют институты "представительной демократии". Правительство Кеннеди в нескольких случаях временно применяло этот принцип в отношении военных режимов, однако вскоре от него отказалось.

⁴⁹ The Department of State Bulletin. Washington, 1965, Nov., 8, p.732.

жуазии, которые обвиняли правительство США в стремлении дискредитировать принцип свободного предпринимательства. Дело доходило до того, что олигархические круги некоторых стран (Чили, Аргентины) выступили с угрозами национализировать собственность американских компаний, если США не прекратят настаивать на проведении социальных преобразований. В свою очередь представители "большого бизнеса" Соединенных Штатов резко критиковали политику правительства за стремление широко использовать государственные каналы для сотрудничества со странами Латинской Америки; утверждая, что это может привести лишь к "социализму" или к каким-либо другим формам этатизма ⁵⁰.

Политика "Союза" подверглась резкой критике и со стороны левых сил, которые выступали за радикализацию социальных преобразований, боролись за мобилизацию трудящихся масс для осуществления глубоких изменений. "История вкоре показала, — говорится в Декларации гаванского совещания коммунистических партий Латинской Америки и Карибского бассейна, — что подлинный путь развития латиноамериканских стран заключается не в капитулянтском реформизме, не в выпрашивании "помощи" у монополий, а в проявлении политической решимости добиться экономической независимости и провести глубокие преобразования" ⁵¹.

Какой же была реакция правящих кругов США на растущее сопротивление их политике? Если в отношении привилегированных групп населения они проводили "тактичную" политику, ограничивались в общем-то апелляцией к их "осознанности", то в отношении революционных сил заняли совсем иную позицию. Идеологами "новых рубежей", как уже отмечалось, была в орочном порядке выдвинута антикоммунистическая концепция "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", нацелен-

---

⁵⁰ См., например, *The Wall Street Journal*. N.Y., 1962, Jul., 20.

⁵¹ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную безопасность, демократию, народное благосостояние, мир и социализм..., с. 20.

ная на разработку эффективных средств и методов борьбы с освободительным, антиимпериалистическим движением. Они рассчитывали, что с помощью вооруженных сил удастся провести хотя бы минимум социальных преобразований, необходимых для смягчения социальной напряженности. Однако совместить такую роль вооруженных сил с сохранением институтов "представительной демократии" оказалось не так-то легко.

Попытки перетянуть на сторону политики США "средний класс" Латинской Америки, который объявлялся главной опорой "представительной демократии", сделать его "стабилизирующим" фактором политической жизни все больше обнаруживали свою неэффективность. Подъем массового освободительного движения способствовал быстрой политической радикализации средних слоев.

Латиноамериканский "средний класс" вместо того, чтобы выступить в роли "умиротворяющей силы", пессимистически признавал американский журнал "Форчун", своими действиями "подливает масло в огонь революционных изменений". Он не является "оплотом против крайних политических догм". Достаточно вспомнить, патетически восклицает "Форчун", что из рядов "среднего класса" вышел Фидель Кастро⁵². С тревогой писала буржуазная печать США о потере престижа "демократической левой", которая, как признавал "Бизнес уик", не пользуется в Латинской Америке влиянием среди "нового поколения марксистски настроенной молодежи, оканчивающей университеты"⁵³.

Обострение классовой, социальной борьбы в латиноамериканских странах, радикализация широких слоев населения делали все более уязвимой и другую догму идеологов "Союза" - лозунг о "представительной демократии" как чуть ли не магическом средстве решения всех проблем Латинской Америки. Левые силы, решительно выступая против попыток правящих кругов под прикрытием "демократических" лозунгов расправляться с революционным движением, стремились расширить плацдармы

⁵² Fortune. N.Y., 1962, Febr., p.98, 214.

⁵³ Business Week. N.Y., 1962, Sept., 22.

борьбы за глубокие социальные преобразования, превратить демократию в подлинное орудие социального прогресса. Именно под лозунгами восстановления демократии, способной открыть путь к социальным преобразованиям, патристические, прогрессивные силы Доминиканской Республики подняли народное восстание весной 1965 г.

Для реакционных, олигархических сил "представительная демократия" даже в урезанной, куцей форме была чревата неожиданностями с точки зрения возможных народных выступлений. Антикоммунизм военных режимов был своего рода их "достойной" визитной карточкой в глазах реакции как в США, так и в самой Латинской Америке ⁵⁴.

В то же время сторонники "Союза ради прогресса" возлагали надежды на осуществление своей программы руками военных десарольистов, освобожденных, так сказать, от пут "представительной демократии".

Наиболее типичным в этом плане представляется политика военных режимов Сальвадора и Эквадора, которые объявлялись идеологами "новых рубежей", как бы "витриной" осуществления целей "Союза" руками военных.

Политика этих военных режимов развивалась по "классическим" канонам "Союза". Антикоммунизм был одновременно и средством поддержания институционального единства вооруженных сил, и средством, с помощью которого военная верхушка стремилась оправдать в глазах господствующих классов свое вмешательство в политическую жизнь, убедить их согласиться на модернизацию отсталых структур.

Сальвадор. "Десарольистская" военная группировка, пришедшая к власти в результате государственного переворота в

⁵⁴ В этом отношении симптоматичной была статья в журнале "Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт" под характерным названием "Латинская Америка — там, где военные берут политическую власть, чтобы остановить продвижение коммунизма". Написанная в апологетических тонах, эта статья восхваляла действия "генералов и адмиралов", которые, "захватывая политическую власть, стремятся преградить путь наступлению сторонников Фиделя Кастро и других коммунистов". — U.S. News and World Report. Washington, 1963. Apr. 15, p. 49.

январе 1961 г., активно использовала в своих целях политический страх олигархии перед возможностью повторения событий 1932 г. Тогда в стране произошло массовое выступление трудящихся во главе с коммунистами, потопленное в крови армией и полицией. Именно с тех пор открытое или закамуфлированное участие армии в политике стало доминантой политической жизни Сальвадора. "Сальвадорские военные руководители, — замечает американский социолог Чарльз Андерсон, — умело использовали этот страх, периодически раскрывая и подавляя "коммунистические" заговоры"⁵⁵.

В силу этих особенностей исторического развития Сальвадора его армии удалось занять относительно самостоятельную, "автономную" позицию в политической структуре, сосредоточить в своих руках довольно эффективные рычаги давления на отдельные группировки правящих классов. В то же время такие "правила игры" между олигархией и военными, точнее 14 могущественными семействами, связанными главным образом с производством кофе, и военными, предопределили довольно ограниченные возможности последних для маневрирования, поскольку неизменно речь шла в конечном счете о политике, вращающейся в орбите системы, созданной сальвадорской олигархией. Поэтому столкновения и противоречия военных-модернизаторов с олигархией в основном сводились к вопросам о большей или меньшей степени "размягчения" закостеневшей социальной структуры страны, стимулирования "социальной мобильности" в интересах более широких групп сальвадорской буржуазии, средних слоев населения, представители которых не хотели мириться с "маргинальным" положением в обществе.

Руководители военного режима, утвердившегося в стране после выборов 1962 г., когда президентом был избран представитель военной верхушки полковник Хулио Адальберто Ривера, продолжали эту политику. В лице Риверы Пентагон нашел одного из наиболее ярких пропагандистов теории "контрреволюционной войны", "внутреннего фронта". По словам сальвадорского

⁵⁵ Political Systems of Latin America. N.Y., 1970, p.81.

президента, для успешной борьбы против коммунизма необходимо использовать тактику "необъявленной войны", т.е. неожиданно вторгаться в ту страну, где зреет "коммунистический заговор" ⁵⁶.

В то же время антикоммунизм в руках руководителей сальвадорского военного режима служил и орудием нажима на олигархические круги с целью заставить их согласиться на некоторые верхушечные реформы, уменьшив тем самым социальную напряженность в стране. В соответствии с постулатами "Союза ради прогресса" Ривера заявлял, что с "коммунистической угрозой" недостаточно бороться только военными средствами, а следует также использовать "энергичную политическую, социальную и экономическую терапию". На вооруженные силы, по его словам, падает "историческая миссия" энергично содействовать "планам экономического развития и социального прогресса в интересах масс населения" ⁵⁷.

Однако даже весьма робкие попытки военных руководителей провести преобразования в области трудового законодательства и налоговой политики были встречены с нескрываемой враждебностью олигархическими кругами. Так, крупные земельные собственники, протестуя против распространения трудового законодательства на сельскохозяйственных рабочих, угрожали экономическими "санкциями", окращением посевных площадей под основными продовольственными культурами.

В этом случае военное правительство для осуществления реформы применило в определенной степени принуждение, чтобы, по удачному выражению Андерсона, "обеспечить опасение высшего класса, даже можно сказать, несмотря на его сопротивление" ⁵⁸. В других же случаях военное правительство уступало давлению олигархических кругов, шло на попятную. В результате нажима различных олигархических групп на военных-

---

⁵⁶ Prensa Gráfica. San Salvador, 1966, 29, 30 jun.

⁵⁷ Prensa Gráfica, 1966, 30 jun.

⁵⁸ Political Systems of Latin America, p.81.

модернизаторов в налоговую реформу были внесены коррективы в интересах привилегированных групп населения. Ожесточенное сопротивление олигархии, опирающейся на поддержку правоэкстремистского крыла в вооруженных силах, заставило правительство отказаться от попыток проведения даже куцых аграрных преобразований в плане перераспределения земельной собственности. Все это не уменьшало социальную напряженность, а наоборот, обостряло классовые противоречия.

Эквадор. Десаролистская модель военного режима в этой стране дает не менее убедительный пример крайней ограниченности модернизаторских функций вооруженных сил в рамках программы "Союз ради прогресса". Приход к власти военной хунты в июле 1963 г. ее руководители объясняли необходимостью спасти страну от "коммунистической угрозы", которая-де усиливалась в связи с неэффективной "попустительской" политикой гражданского правительства. С особой настойчивостью руководители военной хунты стремились внушить вооруженным силам, что коммунисты враждебно настроены к армии, ставят своей целью ее уничтожение, замену рабочей милицией. В манифесте к вооруженным силам 19 июля 1963 г. военная хунта заявляла, что "международный коммунизм" стремится ликвидировать вооруженные силы, чтобы затем добиться "без помех своих целей"⁵⁹. Антикоммунизм военной хунты сочетался с довольно резкими нападками на институты "представительной демократии", которые,

⁵⁹Needler M.C. Anatomy of a coup d'etat Ecuador 1963. Washington, 1963, p.56. Надо сказать, что в определенной степени насаждению антикоммунизма в эквадорских вооруженных силах, как впрочем и в армиях других латиноамериканских стран, способствовала деятельность левацких группировок с их проповедью "вульгарного антимилитаризма", односторонней интерпретацией опыта кубинской революции, который они сводили только к партизанской вооруженной борьбе и ликвидации старой армии. Небезынтересно, что американский социолог Мартин Нидлер на основе опроса представителей офицерского корпуса эквадорских вооруженных сил пришел к выводу, что одной из главных причин антикоммунизма военных было то, что "они боялись, что в случае прихода к власти коммунистов армия будет ликвидирована и заменена рабочей милицией, как это случилось на Кубе после прихода к власти Фиделя Кастро". - Needler M.C. Op.cit., p.41.

по словам ее руководителей, поставили страну на грань катастрофы, содействовали усилению "подрывных, экстремистских" элементов.

Взамен прежней системы руководители военного режима намеревались, по их словам, создать "лучшую социальную структуру", которая заложит фундамент "оправедливой и подлинной демократии"⁶⁰. Конкретные планы военной хунты по созданию этих структур не выходили за рамки преобразований в духе модернизированного капитализма – аграрная и налоговая реформы, сотрудничество труда и капитала в духе "разума и патриотизма" и другие подобные акции. При этом военная хунта явно рассчитывала на сотрудничество олигархических кругов. Однако олигархия, открыто провоцировавшая военных на захват власти, чтобы навести "порядок" в стране, отнюдь не собиралась поступиться своими привилегиями⁶¹. Олигархические группировки, точнее ее ультраправые фракции, враждебно встретили политику военной хунты, направленную на модернизацию отсталых структур страны, усиление прерогатив центральной власти в области сбора налогов, установления более жесткого контроля над местной администрацией. В частности, конфликтная ситуация возникла между военными и олигархическими кругами крупнейшего эквадорского портового города Гуаякиля, которые не хотели упускать из своих рук право собирать налоги. Острые конфликты наметились между помещиками–латифундистами и военной хунтой в связи с ее попытками осуществить преобразования в области земельных отношений, отменив, в частности, уасипунго – докапиталистическую форму кабальных отношений между помещиком и крестьянином–индейцем.

Напряженность в отношениях между привилегированными группами населения и военной хунтой возрастала по мере то-

⁶⁰ Needler M.C. Op.cit., p.49, 54.

⁶¹ Правые олигархические группировки в стране, чтобы подтолкнуть военных к государственному перевороту, даже организовывали провокационные выступления своей агентуры под видом "красных партизан", чтобы затем развернуть демагогическую кампанию против "экстремистской" угрозы в стране.

го, как становилось ясным, что военные отнюдь не собираются после ликвидации "экстремистской угрозы" вновь уступить власть традиционным политическим силам, связанным с олигархией, а намереваются всерьез и надолго остаться у кормила государственной власти.

"Мы отнюдь не хотим быть только силой порядка и власти, которая выполняет временные функции в промежутке между двумя конституционными правительствами, - говорилось в послании военной хунты вооруженным силам в феврале 1964 г., - правительство вооруженных сил должно быть, поскольку мы этого желаем, своего рода мостом, с помощью которого будут преодолены все кажущиеся непреодолимыми препятствия, и страна обретет новые основы для своего существования" ⁶².

Не случайно олигархические группировки в ответ на эти декларации военной хунты развернули кампанию за возвращение к институтам "представительной демократии", начали обличать "милитаризм" военных ⁶³.

Однако удержаться в течение долгого времени у власти военной хунте не удалось. Не обеспечив себе доверия со стороны олигархических кругов, военная хунта своей политикой вызвала все большее недовольство народных масс. Авторитарные методы действий военных, их антикоммунизм, преследование профсоюзных и демократических организаций приводили к росту оппозиции слева. Да и сами реформы, которые носили верхушечный характер, не опосредствовали созданию массовой базы режима.

Подводя своего рода баланс реформаторской деятельности военной хунты, журнал "Карэнт хистори" писал: "Программа аграрной реформы была в лучшем случае умеренной, а желания

⁶² Needler M.C. Op.cit., p.53-54.

⁶³ Отвечая на подобную "антимилитаристскую" кампанию, один из руководителей военной хунты генерал Гандаро не без язвительности заметил, что те, кто ныне обрушивается на "милитаризм" и требует прекратить вмешательство армии в политику, "раньше околачивались у ворот казарм, требуя свержения конституционного правительства и даже жаловались на апатию военных, обвиняя их в нежелании действовать". - Needler M.C. Op.cit., p.21.

хунты проводить ее в жизнь еще умеренней. Мало или вообще ничего не было сделано для перестройки правительственного аппарата, а обещанная административная реформа была блокирована бюрократией" ⁶⁴.

Запутавшись в противоречиях, которые были как бы "запрограммированы" в политике "Союза", восстановив против себя широкие слои населения, военная хунта была вынуждена под напором массовых выступлений в марте 1966 г. уйти с политической арены.

Немаловажной причиной отказа военной хунты от власти было и то, что в вооруженных силах отсутствовало единство мнений по многим важным политическим вопросам, перспективам дальнейшего развития страны. Молодые офицеры настаивали на проведении более решительной политики в отношении олигархии, выступали за сохранение военного режима, против возврата "представительной демократии". В тот момент руководство вооруженных сил предпочло отказаться от политической власти, а не рисковать ради туманного для них будущего. Однако прошло всего шесть лет и вооруженные силы Эквадора вновь вышли на политическую авансцену. Но к этому времени в стране произошли существенные изменения, да и сама армия была уже во многом иной.

Гватемала. Если военные режимы Сальвадора и Эквадора еще пытались проводить кое-какие социальные преобразования, то политика гватемальского военного режима представляла по сути пародию на модернизаторскую военную модель, на которую столь большие надежды возлагали вдохновители "Союза ради прогресса". Больше того, политика гватемальского военного режима как бы высветила скрытые причины неспособности осуществить преобразования остальных социальных структур в рамках "Союза ради прогресса" руками как военных, так и гражданских правительств.

Военное правительство Гватемалы находилось у власти с марта 1963 г. по июль 1966 г. К моменту прихода к власти

⁶⁴ Current History. Philadelphia, 1966, Nov., p.166.

армии страна переживала глубокий социально-политический кризис, вызванный разгулом контрреволюции, который не прекращался после свержения в 1954 г. антиимпериалистического правительства Хакобо Арбенса. Однако террор контрреволюции оказался для реакции обоюдоострым оружием. Он был не в состоянии полностью покончить с борьбой демократических сил. В то же время чисто репрессивные акции не способствовали консолидации, укреплению позиций привилегированных групп населения. К этому добавлялась грызня в самом лагере реакции, соперничество ее отдельных политических группировок.

В подобных условиях гватемальская армия все больше превращалась в арбитра политических судеб страны, претендуя на руководящую роль.

Переворот 1963 г. подтвердил стремления военной верхушки играть эту роль в политической жизни страны. Часть гватемальских военных попыталась провести кое-какие реформы. Эта группа, состоявшая в основном из выпускников военной академии, известных своими излишним "радикальными взглядами" с точки зрения реакции, пользовалась поддержкой некоторых группировок средних слоев населения, их политических реформистских организаций, части местной буржуазии, заинтересованной в ограниченном господстве иностранных монополий и расширении внутреннего рынка.

Однако попытки этой группы военных проводить свою политическую линию были блокированы сторонниками "жесткого" курса в самих вооруженных силах и их союзниками из рядов буржуазно-помещичьей олигархии, тесно связанной с иностранным капиталом. Даже в крайне робких реформистских поползновениях десарольлистов сторонники "жесткой" линии усматривали, по словам американского социолога Джерри Уэйвера, угрозу "восстановления политического стиля мобилизации масс, характерного для революционного периода 1944-1954 гг." ⁶⁵. Для гватемальской буржуазно-помещичьей элиты, чьи позиции характеризовались "лещерным" антикоммунизмом, была приемлема толь-

---

⁶⁵ Revista latinoamericana de sociología. Buenos Aires, 1969, N 1, p.28.

ко такая позиция, которую сформулировал руководитель военной хунты полковник Энрике Перальта: "Все те, кто нарушает общественный порядок, будут энергично наказываться. Все те, кто покушается на безопасность личности, собственности, государственных институтов, будут подвергнуты суровым санкциям... Все те, кто стремится насадить в Гватемале коммунизм, будут безжалостно уничтожены" ⁶⁶.

Антикоммунистически настроенная верхушка, отвергнув реформаторские проекты военных, проводила политику в интересах укрепления позиций буржуазно-помещичьей олигархии. Именно этим целям была подчинена социально-экономическая политика военного режима. В то время как резко уменьшились ассигнования режима на социальные нужды, заметно увеличились капиталовложения в инфраструктуру, что отвечало интересам привилегированных групп населения. Так, если в национальном бюджете на 1960 г. расходы на здравоохранение и жилищное строительство составляли 33%, то в 1965 г. они понизились уже до 11%. Правительство увеличило с 15 до 21% расходы на изучение возможности улучшения развития сельского хозяйства. Но плодами этого воспользовались крупные земельные собственники, торговцы, а не крестьяне ⁶⁷. Одним словом, экономическая политика военного режима выразилась в стремлении подвести более прочную базу под господство сил контрреволюции, создать условия для более эффективного подавления борьбы прогрессивных сил в стране. Этим можно объяснить, что после ухода с политической авансцены армии контрреволюция с еще большим ожесточением стала проводить политику подлинного геноцида в отношении патриотов. А армия, находясь в руках правоэкстремистской верхушки, превратилась как бы в гаранта свободы террористической деятельности гватемальской реакции.

Однако, помимо вышеуказанных примеров, в армиях ряда

---

⁶⁶ Revista latinoamericana de sociología. Buenos Aires, 1969, N 1, p.29.

⁶⁷ Revista Latinoamericana de sociología, 1969, №1, p.34.

стран Латинской Америки все чаще возникали и такие ситуации, которые овидетельствовали о растущем недовольстве военных своей ролью прислужников олигархии и империализма, призванных в лучшем случае проводить куцые реформы в рамках "Союза ради прогресса". Это недовольство проявлялось в самых разнообразных формах, перерастая в ряде случаев в открытые выступления представителей патриотических течений в вооруженных силах ряда латиноамериканских стран. В свете таких выступлений в Перу, Панаме и некоторых других странах, где они произошли позднее, позиция военных-патриотов в Венесуэле и Доминиканской Республике представляется весьма показательной.

Венесуэла. В мае 1962 г. в венесуэльском городе Карупано вспыхнуло восстание военных моряков, к которым примкнули некоторые соединения сухопутных войск, а также отдельные группы гражданского населения. В июне аналогичное восстание началось в другом портовом городе Пуэрто-Кабельо. Впервые в истории страны организованная часть вооруженных сил выступила под патриотическими, антиимпериалистическими лозунгами, провозгласила своей целью борьбу за единение армии с народом. Правящие круги страны бросили против восставших военных верные правительству войска, авиацию, танки, тяжелую артиллерию. Неравенство сил predeterminedило исход восстания: после ожесточенного сопротивления, приведшего к большим потерям с обеих сторон, военные-патриоты были вынуждены сложить оружие. Но они не прекратили борьбу, превратив судебные процессы над ними в трибуну, с которой излагали свои антиимпериалистические взгляды.

Какие же причины вызвали в конечном счете это патриотическое выступление части венесуэльских вооруженных сил?

Свержение диктатуры Переса Хименеса при активном участии патриотической части вооруженных сил не привело к глубоким социальным изменениям в стране. Кратковременный период "национального единства" вскоре сменился острой политической борьбой между различными партиями, обострением классовых, социальных противоречий. Правительство, возглавляе-

мое Ромуло Бетанкуром, лидером правого, антикоммунистического крыла партии "Демократическое действие", заняло жесткую позицию по отношению к выступлениям трудящихся, встало на путь раскола профсоюзного движения, репрессий против прогрессивных сил. В области внешней политики Бетанкур и его сторонники пропагандировали теорию "фатальной предопределенности" для Венесуэлы находиться в орбите Соединенных Штатов, что, по их мнению, делало бессмысленным освободительное, антиимпериалистическое движение, которое было бы заранее обречено на неудачи, как это случилось, например, в Гватемале. Группировка Бетанкура заняла воинствующую антикубинскую позицию, поливала грязью кубинских революционеров, вытупала в ряде случаев инициатором репрессий ОАГ в отношении Кубы.

Явно проимпериалистическая ориентация венесуэльской правящей группировки, ее антидемократическая политика внутри страны вызвала растущую оппозицию со стороны прогрессивных сил. Постоянные кризисы потрясали правительственную коалицию, правящую партию "Демократическое действие" ⁶⁸.

Серьезные трудности, переживаемые венесуэльской системой "представительной демократии", которую идеологи "Союза ради прогресса" объявили своего рода эталоном политического режима в Латинской Америке, оказывали воздействие и на состояние вооруженных сил страны. Немало военных, вместе с народными массами участвовавших в восстании против диктатуры, верило, что наступило время подлинного единства армии с народом и вооруженные силы превращаются в надежный оплот демократической, независимой Венесуэлы.

Бетанкур и его окружение, по сути дела, пусть и в иных формах, продолжали ту же политику, что и свергнутый диктаторский режим. И при Бетанкуре процветал фаворитизм, из армии устранялись офицеры, которые не устраивали правящую верхушку. Такие чистки вооруженных сил устраивались под предло-

---

⁶⁸ Подробнее о социально-политических процессах в стране, об идеологии и политике партии "Демократическое действие" в тот период см. Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972.

гом того, что армия расколота на "конституционалистов" и "реакционеров". Причем сторонники Бетанкура, стремясь противопоставить друг другу различные рода войск, заявляли об особой приверженности к "конституционализму" военно-морского флота. В этой связи капитан военно-морских сил Виктор Уго Моралес, один из руководителей выступления в Пуэрто-Кабельо, замечает в своей книге под характерным названием "От Портеньясо к Перу"⁶⁹: "Однако мы знаем, что все обстоит иначе, поскольку недовольство охватывало все рода войск, глубоко затронув и представителей так называемого конституционалистского течения"⁷⁰.

Говоря же о своей эволюции, а также других военных-патриотах, Уго Моралес пишет, что они, сталкиваясь с драматической национальной действительностью, все больше убеждаясь в использовании армии против народа, пересматривали свои позиции, производили своеобразную "переоценку ценностей". "Какую роль я играю? Зачем я ношу военную форму? И разочарование в пустоте жизни, лишенной всякой идеи служения народу, который нас одевает, нам платит, нас учит, не может быть вечным, поскольку наступает такой день, когда положение для нас становится ясным и перед нами раскрываются новые горизонты"⁷¹.

Военные-патриоты пришли к выводу о необходимости борьбы за создание прочного союза между армией и народом. Этот союз, по их мнению, должен сыграть решающую роль в глубоких социальных антиимпериалистических преобразованиях в стране, в завоевании ею подлинной независимости. Поэтому свое выступление они рассматривали не как обычное прононсиамьенто, а как важное звено в освободительном, антиимпериалистическом движении всех прогрессивных сил⁷². Больше того, своим вы-

⁶⁹ Портеньясо — буквально восстание в порту.

⁷⁰ Moralez V.H. Op.cit., p.38.

⁷¹ Op.cit., p.39.

⁷² Необходимо отметить, что восставшие военные планировали объединить свои усилия с выступлениями рабочих-нефтяников. — La batalla de Carupano. Venezuela en pie de lucha. Caracas, 1962, p.20.

отуплением, которое в общем происходило при неблагоприятных условиях и не имело больших шансов на успех, военные-патриоты намеревались спасти в глазах народа честь вооруженных сил, показать, что и в их рядах дают свои вклады семена свободолюбивых, патриотических идей.

Руководители выступлений в Карупано и Пуэрто-Кабельо называли себя националистами, вкладывая в это понятие глубокое патриотическое, антиимпериалистическое содержание. "Наше движение, - говорил в своей речи на суде капитан военно-морских сил Молина Вильегос, - было и всегда будет националистическим, поскольку оно связано с интересами и устремлениями наших вооруженных сил, а также обездоленных классов, рабочих и крестьян, студентов, интеллигенции, националистически настроенных предпринимателей и производителей. Иными словами, мы связаны со всеми теми, кто выступает против того трагического положения, в котором оказалась Венесуэла, и мечтает о лучшей жизни для ее народа" ⁷³.

Реакция обвинила восставших в приверженности "иностраным доктринам", "коммунизму". Отвечая на предъявленные обвинения, Молина Вильегос говорил, что к этим "аргументам" прибегают те, кто страшится борьбы за национальный суверенитет, за справедливое распределение национальных богатств, апеллируя к "фатальной предопределенности" для Венесуэлы находиться в орбите империализма. Крах колониальной системы, появление новых политически независимых государств в Азии и Африке, по словам Молины Вильегоса, свидетельствовали о несостоятельности подобных "геополитических теорий" ⁷⁴.

Несмотря на то что восстания в Карупано и Пуэрто-Кабельо были подавлены, они оказали немалое влияние на политическую жизнь страны. Правящие круги Венесуэлы, стремясь предотвратить повторение в будущем подобных, если еще не больших социальных взрывов, форсировали проведение, пусть

---

⁷³ La batalla de Carupano. Venezuela en pie de lucha. Caracas, 1962, p.12.

⁷⁴ Ibid., p.12-13.

умеренных и верхушечных, социальных преобразований, прежде всего аграрной реформы.

Как показало дальнейшее развитие событий, в стране создались более благоприятные условия для расширения сотрудничества прогрессивных сил с военными-патриотами в интересах укрепления антиимпериалистического единства.

Доминиканская Республика. Вооруженные силы Доминиканской Республики в годы господства трухильиотской тирании, как уже отмечалось, играли роль преторианцев на службе диктатуры. Армию возглавляли генералы, развращенные подачками тирана, который противопоставлял одни группы военных другим, играя на противоречиях между ними. В то же время, по словам профессора Хесуса де Галиндеса, гипертрофированный рост вооруженных сил, разбухание высшей военной верхушки, тщеславной и продажной, таили в себе угрозу для самого диктаторского режима, создавали условия для того, чтобы "рано или поздно возникли различные военные камарильи" ⁷⁵.

Убийство Трухильо в 1961 г. представителями одной из таких камарильи овидетельствовало, что военная верхушка стремилась заменить собой обреченный диктаторский режим. Она пыталась использовать вооруженные силы в своих честолюбивых целях, сыграть роль "опасителя" буржуазно-олигархических группировок от натиска "черни", стать арбитром политических судеб страны. Именно альянс правой военщины с олигархией сверг в октябре 1963 г. конституционное правительство президента Хуана Боша, пытавшегося проводить в период своего короткого правления (он вступил на пост президента в феврале 1963 г.) политику демократических реформ. В выпущенной после свержения Боша "Белой книге вооруженных сил и национальной полиции Доминиканской Республики" государственный переворот оправдывался тем, что президент был "левым и содействовал установлению коммунистического влияния на правительство" ⁷⁶.

⁷⁵ Galíndez, Jesús de. La era de Trujillo, p.314-315.

⁷⁶ Moreno J.A. Barrios in Arms, Revolution in Santo Domingo. University of Pittsburgh Press, 1970, p.45.

В духе такого "пещерного" антикоммунизма стремились воспитать вооруженные силы такие представители реакционной военщины, как Вессин-и-Вессин, Имберт. После свержения правительства Боша идеологическая обработка армии в духе антикоммунизма резко усилилась, причем в качестве экспертов для "доктринизации" военных в духе антикоммунизма были приглашены кубинские эмигранты-контрреволюционеры. Один из них, Антонио Льяно Монтео (он участвовал в подготовке "Белой книги"), выступил инициатором создания курсов по "демократической доктринизации" вооруженных сил, которые руководитель правозащитной военной группировки генерал Вессин-и-Вессина назвал "мощным оружием в войне против врагов бога и человечества"⁷⁷. "Эксперты"-антикоммунисты из лагеря кубинской контрреволюции особенно активно спекулировали на приверженности офицерского корпуса своему профессиональному статусу, стремились представить коммунистов "ортодоксальными" врагами армии, сторонниками ее ликвидации. В этом плане они воячееки обыгрывали ликвидацию батистовской армии на Кубе, факты свершения революционного правосудия над военными преступниками.

Однако эта идеологическая обработка оказывала обратное воздействие на значительную часть доминиканских военных. Они не могли не видеть, что среди народа армия катастрофически теряет свой престиж, а военная профессия становится одиозной в глазах широких слоев населения⁷⁸.

Многие доминиканские военные переживали своего рода "кризис совести", производили "переоценку ценностей". Именно военные в силу специфики своей профессии особенно болезненно воспринимали драматизм своего положения. Американский социолог Хосе Морено, автор интересной книги об апрельском

---

⁷⁷ Montes A.L. Barricadas de odio. México, 1966, p.52.

⁷⁸ Составители пентагоновского справочника о доминиканских вооруженных силах признавали, что среди народа усиливалась враждебность к армии. "Человек в форме в глазах народа ассоциировался с угнетателями...". - Area Handbook for the Dominican Republic. Washington, 1966, p.390.

восстании, материалы которой главным образом базируются на полевых исследованиях, подчеркивая это обстоятельство, приводит слова одного морского офицера, сражавшегося на стороне народа: "Я всегда стремился посвятить свою жизнь служению родине, но я понял, что все, что я делаю, направлено на сохранение господства олигархии" ⁷⁹.

К началу народного восстания вооруженные силы страны были далеки от того, чтобы "институционно" сплотиться на основе антикоммунизма. Реакционная группа выших офицеров, их приспешники в рядах армии, выступая с проолигархических позиций, не оставляли в то же время надежду стать вершителями судеб страны, установить военную диктатуру. Этому течению в вооруженных силах противостояли другие, представители которых честно искали пути выхода из социально-политического кризиса страны, порожденного господством олигархии. Значительной части антиолигархически настроенного офицерства были свойственны путчистские тенденции. В верхушечном государственном перевороте они видели наиболее эффективный путь свержения олигархического режима. Однако стихийное народное восстание, начавшееся 24 апреля 1964 г., изменило ход событий, привело к существенным сдвигам в позициях военных-патриотов. Они поняли необходимость, как подчеркивали доминиканские коммунисты, возглавить вооруженное выступление народных масс, бороться до победы демократических, конституционалистских сил ⁸⁰.

Именно в дни апрельского восстания стало реальностью боевое единство патриотически настроенной части вооруженных сил с народными массами. Оно неизмеримо укрепило силу народного движения, породило страх и смятение в лагере внутренней реакции и империализма, который встал на путь открытой вооруженной интервенции в Доминиканскую Республику ⁸¹.

⁷⁹ Moreno J.A. Op.cit., p.91.

⁸⁰ Triunfaremos. Praha, 1966, p.16.

⁸¹ Подробнее об империалистической агрессии в Доминиканской Республике, о борьбе патриотических сил см. Горюхов Ю.П. Доминиканская Республика и американский империализм. М., 1970.

В борьбе против внутренней контрреволюции и империалистической агрессии крепло единство военных-патриотов и трудящихся масс, углублялись цели и задачи апрельского восстания, признанным руководителем которого стал полковник Франсиско Кааманьо. Сын одного из ближайших приближенных диктатора Трухильо, генерала Фаусто Кааманьо, он прошел трудный путь прозрения, переоценки ценностей. Сам он, как и многие другие доминиканские офицеры, участвуя в репрессивных акциях против патриотов, на своем опыте убеждался, какую позорную роль отводит олигархия военным. Учеба в военном училище в США также показала, что империализм пытается превратить латиноамериканских военных в защитников своих интересов, в орудие борьбы против народа. Франсиско Кааманьо стал подлинным руководителем народного восстания, много сделав для упрочения союза между патриотической частью вооруженных сил и восставшим народом. Возглавив "Конституционалистское командование", Кааманьо организовал сопротивление народных масс контрреволюции, поставив свои профессиональные знания, свою энергию на службу народу. По его инициативе была создана специальная военная академия, которая начала готовить военные кадры из представителей народа ⁸².

Такой же путь прошел и один из ближайших ополченцев Кааманьо полковник Рафаэль Фернандес Домингес, павший смертью храбрых в бою с американскими морскими пехотинцами, и многие другие военные патриоты.

Все они, осознав необходимость сражаться в одних рядах с народом, не свернули с этого пути. Прогрессивные силы Латинской Америки высоко оценили героическую борьбу доминиканских патриотов. Об этом ярко сказано в Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна: "В апреле 1965 г. в Доминиканской Республике произошло народное восстание под руководством полковника Франсиско Кааманьо и других революционно настроенных офицеров, которое нанесло удар господству империализма в этой

⁸² Triunfaremos, p.28.

братской стране. Направив туда крупные вооруженные силы, США помешали победе революции, несмотря на длительное героическое сопротивление доминиканского народа" ⁸³.

Несмотря на то что героическая борьба доминиканских патриотов не окончилась победой, ее ценный опыт, в частности в военном вопросе, оказал немалое влияние на развитие событий в Латинской Америке. Этот опыт изучали и осмысливали как силы контрреволюции, империализма, так и представители патриотических, антиимпериалистических течений в вооруженных силах.

Доминиканский опыт был глубоко поучительным для представителей патриотических течений в вооруженных силах латиноамериканских стран, оказал на них бесспорное влияние. В то же время этот опыт свидетельствовал и о том, что внутренняя реакция и империализм имеют возможности воздействовать на армию, использовать военных в антинародных целях.

Эту неоднозначность процессов, происходящих в вооруженных силах, со всей очевидностью подтвердила новая волна военных переворотов, которая прокатилась по Латинской Америке, начиная с середины 60-х годов. Такие перевороты произошли в Бразилии (1964 г.), Аргентине (1966 г.), Боливии (1964, 1969 и 1971 гг.), Перу (1968 г.), Панаме (1968 г.), Гондурасе (1972 г.).

На первый взгляд, они являлись как бы логическим продолжением военных переворотов начала 60-х годов, прежде всего с точки зрения их ясно выраженного "институционального" характера. Однако у них были и весьма существенные новые черты. Военные перевороты происходили в условиях обострения структурного кризиса латиноамериканских стран. "Мы являемся свидетелями кризиса латиноамериканских обществ, пишет руководитель уругвайских коммунистов Родней Арисменди, — нынешняя структура которых подорвана противоречиями, имеющими

---

⁸³ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм..., с.22.

тенденцию обострения и создания все больших объективных предпосылок для революционных преобразований. Подобный кризис в каждой стране протекает с различной глубиной и социально и политически выражается в различных степенях революционного кипения" ⁸⁴.

Глубокий кризис, охвативший экономическую, социальную и политическую структуры, все глубже захватывал и вооруженные силы, которые являются сколком с "гражданского общества".

Серьезные сдвиги в вооруженных силах латиноамериканских стран, отражающие углубление кризиса латиноамериканского общества, повлекли за собой заметные изменения в позиции правящих кругов США по отношению к военным. Прежние постулаты о вооруженных силах как эффективном орудии осуществления политики США в Латинской Америке стали уступать место более "прагматичным" оценкам действительного положения вещей. В более общем плане речь шла об отказе от "Союза ради прогресса", который все более явно обнаруживал свою неэффективность даже с точки зрения Вашингтона. Весьма характерен в этом плане доклад Нельсона Рокфеллера бывшему президенту Р. Никсону, подготовленный им после поездки по странам Латинской Америки в 1969 г.

Особенно настойчиво в докладе Рокфеллера проводилась идея о необходимости пересмотра позиции США в отношении вооруженных сил латиноамериканских стран, военных режимов в плане более широкого сотрудничества с ними. Аргументируя свой тезис, Рокфеллер осылался на быстрый процесс политизации вооруженных сил, их нежелание ограничить свою деятельность чисто профессиональными функциями. "Одним словом, — говорилось в докладе, — в американских республиках возникает новый тип военного, который превращается в важную силу конструктивных социальных изменений" ⁸⁵. В этой связи Рокфеллер недвусмысленно выступал в поддержку тех военных режимов.

⁸⁴ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973, с. 522.

⁸⁵ The Department of State Bulletin. Wash., 1969, Dec., 8, p. 505.

которые ставят "авторитаризм" военных "нового типа" на "службу экономическому и социальному прогрессу"⁸⁶. Иными словами, в докладе воячки восхвалялись правоавторитарные военные режимы.

Характеризуя, так сказать, "идеальный тип" латиноамериканского военного, технократа и сторонника капитализма, которого США должны воячески поддерживать, Рокфеллер одновременно с тревогой отмечал растущую радикализацию позиций военных, подверженных, по его словам, влиянию "крайнего национализма", "идей марксизма"⁸⁷. Объяснение причин влияния революционной теории на военных сводилось в докладе к тому, что марксизм дает в руки военных аргументы в пользу того, чтобы страной правила "авангардная элита", способная навязать народу жертвы во имя экономического развития⁸⁸. Подобного рода объяснение не выходило за рамки банальных выпадов против марксизма, обвинения его в "тоталитаризме", сведения его сути к технике "захвата власти" авангардом⁸⁹. Однако даже такое искаженное "объяснение" причин роста влияния марксизма на военных достаточно ясно свидетельствовало об обеспокоенности такого рода влиянием в рядах вооруженных сил.

Основные надежды в борьбе с революционным влиянием на армию возлагались Рокфеллером на тех военных, которые обучались в военных училищах и академиях США, "познакомились с достижениями американского образа жизни"⁹⁰. Однако Рокфеллер вынужден был признать, что эволюция вооруженных сил может принять самые неожиданные формы. Сам он выступал за то, чтобы "новые военные", взяв политическую власть в свои

⁸⁶ The Department of State Bulletin. Wash., 1969, Dec., 8, p. 505.

⁸⁷ Ibid., p. 505.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibidem.

руки, подготовили бы условия для создания "более плюралистской формы правления... А может быть, — задавал он вопрос, — "новые военные" превратятся в "этистских радикалов, врагов Соединенных Штатов?"⁹¹. Собственно говоря, именно с этой дилеммой — латиноамериканские военные как сила капиталистической модернизации или как сила, содействующая радикальным антиимпериалистическим преобразованиям, — столкнулись правящие круги Соединенных Штатов.

Основные идеи доклада Рокфеллера были активно поддержаны Пентагоном, который явно ориентировался на поддержку вооруженных сил, взявших курс на капиталистическую модернизацию с помощью авторитарных военных режимов. Последние изображались, например, на страницах журнала "Милитэри ревью" как эффективное орудие "социальных изменений", чья политика основана на "здоровых" экономических принципах, осуществляется в "гармоничном" сотрудничестве с иностранным капиталом⁹².

Совсем иной была позиция Пентагона в отношении военных режимов, вставших на путь проведения прогрессивных преобразований. "Этот феномен (речь идет о военных прогрессивных

⁹¹ The Department of State Bulletin. Wash., 1969, Dec., 8, p. 505.

⁹² Именно с учетом этого фактора следует расценивать и выступление "Милитэри ревью" за пересмотр конгрессом программы поставок вооружений в страны Латинской Америки. Разделяя основные положения доклада Рокфеллера, журнал выступал за то, чтобы отказаться от каких-либо ограничений в поставках оружия, предоставить вооруженным силам новейшее вооружение. При этом пентагоновский журнал ссылался на "коммунистическую угрозу" странам Латинской Америки, а также на "профессиональную гордость" латиноамериканских военных. "Соединенные Штаты, — говорилось в одной из статей "Милитэри ревью", — пересматривая свою политику военной помощи другим американским республикам, должны также принимать во внимание фактор профессиональной гордости вооруженных сил этого полушария. Военные латиноамериканских стран торжественно поклялись своим странам обеспечить их надлежащую защиту. А чтобы достичь этого, они должны иметь доступ к современному оружию, а также располагать возможностью им пользоваться". — Military Review, 1970, Apr., p. 9.

режимах. - А.Ш.), - писал "Милитэри ревью", - порождает немало социальных, экономических, политических, а также международных проблем для политики США и межамериканской системы" ⁹³.

Оценивая политику военного правительства Перу, "Милитэри ревью" обвинял его в "популизме", в отходе от "здоровых экономических принципов", во враждебном отношении к иностранному капиталу ⁹⁴. Пугая "негативными последствиями" национализации, этатизма, перераспределения доходов, журнал выступал за переориентацию "социально мыслящих" военных в сторону "подлинного" развития, иными словами, за поддержку капиталистической модернизации в рамках зависимости от империализма. В подобного рода позиции Пентагона довольно отчетливо проявлялась не только враждебность к прогрессивным военным режимам, но и стремление любыми средствами воспрепятствовать радикализации настроений военных, а если возможно, добиться перерождения некоторых из этих режимов.

В конечном счете позиция Пентагона, также как и лихорадочные поиски правящими кругами США вообще более эффективной политики в отношении вооруженных сил латиноамериканских стран, свидетельствовали о том, что эти армии уже далеко не были пассивным орудием в руках империалистических кругов. В одних случаях правящим кругам США приходилось идти на определенные уступки латиноамериканским военным, чтобы удержать их в орбите своего влияния или по крайней мере укрепить сотрудничество на базе политики модернизации капитализма. В других, будучи ограничены в возможностях апеллировать, так сказать, к общим классовым интересам, они вынуждены были искать обходных путей, чтобы тормозить, а если удастся, то и поме-

---

⁹³ Military Review, 1971, N 2, p.70. Еще летом 1969 г. "Милитэри ревью", оценивая перспективы развития событий в Перу, замечал, что в этой стране "происходит нечто совсем противоположное классической модели конфронтации военных с левыми силами"... "Мы станем свидетелями глубокой социальной революции под руководством военных", - писал журнал, имея в виду возможное развитие событий. - Military Review, 1969, N 6, p.91.

⁹⁴ Ibid., p.71-72.

шать укреплению антиимпериалистической линии в политике прогрессивных военных режимов.

Достаточно ясно эти тенденции проявились в латиноамериканской политике администрации Картера, которая осуществляется под флагом защиты прав человека.

По словам Мануэля Мора Вальверде, Генерального секретаря ЦК партии Народный авангард Коста-Рики, "вскоре стало очевидным, что Картер превратил вопрос о правах человека в краеугольный камень своей политики отнюдь не из соображений гуманности, что он вкладывает в него чисто политическое содержание с дальним прицелом, пускает в ход тезис о правах человека как некое орудие в своей международной деятельности. В Латинской Америке он применяется с одной целью, а в отношении стран социализма — с другой. Лозунг о соблюдении прав человека Картер использует как инструмент, призванный, во-первых, изменить негативное мнение о политике империализма в Латинской Америке, а во вторых — опосредствовать развёртыванию пропагандистской кампании против социалистического сотрудничества под предлогом, будто права человека не соблюдаются в Советском Союзе, на Кубе, в других странах социализма" ⁹⁵.

Неоднозначность этой политики Картера в отношении военных режимов различной ориентации выявилась с самого начала. Критика нарушений прав человека в странах с правоавторитарными военными режимами используется правящими кругами США с целью поднять свои акции в глазах у общественного мнения как в своей стране, так и за рубежом, чтобы оправдать свои нападки на страны социализма.

Определённый отход администрации Картера от прежней политики правящих кругов США в отношении военных режимов, в основе которой, как уже отмечалось, лежали рекомендации Нельсона Рокфеллера, объяснялся, помимо всего прочего опасениями, что ослабление позиций правоавторитарных режимов может привести к нежелательным последствиям с точки зрения изме-

⁹⁵ Латинская Америка, 1978, № 3, с.15.

нения соотношения сил в пользу сторонников антиимпериалистических и социальных преобразований, затронув своим влиянием и армию. Политика США рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать подобному развитию событий, которому, по мнению ее вдохновителей, опосредствуют "экоцессы" ультра из числа военной верхушки.

Нельзя отрицать, что такая политика временами порождала довольно острые противоречия между администрацией Картера и правоавторитарными режимами. Так, Бразилия, Уругвай и ряд других стран порвали военные соглашения с США. Однако было бы неверным переоценивать эти противоречия, не видеть, что США отнюдь не отказываются от сотрудничества с правоавторитарными режимами. Более того, когда в результате народного восстания (сентябрь 1978 г.) в Никарагуа диктатура Сомосы оказалась в критическом положении, правящие круги США встали на путь его поддержки под предлогом, что Никарагуа может стать "второй Кубой", плацдармом "международного коммунизма". Такая позиция США сыграла немалую роль в том, что с помощью обученной американскими инструкторами и вооруженной до зубов национальной гвардии диктатору удалось потопить в крови выступления никарагуанских патриотов, но не надолго.

При оценке латиноамериканской политики правительства Дж.Картера в отношении правоавторитарных военных режимов следует учитывать и наличие определенных "разногласий" в этой области между госдепартаментом и Пентагоном. Руководители последнего, как и раньше, прежде всего заинтересованы в укреплении своего влияния над вооруженными силами стран Латинской Америки, стремятся достичь своей цели, по-прежнему используя лозунги антикоммунизма, опираясь на поддержку проимпериалистически настроенной военной верхушки. Поэтому руководители Пентагона расценили выступления госдепартамента и конгрессменов в защиту прав человека, в лучшем случае, как доктринарские упражнения в красноречии, создающие досадные помехи на пути "реальной политики".

Езять к примеру такой относительно частный случай, как политика Пентагона в отношении чилийской военно-фашистской

хунты. "Политика Пентагона, - заявил (март 1977 г.) бывший в то время членом чилийской военно-фашистской хунты генерал Ли, - отличается от политики госдепартамента и самого конгресса США" ⁹⁶. Как писала аргентинская газета "Элементос", приводя это высказывание, генерал Ли недвусмысленно давал понять, что "военно-промышленный комплекс США является подлинной параллельной властью, а может быть представляет реальную власть, которая поддерживает геополитические планы военной хунты, возглавляемой Пиночетом" ⁹⁷. О том, что политика Пентагона не изменилась по сравнению с недавним прошлым, даже хотя бы внешне, свидетельствует очередная, XII конференция командующих сухопутными войсками стран-членов Организации американских государств, состоявшаяся осенью 1978 г. в Никарагуа. Главная цель конференции, по заявлению ее организаторов, состояла в том, чтобы "воспрепятствовать продвижению коммунизма и проникновению чуждых идей", с тем, чтобы обеспечить "безопасность Западного полушария".

Отмечая "противоречия" между отдельными звеньями администрации Картера, нельзя их преувеличивать. Ведь критика нарушения прав человека в странах с правоавторитарными военными режимами сопровождается такими оговорками, что во многом превращается, по сути дела, в оправдание этих режимов. Так, американский журнал "Форин афферс" в одной из опубликованных по этой проблеме статей, в весьма дипломатичной форме высказываясь за демократизацию режимов, в то же время значительную часть своей аргументации переносил в область рассуждений о необходимости понимать трудности, стоящие перед военными, которые справедливо опасаются, что их отход от политической власти приведет вновь к усилению влияния "экстремистов" и "социальным беспорядкам" ⁹⁸.

Другие цели преследует политика администрации Дж. Картера в отношении военных режимов патристической ориентации.

⁹⁶ Elementos. Buenos Aires, 1977, 16 nov.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibidem.

В данном случае правящие круги США широко используют лозунги восстановления институтов "представительной демократии", возврата армии в казармы. Еще в 1972 г. один из американских экспертов Пентагона Луиджи Эйнаути писал, что политическая неоднородность перуанских вооруженных сил может воспрепятствовать им выступать в качестве единого институционального целого, проводить последовательную политику социальных преобразований. Он заявлял, что в рядах перуанских военных неизбежно возникнут центробежные тенденции⁹⁹.

Именно на консервативные группировки перуанской армии ныне рассчитывают правящие круги США, апеллируя к лозунгам возврата к институтам "представительной демократии". Они стремятся содействовать сближению части правонастроенных военных с буржуазно-реформистскими партиями, что должно, по их убеждению, заморозить процесс антиимпериалистических социальных преобразований.

В этом плане стремления правящих кругов США во многом совпадают с политикой национал-реформистских партий и движений социал-демократического типа (Демократическое действие, апристокая партия и другие), которые, выступая за возвращение к институтам "представительной демократии", стремятся свести на нет политическое влияние революционной демократии в военной среде, не допускать укрепления ее сотрудничества с прогрессивными силами, апеллируя к лозунгам "Армия вне политики!", "Армия в казармы!" Не случайно в последнее время с особой демагогичностью в самих Соединенных Штатах и в Латинской Америке разворачивается пропагандистская кампания, направленная на дискредитацию военных режимов патриотической ориентации и их руководителей (в частности, ныне покойного президента Перу генерала Веласко Альварадо, выдающегося государственного деятеля, антиимпериалиста и патриота). Эта кампания, помимо всего прочего, ориентирована на противопоставление одних военных группировок — другим, на поощрение деятельности консервативно настроенных военных.

⁹⁹ Foreign Affairs. Wash., 1978, Jul., p.809-810.

Все эти обстоятельства и факторы необходимо всесторонне учитывать при анализе различных моделей военных режимов, их политики, идеологии, социальной сущности, эволюции, к которому мы сейчас и переходим. Отметим сразу, что, используя термин "модель", мы отдаем себе отчет в относительности этого понятия, его далеко не полной адекватности процессам, происходящим в вооруженных силах различных латиноамериканских стран. Действительно, в одних странах (Аргентина) неудачные попытки утвердить в стране военную "модель", основанную на принципах государственно-монополистического капитализма, потерпели поражение в результате сильной оппозиции в самих вооруженных силах, в других (Боливия) — острая борьба тенденций в вооруженных силах предопределяла частую, даже калейдоскопическую смену политических "моделей". В некоторых странах наличие противоречивых тенденций в рядах армии объясняет своего рода размытость границ этой "модели", что таит, так сказать, разновариантность ее эволюций. Даже в таких странах (Перу, Бразилия), где, казалось, в общем-то выкристаллизовались две отличные друг от друга "политические модели", последние не представляют чего-то застывшего, раз и навсегда данного, подвергаясь корректировке.

Поэтому термин "модель" по отношению к военным режимам, строго говоря, можно использовать с учетом вышеприведенных оговорок. В связи с этим наиболее существенным критерием оценки политики военных режимов является социальный тип власти, социальный характер режима. Этот вопрос имеет определяющее значение как с идеологической, так и политической точек зрения. Именно в этой области проходит своего рода водораздел между идеологами буржуазии и марксистами-ленинцами по вопросу о вовлечении вооруженных сил в политику. Если первые, как правило, не делали никаких различий между военными режимами, в целом противопоставляя военное правление гражданскому, авторитаризм — демократии, то революционеры используют конкретно-исторический подход в оценке вмешательства армии в политику, типа социальной власти, кото-

рую олицетворяют военные режимы. Советские исследователи при характеристике военных режимов обращают особое внимание на их тенденцию превращаться в режимы социальные. "Чисто военные режимы не могут в наше время в развивающихся странах оказаться жизнеспособными на сколько-нибудь длительный период: слишком велики и орочны задачи, стоящие перед этими странами, — пишет Г.И.Мирокий. — Военные режимы должны либо видоизменяться, т.е. превращаться в режимы социальные, имеющие массовую базу, политическую организацию и идеологию, либо уйти со сцены" 100.

В Латинской Америке этот процесс проявляется с достаточной отчетливостью; стремление расширить свою социальную базу характерно как для военных режимов прогрессивной, антиимпериалистической ориентации, так и для прокапиталистических и проимпериалистических. В этом регионе неудачные попытки расширить социальную базу режима, как об этом свидетельствует, например, судьба военной диктатуры в Аргентине, ведут к эрозии военного правления, что в конце концов влечет за собой "уход армии в казармы". В то же время от расширения участия трудящихся в управлении страной, экономикой, как об этом свидетельствует опыт военного правления в Перу и отчасти в Панаме, зависит углубление революционного процесса и укрепление единства вооруженных сил с народными массами.

---

¹⁰⁰ Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки, с.309.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АРГЕНТИНЫ И КРИЗИС «ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»

На протяжении уже многих десятилетий в Аргентине вопрос о дальнейшей судьбе так называемого "либерального государства", т.е. государства, ориентированного на развитие и поддержку латифундизма и стимулирование сельскохозяйственного экспорта под флагом "свободы торговли и предпринимательства", находится в центре острой борьбы различных политических сил.

В эту борьбу оказались вовлеченными и вооруженные силы, различные течения которых занимали нередко противоположные позиции по этой проблеме. Новый приход армии к власти в июне 1966 г. совпал с обострением борьбы вокруг путей дальнейшего развития страны, что самым тесным образом было связано с углублением кризиса всех структур "либерального государства".

Многое было внешне необычно и даже парадоксально в обстоятельствах, при которых аргентинские вооруженные силы совершили 28 июня 1966 г. государственный переворот и провозгласили президентом страны генерал-лейтенанта Хуана Карлоса Онганиа, долгое время занимавшего пост командующего армией.

Руководители военного переворота принадлежали к той части вооруженных сил, сторонники которой в течение ряда лет широковещательно заявляли о своем уважении к конституции, законно избранному правительству, иными словами, высту-

пали как "конституционалисты". Деятельность буржуазно-либерального правительства Артуро Илья (1963-1966 гг.), казалось бы, не давала повода для вмешательства вооруженных сил в политику с целью установления военного режима.

Однако это правительство, которое никак нельзя было назвать правительством открыто реакционным, террористическим или капитулянтским, пало в обстановке всеобщего безучастия, если не сказать больше, к его судьбе. В то же время новый военный режим был встречен различными олоями населения с определенными надеждами на перемены к лучшему.

Главная же особенность военного переворота состояла в том, что он носил "институционный" характер, т.е. вооруженные силы выступили как единый профессиональный институт, хотя ни для кого не было секретом, что в их рядах на протяжении ряда лет шла острая борьба различных течений.

Аргентинская армия накануне переворота

Свержение перонистского режима в 1955 г., как уже отмечалось, положило начало активному и постоянному вмешательству военных в политику, которое осуществлялось то в открытой, то в несколько завуалированной форме. Во всяком случае, какое бы правительство ни находилось у власти, оно должно было считаться с мнением командования вооруженных сил, которое выступало в качестве своего рода "верховного арбитра" в решении судеб страны. Так было в годы президентства Артуро Фрондиси (1958-1962 гг.), лидера партии непримиримых радикалов.

Постоянные правительственные кризисы, бесконечные перетасовки в правительстве были самым тесным образом связаны с вмешательством вооруженных сил в политику, с их стремлением диктовать свои условия президенту. Свергнув А.Фрондиси в марте 1962 г. и поставив на пост временного президента своего ставленника А.Гидо, армия установила еще более жесткий контроль над политической жизнью страны. На время "уйдя в

казармы" в период президентства А.Ильиа, лидера Партии народных радикалов, военные ждали только удобного случая, чтобы вновь выступить на политическую авансцену.

Установление вооруженными силами постоянного контроля над деятельностью правительства сопровождалось интенсивным процессом втягивания военных в политику. Если в первый период после свержения перонистского режима этот процесс проявился в существовании различных военных лож, то с начала 60-х годов он, так сказать, выплеснулся наружу, проявлялось в открытых столкновениях между различными течениями в вооруженных силах. Именно в этот период в Аргентине начала активно внедряться в сознание военных антинациональная военная доктрина, импортированная из Франции и Соединенных Штатов. Созданная наиболее агрессивными империалистическими силами для оправдания колониальных войн, борьбы с национально-освободительным движением, для разжигания "холодной войны", она превозносилась аргентинской реакционно настроенной военной верхушкой, положившей ее в основу идеологической и организационной перестройки вооруженных сил. "Мы живем в обстановке кажущегося мира, - заявил один из ярких пропагандистов этой доктрины генерал Ланда в июле 1960 г., - поскольку на деле вооруженные силы находятся в состоянии войны. Они уже в течение определенного времени воюют с врагом, который называется международным коммунизмом" ¹.

Пропагандисты этой антикоммунистической доктрины призывали аргентинских военных готовиться к борьбе на "внутреннем фронте", против "подрывной деятельности", в защиту "западной цивилизации". А один из высших аргентинских офицеров после военных маневров, проходивших в сентябре 1960 г., во всеуслышание заявил, что вооруженные силы уже "начали защищаться и контратаковать этого колосса и безжалостного врага, который утвердился на американском континенте" ².

¹ Piñeiro J. Algunas consideraciones sobre el plan de reestructuración del ejército. Buenos Aires, 1961, p.12.

² Ibid., p.8.

Задачам борьбы на "внутреннем фронте" и была подчинена вся программа перестройки аргентинских вооруженных сил, которая осуществлялась с конца 50-х годов. Страна была разделена в военном отношении на пять так называемых зон обороны. Во главе каждой находился командующий, наделенный самыми широкими правами и полномочиями. Командующие в пределах своей зоны, исходя из интересов "обороны", могли контролировать политическую, культурную, профсоюзную деятельность. Иными словами, военная власть становилась выше гражданской. Эти зоны были в военном отношении в значительной степени независимы друг от друга. С этой целью в каждой зоне создавались мобильные военные соединения, в которые входили подразделения различных родов войск, включая танки, авиацию, артиллерию. Причем в соответствии с теорией "внутреннего фронта" эти войска были дислоцированы вблизи тех мест, где находились потенциальные "внутренние враги", т.е. вблизи фабрик, университетов и т.д.

Какие причины способствовали усилению влияния антинациональной военно-политической доктрины на аргентинские вооруженные силы? Прежде всего становилось определяющим влияние США, затрагивая все сферы деятельности аргентинской армии. Этот процесс подчинения Пентагону особенно усилился после подписания в 1964 г. двустороннего аргентинско-американского военного соглашения. Аргентинская военная верхушка рекламировала этот пакт как важное звено в модернизации вооруженных сил, их профессиональном совершенствовании. Однако на деле претворение в жизнь соглашения выразилось в перевооружении отдельных соединений специальным, главным образом легким оружием, предназначенным для операций на "внутреннем фронте". Пентагон открыто вмешивался во внутренние дела аргентинской армии, ссылаясь на специальные параграфы соглашения, которые давали право военной миссии США контролировать расположение и размещение воинских частей на территории страны, определять целесообразность передачи им вооружения и другого снаряжения. Аргентинская армия оказывалась во все большей зависимости от США и в области эксплуа-

тации военного оборудования, поскольку ей не была передана необходимая документация, запчасти и т.д.

Однако, несмотря на унижительные условия, аргентинская военная верхушка шла на сотрудничество с США во имя борьбы с "международным коммунизмом", защиты "западных ценностей". За всеми этими фальшивыми лозунгами скрывались своекорыстные расчеты. Дело в том, что к началу 60-х годов все более явным становится процесс сращивания части военной верхушки с финансово-помещичьей олигархией страны и иностранными монополиями. Этот процесс был тесно связан с идеологической обработкой офицерского корпуса в духе антикоммунизма. Еще во время президентства Х.Перона олигархии удалось путем безудержной лести, других средств психологического воздействия, а то и прямого подкупа создать себе опору в вооруженных силах страны, перетянуть на свою сторону часть офицерского корпуса. По словам аргентинского публициста Рохелио Гарсиа Лупо, представители олигархии, усиленно обрабатывая офицеров, исходили из принципа, что "легионы, которые должны остановить варварское нашествие коммунистов и перонистов, заслуживают того, чтобы с ними заигрывали"³.

Играя на антиперонистских настроениях части офицерства, запугивая военных угрозой ликвидации армии трудящимися, олигархии удалось уже в тот период посеять в вооруженных силах семена вражды к рабочему классу, что в дальнейшем в течение многих лет позволяло реакции изолировать военных от освободительного движения, использовать их в своих корыстных целях. Причем реакции удалось навязать свое влияние и тем группам военных, которые по социальному положению — они происходили из мелкобуржуазных слоев — не имели ничего общего с олигархическими кругами. Объяснение этому в немалой степени следует искать в том, что средние слои населения в силу ряда причин (недоверие к рабочему классу, боязнь потери своего социального статуса и т.д.) оказались в тот период под влиянием реакции, были настроены резко антиперонистски.

³Лупо R.G. La rebelión de los generales. Buenos Aires, 1962, p.99.

Прислужничество части вышедших офицеров перед олигархией, иностранными монополиями принимало самые откровенные, бесстыдные формы. Отставные генералы, адмиралы, да и не только отставные, становились членами директорских советов, управляющими крупных национальных и иностранных компаний. Именно в конце 50-х — начале 60-х годов в Аргентине все более многочисленной становилась своеобразная прослойка военных-бизнесменов. "Практически нет ни одного важного государственного или частного предприятия, — писал аргентинский публицист Хосе Пиньеиро, — в управлении которого открыто или скрыто не участвовали бы военные высокого звания. Они становятся таким же важным компонентом административно-управленческой структуры, что адвокаты и экономисты. Очень часто можно читать объявления крупных империалистических компаний, которые предлагают работу отставным военным, в частности в области общественных отношений"⁴.

Наряду с военным-бизнесменом все большее распространение получил тип военного-политика. Причем нередко они совмещались в одном лице.

Начало 60-х годов было отмечено ожесточенными столкновениями враждующих группировок в вооруженных силах, нередко перераставшими в настоящие сражения с применением современной военной техники. Эти острые конфликты со всей очевидностью показали отсутствие единства вооруженных сил, которые не удалось консолидировать на основе антикоммунистических, антинациональных военных доктрин. "Нет необходимости доказывать, — говорил на XII съезде Компартии Аргентины (февраль 1963 г.) один из ее руководителей Родольфо Гиольди, — что вооруженные силы лишены единства и это относится не только к взаимоотношениям между тремя родами войск, но и внутри каждого из них. Наличие огромного числа группировок и лож в вооруженных силах — очевидная истина, которая не нуждается в доказательстве. Кроме того, это обстоятельство приводит к драматическим результатам, поскольку борьба различных

⁴ Píñeiro J. Op.cit., p.26.

военных группировок не раз ставила страну перед угрозой гражданской войны. Руководители вооруженных сил снискали себе печальную славу тем, что приучили, если можно так сказать, население видеть на улицах танки, в небе — самолеты, в море — корабли, которые наводят орудия на города" ⁵.

Основное соперничество в начале 60-х годов велооь между двумя военными группировками, одна из которых носила название "красные", другая — "голубые". Первая объединяла наиболее реакционных, экстремистски и антикоммунистически настроенных военных, которые выступали за захват вооруженными силами политической власти, за ликвидацию всех, даже урезанных буржуазно-демократических свобод. Руководители этой группировки находили опору прежде всего в военно-морском флоте, где традиционно были сильны консервативные, милитаристские настроения, а также частично в сухопутных войсках и авиации. Опорой же "голубых" были сухопутные войска и прежде всего бронетанковые и моторизованные соединения.

Какие причины вызвали столь острое соперничество между этими военными группировками? В области идеологии между ними не было каких-либо серьезных противоречий, сколько-нибудь принципиальной разницы. Руководители как тех, так и других стояли на антикоммунистических позициях, исповедовали военную доктрину "внутреннего фронта". Один из лидеров "голубых" генерал Осиро Вильегас написал книгу "Революционная коммунистическая война", под которой охотно подписались бы многие сторонники "красных". Вся книга Вильегаса, написанная в духе яркого антикоммунизма, содержала призывы разворачивать борьбу против "международного коммунизма" внутри страны и вне ее для опасения "западной цивилизации" ⁶. В предисловии к книге редакция "офицерской библиотеки", расхваливая генерала, писала: "эта война разворачивается уже на нашей территории и ее опасность столь же велика, как и

---

⁵ XII Congreso del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, 1963, p.285.

⁶ Villegas O.G. Guerra revolucionaria comunista. Buenos Aires 1965.

классической войны, поскольку ее цель по сути дела аналогична: подорвать способности и волю к сопротивлению у противника и навязать ему свою волю" ⁷.

Расхождение между двумя соперничающими группировками возникало тогда, когда речь заходила о формах и методах борьбы с "международным коммунизмом". Сторонники "красных" выступали за немедленное осуществление военного переворота, за развязывание террора и репрессий против прогрессивных сил. Руководители "голубых" занимали более осторожную позицию, противились путчистским планам "красных", что объяснялось комплексом самых разнообразных причин. Лидеры "голубых" считали, что в своем антикоммунистическом ослеплении правые экстремисты в рядах армии заходят так далеко, что могут вообще дискредитировать идеологию антикоммунизма, привлечь на сторону прогрессивных сил новые слои населения.

"Антикоммунизм неэффективен и не отвечает своему назначению, - откровенно писал Осирис Виллегас, - если он ограничивается полицейскими преследованиями, судебными процессами, арестами, увольнениями ряда чиновников, занимающихся подрывной деятельностью, изданием законов или репрессивных декретов. Все это далеко не достаточные меры, которые затрагивают, так сказать, периферию проблемы.

Бороться же надо против самой сути коммунизма, нанести ему смертельный удар в области идеологии. Поэтому следует исходить из предпосылки, что идеи нельзя убить, а их следует победить с помощью лучших идей. Лживая философия погибает, только если ей противостоит истинная философия, которая несет в себе правду и помогает разрешить внутренние противоречия общества, восстанавливая его функциональное равновесие" ⁸. Как видим, генерал был довольно красноречив, выступая против "пещерного" антикоммунизма, пытаясь противопоста-

---

⁷ Villegas O.G. Guerra revolucionaria comunista. Buenos Aires. 1963, p.10.

⁸ Villegas O.G. Op.cit., p.41.

вить ему антикоммунизм "цивилизованный", несколько более приглаженный⁹.

Лидеры "голубых" в своей оппозиции "красным" исходили из того, что в вооруженных силах было немало военных, которые выступали против политических авантюр, считая главной задачей армии ее профессиональное совершенствование, модернизацию. Завоевать на свою сторону эту часть офицерства, представ перед ней сторонниками "конструктивной" военной профессиональной программы — такова была одна из основных целей руководителей "голубых" в их противодействии путчистским планам правоэкстремистских кругов в вооруженных силах. Эти планы внушали им тем большие опасения, что в ходе столкновений "красных" с "голубыми" среди военных уносили патриотические настроения, намечалась тенденция к сближению с трудящимися массами.

Характеризуя настроения в армии, которые явно проявились во время столкновений враждующих группировок, Р.Гиольди отмечал: "В рядах вооруженных сил растут прогрессивные, демократические настроения, симпатии к народным массам. Наиболее реакционные группы в военном командовании уже не могут действовать как им заблагорассудится"¹⁰.

Внешне армия как бы устранилась от вмешательства в политику, но на деле играла роль "неусыпного цензора" всех действий гражданского правительства. Позиция "голубых" нашла отражение в ряде документов, в выступлениях их руководителей — генералов Онгания, Осириса Г.Вильегаса и др. Об истинной сущности "конституционализма" сторонников этого течения, возобладавшего в вооруженных силах, можно судить по специальным коммюнике, выпущенным "голубыми" 20 и 23 сентября 1962 г. и командующим армией в апреле 1963 г. В них декларировалось, что вооруженные силы должны уважать конститу-

⁹ Отметим, что впоследствии, когда Вильегас и другие лидеры "голубых" дорвались до политической власти в результате военного переворота 1966 г., они встали на путь самого крайнего "пещерного" антикоммунизма, против которого раньше демагогически выступали.

¹⁰ XII Congreso del Partido Comunista de la Argentina, p.296.

цию страны, способствовать обеспечению законности. Вооруженные силы ограничивают свою деятельность, утверждали руководители "голубых", "строгие профессиональными" задачами, восстановлением дисциплины и соблюдением иерархии в своих рядах ¹¹.

Однако, заявляли военные—"конституционалисты", это не означает, что армия не должна оказывать влияния на жизнь страны. В этом плане вооруженные силы возлагают на себя, согласно декларациям "голубых", миссию гарантировать действия конституции, "предупреждать любые акции тоталитарных сил и препятствовать им". Выполнение этих задач может быть обеспечено путем упрочения "духовного, морального и дисциплинарного единства вооруженных сил" ¹².

С особой ясностью эти претензии вооруженных сил на роль "верховного арбитра" в политической жизни страны были выражены в выступлении командующего сухопутными войсками генерала Онганиа в американской военной академии "Вест-Поинт" 6 августа 1964 г. Генерал заявил, что обязанность вооруженных сил подчиняться конституционным властям теряет всякий смысл, если под влиянием "чуждых экзотических идеологий" в стране нарушается нормальная деятельность государственного механизма, фактически бездействует конституция и перед страной возникает угроза "тоталитарного господства". В этих условиях, заявлял он, на первый план выдвигается "право на сопротивление угрозе угнетения", и это право принадлежит тем институтам, которые являются вооруженной рукой народа" ¹³.

Такая интерпретация "конституционной миссии" вооруженных сил означала на деле, что военная верхушка оставляла за собой право постоянного вмешательства в политическую жизнь

¹¹ Fayt C.S. El político armado. Dinámica del proceso argentino 1960-1971. Buenos Aires, 1971, p.27.

¹² Fayt C.S. Op.cit., p.27.

¹³ Ibid., p.26.

страны. Таким образом, опасность военного переворота, словно дамочлов меч, постоянно висела над страной. Она тем больше возрастала, в связи с захватом ключевых позиций в армии представителями "голубых", что привело к еще более тесному сотрудничеству аргентинских вооруженных сил с Пентагоном, еще более активному навязыванию им антинациональной военной доктрины. "Мы можем оказать без боязни ошибиться, — писал Осирис Вильегас, — что латиноамериканские страны — это страны завербованные. Они входят основной частью в систему, которая разработала свои собственные принципы совместной обороны и взаимопомощи. Они подписали соглашения и пакты, как двусторонние, так и многосторонние, которые гармонически сочетают национальные интересы с интересами американского сообщества. Иными словами, мы входим в Западный блок..."¹⁴.

Генерал Оуганиа после визита в Бразилию заявил 31 августа 1965 г., что в борьбе с "международным коммунизмом допустимы все средства и методы, и она должна вестись на всех фронтах, в любом месте, там, где возникла угроза"¹⁵.

Целям борьбы на "внутреннем фронте" была подчинена так называемая "гражданская миссия" вооруженных сил. Прежде всего она была рассчитана на то, чтобы с помощью отдельных мероприятий социального характера обеспечить поддержку армии со стороны населения. По замыслу военной верхушки, как об этом с предельной откровенностью заявил Осирис Вильегас, подобного рода социально-экономические мероприятия могут оказать сильное политико-психологическое воздействие на массы, обеспечить армии поддержку в ведении операций на "внутреннем фронте"¹⁶.

Превознесение командованием аргентинских вооруженных сил "гражданской миссии" армии объяснялось, помимо всего прочего, стремлением военной верхушки убедить различные

---

¹⁴ Villegas O.G. Op.cit., p.123.

¹⁵ Fayt C.S. Op.cit., p.23.

¹⁶ Villegas O.G. Op.cit., p.168-170.

слои населения в том, что армия способна решить самые острые проблемы страны гораздо более оперативно и эффективно, чем слабое гражданское правительство. Эти идеи усиленно пропагандировались на страницах военных изданий, обосновывались в многочисленных выступлениях, в газетах и журналах. А в предисловии к книге военного публициста Орасио Орсолини "Аргентинская армия и национальное развитие" (1965 г.) с предельной откровенностью подчеркивалось: "... аргентинская армия, вынужденная к этому пассивностью гражданских властей, превращается в руководителя процессом развития и находит отсутствующую ранее цель своей профессиональной миссии. Тем самым армия прикрывает фланг, оголенный в результате исторической слепоты гражданской власти, безучастной к жизненно важным первоочередным задачам национальной действительности" ¹⁷.

Обстановка в стране благоприятствовала осуществлению амбициозных планов военных. Правительство Илья постепенно теряло авторитет и престиж в различных слоях населения. Оно не могло удовлетворить не только трудящиеся массы, но и различные группы господствующих классов. Страну потрясли мощные выступления рабочего класса, активизировали свою борьбу средние слои. В забастовочном движении принимали участие миллионы трудящихся. Так, в 1964 г. в нем участвовало около 8 млн человек, примерно столько же в 1965 - начале 1966 г. Забастовочное движение приобретало все более боевой характер, теснее переплетались чисто экономические требования с антиимпериалистическими, общедемократическими. В ходе забастовочных боев, которыми руководила Всеобщая конфедерация трудящихся, разработавшая поэтапный план борьбы, рабочие занимали предприятия, устанавливали над ними свой контроль.

Важным результатом выступлений рабочего класса, выдвижения им общедемократических, антиимпериалистических требований являлось сближение пролетариата со студентами, служа-

---

¹⁷ См. Problemas de economía. Buenos Aires, 1969, N 20, p.49.

щими, средними слоями населения, которые все чаще использовали в своих действиях пролетарские формы борьбы. В ходе социальных боев крепло классовое единство рабочих, создавались благоприятные условия для преодоления раскола в их рядах.

Важные изменения наметились и в перонистском движении, в котором происходил сдвиг влево трудящихся масс, что, как подчеркивали аргентинские коммунисты, являлось отражением роста политического самосознания трудящихся.

В то же время на пути укрепления единства рабочего класса, профсоюзного движения было немало трудностей. Сдвигу влево трудящихся всеми средствами препятствовали правые профсоюзные перонистские лидеры, сторонники классового сотрудничества в профсоюзном движении. Некоторые из них все больше склонялись к поддержке идеи военного государственного переворота, надеясь с помощью "сильного режима" воспрепятствовать радикализации настроений в рядах рабочего класса, установить полный контроль над профсоюзным движением. Они рассчитывали на важную политическую роль, в которой им отказывало правительство Ильяна, выступавшее за ограничение деятельности профсоюзов чисто экономическими задачами в духе классического буржуазного тред-юнионизма.

Все более открыто враждебную позицию по отношению к правительству Ильяна занимали буржуазно-олигархические группировки страны. Они упрекали правительство в попустительстве деятельности "экстремистов", выступали за подавление борьбы рабочего класса. В государственном перевороте они видели спасение от "коммунистической угрозы". "Предпринимателей, — пишет аргентинский социолог Карлос С. Файт, — привлекала идея того, что военные, захватив власть, обеспечат порядок, твердо выступят против чрезмерных притязаний профсоюзов и будут решительно подавлять все активные выступления под предлогом пресечения подрывной деятельности" ¹⁸.

Все более широкую поддержку планы заговорщиков находили в самих вооруженных силах. В конце 1965 г. Онгания де-

¹⁸ Файт С.С. Op.cit., p.39.

монстративно ушел с поста командующего сухопутными войсками, а его преемник генерал Паскуаль Пистарини продолжал прежнюю, оппозиционную правительству линию поведения, принимая активное участие в подготовке государственного переворота. Сторонникам овержения правительства удалось добиться "институционального" единства вооруженных сил, временно приглушив противоречия в их рядах. Военная верхушка достаточно умело пользовалась недовольством в рядах армии политикой правительства, которое, по мнению военных, мало внимания уделяло модернизации армии, урезывало ассигнования на эти цели. Бесконечные дебаты в конгрессе по бюджетным вопросам, в том числе по военным расходам, использовались армейской верхушкой в качестве дополнительного аргумента, подтверждающего неэффективность "традиционных" парламентских форм правления, необходимость их ликвидации для достижения "национального величия" страны.

К лету 1966 г. в стране создалось такое положение, когда самый незначительный повод мог повлечь за собой государственный переворот. Такой повод представился, когда президент А.Ильиа попытался произвести некоторые перемещения в вооруженных силах. В ответ на это командующие родами войск заставили его уйти в отставку, образовав временную "революционную хунту". Они провозгласили президентом генерала Хуана Карлоса Онганиа.

Так быстро завершился безкровный государственный переворот, который положил начало открытому военному правлению в стране.

Режим «аргентинской революции»

Организаторы государственного переворота обставили его с театральной пышностью. Один за другим были обнародованы документы военной хунты, в которых провозглашались цели и задачи "аргентинской революции" - так претенциозно был ок-

решен государственный переворот. В "Основном документе аргентинской революции" излагались причины, якобы вынудившие вооруженные силы захватить власть, отмечались ошибки, допущенные предыдущими правительствами в ведении государственных дел, устаревшие методы руководства страной. По утверждению авторов этого документа, в стране нарушилось "духовное единство аргентинского народа", утратилось "национальное чувство", что привело к росту настроений скептицизма и безразличия. Все это сопровождалось глубокими социальными потрясениями, что свидетельствовало об отсутствии порядка и дисциплины. Особый упор делался на то, что "проникновение марксизма" в страну, усиление его влияния во всех сферах жизни создавало угрозу возникновения "тоталитарного коллективизма".

Цели "революции" уточнялись в "Послании революционной хунты аргентинскому народу". В нем упор делался на то, что "аргентинская революция" ставит своей главной задачей ликвидацию устаревших политических и экономических структур, которые препятствовали развитию нации. Основная цель "революции", говорилось в обращении, состоит в том, чтобы приспособить Аргентину к мировым достижениям науки, техники и культуры. Для достижения данной цели необходимо единство аргентинцев, а для этого следует "ликвидировать живую и бесплодную формальную законность, под прикрытием которой проводилась раскольническая и подоткрекательская политика, что делало неосуществимой возможность совместных действий и поставило под сомнение само существование власти. В результате вооруженные силы, скорее, не заменили одну власть другой, а заполнили вакуум, созданный отсутствием таковой, чтобы воспрепятствовать утрате навсегда чести и достоинства аргентинцев". Послание заканчивалось призывом к населению объединяться под знаменем принципов "западной, христианской цивилизации" 19.

Политико-административную структуру нового режима опре-

¹⁹ Fayt C.S. Op.cit., p.48-49.

делая "Статут аргентинской революции". В соответствии с ним, президент республики наделялся огромными полномочиями, в том числе и законодательными правами, которые раньше были прерогативой Национального конгресса. Он обладал широчайшими полномочиями в назначении министров, губернаторов провинций и других государственных чиновников²⁰. Иными словами, статут санкционировал почти полную ликвидацию институтов "представительной демократии": распускался конгресс, провинциальные законодательные собрания, запрещалась деятельность всех политических партий.

В последнем документе "Политические цели - революционные задачи" в целом повторялись главные положения предыдущих документов, уточнялись задачи нового режима в области внешней и внутренней политики, заявлялось, что во внешней политике "революционный режим" ставит своей целью защиту национального суверенитета, территориальной целостности, создание условий для "выполнения великой национальной миссии"²¹. 29 июня "революционная хунта", передав президентскую власть генералу Хуану Карлосу Онганиа, сложила с себя все полномочия и прекратила свое существование.

Вся эта быстрая, довольно радикальная перестройка политической структуры аргентинского государства, по сути дела, не встретила сколько-нибудь серьезной оппозиции в стране. Более того, некоторые лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий, например, бывший президент А.Фрондиси, ряд профсоюзных руководителей, поспешили выразить свое согласие с целями "аргентинской революции", объявили о поддержке нового режима.

В этих условиях принципиальное значение приобретало выступление компартии, которая сразу после государственного переворота охарактеризовала его как акцию самых реакционных сил страны, стремление воспрепятствовать победе революционной, антиимпериалистической альтернативы в решении

---

²⁰ Fayt C.S. Op.cit., p.49-50.

²¹ Ibid., p.50-51.

структурного кризиса в стране. Установление диктаторского режима, подчеркивали аргентинские коммунисты, является началом развернутого выступления сил реакции против демократического движения в стране, влечет за собой еще большие уступки иностранным монополиям²². Коммунисты указывали на беспочвенность надежд, характерных для некоторых слоев населения, на то, что режим "аргентинской революции" приведет к кардинальной перестройке остальных структур страны, ее "модернизации" в интересах народа. "Когда диктаторский режим, - говорил Генеральный секретарь компартии Херонимо Арнедо Альварес, - выдвигает лозунги "модернизации страны", "изменения структур", он стремится с их помощью обмануть массы, поскольку отдаст себе отчет, что ныне подобного рода лозунги, идеи, за которые неуклонно выступает наша партия, стремясь провести их в жизнь, глубоко проникли в сознание масс"²³.

Диктатура может провести определенную "модернизацию" страны, отмечали коммунисты, но лишь в интересах господствующих, привилегированных групп населения. Характеризуя социальную, классовую сущность установленного в стране режима, коммунисты подчеркивали, что к власти пришли наиболее реакционные группировки в армии, земельная олигархия и крупная буржуазия, тесно связанная с империализмом. Члены правительства, по словам коммунистов, своими экономическими интересами "связаны с империалистическими монополиями, крупной олигархией, они владеют акциями крупных иностранных предприятий, особенно североамериканских, или же входят в директораты крупных международных банков"²⁴.

Политика диктаторского режима "аргентинской революции" полностью подтвердила всю правоту принципиальной политики

²² Resoluciones y declaraciones del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, 1966, p.70.

²³ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas. Buenos Aires, 1969, p.33.

²⁴ Ibid., p.25, 29.

аргентинских коммунистов, ее дальновидность. Диктатура сразу встала на путь самой черносотенной, антикоммунистической политики, обрушилась с жесточайшими политическими репрессиями на демократическое движение. В стране действовал закон "о защите от коммунизма", под прикрытием которого чинилась расправа о демократами и патриотами. Определение состава "преступления" по обвинению в "коммунистической деятельности" было передано Национальному департаменту разведывательной службы (СИДЕ), тесно связанному с ЦРУ, Национальному совету безопасности (КОНАСЕ), который планировал борьбу против "подрывных элементов" внутри страны.

Экономическая политика диктаторского режима, осуществляемая в интересах привилегированных групп, всей тяжестью обрушилась на плечи трудящихся. Рост стоимости жизни, замораживание заработной платы, интенсификация эксплуатации ухудшали положение трудящихся, снижали их жизненный уровень. В годы диктатуры ускорился процесс обнищания лиц наемного труда, приведший к тому, что в начале 70-х годов их доля в национальном доходе по сравнению с 1955 г. упала с 50 до 35%²⁵. Тяжелое положение трудящихся усугублялось ростом безработицы. К началу 70-х годов в стране насчитывалось 700 тыс. безработных²⁶.

Резко ухудшилось в годы господства военной диктатуры положение сельских трудящихся. Массы мелких арендаторов и крестьян сгонялись с земли крупными собственниками, монополиями под предлогом "модернизации" сельского хозяйства. Так, только в провинции Тукуман за короткий срок было ликвидировано 10 тыс. мелких хозяйств, занятых выращиванием сахарного тростника²⁷.

Политика "модернизации" страны привела к ухудшению по-

---

²⁵ Alvarez G.A. Informe al 14-е Congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, 1973, p.36.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas, p.54-55.

ложения и широких олов средних и мелких предпринимателей и торговцев. Диктаторский режим под предлогом "модернизации" национальной промышленности, повышения ее конкурентоспособности сократил примерно вдвое таможенные пошлины на иностранные товары, что поставило на грань катастрофы многие местные предприятия. Плодами "модернизации" пользовалась лишь небольшая группа местных и иностранных монополий, буржуазно-помещичьей олигархии. Только за период 1966-1968 гг. крупные частные предприятия, как местные, так и иностранные, объявили об увеличении своих прибылей на 77,7%²⁸. За 1966-1970 гг. на каждый вложенный иностранными монополиями доллар было вывезено 9,67 долл. в виде прибылей, процентов и дивидендов²⁹. Крупные частные банки только за 10 месяцев 1968 г. увеличили свою прибыль на 186% по сравнению с 1967 г.³⁰.

Осуществляя свою экономическую и социальную политику, руководители военной диктатуры заявляли, что они стремятся покончить с прежней моделью "либерального государства", которая препятствовала "модернизации" страны. Действительно, старая окостеневшая структура государства не могла уже удовлетворить местную крупную буржуазию и ее союзников из числа иностранных капиталистов, которые отремилась путем модернизации этих структур придать большую "мобильность" своей политике, воспрепятствовать ломке "либерального" государства путем революционных радикальных преобразований, за которые выступали аргентинские коммунисты и другие прогрессивные силы страны.

В годы военной диктатуры усилилось стремление правящих группировок создать в Аргентине систему государственно-монополистического капитализма (ГМК). Аргентинские коммунисты, ха-

---

²⁸ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas, p.58.

²⁹ Hacia el XIV Congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, 1972, p.78.

³⁰ Problemas de economía. Buenos Aires, 1969, N 20, p.87.

рактическию особенностью ГМК в стране, отмечали, что его формирование происходит в процессе складывания все более тесного альянса местной крупной буржуазии, латифундистов и иностранных монополий; их сращивания с государственным аппаратом ³¹.

Однако в самих правящих кругах олицетворяли противоречия по поводу путей и методов осуществления политики ГМК.

Наибольшим влиянием в правительстве "аргентинской революции" пользовались представители двух соперничающих политических течений, которые условно можно характеризовать как "националистическое" и "либеральное". Оба выступали за преобразования традиционного "либерального" государства, за изменение политической структуры страны, за сильную власть. Не было у них, по сути дела, каких-либо коренных, принципиальных разногласий и по вопросу о модернизации страны, ориентирующейся на местный и иностранный монополистический капитал. Однако пути, средства и методы достижения этой цели у этих политических группировок были во многом различными.

Националистическое течение в правительстве, к которому тяготел генерал Онгания, придерживалось идеологии, очень близкой взглядам представителей самого экстремистского правого национализма, с его ярким антикоммунизмом, проповедью корпоративизма, авторитаризмом, враждой к демократии, прогрессивным силам. Ряд ближайших сотрудников президента состоял в организации "Град католический" - ультранационалистическом объединении крайне правого толка ³².

---

³¹ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas, p.58.

³² "Град католический", возникнув во Франции, объединил наиболее экстремистски настроенных военных, особенно из числа тех, кто прошел "школу" колониальной войны в Алжире, оставив ядро осовцев. Приверженцы "Града католического" черпали вдохновение в писаниях идеолога французского национализма Шарля Моррасса, адептов католического "интегризма", крайне правого идейного направления в католицизме. Их настольной книгой был антикоммунистический пасквиль "Марксизм-ленинизм" идеолога вишистского режима Жака Уссэ. Основная идея этой книги сводилась к тому, что сатана в современном мире стремится подорвать "христианский порядок" с помощью

Характеризуя сущность взглядов правых националистов, аргентинские коммунисты отмечали, что они ведут борьбу прежде всего против демократических свобод, которые вырваны у буржуазии в результате упорной и самоотверженной борьбы пролетариата и всех народных масс. Поэтому, по словам коммунистов, "демократия не может стать синонимом буржуазного либерализма, и она не противоречит интересам подлинного национализма"³³. Обосновывая свою позицию по вопросу о буржуазном либерализме, путях его преодоления, коммунисты подчеркивали: "Буржуазный либерализм безнадежно устарел. Он соответствовал тому этапу капитализма, на котором господствовала свободная конкуренция. Борьба народных масс за свободы не будет содействовать тому, чтобы вновь был возведен на пьедестал переживший свой взлет буржуазный либерализм. Эта борьба будет вестись за завоевания подлинной демократии, и, завоевав ее, можно двинуться вперед к социализму"³⁴.

В области экономики представители правого национализма нередко прибегали к антиимпериалистической демагогии, склоняясь на практике к тесному сотрудничеству с иностранными компаниями.

Наибольшую активность в сфере политики проявляло националистическое течение в правительстве, идеологом и лидером которого был министр внутренних дел Гильермо Борда. Оно стремилось навязать стране авторитарно-корпоративист-

---

социальных "безбожных" революций. Аргентинские последователи Уосэ в рядах вооруженных сил, создав филиал "Града католического" в стране, разработали амбициозные планы перестройки Аргентины на основе католического "интегризма". Они тесно сотрудничали с так называемым "Братством практикующих христиан", в которое входили многие представители военной элиты. Известный аргентинский журналист Рохелио Гарсиа Лупо назвал эти организации правых националистов в армии "секретной партией" генерала Онгания, которая привела его к власти. Lupo R.G. Mercenarios y monopolios en la Argentina. De Ongania a Lanusse 1966-1973. Buenos Aires, 1973, p.9.

³³ Hacia el XIV Congreso del Partido Comunista, p.15.

³⁴ Ibidem.

скую модель общественного устройства. Эта "модель", окрещенная идеологами правых националистов "коммунитаризмом", исходила из утопических представлений о возможности создания "национального единства", преодоления классовой борьбы путем организации различного рода корпоративистских объединений, которые участвовали бы в управлении страной. Рабочий класс, по утверждениям идеологов "коммунитаризма", должен участвовать наравне с другими общественными группами в определении судеб страны.

Аргентинские коммунисты, разоблачая эту политику правительства Онгания, подчеркивали, что диктаторский режим пытается убедить трудящихся в том, что "коммунитаризм" представляет собой "народную демократию", подлинное участие народных масс в управлении страной. "С помощью этого фараона Онгания пытаются олекулить на новых идеалах, зреющих в массах, которые борются за глубокие изменения, за новые формы правления, при участии передовых социальных сил"³⁵. Эту политику Онгания коммунисты характеризовали как политику монополистической буржуазии, активно использующей социальную демагогию для обмана трудящихся с целью воспрепятствовать революционным преобразованиям в стране.

На деле же "участие" рабочих в управлении страной должно было свестись к отказу от классовой борьбы, что превратило бы пролетариат в объект манипулирования авторитарно-диктаторского режима. Нет ничего удивительного, что, за исключением небольшой группы правых профсоюзных лидеров, сторонников "участия", рабочий класс, профсоюзное движение решительно отвергли планы "коммунитаристов", своей борьбой способствовали их срыву.

Против планов националистов выступили, естественно, с других позиций, чем трудящиеся, представители "либералов" в правительстве. Они были против столь радикальной, по их мнению, перестройки политической структуры страны, опасаясь,

---

³⁵ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas, p.34.

что такой путь может привести к самым "неожиданным последствиям". Особенно настороженно они отнеслись к демагогическим заигрываниям националистов с рабочим классом, трудящимися с помощью "антилиберальных" лозунгов. Такой путь, как они считали, был "оектантоким", угрожал "национальному единству", мог даже вызвать антикапиталистические настроения у народных масс.

Журнал аргентинских коммунистов "Проблемас де эконо-
мия", характеризуя причины такой позиции влиятельной части
местной крупной буржуазии в отношении "националистических"
экспериментов правительства Онгания, писал, что она боится,
что режим потеряет контроль над положением в стране и "по-
этому все, что может напоминать "националистические" акции
немедленно вызывает у нее ассоциации с якобинским терро-
ром" ³⁶.

Оппоненты националистов усматривали в их политике стре-
мение усилить роль государства, сузить сферу деятельности
"свободного предпринимательства". Идеолог этого политическо-
го течения Альваро Альсогоарай (одно время занимавший при
правительстве Онгания пост посла Аргентины в США) даже обви-
нял правительство Онгания в политике "огосударствливания"
экономики, ее "социализации". Он требовал возвращения "ар-
гентинской революции" к ее "истокам", поддержке и стимули-
рованию "свободной экономики" ³⁷.

В развернутом виде позиция сторонников "либерального"
пути выхода из структурного кризиса была изложена в книге
Альваро Альсогоарая "Основы для будущей политической деятель-
ности" (1968 г.). Объявляя себя сторонником преобразования
традиционного "либерального государства", он в то же время
выступил против радикальной перестройки всей его структуры,
полной ликвидации прежней политической надстройки. По его
мнению, преобразования в области политической структуры дол-
жны ограничиваться созданием крупных партий, которые были

³⁶ Problemas de economía, 1971, N 24, p.7.

³⁷ Visión. México, 1969, 21 nov., p.66-68.

бы едины в кардинальных вопросах экономики и политики, ликвидации неэффективных мелких партий. В этих планах Альсогоарая чувствовалось явное отремление перестроить политическую структуру Аргентины по образцу и подобию развитых капиталистических стран с их немногочисленными, но сильными буржуазными партиями.

Еще больше это сказывалось на планах перестройки экономической структуры страны. Альваро Альсогоарай выступал с позиций "неолиберализма", который, по его словам, допускает элемент планирования в экономике, но "всегда ставя его на службу свободной игре рыночных сил и интересов"³⁸. Вмешательство государства в экономику, согласно Альсогоарай, в условиях "свободного рыночного хозяйства" должно ограничиваться только созданием благоприятных условий для "свободы конкуренции", для борьбы против "бюрократического" вмешательства в экономику³⁹.

Все противоречия, которые резко обострились в период пребывания у власти военной диктатуры, не могли не коснуться и вооруженных сил.

Одной из своих главных целей организаторы государственного переворота объявили превращение вооруженных сил страны в динамичный, модернизированный, профессиональный институт.

Вся политика модернизации аргентинских вооруженных сил с самого начала характеризовалась глубокими противоречиями. В военно-политической области план модернизации был прежде всего ориентирован на подчинение аргентинских вооруженных сил глобальным стратегическим задачам империализма, его доктринам "внутреннего фронта", "антипартизанской войны", "идеологических границ". На первый план выдвинулась доктрина национальной безопасности в ее самом реакционном, антикоммунистическом варианте. Авторы этой доктрины видели в "международном коммунизме" врага, который использует самые различные формы и методы подрывной деятельности, в том числе "идеоло-

³⁸ Fayt C.S. Op.cit., p.78.

³⁹ Ibid., p.79.

гическую инфильтрацию", чтобы, по их словам, посягнуть на традиционный христианский и западный образ жизни ⁴⁰.

При этом осуществление политики "национальной безопасности" не ограничивалось рамками государственных границ. Авторы рассматриваемой доктрины призывали координировать действия против "коммунистической агрессии" с другими странами, которые объединились в защите "свободы" ⁴¹.

Апологеты тесного военного сотрудничества с Пентагоном из числа аргентинской военной верхушки рекламировали его как эффективное средство в деле модернизации аргентинских вооруженных сил, возлагая надежды на военное соглашение с Соединенными Штатами. Как известно, оно не принесло аргентинским вооруженным силам ничего, кроме ущемления профессиональной гордости, еще большего подчинения планам Пентагона. Положение было настолько нетерпимым, что с критикой этого военного соглашения выступили даже высокопоставленные представители вооруженных сил. Дивизионный генерал Эдуардо Урибуру, начальник отдела генерального штаба армии по техническому оснащению войск, заявил (март 1968 г.), что Аргентина в рамках военного соглашения с США приобрела "несколько бронированных транспортеров и пять легких танков, причем с такими ограничениями в их использовании, что о какой-либо овободе действий трудно и говорить" ⁴².

Недовольство военных сотрудничеством проявилось и в выступлении на страницах журнала "Темас милитарео" дивизионного генерала Хуана Гульальмели, пользующегося большим авторитетом в армии. Отмечая большую ненадежность рынков США для приобретения аргентинской армией нового вооружения, он без излишней дипломатичности заявил, что это объясняется политическими соображениями, которыми руководствуются США, исходя в своей политике по отношению к вооруженным силам латиноамериканских стран вообще из своих "собственных инте-

---

⁴⁰ Estrategia. Buenos Aires, 1969, N 4, p.134.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Nueva Era. Buenos Aires, 1969, N 5, p.782-783.

ресов" ⁴³. Большой политический резонанс вызвало выступление в День аргентинского флота (17 мая 1968 г.) командующего военно-морским флотом адмирала А. Варелы, который подверг критике аргентинско-американский пакт о военном сотрудничестве. По его словам, США снабжали аргентинские военно-морские силы устаревшими кораблями, которые, помимо всего прочего, не отданы им в полную собственность, так как их использование оговорено многими "политическими условиями". Адмирал заявил, что все это не дает возможности проводить в жизнь "нормальную национальную политику в области флота" ⁴⁴.

Таковыми были настроения в вооруженных силах, когда на свет появился "План Европа", который самым тесным образом был связан с фактическим прекращением действия аргентинско-американского военного соглашения. Ответственным за выполнение этого плана был назначен генерал Э. Урибуру.

Согласно замыслам плана, Аргентина должна была закупать для армии оружие и военное оборудование в европейских странах. Однако главная цель плана состояла в том, чтобы подготовить условия для создания собственной военной промышленности. Поэтому "План Европа", предусматривал одновременно с закупкой военной техники привлечение в страну иностранных военных экспертов, приобретение патентов и лицензий. Так, закупая французские танки новых типов, инициаторы плана намеревались с помощью французских специалистов сначала заняться экспериментальной сборкой танков, а затем наладить собственное их производство. Планировалось также с помощью западногерманских специалистов наладить на аргентинских военно-морских верфях строительство подводных лодок. Аналогичные меры предусматривались и в области перевооружения военно-воздушных сил.

Авторы плана ставили перед собой в качестве конечной цели создание такой военной промышленности, которая смогла бы работать даже на экспорт, успешно конкурировать на миро-

⁴³ Temas militares. Buenos Aires, 1967, N 2, p. 12-13.

⁴⁴ Ibid., p. 483-484.

вых рынках вооружения с другими странами. Вокруг "Плана Европа" военный режим поднял большую пропагандистскую шумиху, делая особый упор на то, что его реализация будет способствовать "национальному величию", "интегральному" развитию страны.

Для реакционно настроенной военной верхушки, которая отнюдь не намеревалась отказываться от сотрудничества с США, этот план служил во многом чисто престижным пропагандистским целям, чтобы доказать, что режим "аргентинской революции" проводит политику "национального величия", в которую неотъемлемым элементом входит модернизация вооруженных сил. Военная верхушка не могла не учитывать настроения в вооруженных силах, в рядах которых было немало патриотов, выступавших за проведение независимой военной политики. Они связывали с "Планом Европа" надежду на создание сильной национальной экономики. Определенную роль в выдвижении этого плана сыграли и расчеты режима использовать в своих целях межимпериалистические противоречия. Бесспорно, "План Европа" в какой-то степени ослаблял зависимость Аргентины в военном отношении от Соединенных Штатов, объективно отражал реально существующие противоречия между странами Латинской Америки и их северным соседом. Однако сам план не мог способствовать упрочению подлинной экономической независимости страны, глубоким структурным изменениям.

Политика режима "аргентинской революции" как в целом, так и в военном вопросе была подчинена задачам упрочения капиталистического строя путем некоторой его модернизации. Сам характер такой модернизации предопределял тенденции к подчинению государственного сектора интересам местного и иностранного капитала. Речь прежде всего шла о государственных военных предприятиях в стране. К ним принадлежали Центральное управление по производству военных материалов (ДСФМ), Национальное управление по производству и исследованию в области воздухоплавания (ДИНФИА), Государственные верфи и военно-морские фабрики (АФИЕ). Это были целые военно-промышленные комплексы, которые наряду с вооружением и

боеприпасами выпускали широкий ассортимент продукции. Так, предприятия ДСФМ производили продукцию, предназначенную для сельского хозяйства, машиностроения, железных дорог, нефтяной промышленности и т.д. К концу 60-х годов продукция для нужд гражданских отраслей экономики народного хозяйства составляла 80% всего производства, а на долю военной продукции приходилось всего 20% ⁴⁵.

Аналогичным образом работали предприятия ДИНФИА, на которых производилась продукция не только для вооруженных сил, но и для нужд всей национальной экономики. В частности, ДИНФИА заложило основы автомобильной промышленности в стране. Кадры инженеров, техников, квалифицированных рабочих, подготовленных на его предприятиях, стали той основой, на которой начали развиваться новые отрасли национальной промышленности.

Важную роль сыграли предприятия АФИЕ в развитии как военной промышленности, так и других отраслей экономики.

В вооруженных силах не было единства относительно судьбы этих предприятий. Сторонники патриотических течений в вооруженных силах стремились сделать такие предприятия, как ДСФМ, ДИНФИА и подобные им, эффективной опорой государственного сектора, придав ему антиимпериалистическую направленность, что способствовало бы упрочению экономической самостоятельности страны. Они вдохновлялись традициями и идеями таких выдающихся военных-патриотов, как генералы Москони, Бальдич, Савио, которые стояли у истоков создания многих военных и других государственных предприятий, активно боролись за экономическую независимость страны. Генералу Москони, первому президенту государственной нефтяной компании, принадлежит широко известное высказывание: "Передать нашу нефть иностранным интересам - равносильно сдаче нашего национального знамени" ⁴⁶. Он же, всю свою жизнь самоотверженно борясь за

⁴⁵ Ceresole N. Ejército y política nacionalista. Buenos Aires, 1968, p.101.

⁴⁶ См. Problemas de economía, 1969, N 20, p.102.

национальные интересы, четко сформулировал позицию военных-патриотов в отношении экономической и военной самостоятельности страны: "Независимость 1810 г. должна быть дополнена независимостью наших орудий. Ныне наши орудия находятся в зависимости, и все мы знаем причины такого положения. Ясно, что мы не можем ни в коей мере быть довольными подобного рода ситуацией. И только тогда мы сможем быть спокойными, когда сумеем сказать: "Наше отечество, наш суверенитет, наши политические институты, наши национальные богатства - все это находится в безопасности, поскольку нация обладает твердой волей, имеет орудия, которые могут стрелять, если в этом будет необходимость" ⁴⁷.

Первый руководитель ДСФМ генерал Савио, который заложил основы национальной металлургической промышленности, выступал за то, чтобы ключевые отрасли экономики принадлежали государству, а не находились под контролем частного предпринимательства ⁴⁸.

Военный режим "аргентинской революции" предал забвению патриотические традиции аргентинских вооруженных сил. Он взял курс на денационализацию, "приватизацию" предприятий государственного сектора. Руководитель ДСФМ в годы военной диктатуры генерал Агиляр Бенитес откровенно заявлял, что задача этого государственного объединения состоит не в конкуренции с частной инициативой, не в ее подмене, а в создании благоприятных условий для ее деятельности ⁴⁹.

Вот эту политическую линию по отношению к предприятиям государственного сектора, в том числе и военным, и проводил в жизнь диктаторский режим. Под предлогом "модернизации" вооруженных сил, придания большей эффективности военной промышленности осуществлялось дробление военно-промышленных комплексов, передача ряда предприятий в руки частного предприни-

⁴⁷ Mosconi E. La batalla del petróleo. Buenos Aires, 1957, p.34.

⁴⁸ Ceresole N. Ejército y política nacionalista, p.103.

⁴⁹ Ibid., p.100.

мательства, иностранного капитала. Такая политика ставила этот комплекс предприятий в зависимое положение от иностранных и местных монополий, препятствовала проведению самостоятельной военной политики.

Аргентинские коммунисты отмечали, что одной из причин такой политики военной диктатуры является тот факт, что немало представителей военной иерархии было тесно связано с иностранным и местным крупным капиталом, входили в директорские советы, управления компаний. Причем это делали как отставные военные, так и находящиеся на действительной службе. Так, по данным на начало 60-х годов, 143 аргентинских военных самого высшего ранга занимали 177 руководящих постов в крупных частных промышленных и финансовых объединениях, принадлежащих большей частью иностранному капиталу⁵⁰.

Такое положение все больше убеждало многих военных в том, что велеречивые рассуждения руководителей режима "аргентинской революции" о завоевании страной "военной самостоятельности" становились просто-напросто пропагандистским блефом.

Таким же блефом оказались обещания военной верхушки резко повысить профессиональный уровень вооруженных сил, обзавести боеготовую, монолитную армию. С установлением в стране военной диктатуры в вооруженных силах в еще более широких масштабах, чем раньше, развернулась травля патристически настроенных военных, преследование инакомыслящих. Подводя некую "теоретическую" базу под такую политику, командующий армией генерал Х.Альсогоарай заявил 28 декабря 1967 г., что "вооруженные силы не правят в стране и даже не участвуют в правлении, а являются надежным оплотом аргентинской революции и отдадут отчет в своей ответственности перед ней". И далее он многозначительно добавлял, что "единственно, кто из представителей армии участвует в управлении страной, так это ее командующий"⁵¹. Комментируя дан-

⁵⁰ Mundo económico. Caracas, 1969, N 19, p.37.

⁵¹ Nueva Era, 1968, N 2, p.51.

ное заявление, журнал аргентинских коммунистов "Нуэва эра" отмечал: "Для тех, кто умеет понимать, хватит и этих немногих слов. Другие генералы и офицеры не правят и не участвуют в правлении. Они должны молчать и повиноваться, а кроме того, принять на себя ответственность перед народом за диктаторский режим, навязанный стране, и за его антинациональную, антинародную политику"⁵².

В вооруженных силах периодически проходили чистки, из их рядов изгонялись демократически настроенные военные. В армии процветал фаворитизм, критериями назначения на командные должности были не способности, не уровень профессиональной подготовки, а реакционность политических взглядов, личная преданность руководителям военного режима.

В то же время ухудшалось профессиональное и экономическое положения значительной части военных, особенно младшего офицерского, а также унтер-офицерского состава. Низкое жалование, более чем скромные жилищные условия были характерны для этой многочисленной категории военнослужащих, что создавало серьезные препятствия для совершенствования их профессиональной квалификации, для нормального выполнения своих служебных обязанностей. Увеличение сроков прохождения военной службы для получения очередного звания особенно ограничивало возможности продвижения молодых офицеров, порождало в их рядах моральную депрессию, чувство разочарования службой, неудовлетворенность. Все это приводило к тому, что немало военных, особенно молодых, разочарованных службой в вооруженных силах, уходили в отставку. Так, по официальным данным, в военно-морском флоте в среднем в 1966 г. прошение об отставке подавал один офицер в неделю, а в 1967 г. эта цифра удвоилась⁵³.

Положение в вооруженных силах было настолько тревожным, что в апреле 1968 г. состоялось специальное совещание командующих тремя родами войск совместно с военным министром, где

⁵² Nueva Era, 1968, N 2, p.51.

⁵³ Ibid., p.56.

с тревогой отмечалось, что все большее число военных уходит в отставку ⁵⁴. В вооруженных силах учащались случаи коррупции, использования своего служебного положения в корыстных целях. Так, связи командующего военно-морским флотом вице-адмирала Педро Гнави с частными судоходными компаниями приобрели настолько скандальную известность, что совет адмиралов вынужден был обратиться, чтобы заслушать объяснения своего начальника ⁵⁵. Ряд высших военных был уволен в отставку по обвинению в коррупции.

Но, пожалуй, наименьшее уважение к своему профессиональному долгу выказал бригадный генерал Дельфер Отеро, начальник высшей военной школы. В разгар академического года он подал в отставку, чтобы занять пост начальника "общественных отношений" в одной из крупных частных компаний, связанных с американским капиталом ⁵⁶.

Кризисным явлениям в вооруженных силах в немалой степени способствовали ожесточенные столкновения группировок, личных интересов в военных верхах.

Столкновения в стане руководителей военного режима начались по сути дела с момента прихода военных к власти. Попытки объединить соперничающие группировки путем разработки "деполитизированной", технократической модели развития аргентинского общества, сторонником которой выступал генерал Осиро Вильегас, были неэффективны в силу остроты противоречий в военной среде. Технократические рецепты лечения недугов Аргентины, разработанные генералом Вильегасом, снабженные изрядной порцией антикоммунизма, не помогли примирению враждующих группировок, которые, хотя и разделяли призывы Вильегаса к созданию "Великой Аргентины", превращению

---

⁵⁴ Lupo R.G. Mercenarios y monopolios en la Argentina de Onganía a Lanusse 1966-1973, p.102.

⁵⁵ Ibid., p.104.

⁵⁶ Ibid., p.105.

ее в ядерную державу, по-разному видели пути достижения этих целей ⁵⁷.

Особенно обострились противоречия после того, как Онгания и его сторонники встали на путь "националистических" экспериментов, объявили о своем стремлении создать "коммунитарный" строй. В августе 1968 г. им удалось добиться отстранения с поста командующего армией генерала Х.Альсогарая, сторонника "либеральной" политики, брата идеолога аргентинского "неолиберализма" А.Альсогарая, который был также отстранен от активной политической деятельности. Однако назначенный на пост командующего армией генерал А.Лануссе вскоре оказался в оппозиции к президенту Онгания.

Новый командующий по своим политическим взглядам принадлежал к "неолибералам" и неодобрительно относился к попыткам сторонников Онгания укрепиться у власти с помощью "коммунитаристических" экспериментов. Бесспорно, на такую позицию Лануссе и его сторонников оказало влияние боязнь авторитетных буржуазно-помещичьих группировок "непредвиденного" развития событий в результате усиления роли государства, его заигрывания с рабочим классом, активизации деятельности националистов из лагеря приверженцев президента. Опасались "неолибералы" также и того, что националистическая демагогия сторонников Онгания может облегчить деятельность левонационалистических течений в вооруженных силах, на которые оказывала заметное влияние патриотическая политика перуанского военного режима. В своих воспоминаниях генерал Лануссе пишет, что в армии существовали течения, представители которых вдохновленные как перонистскими идеями, так и перуанской моделью выступали за осуществление "народно-националистической революции" ⁵⁸. Усиления проперуанских настроений в вооруженных силах становилось для военной верхушки тем более тревожным, что, по признанию генерала Лануссе, "арген-

⁵⁷ Villegas O.G. Políticas y estrategias para el desarrollo y la seguridad Nacional. Buenos Aires, 1969, p.91, 197.

⁵⁸ Lanusse A.A. Mi testimonio. Buenos Aires, 1977, p.48.

тинская революция" все больше заходила в тупик, поскольку в свой актив могла занести лишь некоторую модернизацию инфраструктуры ⁵⁹.

Огромное недовольство народных масс политикой Онгания, что проявилось в мощном забастовочном движении трудящихся, также побуждало группировку Ланусе ускорить выступление против главы военного режима. Все это, по словам Ланусе, чрезвычайно оужало свободу для маневра армии, заставляло ускорить смещение генерала Онгания с поста президента ⁶⁰.

Особенно встревожили военную верхушку майские события 1969 г. в г.Кордове, где на улицы вышли рабочие, студенты, представители средних слоев населения, протестуя против политики правительства. Ланусе признавал, что кордовские события не были результатом какой-то "подрывной деятельности", а отражали неприятие правительственной политики широкими слоями населения ⁶¹.

8 июля 1970 г. президент Онгания был вынужден уйти в отставку, подчинившись ультимативному требованию командующих тремя родами войск. В своем заявлении об отставке он указал, что был вынужден это сделать "под давлением силы оружия". Военная хунта, состоявшая из командующих тремя родами войск, мотивировала свое требование отставки президента тем, что в стране усилилась "социальная напряженность", нарушилось "нормальное" течение общественной жизни ⁶². В заявлении военной хунты, проникнутом духом "неолиберализма", подчеркивалось, что политика бывшего президента характеризовалась неясностью в отношении "институционализации" положения в стране в "разумно приемлемые" сроки. Особенно резким нападкам в заявлении подвергались лозунги "коммунитаризма", которые, по мнению авторов этого документа, ведут к расколу общест-

---

⁵⁹ Lanusse A.A. *Mi testimonio*, 1977, p.114.

⁶⁰ *Ibidem*.

⁶¹ *Ibidem*.

⁶² Fayt C.S. *Op.cit.*, p.200.

ва, противоречат "аргентинским демократическим традициям". Бывшего президента упрекали в том, что его политика могла привести к созданию такого государства, которое явилось бы отрицанием "республиканской сущности" ⁶³.

В духе "неолиберализма" военная хунта заявляла о необходимости создания в стране "социальной демократии", о своей приверженности к системе "представительного и демократического правительства". В заявлении членов военной хунты довольно недвусмысленно признавалась бесперспективность военного режима, проводилась мысль о постепенном возврате к гражданской форме правления.

Назначенный военной хунтой на пост президента бригадный генерал Роберто Марсело Левингтон, бывший военный атташе в Вашингтоне, должен был, по замыслу Ланусе и его сторонников, подготовить условия для возврата "к демократическим" формам правления. Стремясь застраховать себя от любых "случайностей", хунта присвоила себе право выносить окончательные решения по всем декретам и законам, которые "имеют принципиально важное значение для целей аргентинской революции" ⁶⁴.

Однако кратковременное президентство Левингтона еще больше обострило противоречия внутри вооруженных сил, привело к глубокому кризису режима "аргентинской революции". Всенародное недовольство антинациональной политикой Онгания предопределило стремление правительства Левингтона выступить в роли защитника национальных интересов, противника безраздельного господства иностранных монополий в стране. Оно заявляло о своих намерениях добиться "аргентинизации" экономики страны, ограничить проникновение иностранного капитала. В качестве подтверждения "серьезности" своих намерений Левингтон назначил на пост президента Национального совета развития (КОНАДЕ) генерала Гульальмели. Однако последний вскоре ушел в отставку, так как пришел к убеждению

⁶³ Fayt C.S. Op.cit., p.201.

⁶⁴ Ibid., p.205.

в бесперспективности пребывания на этом посту, поскольку практически антинациональная политика продолжалась.

"Аргентинизация" экономики при правительстве Левингтона свелась лишь к риторическим фразам в духе "национализма". На деле же по-прежнему осуществлялась политика открытых дверей по отношению к иностранному капиталу, а интересы трудящихся масс, как и раньше, игнорировались. Характеризуя политику правительства Левингтона, аргентинские коммунисты отмечали, что в речах и планах много говорится об "аргентинизации" и "социальной справедливости". "Однако на деле речь шла о соглашательстве в отношении привилегированных групп, о стагнации в политике и явно выраженной антирабочей позиции в области заработной платы"⁶⁵. Выступая в роли некоего "зазывалы", министр экономики Альдо Феррер в своем обращении к американской торговой палате в Аргентине заявлял, что "аргентинизация" экономики дело "будущего" и поэтому правительство не предусматривает "никаких ограничений" для деятельности иностранных предприятий⁶⁶.

В период пребывания у власти Левингтона еще больше обострилась борьба в военных верхах вокруг дальнейшей судьбы режима "аргентинской революции". Группа Левингтона по сути дела стремилась продолжать политику Онганиа, увековечить пребывание у власти военного режима. Она явно стремилась, как подчеркивали аргентинские коммунисты, использовать в своих целях "растущие антиимпериалистические настроения части генералов и офицеров вооруженных сил"⁶⁷. Другая группировка военных, возглавляемая Манусе, ориентировалась на возврат, в той или иной форме, к институтам "представительной демократии", опасаясь возможности того, что в вооруженных силах возьмут верх сторонники "перуанской" поли-

⁶⁵ Problemas de economía, 1971, N 24, p.3.

⁶⁶ Ibid., p.8.

⁶⁷ Hacia el XIV Congreso del Partido Comunista, p.16.

тической линии, которые, объединившись с профсоюзами, трудящимися, направят страну по пути глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований. По словам Ланусе, в армии усиливались настроения в пользу осуществления "подлинной революции", которая мыслилась "в духе перуанской революции" ⁶⁸.

Росту таких тенденций в военной среде, по словам генерала, способствовало изменение политической ситуации в Латинской Америке, что было связано, помимо перуанской революции, с приходом к власти в Чили правительства Сальвадора Альенде, а в Боливии правительства генерала Торреса ⁶⁹.

В возврате к несколько модифицированным институтам "либеральной демократии" группировка Ланусе видела единственную возможность воспрепятствовать дальнейшей политизации вооруженных сил в антиимпериалистическом духе, сохранить преемственность в политике военного режима.

Поэтому эта группа военных, располагая ключевыми позициями в вооруженных силах, решила пресечь "опасные" эксперименты Левингстона, который, как писал Ланусе, мог использовать "антиимпериалистические" и "антимонополистические" лозунги, чтобы попытаться воспрепятствовать "осуществлению поставленной нами цели — восстановлению в Аргентине демократии" ⁷⁰. 23 марта 1973 г. сторонники Ланусе устранили неудобного им президента от власти. На пост главы государства военная хунта назначила генерала Ланусе, который правил исключительно от ее имени. Тем самым как бы подчеркивался временный характер военного правления, которое призвано было подготовить условия для возврата к "конституционному" режиму.

Президентство Ланусе — это время дальнейшего углубления кризиса военного режима, отчаянных попыток его оторон-

⁶⁸ Lanusse A.A. Mi testimonio, p.156.

⁶⁹ Ibid., p.177, 192.

⁷⁰ Ibid., p.178.

ников спасти, что возможно. Именно на это и была рассчитана политика Лануссе, окрещенная пропагандистами режима "Великим национальным согласием". Ее суть состояла в том, чтобы добиться "политического перемирия", заключения "социального пакта" в обмен на обещания провести "свободные" выборы. По расчетам сторонников данной линии из окружения Лануссе, это должно было помочь им создать преемственность в политике, консолидировать, как они заявляли, достижения "аргентинской революции". Они не скрывали, что вооруженные силы не будут стоять в стороне от политики. По их словам, "военная партия является самой сильной партией в стране"⁷¹. По признанию самого Лануссе, подобная стратегическая линия в немалой степени исходила из того, чтобы поднять престиж военных в глазах различных слоев населения, среди которых росли антиимпериалистские настроения, и главное — избежать вполне возможного раскола в вооруженных силах. Не проходило недели, пишет Лануссе, чтобы не появлялись сообщения о "перонистских", "перуанских", "героермундистских" или "фашистских" заговорах в вооруженных силах⁷².

Однако события в Аргентине развивались не совсем так, как на то рассчитывали приверженцы "Великого национального согласия". Возрастающее влияние на процессы, происходившие в Аргентине, оказывал рост борьбы трудящихся за свои права, прогрессивных сил за ликвидацию диктаторского режима. Так, в 1972 г. в забастовочной борьбе участвовали свыше 14 млн человек, а за первые три месяца 1973 г. — 3 млн 250 тыс. В стране происходила консолидация демократических сил, что выразилось в создании Народного революционного альянса, который объединил в своих рядах коммунистов, левых радикалов и левых перонистов. Выдвинутая альянсом программа требовала осуществления глубоких, антиимпериалистических

---

⁷¹ См. *Nacia el XIV Congreso del Partido Comunista*, p.13.

⁷² Lanusse A.A. *Mi testimonio*, p.274.

преобразований, выступала за построение новой, свободной, демократической Аргентины.

Рост прогрессивных настроений усиливался и в ряде других политических партий и массовых движений страны, в частности в перонистском движении. Все эти изменения в соотношении сил в стране пробивали одну за другой брешь в диктаторском режиме, заставляли его маневрировать, считаться с реальным положением вещей. Так, правительство Лануссе признало бесперспективность политики "идеологических границ" и стало поддерживать принципы "идеологического плюрализма". Улучшились отношения Аргентины с рядом стран Латинской Америки, в частности с Чили, где у власти находилось правительство Народного единства, возглавляемое Сальвадором Альенде. "Эти изменения, — отмечали аргентинские коммунисты, — свидетельствуют о том, что представители некоторых течений в вооруженных силах начинают с большим реализмом оценивать нынешнее соотношение сил на международной арене, успехи освободительного демократического движения в Латинской Америке" ⁷³.

Военный режим оказался бессильным изменить в свою пользу ход предвыборной кампании, навязать избирателям своего кандидата. Не помогло и открытое вмешательство военной верхушки в ход выборов, когда командующие тремя родами войск опубликовали в феврале 1973 г. совместное коммюнике, в котором как бы уже заранее ограничивали деятельность будущего правительства, оставляя за собой право "делить" с ним ответственность за "внутреннюю и внешнюю безопасность" ⁷⁴.

На мартовских выборах 1973 г. 80% избирателей проголосовали за кандидатов оппозиционных диктатуре сил. Президентом страны был избран кандидат хустисиалистского движения Эктор Кампора ⁷⁵. Хустисиалистский фронт освобождения получил большинство голосов и на выборах в конгресс. Немало из-

⁷³ Nació el XIV Congreso del Partido Comunista, p.14.

⁷⁴ Lanusse A.A. Mi testimonio, p.323.

⁷⁵ Однако он вскоре уступил свой пост лидеру хустисиалистского движения Х.Перону, который стал президентом в том же году.

бирателей проголосовало за кандидатов Народного революционного альянса. Тот факт, что подавляющее большинство избирателей отдали свои голоса за те политические силы, которые выступили за антиимпериалистические, прогрессивные преобразования в стране, говорил о важных сдвигах, происходящих в Аргентине, крахе политики режима "аргентинской революции". "Именно борьба рабочего класса и народных масс, — отмечал на XIV съезде Компартии Аргентины Генеральный секретарь Арнедо Альварес, — привели к тем изменениям, которые произошли в стране. Они сыграли решающую роль ныне и им в конечном счете принадлежит решающее слово и в будущем" ⁷⁶.

23 мая 1973 г. военная хунта передала власть вновь избранному президенту. Возмущение народа политикой прежнего правительства было настолько велико, что главе военной хунты после передачи власти пришлось покинуть президентский дворец на вертолете.

Краху военного режима в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что армия перестала быть надежной опорой диктатуры. Известный аргентинский военный деятель и публицист генерал Бенхамин Ратембач в мае 1971 г. писал, что "ныне нельзя как раньше быть уверенным в образе мышления офицеров". По его словам, основная масса офицеров отличается по своим взглядам от высшей военной иерархии, и "нет ничего странного, что среди них возникают те же идеи, которые ныне возникают у подавляющего большинства населения страны" ⁷⁷. Действительно, важные процессы, происходившие в вооруженных силах страны в годы военной диктатуры, свидетельствовали о росте оппозиционных настроений в рядах главной опоры этого режима.

---

⁷⁶ Alvarez G.A. Informe al 14° Congreso del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, agosto 1973, p.7.

⁷⁷ Ghioldi Rodolfo, Mauricio Lebedinsky, Ernesto Abel, Jorge Piñeyro, Ofelia Marina. El modelo brasileño. Buenos Aires, 1972, p.95.

Патриотические, антиимпериалистические течения в вооруженных силах и падение режима «аргентинской революции»

Глубокий социально-экономический и политический кризис, который обострился в результате политики военного режима, затронул своим влиянием и вооруженные силы.

Выступая на УП Национальной конференции компартии в апреле 1967 г., председатель КПА Викторио Кодовилья обратил особое внимание на процессы, происходящие в армии: "Большинство унтер-офицеров и часть офицеров, поддержавших "движение 28 июня", верили в то, что оно преследует националистические цели, т.е. выступали в защиту национальных богатств, за эффективное развитие национальной экономики, за независимую внешнюю и внутреннюю политику. Но почувствовав на себе последствия экономической политики правительства, они начинают выражать недовольство антинациональным и антинародным курсом властей"⁷⁸. Это недовольство проявлялось в различных формах, выражалось по-разному в различных звеньях военной иерархии, постепенно схватывая все большее число военных.

Все большее число военных понимало, что речь идет не о каких-то прочетах, упущениях и ошибках, а о чем-то неизмеримо более серьезном, связанном с общей направленностью деятельности военного режима, его антинациональной, проимпериалистической политикой. Они убеждались в том, что "аргентинская революция" привела к денационализации многих предприятий государственного сектора, поставила под угрозу независимое развитие страны. Видный специалист по военным вопросам коммунист Эдуардо Куэнка отмечал: "... эти промышленные комплексы являются для наших военных символом увер-

---

⁷⁸ Кодовилья В. Избранные статьи и речи. М., 1970, с.972.

ренитета, независимости, осозидательных способностей воору-
женных сил, их эффективного вклада в индустриально-экономи-
ческое развитие страны. Они по праву являются предметом гор-
дости военных-патриотов о их глубокой приверженностью нацио-
нальным интересам, ими также гордится народ" ⁷⁹.

Военный режим углубил пропасть между народными массами
и вооруженными силами, взяв курс на их превращение в поли-
цейские, репрессивные соединения, предназначенные для борь-
бы с собственным народом. События 1969 г. в Кордове о осо-
бой ясностью показали военным, что они должны сделать вы-
бор - быть палачами собственного народа или же действовать
совместно с патриотическими силами. Отказ части офицеров,
унтер-офицеров и солдат отстрелять в трудящихся показал, что
социальные потрясения, захлестнувшие страну, быстрый про-
цесс радикализации настроений масс затронули и вооруженные
силы.

Отсюда все более настойчивые поиски представителями
различных течений в вооруженных силах путей оближения о
борьбой патриотических сил, преодоления пропасти, разделяю-
щей армию от народа. Эти поиски приобретали многообразные
формы, носили оложный, противоречивый характер.

Практика государственных переворотов стала нормой по-
ведения аргентинских вооруженных сил. Она вошла в плоть и
кровь многих военных, и много средства влияния на политиче-
скую жизнь страны они не видели. Даже часть патриотически
настроенных военных видела в верхушечных государственных
переворотах наиболее надежное и эффективное средство выхо-
да из кризисов. Они считали армию как бы "демиургом" исто-
рии, способным изменить пути развития страны. Однако под
влиянием многих неудач акций подобного рода в вооруженных
силах стали возникать течения, которые все более определен-
но ориентировались на оближение о прогрессивными партиями
и движениями. Этот важный одвиг в настроениях и позициях
части военных способствовал созданию условий для их выво-

⁷⁹ Nueva Era, 1968, N 2, p.51.

бождения из-под влияния антинациональных концепций и взглядов, которые им навязывала реакционная военная верхушка. "Многие из них, - говорил В.Кодовилья, - отходят от реакционных взглядов на рабочий класс, от антикоммунистических, антисоветских идей, внушаемых им иностранными военными "советниками", главным образом американскими.

Это доказывает, что патриотически настроенные военные начинают становиться на демократические и прогрессивные позиции и что с помощью умелого разъяснения внутреннего и международного положения, можно полностью склонить их на сторону завоевания демократии, экономической и политической независимости родины, экономического и социального прогресса и мира" ⁸⁰.

Аргентинские коммунисты, отмечая важные изменения в вооруженных силах, связывали это с огромными революционными сдвигами во всем мире, влиянием освободительного движения в других странах Латинской Америки, в частности с углублением революционного процесса в Перу, с антиимпериалистической политикой перуанского военного правительства. "События в Перу, - говорил Херонимо Арнедо Альварес, - не носят олучайного, изолированного характера. Они являются составной частью процессов, происходящих в вооруженных силах" ⁸¹.

В своих работах, в выступлениях коммунисты подчеркивали, что появление патриотических течений в вооруженных силах не случайно, оно обусловлено историческими традициями, которые восходят еще к истокам создания профессиональной армии (конец XIX в.). "С 1890 года, - пишет Эдуардо Куэнка, - аргентинская армия представляет собой поле битвы, на котором идет постоянная борьба между влиятельными, демократически настроенными группами высших, старших, младших офицеров, разделяющих интересы народа и выражающих его стремления к демократии и социальному прогрессу, и реакционными предательски-

⁸⁰ Кодовилья В. Избранные статьи и речи, с.972.

⁸¹ Alvarez G.A. Argentina frente a la dictadura de los monopolios y la opinión de los comunistas, p.94.

ми кругами высшей военной иерархии, находящейся в услужении помещичьей олигархии и иностранных монополий. Незабвенный дивизионный генерал Москони и окружавшая его группа выших, старших и младших офицеров, которые справедливо считали его своим руководителем, были наиболее выдающимися представителями национального, демократического, прогрессивного направления, отмеченного боевой сознательностью. Такие настроения живы в армейской среде и ныне" ⁸².

Заметные изменения в отношении вооруженных сил произошли в перонистском движении, что также способствовало ускорению процесса дифференциации в среде военных. Сдвиг влево в перонистском движении приводил к тому, что прежние предубеждения, негативные взгляды в отношении роли военных в политической жизни страны уступали место иным, более конструктивным взглядам. Левые перонисты признавали важную роль военных в антиимпериалистических преобразованиях, считали, что армия может перестать служить орудием в руках олигархии. В то же время левые перонисты видели немалые трудности на пути вовлечения военных в процесс революционных преобразований. По их мнению, к числу таких негативных факторов относится антинациональная позиция реакционной военной верхушки, которая навязывает вооруженным силам антинародную, проимпериалистическую идеологию, использует их для защиты социального статус-кво в интересах привилегированного меньшинства ⁸³. Но вооруженные силы, заявляли левые перонисты, могут найти свое истинное место в обществе, вотупить на правильный путь, перестав быть преторианской гвардией на службе иностранных монополий и местных привилегированных групп. "Этот путь не что иное, как умение вновь услышать голос народа, который является единственно вечно живым в нации. Надо научиться понимать, что народ подразумевает под отечеством, справедливостью, свободой и суверенитетом. И как толь-

⁸² Куэнка Э. Военные в Аргентине. М., 1973, с.30-31.

⁸³ La tendencia nacional y popular del peronismo ante la hora actual. Buenos Aires, 1972, p.9-10.

ко навсегда будет устранено страшное недоверие, которое разделяет пропастью вооруженные силы и народ, необходимо предоставить народу возможность свободно, без помех идти по пути революции"⁸⁴. Подобного рода идеи встречали сочувствие среди части военных, особенно молодого левонационалистически настроенного офицерства, которое все больше задумывалось о судьбах родины, о месте вооруженных сил в развитии Аргентины.

Процесс "переоценки ценностей" оказал на позиции той группы военных, которые были сторонниками "теории развития", или десарольизма. Анализ эволюции их взглядов тем более поучителен, что многие из них с оптимизмом восприняли приход к власти военного режима под лозунгами "аргентинской революции", связывая с ней надежды на упрочение независимого экономического развития страны, укрепление национального суверенитета. Анализ эволюции их взглядов дает возможность глубже понять процесс формирования патриотических, антиимпериалистических настроений в рядах вооруженных сил, своеобразие и особенности их проявления.

Сторонники развития страны в рядах вооруженных сил по своим взглядам отличались от приверженцев "неолиберализма". Они поддерживали идею усиления государственного сектора, превращения его в основу независимого развития страны, в то время как "неолибералы" рассматривали его в качестве подсобной силы на службе "свободного предпринимательства". В отличие от "неолибералов" десарольисты были скептически настроены в отношении "свободной рыночной экономики", без энтузиазма воспринимали попытки внедрить на аргентинской почве социально-экономическую модель развитых капиталистических стран. С особым недовольством воспринимали они попытки сторонников "неокапиталистической" модернизации поставить страну под контроль иностранного капитала под предлогом использования новейших достижений технологии, научно-технической революции. По мнению десарольистов, Аргентина должна

---

⁸⁴ La tendencia nacional y popular del peronismo ante la hora actual, p.11.

показать свои пути развития, исходя из национальных интересов, но и учитывая в то же время важные изменения в мире. В этом плане десарольисты были сторонниками националистических взглядов, однако, их идеи резко отличались от позиций правых националистов в правительстве.

Если в начале сторонники "теории развития" в вооруженных силах еще довольно сдержанно выступали с изложением своих взглядов, то по мере углубления противоречий в стране они начали выступать все более решительно, открыто пропагандируя свои взгляды, апеллируя к широким кругам военных. Их трибуной стал журнал "Эстратегия", который начал издаваться с весны 1969 г. Его материалы довольно ясно отражают процессы усиления патриотических настроений в рядах аргентинских вооруженных сил. В редакционной статье журнала о его целях и задачах говорилось, что он стремится к разработке целостной системы идей, чтобы "способствовать осознанию Аргентиной ее ответственности, которая выпадает на долю страны в современном мире, особенно в районе ее непосредственных интересов, т.е. южном конусе и других районах Западного полушария"⁸⁵. В статье подчеркивалось, что выход журнала совпадает с большими изменениями в международной обстановке, когда происходит пересмотр теорий и концепций, связанных с национальной безопасностью и военной стратегией.

В чем видели руководители журнала сущность этих изменений? Они отмечали, что международные отношения характеризуются все большей тенденцией к мирному осуществлению между народами, а это, по их мнению, ведет к перенесению тяжести борьбы между различными социальными, политическими системами в экономическую, научную, техническую и идеологическую области⁸⁶. В этих условиях, по мнению редакторов журнала, особое значение приобретает защита национального суверенитета, и политика того или иного государства должна исходить, прежде всего, из национальных интересов. "Все это тре-

⁸⁵ Estrategia. Buenos Aires, 1969, N 1, p.6.

⁸⁶ Ibidem.

бует от вооруженных сил, этого профессионального института на службе национальной безопасности, особо ясной позиции, подкрепленной их большими возможностями, учитывая широту и сложность проблем, с которыми связано обеспечение безопасности" ⁸⁷.

Нетрудно увидеть существенное отличие такой позиции от позиции военного режима, его идеологии. В противовес теории "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны" журнал "Эстратегия" выдвигал на первый план интересы независимого развития страны, обеспечения ее безопасности.

Журнал заявлял о своей решимости отстаивать патриотические традиции борьбы генералов Москони, Бальдрича, Савио и их последователей за независимое развитие Аргентины. "Бальдрич вместе с Москони, своим другом и коллегой по выпуску, а затем и Савио, принадлежали к тому поколению военных, которые глубоко понимали, что величие Родины и ее подлинный национальный суверенитет неразрывно связаны с ее экономической независимостью. А эта независимость основывается на развитии ключевых отраслей экономики, особенно нефтяной и металлургической промышленности" ⁸⁸. Однако, подчеркивал журнал, благородные, патриотические цели, за которые боролись в прошлом военные-патриоты, еще не достигнуты. Лучшее доказательство верности наследию военных-патриотов должно состоять в том, чтобы "нынешнее поколение военных завершило дело, начатое ими, окончательно разгромив тех, против которых они боролись" ⁸⁹.

Не случайно многие материалы журнала были посвящены борьбе за упрочение экономической независимости страны, вопросам развития тяжелой промышленности как основе суверенитета. Причем, характерно, что казалось бы чисто военные профессиональные вопросы рассматривались в тесной связи с проб-

⁸⁷ Estrategia, 1969, N 1, p.6.

⁸⁸ Ibid., N 4, p.135.

⁸⁹ Ibidem.

лемами независимого развития страны. Так, в отличие от руководителей военного режима, оценивавших "План Европа" главным образом с престижной точки зрения, не связывая его с борьбой за экономическую независимость страны, военные-патриоты подходили к нему с иных позиций. Показательны в этом отношении выступления дивизионного генерала Э.Урибуру, игравшего видную роль в осуществлении плана. Как и многие другие военные, верные традициям Москони, Бальдрича, Савио, он до определенного времени питал иллюзии относительно целей "аргентинской революции", считая, что ее можно использовать в национальных интересах. Это-то побудило генерала, по его собственным словам, взяв за проведение в жизнь "Плана Европа", хотя он и не разделял "политической философии", которую исповедовал военный режим⁹⁰. Свою точку зрения, резко отличавшуюся от антинациональной позиции военной верхушки, генерал высказал на страницах журнала "Эстратегия". Выполнение этого плана Урибуру связывал, по его словам, с национальным освобождением, со всемерным развитием государственного сектора⁹¹. "Цель "Плана Европа", - писал генерал, - далеко превосходит задачу простого перевооружения армии, хотя и это важно. Главная же цель состоит в том, чтобы Аргентина стала полностью суверенной страной"⁹². Не случайно генерал Урибуру особенно подчеркивал, что показателем истинного суверенитета какой-либо страны является степень ее свободы "принимать независимые военно-политические решения"⁹³.

Этому вопросу "Эстратегия" также посвятил немало материалов, открыто вступив в полемику с основными положениями

⁹⁰ См., Veneroni H.L. Estados Unidos y las fuerzas armadas de América Latina, p.136.

⁹¹ Не случайно свою книгу "План Европа" генерал сопроводил подзаголовком "Попытка национального освобождения". - См. Uriburu E.J. El plan Europa. Un intento de liberación nacional. Buenos Aires, 1970.

⁹² Estrategia, 1969, N 2, p.5.

⁹³ Ibid., 1972-1973, N 13-14, p.100.

антинациональной военной доктрины, навязываемой Пентагоном аргентинским вооруженным силам. Показательная в этом отношении статья подполковника Альберто Мануэля Гарасино "Правительство и борьба против подрывной деятельности". Выступая против концепции "внутреннего фронта", Гарасино аргументирует свою позицию тем, что проведение ее в жизнь превращает армии государств Латинской Америки в оккупационные силы собственных стран ⁹⁴.

Еще более острой критике подверглась политика подчинения аргентинских вооруженных сил планам империалистической глобальной стратегии в статье полковника Аугусто Раттемба-ча. В постановке вопроса о роли вооруженных сил в политической жизни страны он исходил из того, что они должны отвергнуть попытки США навязать им концепции "антипартизанской войны", планы создания "межамериканских вооруженных сил" и "другие подобные фальшивые идеи, которые предназначены для того, чтобы воспрепятствовать или существенно ограничить независимое и суверенное развитие армий латиноамериканских стран" ⁹⁵. Полковник Раттембач отмечал, что эти планы терпят неудачи, встречая сопротивление со стороны латиноамериканских военных. "Становится все более очевидным и ясным, что вооруженные силы внутри какой-либо страны не могут быть использованы против своих же граждан. Нет, это не является их миссией" ⁹⁶.

Наиболее четко и полно патриотические позиции этой группы военных были сформулированы в многочисленных выступлениях главного редактора журнала, дивизионного генерала Хуана Е.Гулььяльмели. Его идеи разделяли многие патриотически настроенные военные, они встречали благожелательный отклик в рядах прогрессивных сил страны. Еще до прихода к власти военного режима он, являясь начальником Высшей военной

---

⁹⁴ Estrategia, 1970, N 7, p.9.

⁹⁵ Ibid., 1973, N 21, p.137.

⁹⁶ Ibidem.

школы, выступал с призывом преодолеть кризис вооруженных сил, поставить их на службу национальным интересам ⁹⁷.

По сути дела Гутьальемели предпринял попытку сформулировать новую военную доктрину аргентинской армии, проникнутую духом патриотизма. Он выступал за то, чтобы вооруженные силы были надежными защитниками национальных интересов, ставили их превыше всего, тесно связывали с обеспечением национальной безопасности. По его словам, вооруженные силы "должны выполнять хотя и мирную, но и чрезвычайно боевую миссию. Они должны встать в авангарде борьбы всего народа за укрепление национального суверенитета и самоопределение путем ускоренного развития экономики и создания более совершенных форм общественного устройства. Они также должны служить пиотом для народа" ⁹⁸.

Генерал Гутьальемели, разделяя иллюзии военных дезарольистов, вначале считал, что "аргентинская революция" и призвана решить эти задачи с помощью вооруженных сил. Но эти иллюзии не мешали ему высказывать такие взгляды и идеи, которые существенно отличались от позиции руководителей военного режима. Генерал-патриот подчеркивал, что вооруженные силы должны видеть реальных врагов независимого развития Аргентины в лице иностранных монополий и их местных прислужников, бороться с ними, а не с вымышленными "противниками" страны. Было бы непростительной ошибкой для вооруженных сил, писал генерал, оставаться безучастными к тому, что представители иностранных монополий овладевают ключевыми отраслями национальной экономики ⁹⁹. Вооруженные силы, подчеркивал Гутьальемели, должны понимать, что главное противоречие, с которым сталкивается страна, — это противоречие между стрем-

⁹⁷ Эта мысль была положена в основу выступления генерала Гутьальемели в Высшей военной школе и Центре высших исследований (1964). — Nueva Era, 1964, N 11, p.18-19.

⁹⁸ Estrategia, 1969, N 1, p.8.

⁹⁹ Ibid., p.14.

лением к прогрессу и растущей агрессивностью внутренних и внешних сил, которые пытаются сохранить статус-кво и воспрепятствовать достижению Аргентиной полной независимости¹⁰⁰.

Немало места уделял Гулььяльмели проблемам развития и упрочения независимого государственного сектора, в частности, его основы — тяжелой промышленности. Он настойчиво пропагандировал патристическое наследие Москони, Савио, Бальдрича, призывал военных следовать их примеру самоотверженной защиты национальных интересов. В то же время он считал важным компонентом борьбы за подлинную национальную независимость выявление истинных причин глубоких социальных конфликтов, потрясавших страну. Для вооруженных сил Аргентины, отмечал генерал, полемизируя с военно-политическими концепциями Пентагона, неприемлема точка зрения, которая оправдывает борьбу с народными выступлениями под предлогом сохранения порядка или ликвидации "подрывной деятельности". Причины, корни социальных потрясений, по его словам, следует искать в недовольстве народных масс своим экономическим положением, отказе удовлетворить их справедливые требования¹⁰¹. Он призывал военных глубоко изучать проблемы национальной действительности, покончить со стереотипным, некритическим подходом к ним. В частности, большое значение, как он считал, имело изучение условий жизни рабочего класса, характера его требований, борьбы. Все это, по мнению Гулььяльмели, поможет вооруженным силам понять, что ликвидировать социальную напряженность возможно только путем устранения ее причин, а не методом репрессий, использования армии в качестве оккупационной силы собственной страны. "Репрессии могут только устранить внешние формы проявления социального недовольства, но не ее глубинные причины. Самое же опасное состоит в том, что репрессии без изменений, без революции, в конечном счете служат интересам сохранения статус-кво"¹⁰².

Альтернативой такому положению должна стать, по мнению

---

¹⁰⁰ Estrategia, 1969, N 1, p.15.

¹⁰¹ Ibid., N 2, p.8.

¹⁰² Ibidem.

Гулььяльмели, национальная революция. "Мы понимаем под революцией, - писал он, - единое усилие всего национального общества в деле консолидации своего положения как нации о том, чтобы самые главные суверенные решения принимались им, а ни кем-либо другим. Поэтому из всего изложенного следует, что непосредственные цели этой революции состоят в том, чтобы заложить материальные основы суверенитета и укрепить духовные узы между различными социальными группами, а также между различными районами страны"¹⁰³. В задачи национальной революции, по словам генерала, входило также повышение жизненного уровня широких слоев населения, расширение внутреннего рынка.

В таком понимании задач революции есть сходство с постулатами десаролизма, в то же время оно существенно отличалось от взглядов Фрондиси и Фрихерио, идеологов этого течения в Аргентине. Если они выступали за широкое привлечение иностранного капитала, ориентировались на империалистические державы, то Гулььяльмели видел в независимом экономическом развитии главный фактор преобразований в рамках национальной революции. В представлении Фрондиси и Фрихерио развитие было связано с политикой "затягивания поясов" во имя "национальных целей". Идеолог же военных-патриотов выступал за удовлетворение требований трудящихся, за перераспределение национального дохода в их пользу. Иными словами, хотя он и призывал к национальному согласию, единению, но во многом вкладывал в него иное содержание, чем Фрондиси и Фрихерио, которые призывали трудящихся отказаться от своих требований ради "национального единства".

Генерал Гулььяльмели делал упор на создание широкой коалиции социальных сил во имя борьбы за упрочение национального суверенитета своей родины, улучшение жизни широких слоев населения. Не все в концепции "национальной революции" носило законченный характер. Однако при всей своей односторонности эта концепция была одним из важных факторов, опосредство-

---

¹⁰³ Estrategia, 1969, N 2, p.8.

вавших пониманию необходимости единства всех патриотических сил в стране против империалистической политики США.

Пока не отмежевываясь окончательно от "аргентинской революции", генерал Гульальмели в то же время подвергал резкой критике "искажения", как он выразился, ее целей и задач. Он писал о быстром падении реальной заработной платы, ухудшении положения трудящихся, застое в промышленности, разорении мелких и средних предпринимателей под натиском иностранной конкуренции¹⁰⁴. Такая модернизация, приходил к выводу генерал, подрывает экономическую независимость страны, ведет к захвату ключевых отраслей экономики иностранными монополиями. Во взглядах, развиваемых Гульальмели, нашли свое отражение интересы широких слоев немонополистической аргентинской буржуазии, которые высказывали все более сильное недовольство социально-экономической политикой военного режима. Они стремились привлечь на свою сторону средние слои населения, установить контакты с профсоюзами. По многим вопросам борьбы за экономическую независимость, социальный прогресс генерал Гульальмели, как неоднократно подчеркивали коммунисты, обличался с прогрессивными силами страны.

Сторонники генерала Гульальмели некоторое время не оставляли надежды добиться осуществления своих планов в рамках "аргентинской революции" при условии, если она вернется к своим "исходным целям". Они заявляли, что если к власти придут люди, которые правильно понимают задачи "революции", то положение можно еще исправить. Но Гульальмели и его сторонникам надо было еще на собственном опыте убедиться, что такие надежды иллюзорны. Летом 1970 г. в результате настоятельных просьб патриотически настроенных военных генерал Гульальмели согласился возглавить руководство Национальным советом развития (КОНАДЕ). Соглашаясь занять этот пост, он надеялся добиться изменения социальной и экономической политики режима, способствовать осуществлению

---

¹⁰⁴ Estrategia, 1969, № 2, p.15.

своего рода "революции в революции". В октябре 1970 г. руководитель КЮНАДЕ представил правительству документ "Краткосрочные и среднесрочные предложения по экономической политике". Основные рекомендации этого документа включали повышение покупательной способности народных масс, улучшение положения мелких и средних предпринимателей. В плане выдвигались требования развития базовых национальных отраслей экономики, национализации банков ¹⁰⁵. Однако предложения генерала Гулььяльмели были встречены в штыки в правительственных сферах. Убедившись в бесполезности усилий по изменению политики правительства, Гулььяльмели после четырехмесячного пребывания на посту руководителя КЮНАДЕ, как уже отмечалось, подал в отставку. В заявлении об отставке он подчеркнул, что на политику правительства решающее влияние оказывают иностранные монополии и их местные сообщники ¹⁰⁶.

Этот шаг Гулььяльмели означал его окончательный разрыв с военным режимом. В выступлениях генерала уже не оставалось ничего от иллюзий в отношении "аргентинской революции", осуществляемой "единными вооруженными силами". "Теперь, — писал генерал в августе 1972 г., — я убежден, что аргентинская революция потерпела крах в осуществлении своих основных задач. И самое худшее — это то, что она ввергла страну в один из самых глубоких в ее истории экономических, социальных, политических кризисов. Этот кризис включает в себя падение престижа национальных вооруженных сил. Большинство народа охвачено чувством неуверенности и скептицизма, и очень многие с тревогой смотрят в будущее" ¹⁰⁷. Генерал подверг резкой критике военную верхушку, которая своей антинациональной политикой ввергла в кризис вооруженные силы, поставила их на службу антинародным интересам. Армия, по его мнению, имеет перед собой две альтернативы: подчинение антинацио-

¹⁰⁵ El Economista. Buenos Aires, 1970, 4 dic; Nueva Era, 1971, N 4, p.413.

¹⁰⁶ Nueva Era, 1971, N 4, p.413.

¹⁰⁷ Estrategia, 1972, N 17, p.18.

нальным интересам, что ведет к сотрудничеству с врагами страны, и этого не может скрыть никакая апелляция к духу военного профессионализма, другой путь — неповиновение и возмущение всех тех, кто не согласен с такой политикой¹⁰⁸. Только в этом случае вооруженные силы вновь обретут свое лицо.

Открыто полемический характер носила критика Гулььяльмели "либеральной концепции" роли вооруженных сил в жизни страны.

Стремясь предотвратить усиление патристических настроений в рядах армии, руководители военного режима по мере обострения кризиса своей антinationальной политики все чаще заговаривали о необходимости для вооруженных сил придерживаться "чистого профессионализма".

Генерал Гулььяльмели выступил против такого "профессионализма" военных, который, по его словам, только играет на руку привилегированным группировкам. "Можно ли говорить, — писал генерал, — о правомерности подчинения вооруженных сил правительству, когда оно не представляет интереса народа и выступает как орудие сохранения внешней зависимости страны или же в качестве защитника интересов привилегированного меньшинства внутри страны? Отвечая на этот вопрос, я хочу с особой настойчивостью заявить, что в условиях такой зависимой страны, как наша, устраненность вооруженных сил от политики и их подчинение правительству, не представляющему народ, означает не что иное, как сообщничество последних с эксплуататорскими группами"¹⁰⁹. Такому "либеральному профессионализму" Гулььяльмели противопоставлял "национальный профессионализм" военных, неразрывно связанный с борьбой как против внешних, так и против внутренних эксплуататоров. "Придерживаясь этой позиции, исходя из этих идей, вооруженные силы будут одновременно как защитником структурных изменений, стражем национального суверенитета, так и активным

¹⁰⁸ Estrategia, 1972, N 17, p.15.

¹⁰⁹ Ibid., 1973, N 23, p.11-12.

участником осуществления этих преобразований" IIО.

Особенно большое значение в борьбе за достижение этих целей имеет, по мнению генерала, упрочение единения армии с народом, ликвидация "фальшивых конфронтаций" одних социальных и политических групп аргентинского общества с другими. Он, в частности, выступил против "надуманного противопоставления" перонистов неперонистам, которое играет на руку антинациональным интересам: "Необходимо понять, что только единство дает нам возможность противостоять нашим реальным врагам в лице международных монополий и их победить" III.

Эволюция взглядов генерала Гульяхьмели и его сторонников с большой очевидностью овидетельствовала о росте патристического самосознания аргентинских военных, усилении недовольства антинациональной политикой военной верхушки. Вследствие этого в рядах вооруженных сил возникли леворадикальные, левонационалистические течения во всем многообразии их идеологических и политических оттенков.

О глубоком беспокойстве, охватившем военную верхушку в связи с ростом антиимпериалистических настроений в армии, овидетельствовало нашумевшее выступление генерала Лануссе в начале 1970 г. в военном колледже. Он с нескрываемой тревогой говорил о проникновении в армию идеологии, "чуждой традициям страны и стремящейся подорвать духовное единство армии". По словам Лануссе, в армии существует идеологический разброд, которым умело пользуются пропагандисты "экстремистской философии". Эта пропаганда, признавал генерал, находит отклик среди молодых военных. По словам главнокомандующего армией, молодые офицеры стремятся к "немедленным социальным изменениям". Но это стремление, вполне объяснимое у идеалистически настроенной молодежи, в силу отсутствия опыта и недостатка логики вырождается в нигилистическое желание насильственно уничтожить "существующие ценности" II2.

¹¹⁰ Estrategia, 1973, N 23, p.12.

¹¹¹ El Economista, 1970, 4 dic.

¹¹² Nueva Era, 1970, N 4, p.385.

Генерал запугивал молодых офицеров тем, что они своими "необдуманными" действиями расчистят путь установлению "режима всеобщего рабства" ¹¹³. Отдавая дань теории "борьбы поколений" и ставя ее, так сказать, с ног на голову, генерал Лануссе заявил, что в предотвращении такого исхода событий "главная ответственность падает на поколение зрелых людей, а в рамках армии на тех, кто выполняет миссию по формированию кадров всех рангов этого института" ¹¹⁴. Лануссе призывал направить устремления военных к переменам в "нужное русло" чтобы они "не переросли в насилие и не породили хаос" ¹¹⁵.

Речь генерала Лануссе отражала обеспокоенность военной верхушки событиями в Кордове в мае 1969 г., когда немало офицеров отказалось участвовать в расправах над трудящимися, проявляло симпатии к их борьбе. В то же время речь генерала имела целью оправдать судебный процесс над молодыми офицерами, который состоялся осенью 1969 г. Процесс и последующая за ним расправа над военными вызвали широкий резонанс не только в Аргентине, но и других латиноамериканских странах. К военному суду было привлечено 25 молодых офицеров и учащихся военного училища, которых обвинили в приверженности "экстремистской идеологии", в чтении "запрещенной литературы". Суд над ними вершил начальник военного училища генерал Мариано де Неварес, известный своим ярким антикоммунизмом. Суд приговорил обвиняемых к различным срокам заключения, а затем к увольнению из рядов армии. Мужественное поведение на суде молодых офицеров снискало им глубокое уважение демократической общественности. Они не скрывали своих антиимпериалистических взглядов, выступали против превращения вооруженных сил в орудие репрессий против рабочего класса, трудящихся. Молодые офицеры открыто заявляли о своих

---

¹¹³ Nueva Era, 1970, N 4, p.336.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Ibid.

симпатии к прогрессивной антиимпериалистической политике поруанского правительства.

Постепенно настроения протеста охватывали все большее число военных различных родов войск. Широкий резонанс, в частности, получило выступление военных моряков крейсера "Генерал Бельграно" в начале 1971 г. Офицеры крейсера вручили командованию военно-морских сил меморандум, в котором требовали покончить с антинациональной политикой защиты интересов иностранных монополий и местных привилегированных групп. Они задавали вопрос: "Неужели к этой антинациональной политике и овелась вся так широко разрекламированная "аргентинская революция"?"¹¹⁶. Морские офицеры выступили против политики противопоставления вооруженных сил народу, которая, по их словам, встречала растущую оппозицию среди военных. Авторы меморандума выразили солидарность с борьбой трудящихся масс, поскольку, как они заявляли, военные, выходящие из "средних и низших классов", на себе испытывают последствия ухудшающегося экономического и социального положения страны.

В меморандуме подверглась резкой критике политика высшего военно-морского командования, его неспособность содействовать профессиональному совершенствованию и развитию флота. Военные выступили против политики подчинения страны "интересам антинационального и международного капитала" и призывали к созданию "революционного фронта, основанного на подлинно национальной программе в интересах народа, которая ясно показала бы, что вооруженные силы не являются защитниками интересов, чуждых им и нации". Иной путь привел бы, по словам авторов меморандума, к тому, что народная революция оказалась бы поглощенной "левым империализмом"¹¹⁷.

Подобного рода заявления, как подчеркивают аргентинские

---

¹¹⁶ Nueva Era, 1971, N 3, p.240.

¹¹⁷ Ghioldi Rodolfo, Mauricio Lebedinsky, Ernesto Abel, Jorge Piñeyro, Ofelia Marina. Op.cit., p.94.

коммунисты, овидетельствовали об "идеологической ограниченности" взглядов составителей меморандума, что было характерно вообще для многих представителей левонационалистических течений¹¹⁸. В известной степени это объясняется тем, что среди военных были распространены путчистские настроения, которые выражались в недооценке сотрудничества с прогрессивными силами, в стремлении действовать отдельно от них. Это не только ослабляло позиции самих военных-антиимпериалистов, но и играло на руку реакции, которая пыталась привлечь их на свою сторону. "Этим военным мы говорим, - заявляют аргентинские коммунисты, - путь коренных решений не лежит через государственный переворот. Только вместе с народными массами можно добиться успеха, а не игнорируя их и не попирая"¹¹⁹. В этом плане следует сказать несколько слов о попытке путчистского военного переворота, предпринятого некоторыми воинскими частями в октябре 1971 г. Инициаторы переворота в большинстве принадлежали к правонационалистическим кругам, сторонникам бывшего диктатора генерала Оганья. В своем антикоммунизме некоторые из главарей путчистов договорились до того, что обвинили Ланусе в контактах с коммунистами, в пособничестве "красным"¹²⁰. Все эти обстоятельства предопределили энергичные выступления против путчистов массовых демократических организаций, профсоюзов, компартии. В то же время в попытке государственного переворота участвовали и представители антиимпериалистически настроенных военных кругов, которых правым удалось увлечь за собой националистическими лозунгами.

Анализ программы, выдвинутой одним из руководителей этой группы военных подполковником Бальдричем, дает представление об их взглядах. Они выступили против подчинения

¹¹⁸ Ghioldi Rodolfo, Mauricio Lebedinsky, Ernesto Abel, Jorge Piñeyro, Afelia Marina. Op.cit., p.94.

¹¹⁹ Ibidem.

¹²⁰ Lupo R.G. Mercenarios y monopolios en la Argentina de Oganía a Lanusse 1966-1973, p.218-219.

страны иностранным монополиям и их "местным лакеям, которые привели ее к экономическому и моральному банкротству" ¹²¹. Авторы документа задавали вопрос, какой должна быть позиция аргентинских военных перед лицом глубокого кризиса, поразившего страну. И, отвечая на вопрос, заявляли, что миссия военных состоит в защите интересов родины и народа. "Если военный лишен этих чувств, он унижает свою профессию и превращается в простого наемника" ¹²².

Эта группа военных, отвергая антинациональные теории "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", выступили за структурные преобразования, которые могли бы покончить с господством иностранных монополий и их местной агентуры ¹²³. Программа этих преобразований, по их мнению, должна включить национализацию ключевых отраслей экономики, банков, проведение аграрной реформы. Авторы документа выступили за расширение внешней торговли со всеми странами мира, против подчинения страны долларовой зоне. Программа требовала также соблюдения трудового законодательства, защиты прав рабочего класса.

Требования военных ясно свидетельствовали о неприятии политики режима "аргентинской революции", об их антиимпериалистической направленности. В программе нетрудно было заметить влияние перуанского революционного процесса. В то же время она не была свободна от влияния идей "военного авангардизма", от налета патернализма; в ней мельком и довольно туманно говорилось о роли трудящихся масс в революционных преобразованиях. Однако, несмотря на эти слабости, позиция, изложенная в документе, также отражала сдвиг влево, происходящий в аргентинских вооруженных силах. В документе довольно ясно прозвучала мысль о необходимости возрождения патриотических традиций армии, у истоков которой

¹²¹ Política Internacional. Buenos Aires, 1971, N 142, p.8.

¹²² Ibidem.

¹²³ Ibidem.

стоял генерал Сан-Мартин и другие аргентинские патриоты.

Эта мысль о особой настойчивостью пропагандировалась той частью прогрессивно настроенных офицеров, которые видели в единстве всех патриотических сил страны выход из структурного кризиса.

В течение ряда лет вел активную пропагандистскую, идеологическую и политическую деятельность Союз демократических аргентинских офицеров, созданный еще в 1962 г. В многочисленных документах и выступлениях патриотически настроенные военные излагали свою точку зрения по самым острым проблемам национальной действительности, внешней политики. Они выступали за ликвидацию пагубного разрыва между вооруженными силами и народом. "Не может существовать подлинной национальной обороны при безразличии или даже ненависти народа к армии. Подлинно патриотические вооруженные силы, находящиеся на олужбе родины, обретают свою мощь, опираясь на народ" ¹²⁴. Для этого, по их мнению, вооруженные силы должны отказаться от антинациональных концепций "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", которые оправдывают превращение армии в оккупационные силы, полицейские соединения, чинящие расправу над собственным народом ¹²⁵.

В противовес антинациональной политике, которую проводил военный режим, руководители Союза демократических аргентинских офицеров выдвинули программу глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований. Большую роль в них призваны были сыграть и патриотические вооруженные силы, которые должны выступать в защиту независимого экономического развития страны, бороться против денационализации предприятий государственного сектора. Армия, как неоднократно подчеркивалось в документах Союза, должна руководствоваться новой, независимой военной доктриной, которая основыва-

¹²⁴ Unión de oficiales democráticos argentinos. Buenos Aires, noviembre de 1970.

¹²⁵ Una limpia y patriótica trayectoria al servicio de las Fuerzas Armadas y del país. 1962-1968. Buenos Aires, 1968, p.9.

лась бы на подлинно патриотических принципах национальной обороны и суверенитета. Офицеры-патриоты выступали за аннулирование двустороннего военного соглашения с Соединенными Штатами и выдворение иностранных военных миссий из страны. Они призывали воспротивиться отправке аргентинских войск во Вьетнам или какую-либо другую страну с целью агрессии ¹²⁶.

Большое место в документах Союза занимала защита профессиональных интересов офицерского корпуса. Он выдвигал требования улучшения условий жизни военных, настаивал на отказе от порочной практики продвижения по службе, которая основывалась на политических симпатиях и антипатиях военной верхушки. Патриотизм и уровень профессиональной подготовки должны, по мнению руководства Союза, стать определяющими критериями для продвижения по службе. Союз выступал против преследований в армии по политическим мотивам. "Политика дискриминации проводится на всех уровнях, и поэтому перед многими честными и способными офицерами воздвигаются препятствия на пути их профессиональной карьеры" ¹²⁷. Глубокий кризис, поразивший вооруженные силы, как отмечалось в документах Союза, свидетельствует о неспособности военной верхушки объединить армию, превратить ее в подлинно национальный, высоко профессиональный институт.

Во многом близка была к позициям Союза демократических аргентинских офицеров позиция Союза объединенных унтер-офицеров Аргентины. В этом объединении было представлено значительное число антиимпериалистически настроенных унтер-офицеров. Деятельность этого Союза и издаваемая им газета "Аргентинский унтер-офицер" свидетельствовали о росте недовольства этой весьма многочисленной категории военнослужащих антинациональной политикой военного режима, который уг-

---

¹²⁶ Una limpia y patriótica trayectoria al servicio de las Fuerzas Armadas y del país. 1962-1968, p.10.

¹²⁷ Ibid., p.38.

любил кризис как политический, так и профессиональный, в рядах вооруженных сил. Недовольство унтер-офицерского состава ухудшающимся материальным положением находило систематическое отражение на страницах газеты. Многочисленные интервью, социологические опросы, проводимые сотрудниками газеты, позволяли создать достаточно полную картину настроений патристической части унтер-офицерского состава.

Унтер-офицеры сталкивались с поистине драматическими коллизиями в своей профессиональной карьере. Они, стремившиеся всецело посвятить себя военной профессии, не могли из-за крайне тяжелого материального положения отдавать ей все свои силы, вынуждены были искать побочных заработков, чтобы прокормить семью. Такое положение не создавало им условий для совершенствования своего профессионального мастерства, отвлекало их от воспитания рядового состава. Немало унтер-офицеров, особенно из числа молодежи, подавали в отставку, покидая армию с чувством горечи и разочарования. "Мы испытываем все большее разочарование, — заявил корреспонденту газеты "Субофициаль аргентино", органа Союза, один из опрошенных унтер-офицеров, — в тех обещаниях "блестящего будущего", которые нам так щедро раздавали по радио и телевидению организации по вербовке в армию" ¹²⁸. Другой унтер-офицер заявил, что он с болью в сердце подает в отставку, поскольку любит военную профессию: "... к глубокому сожалению, наше нынешнее положение очень плохое, и будущее ожидает нас еще худшее" ¹²⁹.

Унтер-офицерский состав не только выражал глубокое недовольство и неудовлетворенность своим материальным и профессиональным положением. Среди этой части военных усиливались антиимпериалистические настроения. Газета разъясняла своим читателям необходимость бороться за сближение военных с трудящимися, с которыми у них общие цели. Режим "аргентин-

---

128 El Suboficial argentino, Buenos Aires, 1968, N 5.

129 Ibidem.

ской революции", говорилось в одной из ее передовых статей, защищает интересы иностранных монополий и олигархии, а когда рабочие и студенты выступают со справедливыми требованиями, обрушивает на них репрессии ¹³⁰.

Выступая за возрождение и развитие патриотических традиций аргентинских вооруженных сил, Союз призывал унтер-офицеров осознать важность своей роли в рядах армии, использовать свое влияние в борьбе за высокие патриотические цели вместе с народными массами. "Мы знаем, что нельзя привести в движение ни одно из воинских соединений без нашего участия. И мы должны использовать наше влияние для защиты прав народа и никогда не обращать оружие против него" ¹³¹.

В программе, разработанной Союзом объединенных унтер-офицеров, выдвигались требования радикальных социальных и антиимпериалистических преобразований: глубокая аграрная реформа, национализация ключевых отраслей экономики. В этом организация видела продолжение традиций генералов Москони и Савио и других военных-патриотов. В области международных отношений она выступала за солидарность со всеми народами, борющимися против империализма и колониализма.

Рост оппозиционных настроений в рядах вооруженных сил по отношению к политике военной верхушки и развертывающаяся борьба трудящихся масс подтачивали основы военного режима, делая бесперспективным дальнейшее его существование.

От хустисиалистского режима к военному правлению

Приход к власти в мае 1973 г. Хустисиалистского фронта освобождения, выдвинувшего программу широких социальных антиимпериалистических преобразований, породил в народных массах немало надежд и ожиданий. В этих условиях в армии

---

¹³⁰ El Suboficial argentino, 1970, N 9.

¹³¹ El Suboficial argentino, 1970, N 10.

еще более усилились патриотические настроения. Начатая в прошлые годы своеобразная переоценка ценностей, вызванная в первую очередь углубляющейся пропастью между армией и народными массами, получила в новых условиях дополнительные импульсы и стимулы.

Все большее число военных задавало себе вопрос, в чем состоит их профессиональный долг, как он совмещается с идеалами служения родине, народу. Перед военными-патриотами вставал вопрос о необходимости создания новой национальной военной доктрины, отбросив проимпериалистические концепции "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", устранив тем самым постоянную конфронтацию с народными массами.

Эти настроения и раздумья военных-патриотов выразил в своих выступлениях командующий сухопутными войсками генерал-лейтенант Х.Р.Карканьо, назначенный на этот пост в мае 1973 г. Идеи, которые отстаивал командующий, в основных чертах были сформулированы военно-патриотическим журналом "Эстратегия". Однако то, что их, пожалуй, впервые в истории аргентинских вооруженных сил изложил человек, занимающий один из ключевых постов в военной иерархии, имело большое, принципиальное значение.

Идея, взятая Карканьо за основу, заключалась в необходимости преодолеть пропасть между вооруженными силами и народом, создать условия для их союза. Коренной пересмотр военной доктрины в сторону ее ориентации на защиту "высших национальных интересов" и создаст, по словам Карканьо, условия для такого союза. Эта доктрина не должна защищать "иностранные интересы". Подобная зависимость ведет, по мнению командующего армией, к превращению военных в преторианских защитников "несправедливого экономического, социального и

политического порядка" 132. Вооруженные силы Аргентины, подчеркивал Карканьо, должны вместе с народом бороться за национальный суверенитет, экономическую самостоятельность, что создаст условия для упрочения национальной безопасности.

"Краеугольным камнем внешней политики Аргентины является утверждение ее суверенитета, и этими идеалами должна вдохновляться аргентинская армия" 133.

В своих выступлениях генерал резко критиковал проимпериалистическую, антинародную концепцию "национальной безопасности", сторонники которой под предлогом борьбы с "подрывной деятельностью" оправдывали репрессивные действия армии против освободительного движения. Репрессиями и террором ничего нельзя достичь, отмечал Карканьо, поскольку существуют реальные причины "подрывной деятельности", и они могут быть устранены только "с помощью решительных экономических, социальных и политических мер" 134.

Новая военная доктрина, по мнению командующего, должна способствовать росту гражданского, патриотического самосознания военных, что возможно достичь на путях решительного искоренения маккартизма, гонения на инакомыслящих в рядах вооруженных сил 135.

Прогрессивные силы страны положительно оценили выступление Карканьо. По мнению аргентинских коммунистов, "позиция, обоснованная и защищаемая Х.Р.Карканьо, не является изложением только личных взглядов, а отражает настроения

---

132 Nueva Era, 1973, N 9, p.315.

133 Ibidem.

134 Ibidem.

135 Nueva Era, 1973, N 11, p.535.

многочисленных течений в вооруженных силах. Иными словами, в их рядах получили довольно широкое распространение новые настроения" ¹³⁶.

В то же время коммунисты отмечали, что в вооруженных силах "существуют течения, представители которых мечтают о диктатуре и хотели бы сорвать процесс, начатый в стране и в рядах армии" ¹³⁷. Свидетельством сложности процессов, происходивших в вооруженных силах, явился выход в отставку в конце 1973 г. генерала Карканьо и его сторонников. Здесь сказалось давление консервативных кругов в вооруженных силах, а также борьба течений в самом перонистском движении, где все больше активизировались правые группировки.

Однако процесс, начатый в вооруженных силах, продолжался. Новый командующий армией генерал-лейтенант Леандро Анайя продолжал, правда в несколько модифицированном виде, линию своего предшественника. Особый упор в своих выступлениях он делал на профессиональном характере армии, ее задачах по защите конституционного строя. Под профессионализмом Анайя понимал не только верность военных своему долгу, но и активное их участие в развитии страны, в процессе сближения с народом. Так же как и генерал Карканьо, Анайя выступил против решения проблемы "подрывной деятельности" чисто репрессивными, военными методами и средствами, считая, что в ее основе лежат экономические, социальные, политические факторы и причины. Поэтому Анайя противился вовлечению армии в борьбу с партизанским движением, которое в то время развернулось в стране.

В своей деятельности командующий проявлял стойкость и мужество. Он подвергался сильнейшему давлению со стороны правых в рядах армии, которые ориентировались на государственный переворот, стремились натравить военных на трудящих-

---

¹³⁶ Nueva Era, 1973, N 11, p.535.

¹³⁷ Ibidem.

ся. В вооруженных силах особую активность проявляла группа ультраправых, "пиночетистов", как их назвала компартия. Их действия подкреплялись террористическими акциями таких право-экстремистских организаций, как Аргентинской антикоммунистический альянс (Три "А"), чинивший расправу над демократами и патриотами.

Правые широко использовали в своих интересах провокационные авантюристические действия ультраправых, которые встали на путь террора в отношении военных, заявляя, что каждый офицер — это контрреволюционер, враг народа. Резко критикуя эти акции, аргентинские коммунисты охарактеризовали их как действия "авантюристов, которые от имени "революции" совершают преступления против военных, особенно против представителей сухопутных войск, вызывая тем самым обострение политической напряженности в стране" ¹³⁸.

Генерал Анайя и его сторонники подвергались давлению и со стороны правых перонистских группировок, которые стали захватывать господствующие позиции в правительстве после смерти президента Перона летом 1974 г. Лидер правых в перонистском движении министр социального обеспечения Лопес Рега, который, как позже выяснилось, был одним из вдохновителей деятельности Аргентинского антикоммунистического альянса, стал ближайшим советником нового президента Марии Эстелы Мартинес де Перон, фактически сосредоточив все нити правления в своих руках.

Группа Лопеса Реги стремилась поставить вооруженные силы полностью под свой контроль, превратить в послушное оружие, использовать против забастовочной борьбы трудящихся, для расправы с растущей оппозицией правым перонистам в профсоюзном движении. Генерал Анайя отказался направить войска на подавление борьбы рабочего класса, подчеркнув, что такие действия не имеют ничего общего с профессиональным долгом армии. Как отметили аргентинские коммунисты, эта стойкая по-

¹³⁸ Nueva Era, 1975, 17 sept. О борьбе аргентинских коммунистов против сектантско-авантюристических концепций и действий ультраправых см. последнюю главу работы.

зиция командующего привела к резкому конфликту с группой Лопеса Реги, вынудила генерала Анайа уйти в отставку, что привело к обострению положения в армии ¹³⁹.

Преемник Анайа на посту командующего сухопутными войсками генерал-лейтенант Нума Лаплане явно взял курс на тесное сотрудничество с правой группировкой Лопеса Реги, даже пытаясь "теоретически" оправдать это сотрудничество. Он выдвинул идею о так называемом "интегрированном профессионализме", что было ни чем иным, как откровенным стремлением пересмотреть прежние концепции профессионализма в его патриотической интерпретации, данной генералами Карканьо и Анайа. Ссылками на "интегрированный профессионализм" оправдывалось полное подчинение армии правому перонизму, взявшему курс на срыв программы реформ, провозглашенных хустисиалистским фронтом освобождения на выборах 1973 г. Однако деятельность Нума Лаплане встретила сильное сопротивление в армии. Показателен в этом смысле отпор попыткам нового командующего реализовать идею "интегрированного профессионализма", используя армию против выступлений рабочих.

Неудачные попытки группировки Лопеса Реги с помощью армии расправиться с рабочим движением, ввести в состав правительства в качестве министра внутренних дел военного, что вызвало резкую оппозицию в рядах армии, привели к острому правительственному кризису и к отставке лидера крайне правых перонистов и его сторонников в августе 1975 г. Все это повлекло за собой изменения в руководстве армии. На пост командующего вместо Нумы Лаплане был назначен генерал-лейтенант Хорхе Видела, бывший начальник генерального штаба.

Видела вступил на пост командующего в условиях, когда в стране резко обострились социальные противоречия, перонистский режим все больше обнаруживал свою неэффективность, поддавая под влияние правых группировок. Усилилась борьба тенденций и в армии в результате попыток навязать ей кон-

¹³⁹ Nueva Era, 1975, 17 sept. О борьбе аргентинских коммунистов против сектантско-авантюристических концепций и действий ультралевых см. последнюю главу работы.

цепцию "интегрированного профессионализма". В армии, как подчеркивали коммунисты, действовали сторонники "пиночетизма", которые стремились совершить государственный переворот, натравить армию на рабочий класс, левые силы. Они пытались представить террористические акции левацких группировок как общую стратегическую линию прогрессивных сил. В то же время в армии усиливалось патриотическое течение, довольно пестрое по своим взглядам и устремлениям, представители которого отвергали "пиночетовский" выход из кризиса и одновременно выражали все большее недовольство политикой существующего режима ¹⁴⁰.

Все эти противоречия, сложные процессы в вооруженных силах свидетельствовали об их возрастающей политической роли. Именно стремлением сохранить для армии свободу маневра, относительную самостоятельность действий, укрепить институциональное единство всех родов войск можно в значительной мере объяснить выступление генерала Видела с призывом укреплять дисциплину в армии на основе профессиональных принципов, устранять борьбу личных честолюбий и амбиций ¹⁴¹.

Большое значение в этой связи приобретала позиция командования армии в отношении "подрывной деятельности". Видела в общем-то придерживался той же линии, что и его предшественники на этом посту — генералы Карканьо и Анайя. По его словам, "подрывная деятельность — это явление экономическое, социальное, политическое и отчасти военного порядка" ¹⁴². В то же время представители двух других родов войск, в частности авиации, делали упор на чисто военные аспекты борьбы с "подрывной деятельностью", стремясь на этой основе укрепить "институциональное единство" вооруженных сил. Такая позиция, по мнению коммунистов, могла бы затормозить развитие позитивных процессов в рядах вооруженных сил, вновь выдвиг-

¹⁴⁰ Nuestra palabra. Buenos Aires, 1975, 6 ag.

¹⁴¹ Ibid., 3 sept.

¹⁴² Ibid., 17 sept.

нуть на первый план концепции "внутреннего фронта", "контр-революционной войны".

Учитывая усиление патриотических настроений в рядах вооруженных сил, коммунисты выдвинули лозунг создания военно-гражданского правительства. "Участие представителей вооруженных сил, всех трех родов войск в таком правительстве, — подчеркивали коммунисты, — будет исключительно большим вкладом в дело решения национальных проблем и укрепления всего, что связано с национальной обороной"¹⁴³. Такое участие в правительстве, подчеркивали коммунисты, приведет к установлению тесного сотрудничества вооруженных сил с народом в борьбе за ликвидацию зависимости страны¹⁴⁴.

Приход к власти военной хунты в марте 1976 г. не только существенным образом изменил обстановку в стране, но и вновь с особой остротой выдвинул на первый план проблему поиска путей сотрудничества всех патриотических сил, как гражданских, так и военных, для преодоления больших трудностей, переживаемых страной. Выдвинутая военной хунтой программа действий исходила из учета этого обстоятельства. Хунта ставила своей целью борьбу против коррупции, подрывной деятельности, выступала за стимулирование экономического развития страны, "основанного на равновесии и ответственном участии в управлении страной различных секторов общества для того, чтобы впоследствии обеспечить установление республиканской, федеративной представительной демократии, соответствующей национальной действительности и решениям задач, стоящих перед аргентинским народом"¹⁴⁵. Программа предусматривала также строгий контроль государства над ключевыми позициями в экономике. Что же касается иностранного и национального частного капитала, то его деятельность должна осуществляться, подчеркивалось в программе, в таких рамках, чтобы "нейтрализовать

---

¹⁴³ Nuestra palabra, 1975, 3 sept.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ El Nacional. México, 1976, 25 mar.

его влияние на государственную власть" 146.

В своей программной декларации хунта заявляла, что Аргентина, находясь в рамках "западного и христианского мира", будет бороться за принципы самоопределения нации и "за укрепление аргентинского присутствия в мировом сообществе" 147. Бесспорно, в программной декларации нашли определенное отражение настроения различных течений в вооруженных силах, которые отвергали решение проблем, стоящих перед страной, на путях установления террористической диктатуры.

Коммунистическая партия Аргентины, оценивая приход к власти военного правительства, указывала на глубокий кризис, в котором оказалась страна. Коммунисты специально отметили наличие в программной декларации хунты ряда требований, созвучных национальным интересам: "провозглашение верности идеям представительной демократии, основанной на принципах социальной справедливости, возрождение конституционных институтов, подтверждение государственного контроля над теми отраслями экономики, которые определяют развитие и национальную оборону, способность принимать национальные суверенные решения" 148.

В заявлении компартии подчеркивалось, что военная хунта отбросила "пиночетовский" вариант решения политических проблем. В то же время отмечалось, что "никто не имеет права проявлять благодушие, поскольку в рядах вооруженных сил и вне их имеются пиночетисты" 149. Одновременно компартия вновь указывала на необходимость согласия всех национальных патриотических сил, которое станет основой для создания военно-гражданского правительства, широкой демократической коалиции. Компартия отмечала, что в случае, если военная хунта станет переходным этапом на пути к созданию правитель-

146 El Nacional, 1976, 25 mar.

147 Ibidem.

148 El Día. Mexico, 1976, 28 mar.

149 Ibidem.

ства, в котором нуждается страна, то будет "оделан шаг вперед и исчезнет стена, отделяющая вооруженные силы от народа" ¹⁵⁰.

Положение в Аргентине после военного государственного переворота характеризовалось развитием сложных, противоречивых процессов. В стране обострялась борьба между демократическими и реакционными силами. Она проходила в рядах армии. Внутренняя реакция, наиболее агрессивные круги империализма стремились ускорить развитие событий в выгодном им направлении, ставя своей главной целью не допустить перегруппировки демократических сил стран, укрепления их единства, объединения с демократическими течениями армии. В этих условиях исключительно важное значение приобретали борьба за устранение всех барьеров, которые разделяли народ и армию, за создание единства демократических сил с военными патриотами. Активную деятельность в этом направлении развернули аргентинские коммунисты. Излагая их принципиальную позицию, Арнедо Альварес подчеркивал: "Мы должны быть активными участниками борьбы за разгром пиночетистов и за консолидацию демократических сил внутри и вне военного правительства. Разве может быть другая позиция! Те, кто не участвует в этой борьбе, не выполняет своего долга в отношении демократии. Демократию нельзя защищать, оставляя свободу действий врагам" ¹⁵¹. Аргентинские коммунисты выступили за создание широкого патриотического фронта, в который вошли бы демократические партии, профсоюзы, представители церкви, вооруженных сил. Этот фронт стал бы важнейшим фактором в осуществлении политики, направленной на достижение социального прогресса и экономической независимости, что открыло бы путь к созданию обновленной демократии. А путь к этой демократии, как подчеркивают коммунисты, лежит через "создание военно-

---

¹⁵⁰ El Dia, 1976, 28 mar.

¹⁵¹ Fundamentos. Buenos Aires, 1976, N 5, p.400.

гражданского правительства, опирающегося на широкую коалицию демократических сил" 152.

Такому решению всеми силами противится реакция, стремясь, как подчеркивают коммунисты, добиться выгодных для себя одвигов в армии, попытаться превратить ее в орудие контрреволюции. Успешно противодействовать этим планам возможно на путях укрепления единства всех демократических сил, включая патриотические течения в армии.

---

¹⁵² Propuestas económicas para un proyecto nacional, Buenos Aires, 1977, p. 4-5.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ БРАЗИЛИИ: ОТ «ГАРАНТА» КОНСТИТУЦИИ К ПРЕВРАЩЕНИЮ В «ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ»

Кризис бразильского общества и вооруженные силы

К началу 60-х годов Бразилия, крупнейшая латиноамериканская страна, после довольно интенсивного экономического развития в послевоенный период вступила в полосу затяжного кризиса, который затронул не только экономику, но и социальные и политические структуры и институты. Быстрые темпы экономического развития Бразилии объяснялись благоприятным сочетением как внутренних, так и внешних факторов.

Развитие производительных сил, разложение традиционной латифундистско-олигархической структуры в результате буржуазных преобразований, начавшихся после прихода к власти правительства Варгаса в 1930 г., создали условия для модернизации страны на пути капиталистического развития. К этому надо добавить, что у Бразилии появились большие возможности для развития национальной промышленности сначала в связи с мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг., а затем в результате второй мировой войны. В этот период сокращение импорта готовых товаров, их нехватка на внутреннем рынке благоприятствовали созданию национальных предприятий, которые как бы заполняли вакуум, образовавшийся на внутреннем рынке. Этот процесс получил в латиноамериканской экономической и социологической литературе довольно распространенное название "политика замещения импорта".

В результате ускорения капиталистического развития в социально-экономической структуре Бразилии произошли большие изменения. Из страны аграрной она превратилась в аграрно-индустриальную. К началу 60-х годов удельный вес промышленного производства почти сравнялся по стоимости с сельским хозяйством (26 против 28%)¹. С 1948 г. до середины 60-х годов промышленное производство увеличилось в 4 раза, в то время как внутренний валовой продукт вырос в 2,5 раза. Быстрыми темпами росло производство средств производства. Стоимость продукции этих отраслей экономики сравнивалась со стоимостью продукции отраслей, производящих средства потребления, в то время как в 1939 г. она составляла половину стоимости последней. Так, тяжелая промышленность могла уже обеспечить 3/4 всего внутреннего спроса². "Бразильская экономика, — отмечалось в Политической резолюции VI съезда Бразильской компартии, — получила экономические стимулы в результате возникновения собственного внутреннего рынка, перестав быть простым придатком империалистических рынков"³.

Индустриальному развитию страны благоприятствовали расширение внутреннего рынка, быстрая урбанизация страны, развитие капитализма в сельском хозяйстве⁴.

Существенные изменения произошли в классовой структуре страны. К началу 60-х годов численность пролетариата увеличилась до 8 млн человек, среди которых насчитывалось 3 млн городских рабочих и 5 млн лиц наемного труда в сельском хозяйстве. Причем численность фабрично-заводских рабочих это-

¹ См. Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975, с.137.

² VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Resolução política. Brasil, s.a., p.5.

³ Ibidem.

⁴ Только за 20 лет (1940-1960 гг.) городское население увеличилось на 148%, а сельское — всего на 37,5%. — Мишин С.С. Процесс концентрации капитала в Бразилии. М., 1972, с.13.

го классового ядра пролетариата достигла 1600 тыс. человек. Пролетариат составлял 1/3 всех лиц наемного труда ⁵.

В структуре пролетариата произошли значительные изменения. Появились новые отряды рабочего класса, связанные с автомобильной, химической, электронной, судостроительной промышленностью.

Заметно изменилась структура средних слоев населения. Резко возросла численность прослойки лиц наемного труда (банковские, торговые олушачие, инженерно-технические кадры), которые составляли около 1,5 млн человек.

Капиталистическое развитие страны привело к укреплению позиций местной буржуазии. В ее рядах происходила быстрая дифференциация под воздействием процесса концентрации капитала. Из ее среды выделялась прослойка крупной буржуазии монополистического типа, составляющая ядро финансово-промышленной олигархии. "В результате формирования бразильских монополистических групп, — пишет советский исследователь С.С.Мишин, — возникла бразильская финансовая олигархия, представляющая олицетворение "личной унии" руководителей банковских и промышленных монополий" ⁶.

Изменения в классовой структуре общества несли в себе предпосылки для обострения классовых противоречий, развертывания борьбы вокруг дальнейших путей развития страны.

Такому обострению противоречий способствовал углубляющийся кризис "политики замещения импорта". Все отчетливее проявлялась крайняя неравномерность в развитии отдельных районов страны. В промышленном отношении выделялись Юго-Запад и Юг страны. На эти районы в 1964 г. падало 93,85% всего производства ⁷. В особо тяжелом положении находились Север и Северо-Восток страны, которые занимали примерно поло-

⁵ VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Resolução politica, p.7.

⁶ Мишин С.С. Указ.соч., с.226.

⁷ VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Resolução politica, p.5.

вину национальной территории, и на которой жило 33 млн населения. Национальный доход здесь на душу населения составлял всего 100 долл. в год ⁸.

Серьезным тормозом на пути развития страны оставался латифундизм, позиции которого были достаточно сильными. Так, по данным переписи 1960 г., в процентном отношении земельные владения размером 500 га и выше составляли всего 2,5% всех владений, а занимали 58% всей земельной площади, из которой только 18,5% обрабатывалось ⁹.

По мере капиталистического развития страны усиливался процесс концентрации и централизации частного капитала, что вело к интенсификации эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся, к снижению их реальной заработной платы. Так, доля заработной платы рабочих в валовом доходе обрабатывающей промышленности Бразилии в 1949 г. составляла 22,6%, а в 1959 г. уже понизилась до 18,5%. Относительная заработная плата рабочих за тот же период уменьшилась с 29,3% (1949 г.) до 20,5% (1959 г.) ¹⁰.

Деформация в развитии страны усугублялась усиливающимся проникновением иностранного капитала, чему не могла воспрепятствовать "политика замещения импорта". Эта политика в частности, основывалась на целой системе протекционистских мер по защите национальных предприятий от конкуренции готовой продукции иностранных компаний. Внедрение иностранного капитала в промышленную структуру страны с помощью создания филиалов или смешанных компаний позволяло, так сказать, изнутри подрывать всю систему протекционистских мер, еще более эффективно влиять на направленность экономического развития страны. Иностранный капитал к концу 50-х годов контролировал производство в автомобильной промышленности

⁸ VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Resolução política, p.5.

⁹ Ibid., p.6.

¹⁰ Коваль Б.И. История бразильского пролетариата. М., 1968, с.361.

на 90%, электроэнергетике — на 82, станкостроении — на 70, химической промышленности — на 50, производстве пластмассы — на 45%^{II}. Вместе с бразильской крупной монополистической буржуазией иностранный капитал выступал за "рационализацию производства", за "замораживание" заработной платы в целях "экономической эффективности".

Углубляющиеся социально-экономические противоречия постепенно расшатывали политическую систему бразильского общества, ее институты. Последние оформились в условиях интенсивного послевоенного экономического развития, больших сдвигов в социальной структуре страны. Эти сдвиги повлекли за собой заметные изменения в политической системе страны, постепенный отход от авторитарных форм правления, которые характеризовали целый период в бразильской политике, связанной с правлением Жетулио Варгаса. Являясь по своей сути выступлением националистически настроенных кругов поднимающейся буржуазии, поддержанной широкими слоями населения, против помещичьей олигархии, события 1930 г. привели после целого ряда столкновений между различными группировками представителей правящих классов к возникновению в 1937 г. так называемого "нового государства" Варгаса, которое просуществовало до 1945 г. Создание авторитарного "нового государства" по своей социальной сущности было своеобразной формой укрепления позиций национальной буржуазии, которая, выступая за ограничения господства иностранного капитала в стране, в то же время стремилась любыми средствами, вплоть до репрессий, воспрепятствовать укреплению позиций левых сил.

В годы существования "нового государства" начала формироваться политика Варгаса и его сторонников в отношении рабочего класса, которая характеризовалась рядом уступок при сохранении полного контроля над профсоюзами со стороны государства. Характеризуя противоречивый характер "нового государства", советский историк Б.И. Коваль пишет: "По мере дальнейшего капиталистического развития в стране обостре-

^{II} Коваль Б.И. История бразильского пролетариата, с.157.

лись социальные противоречия, а сам режим "нового государства" в 1943-1944 гг. вступил в полосу кризиса. Он мог лишь на определенное время обеспечить известную стабильность буржуазной власти, однако бесконечно управлять страной с помощью режима личной власти было нельзя" 12.

Поражение фашизма во второй мировой войне, подъем борьбы народных масс привели к распаду "нового государства" в 1945 г., к введению институтов "представительной демократии". Послевоенный период характеризовался созданием многочисленных политических партий, среди которых выделялись такие, как Социал-демократическая, Национально-демократический союз, Трabalьютская партия.

Социал-демократическая партия, отражающая прежде всего интересы националистически настроенных кругов буржуазии, выступала с позиций десарольистской идеологии, ратовала за быстрое экономическое развитие страны в рамках "представительной демократии". Руководители и идеологи этой партии призывали народные массы к "национальному единству" во имя "прогресса" страны. В "классическом" виде эта политика социал-демократов проявилась в период президентства Жузелино Кубичека (1956-1960 гг.). Несмотря на очевидные достижения в экономическом развитии страны, именно в этот период с большой силой проявились острые противоречия, свойственные капиталистическому пути развития страны.

"Национально-демократический союз" представлял интересы альянса крупной буржуазии и латифундистско-помещичьей олигархии. Его руководство, занимая антинародные, антикоммунистические позиции, неизменно находилось в первых рядах сторонников репрессий и террора в отношении демократического, антиимпериалистического движения, по сути дела используя институты "представительной демократии" для прикрытия политики наиболее реакционных групп бразильских господствующих классов.

---

12 Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975, с.117-118.

Особое место в политической системе занимала Тралбаль-истская партия, созданная Варгасом и его сторонниками. Она принадлежала к "популистскому" типу политических движений. Лидеры тралбальизма стремились объединить в своих рядах под "общенациональными", "общенародными" лозунгами самые разнообразные слои населения от националистических кругов буржуазии до пролетариата. В политическом и идеологическом плане популистское движение было ориентировано на то, чтобы подчинить народные массы влиянию идеологии буржуазного национализма. Особенно широкий размах такого рода политика получила в годы президентства Варгаса (1950-1954 гг.), уже в условиях существования "представительной демократии". Если до определенного времени такая "модель" политического движения действовала в общем безотказно, то по мере обострения классовых противоречий в стране она все больше обнаруживала слабые стороны. В самом тралбальизме происходила дифференциация, усиливалось влияние рабочего класса, что порождало новые противоречия в движении.

Самоубийство президента Варгаса (24 августа 1954 г.), националистическая политика которого столкнулась с растущей оппозицией реакционных сил, привело к углублению кризисных явлений в популистском движении, с особой остротой показало необходимость противопоставить наступлению реакции борьбу широких масс. Именно с этого периода все больший размах приобретает так называемое националистическое движение, зародившееся в конце 40-х - начале 50-х годов в борьбе против посягательства иностранных монополий на природные богатства страны. Националистическое движение - весьма сложное, противоречивое социальное явление, что обусловлено крайне пестрым составом его участников, существенным различием в их позициях. В движении участвовали буржуазно-десарольистские течения, тралбальисты, представители мелкобуржуазных слоев населения, профсоюзы. С самого начала в националистическом движении происходила борьба различных тенденций.

Буржуазно-националистические круги стремились ограничить рамки движения борьбой за "независимое" капиталистиче-

ское развитие Бразилии. На деле это означало попытку добиться компромисса с империализмом. Однако в националистическом движении участвовали и такие силы, которые выступали с антиимпериалистических позиций (прежде всего рабочие), разрывая узкие рамки буржуазного национализма. "Прогрессивные силы, — пишет Б.И.Коваль, — стремились придать движению боевой характер, объясняя массам ограниченный характер буржуазного национализма, вред его установки на "социальный мир". Благодаря активным действиям Бразильской коммунистической партии рабочий класс не пошел на поводу у буржуазных националистов, развивая классовую борьбу и самостоятельно выступая в защиту национальных интересов с позиций подлинно революционного антиимпериализма" ¹³.

Хотя позиции антиимпериалистических сил в освободительном процессе постепенно укреплялись, однако идеологические и политические установки десаролизма и популизма продолжали оказывать деформирующее, негативное влияние на развитие националистического движения. "Если националистическое движение хочет выстоять и превратиться в широкий единый фронт, — писал в 1960 г. известный прогрессивный бразильский публицист Руй Фако, — развивая те тенденции, которые в его рядах отражают народные устремления демократического и антиимпериалистического характера, оно не должно ограничиваться защитой интересов привилегированных слоев населения, принося в жертву интересы рабочих и народа. Можно сказать, что националистическое движение, чтобы выстоять и не превратиться в шовинистическое движение на службе господствующих классов должно бороться в дальнейшем за осуществление программы бразильской революции, за глубокие преобразования, необходимые для еще более интенсивного экономического развития и социального прогресса Бразилии" ¹⁴.

С особой остротой эта дилемма проявилась с начала 60-х годов. В 1961 г. на пост президента после ожесточенной по-

¹³ Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня, с.134.

¹⁴ Фако Р. Бразилия XX столетия. М., 1961, с.162.

литической борьбы, вызванной уходом в отставку Жанио Куадроса, вступил Жоао Гуларт — лидер трабалистов. В годы его президентства особенно обострились социально-политические противоречия в стране. Они оказали глубокое влияние на национальные вооруженные силы,

Вооруженные силы, на первый взгляд, занимали довольно острое место в политической системе, созданной после второй мировой войны. Конституция 1946 г. отводила им роль гаранта конституционных устоев. В ст.176 конституции говорилось, что "вооруженные силы в составе сухопутной армии, военно-морских и воздушных сил являются постоянным национальным институтом, организованным на основе иерархии и дисциплины под верховной властью президента Республики и в рамках закона"¹⁵. Оговорка, что вооруженные силы подчиняются президенту в рамках закона, имела немаловажное значение, поскольку давала военному командованию значительную свободу определять "конституционность" или "неконституционность" действий президента, правительства, оправдывать свое прямое вмешательство в политику.

К такому праву все чаще апеллировали как представители патриотических течений в вооруженных силах, так и представители проимпериалистических, проолигархических тенденций в их рядах. В условиях политической нестабильности, перманентной борьбы в правящих кругах страны, большой активности трудовых слоев населения вмешательство вооруженных сил в политику превращалось в постоянно действующий фактор политической жизни.

Что же представляли собой бразильские вооруженные силы? В их рядах, как и в "гражданском обществе", происходила борьба различных течений, тенденций, которую отнюдь нельзя объяснить социальным обликом их офицерского корпуса. Последний в своем большинстве по социальному составу не был связан с элитарными группами помещиков, промышленников, о чем можно судить по некоторым, хотя и далеко не полным дан-

¹⁵ Цит. по: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. М., 1973, с.104.

ным. Так, в 1941-1943 гг. из 1031 человек, поступивших в армейскую академию, только 39 (3,88%) были сыновьями фазендейро, т.е. помещиков. В 1962-1966 гг. этот показатель снизился до 0,5%¹⁶. Опрос офицеров, проведенный вскоре после переворота 1964 г. группой социологов, правда, не совсем репрезентативный с точки зрения широты охвата опрошиваемых, все же помогает сделать ряд небезынтесных выводов. Большинство опрошенных принадлежало к представителям средних слоев или были выходцами из семей потомственных военных.¹⁷

В военной среде существовали, согласно опросу, нередко диаметрально противоположные политические и идеологические позиции - от антиимпериалистических, патриотических до проимпериалистических, реакционных. Собственно говоря, эту тенденцию можно было проследить на протяжении многих десятилетий существования бразильских вооруженных сил, но особенно в послевоенный период. Свою роль в этом сыграл ряд объективных и субъективных факторов: "интеграция" части офицерства в политическую систему господствующих классов, небезуспешная деятельность реакции в рядах армии, а также прочеты и ошибки в отношении к ней представителей левых, антиимпериалистических сил, чем достаточно умело пользовалась контрреволюция.

Пожалуй, с особой ясностью противоречивость политической эволюции военных прослеживается на примере движения тенентистов (лейтенантов). В 20-е - начале 30-х годов тенентисты - выходцы из мелкобуржуазных слоев, - борясь против латифундистской олигархии, за демократию, вписали яркие страницы в историю демократического, антиолигархического движения в стране. Достаточно вспомнить героическое восстание гарнизона форта Копакабана в столице (июль 1922 г.), легендарный поход в 1924-1927 гг. "колонны Престеса".

¹⁶ Einaudi L.R., Stepan A.C. Latin American Institutional Development: Changing Military Perspectives in Peru and Brazil. Santa Monica, 1971, p.88.

¹⁷ Cadernos brasileiros. Rio de Janeiro, 1966, novembro-dezembro, p.18, 27-28.

Отсутствие четкой политической платформы, обострение противоречий среди участников движения предопределили размежевание в рядах тенентизма. Некоторые из его сторонников, как например Луис Карлос Престес, стали коммунистами, сохранили верность патриотическим, освободительным идеалам. Другие же, например, в прошлом видный тенентист Жуарез Тавора, ставший впоследствии генералом, связали свою судьбу с наиболее реакционными силами страны¹⁸. Однако и спустя много лет после того, как тенентистское движение сошло с политической арены, к его традициям апеллировали представители различных течений в вооруженных силах с целью использовать его авторитет.

В связи с борьбой течений в вооруженных силах в 50-х и начале 60-х годов возникает вопрос, каковы причины, предопределившие такое развитие событий, которое привело к возобладанию контрреволюционных настроений в среде военных.

В вооруженных силах довольно значительным влиянием пользовалось демократическое, патриотическое течение. В условиях развертывающегося массового националистического движения патриотически настроенная часть вооруженных сил все больше вовлекалась в активную политическую борьбу. "Напряженная борьба, которая развертывается в настоящее время между националистическими силами, выступающими в защиту богатств и национальной независимости страны, и капитулянтскими силами, являющимися союзниками американских империалистов, — пишет Р. Фако, — происходит также и в рядах вооруженных сил"¹⁹.

В течение ряда лет выразителем настроений патриотической части армии в определенной степени был Военный клуб в Рио-де-Жанейро, объединявший тысячи офицеров. О настроениях, царивших в клубе, можно судить по высказыванию генерала Эстилака Леаля, избранного его президентом в 1950 г. "Наш

---

¹⁸ О тенентизме см.: Антонов Ю.А. Указ.соч.; Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня.

¹⁹ Фако Р. Указ.соч., с.223.

долг, — говорил генерал-патриот, — поддерживать свою политическую свободу, территориальную целостность родины и священное право самим определять свою судьбу, избирая путь, который лучше всего соответствует законным интересам нации, и противопоставляя нашим действительным врагам свою волю, волю вооруженного народа, который любит мир и имеет героическое военное прошлое" ²⁰.

Такую патриотическую позицию поддерживали довольно широкие круги в вооруженных силах, которые своими решительными выступлениями на протяжении 50-х — начала 60-х годов не раз срывали попытки реакционного государственного переворота. Так было в период политических кризисов в 1955 и 1961 гг.

В то же время демократическое течение в вооруженных силах не было свободно от слабостей, которые препятствовали его консолидации, более активному воздействию на армию. Прежде всего, у его представителей не было прочной организационной базы. Военный клуб при всем своем влиянии на вооруженные силы был только местом дискуссий, обмена мнениями.

Смена руководства клуба, как это нередко случалось, влекло за собой изменения тональности и направленности дискуссий. Самое же главное заключалось в том, что вовлечение армии в активную политическую борьбу в условиях крайней слабости институтов "представительной демократии" порождало среди патриотической части военных определенные авангардистские, даже "мессианские" настроения, что вело к изоляции их выступлений от борьбы народных масс и в то же время к отрыву от военной среды. Дело в том, что увлеченность популярной фразеологией приводила к пренебрежению этой части военных профессиональными интересами. А это было немаловажным фактором для основной части военных, которые могли бы примкнуть к антиимпериалистическому движению только будучи уверены, что вооруженные силы будут сохранены, а их профессиональные интересы удовлетворены. Все это предопределяло растущую изоляцию патриотического течения среди военных. В

²⁰ Цит. по: Антонов Ю.А. Указ.соч., с.118-119.

армии создавался определенный вакуум, который кто-то должен был заполнить. И он оказался заполненным, но силами, враждебными антиимпериалистическому движению.

Постепенно в армии крепла группировка, связанная с Высшей военной школой (ВШ) ("Сорбонной", как ее называли в стране), о создании которой было объявлено президентским декретом от 20 августа 1949 г.

Военное ядро, создававшееся вокруг ВШ, составляли бывшие участники бразильского экспедиционного корпуса, действовавшего в Италии во время второй мировой войны. Еще с того времени у многих из них установились контакты с американскими военными кругами, у которых они заимствовали методы обучения кадров, их подготовки. Апологетическое отношение к американской армии у них было тесно связано с ориентацией на расширение востороннего сотрудничества Бразилии с США, на перестройку страны по "американскому образцу", на ее "интеграцию" в "западную демократическую систему".

"Холодная война", развязанная империалистическими кругами, нашла в лице этой группы бразильских военных ярых пропагандистов союза с Соединенными Штатами на основе борьбы против "международного коммунизма", в защиту "западных ценностей". "С самого начала, — пишет американский социолог Альфред Степан, — Высшая военная школа стояла на позициях антикоммунизма и была вовлечена в холодную войну"²¹. Это предопределяло и враждебность деятелей "Сорбонны" к политике националистических правительств, например Варгаса, затем Гуларта, которые в той или иной степени пытались ограничить засилье иностранного капитала, осуществляли независимые акции в области внешней политики.

Стремясь выработать "антикоммунистическую альтернативу", подготовить условия для ее реализации, идеологи "Сорбонны" развернули интенсивную деятельность в рядах вооруженных сил, укрепляли связи с крупным местным и иностранным бизнесом. Разработку своей альтернативы, ее идеологических и по-

²¹ Einaudi L.R., Stepan A. Op.cit., p.82.

литических аспектов они основывали на военно-политической доктрине "национальной безопасности".

Прежде чем перейти к ее характеристике, степени глубины влияния на армию необходимо вкратце остановиться на структуре и деятельности Высшей военной школы. Она была непосредственно подчинена начальнику генерального штаба вооруженных сил. В ее руководство входили представители министерств по делам армии, военно-морского флота, военно-воздушных сил, а также иностранных дел. Право на учебу предоставлялось старшим офицерам трех родов войск, начиная с подполковника, а также гражданским лицам из числа представителей высшей бюрократии, экономистов, менеджеров, инженеров, социологов, дипломатов и др. Они обучались на различных курсах: на высших военных курсах стратегической информации, национальной мобилизации и ряде других.

Основной упор в обучении делался на преподавание социально-экономических и политических дисциплин, их теоретических и практических аспектов, на изучение проблем государственного управления. Учебный год в ВВШ длился с марта по декабрь. Первые восемь недель слушатели изучали основные компоненты доктрины "национальной безопасности". Следующие 22 недели они посещали лекции по внутриполитическим и внешнеполитическим проблемам, принимали участие в обсуждении вопроса о взаимосвязи проблем безопасности и развития. Последние 10 недель главное внимание слушателей было направлено на практические занятия. Кроме того выпускники школы совершали двадцатидневную поездку в США для ознакомления с промышленным и военным потенциалом страны.

К 1966 г. школу окончили 599 военных, 227 представителей частных промышленных и торговых предприятий, 200 - наиболее важных министерств, 97 - правительственных децентрализованных предприятий, 39 депутатов Национального конгресса, 23 федеральных судей и судей штатов, 107 человек из числа экономистов, писателей, врачей, духовенства²².

²² Binaudi L.R., Stepan A. Op.cit., p.81,

Ассоциация выпускников ВВШ издавала специальный журнал, который являлся своеобразным координационным центром по объединению военных с представителями финансово-промышленных кругов, с высшей государственной бюрократией, с различными группами интеллектуальной элиты.

Руководители ВВШ, ее идеологи не скрывали, что главную задачу они видят в подготовке новой правящей элиты, которая должна прийти на смену "традиционным" политическим группировкам. Как заявил генерал Аугусто Фрагосо, занимавший пост начальника ВВШ, перед Бразилией стояла проблема "создания правящего класса" ²³.

Как уже говорилось, оружием в руках военной группировки "Сорбонны" была доктрина "национальной безопасности". Закон, объявивший о создании ВВШ, предписывал в качестве основной задачи ее деятельности изучение проблем, связанных с внешней политикой, и их взаимосвязи с потребностями национальной безопасности ²⁴. Волею этого ВВШ должна была выявить роль вооруженных сил, "необходимых для проведения национальной политики в мирное и военное время" ²⁵.

Центральное место в деятельности ВВШ заняло исследование проблем "национальной безопасности", определение ее сущности, места и роли во внешней и внутренней политике. В общем общем плане идеологи "Сорбонны" определяли "национальную безопасность" как "ту или иную степень гарантии безопасности, которую государство может предоставить с помощью политических, экономических, военных и психологических акций во имя осуществления национальных целей, несмотря на существующие антагонизмы" ²⁶.

²³ Problemas brasileiros. São Paulo, 1970, N 88, p.27-28.

²⁴ Cadernos brasileiros. Rio de Janeiro, 1966, novembro-dezembro, N 38, p.29-30.

²⁵ Ibid., p.30.

²⁶ Schneider R.M. The political System of Brazil. N.Y. and London, 1971, p.246.

Для проведения в жизнь "национальных целей" государство должно обладать "национальной властью" — главным инструментом национальной политики. "Национальная политика", согласно идейной позиции "Сорбонны", ставит перед собой осуществление двух задач: обеспечение "развития" и обеспечение "национальной безопасности". Заявляя, что "развитию" грозят многочисленные опасности, как "внутренние", так и "внешние", руководители "Сорбонны" ставили развитие страны в прямую зависимость от степени эффективности "национальной безопасности", тем самым придавая последней решающее значение в "национальной политике".

Концепция "национальной безопасности" была пропитана духом ярого антикоммунизма, "холодной войны", основывалась на тезисе о "тотальной" конфронтации "западной цивилизации" с "международным коммунизмом". Отсюда апелляция идеологов "Сорбонны" к теориям "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", с помощью которых оправдывалась борьба с прогрессивными силами под предлогом того, что Бразилия находится уже в состоянии "перманентной войны", развязанной "международным коммунизмом".

В наиболее систематизированном, развернутом виде разработал эту концепцию генерал Голбери, один из главных идеологов "Сорбонны". Изложенные им идеи стали своего рода "официальной" идеологией ВВШ, сыграли свою роль в подготовке контрреволюционного государственного переворота 1964 г. Уже сами названия первых работ Голбери "Бразилия и защита Запада" (1958), "Геополитические аспекты политики Бразилии" (1960) говорили не только о политических и идеологических симпатиях автора, но и о стремлении мыслить "глобальными" геополитическими категориями.

В своих теоретических построениях Голбери исходил из идей "взаимозависимости" Бразилии и стран "западной цивилизации", которые ведут борьбу с "коммунистической агрессией". "В такой же степени как Запад нуждается в Бразилии для своей стратегической политики, в такой же степени и Бразилия зависит от Запада в осуществле-

нии своей национальной стратегии" ²⁷. Голбери не скрывал своего апологетического отношения к Соединенным Штатам как главной силе в борьбе против "коммунизма". В то же время Голбери отстаивал мнение об особой важности Бразилии для обороны "Запада", осылаясь на ее экономический и людской потенциал, исключительно благоприятное геополитическое положение.

Заявляя об угрозе превращения Латинской Америки в "коммунистический плацдарм", Голбери призывал США и другие развитые капиталистические страны оказывать всемерную помощь Бразилии в развитии ее потенциала, в осуществлении модернизации. В этой связи Голбери, как и другие представители "Сорбонны", выступал за капиталистическую модернизацию Бразилии, в чем видел последний шанс сохранения "Западной цивилизации" в Латинской Америке.

Голбери и его сторонники готовы были в интересах осуществления долгосрочной стратегии по укреплению капитализма пойти на ущемление интересов тех или иных групп буржуазии, на некоторое обуздание стихии "свободного предпринимательства" ²⁸.

Именно в этом плане можно оценивать призывы Голбери укреплять государственную власть, шире использовать принудительные функции государства для обеспечения "национальной безопасности" ²⁹. Однако, естественно, не эта критика "свободного предпринимательства" придавала пафос выступлениям идеологов "Сорбонны". Они объявляли "международный коммунизм" главным препятствием для развития Бразилии, обвиняя коммунистов в разжигании классовой борьбы, подрыве "национального единства".

Антикоммунизм предопределял исключительную агрессив-

---

²⁷ General Golbery. Geopolitica de Brasil. Rio de Janeiro, 1967, p.225.

²⁸ Ibid., p.248-249.

²⁹ Ibid., p.32.

ность доктрины "национальной безопасности", ее воинствующую геополитическую направленность. Голбери объявлял геополитику и "геостратегию" Бразилии "частью геополитики и геостратегии всего западного мира" ³⁰. Отсюда делались недвусмысленные выводы о "праве" Бразилии проводить для обеспечения своей безопасности "динамичную" геополитическую политику в Латинской Америке. Больше того, апелляция Голбери к геополитике служила у него целям пропаганды "великой миссии Бразилии" на латиноамериканском континенте. Голбери оправдывал геополитическими аргументами, соображениями "национальной безопасности" право Бразилии устанавливать свои "зоны влияния" в Латинской Америке, объединять под своим лидерством другие латиноамериканские страны ³¹.

Руководителям ВВШ, ее идеологам удалось разработать довольно стройную военно-политическую доктрину. Немаловажное значение для достижения ими поставленных целей приобрела позиция вооруженных сил, степень влияния на них идей и концепций "Сорбонны".

Деятели "Сорбонны" апеллировали к профессиональным чувствам военных, небезуспешно спекулируя на недовольстве в армии тем, что проблемы модернизации вооруженных сил, улучшения материального и профессионального положения отдельных категорий военнослужащих не были решены. Характерным в этом отношении был так называемый "меморандум полковников" (1954 г.), который подписало немало известных военных, в том числе Голбери, бывший в то время подполковником. В обращении к командованию авторы меморандума мрачными красками рисовали положение в вооруженных силах, говорили об угрозе со стороны "коммунизма" самому существованию армии ³².

---

³⁰ General Golbery. Geopolitica de Brasil. Rio de Janeiro, 1967, p.171.

³¹ Ibid., p.215.

³² Ferreira O.S. A fôças armadas e o desafio da revolução. Rio de Janeiro, 1964, p.123.

Авторы меморандума затрагивали вопрос о "национальной безопасности". Она, по словам военных, не могла быть обеспечена при нынешнем состоянии вооруженных сил, с их анахроничной структурой, при отсутствии шансов на продвигение по службе для молодого офицерства, плохо поставленной системе материального и социального обеспечения военных³³. Сошлики авторов меморандума на действительные трудности, переживаемые армией, не могли не вызвать оочувственного отношения со стороны значительной части офицерства, которая стояла, так сказать, на позициях "конституционализма", чистого "профессионализма".

Основная задача сторонников "Сорбонны" по отношению к этой части армии заключалась в том, чтобы политизировать ее в духе антикоммунизма, доктрины "национальной безопасности". Поэтому апелляция к профессиональным интересам военных была у них, так сказать, отправной точкой в политике дальнего прицела по отношению к вооруженным силам. Они стремились к тому, чтобы создать в армии благоприятный социально-психологический климат для контрреволюционного переворота.

Достичь этой цели идеологи "Сорбонны" намеревались, в частности, с помощью усиленного противопоставления армии пролетариату, профсоюзам под тем предлогом, будто бы последние своими "непомерными" требованиями ставят под угрозу экономическое развитие, а следовательно, обороноспособность, ухудшают материальное положение военных. При этом контрреволюционеры в рядах армии и вне ее пытались представить дело так, будто Бразилия идет по пути установления "коммунистическо-синдикалистской диктатуры", которая ликвидирует вооруженные силы; создаст "красную" рабочую милицию. Одновременно резким нападкам подвергалась осуществляющая политическая система, которая обвинялась в "потворстве" установлению такой диктатуры. Тем самым вооруженным силам внушалась мысль, что только ликвидация "системы" позволит устраи-

---

³³ Ferreira O.S. Op.cit., p.123-127.

нить "коммунистическую угрозу", опасности от гибели военные институты.

Особую роль в создании благоприятного климата для действий контрреволюции в рядах армии сыграли пропагандистские спекуляции относительно "пролетаризации" военных, их превращения в "отверженных системы". Иными словами, реакция играла на приверженности офицерского корпуса своему профессиональному статусу, взывая к чувству "профессионального самоохранения". В более широком плане это было составной частью идеологической, политической обработки средних слоев населения с их особенно болезненным стремлением сохранить "социальный статус", избежать пролетаризации.

Типичными в этом отношении были выступления Оливейро Феррейры, правоэкстремистского публициста буржуазной газеты "Диарио ду Сан-Паулу". Тесно связанные с правонационалистически настроенными военными, он и его сторонники пропагандировали тезис о необходимости "народного восстания" против существующей "системы". В своей книге "Вооруженные силы и революционный вызов" он выдвинул положение о "пролетаризации" военных. Он ратовал за то, чтобы вооруженные силы стали "становым хребтом революции", которая должна дать, по его утверждению, толчок экономическому развитию страны, возродить армию³⁴. Феррейра спекулировал на популярности в армии тенентистов, этих героических борцов против олигархии, выдавая их за провозвестников борьбы против "системы", за "обновление всего общества"³⁵.

Антиолигархические филиппики Феррейры сочетались с апологией "динамичных" групп финансово-промышленного капитала, деятельность которых, по его словам, направлена на достижение "прогресса страны"³⁶. Социальная демагогия Феррейры, как это характерно для правоэкстремистской идеологии, сочеталась у него с ненавистью к организованному классовому ра-

³⁴ Ferreira O.S. Op.cit., p.83.

³⁵ Ibid., p.82.

³⁶ Ibid., p.23-24.

бочему движению. Ссылаясь на демагогические акции отдельных "популистских" профсоюзных лидеров, которые толкали рабочий класс на путь экономизма, Феррейра пытался доказать, что это-де свидетельствует о неспособности рабочего класса возглавить процесс преобразований в стране, его "эгоизме", оторванности от "национальной действительности". С претензией на теоретические откровения от утверждал, что пример Бразилии доказывает ошибочность ленинских идей об исторической миссии пролетариата в преобразовании общества ³⁷.

Деятельность Феррейры и его сторонников не ограничивалась чисто пропагандистскими, идеологическими акциями. В июле 1963 г. они объявили о создании "Патриотического гражданско-военного фронта". Выступая под лозунгом "единства армии с народом", его инициаторы широко рекламировали свою программу, названную ими "Заповеди народного закона". Авторы этого документа с целью максимального расширения массовой базы контрреволюции, щедро раздавали обещания провести аграрную и другие реформы, защищать государственные предприятия, проводить независимую внешнюю политику ³⁸.

В то же время лидеры фронта апеллировали к популярным среди населения лозунгам борьбы с инфляцией, коррупцией, улучшения социального обеспечения и т.д. ³⁹. Они развернули интенсивную пропагандистскую кампанию, устраивая массовые митинги и манифестации в поддержку своей программы, подвергая открытым нападкам правительство Гуларта.

Это находило все более благоприятный отклик в средних слоях населения, у значительной части военных. К началу 1964 г. накал политической, социальной, классовой борьбы в стране резко возрос. Все более решительно на политическую авансцену выступал рабочий класс как ведущая сила освободительного процесса. Под влиянием антиимпериалистического

³⁷ Ferreira O.S. Op.cit., p.27.

³⁸ Ibid., p.142-143.

³⁹ Ibidem.

движения правительство Гуларта заявило о своем стремлении осуществить глубокие структурные реформы, опереться в своей политике на трудящиеся массы.

Обострение классовой, социальной борьбы, выступления пролетариата оказывали влияние на позиции средних слоев, средней буржуазии. Значительная их часть качнулась вправо, что в определенной степени объяснялось действиями ультралевых элементов в антиимпериалистическом движении, их призывами приступить к немедленному совершению социалистической революции. При этом они не признавали за промышленным пролетариатом руководящей роли в революционных процессах, делали ставку на полупролетарские слои города и деревни. С ними по сути дела смыкались профсоюзные лидеры популистского толка, которые во имя сохранения своих позиций нередко использовали тактику "эскалации" неоправданных забастовок, что создавало благоприятные условия для действий контрреволюции, мобилизующей в свою поддержку различные слои населения.

А это происходило в то время, когда создание широкого антиимпериалистического фронта было еще далеко не завершено, а правительство проявляло радикализм больше на словах, чем на деле. Сказались серьезные пробелы в его политике по отношению к армии. По сути дела правительство исходило из убеждения, что большинство в высшем военном командовании в силу своих "националистических убеждений" должно остаться ему верным. Неосновательность таких расчетов была тем более очевидна, что само правительство мало делало для обеспечения себе такой поддержки.

Не сумели уловить серьезных изменений в армии и левые силы. По справедливому замечанию советского историка Ю.А.Актонова, "некоторые программные лозунги левого крыла единого фронта, например, требования понижения расходов на армию и последующей реорганизации профессиональной армии как индустриальной (а тактических лозунгов для того периода выдвинуто не

было), объективно оказали влияние на позицию значительной части офицерства" ⁴⁰.

Особенно ясно проявились слабости позиций правительства, некоторых течений в антиимпериалистическом лагере в отношении движения сержантов, которое приобрело широкий размах в 1963-1964 гг. Оно вызвало очувствие среди солдат, младшего офицерства и могло бы стать важным фактором в расширении фронта антиимпериалистической борьбы, демократизации вооруженных сил. Однако Гуларт и его сторонники в отношении этого движения не заняли сколько-нибудь дальновидной позиции, рассчитывая использовать сержантов в интересах укрепления своего контроля над армией путем противопоставления одних групп военных другим.

Главная слабость движения сержантов заключалась во влиянии на него левацких, путчистских настроений. Участники движения нередко выдвигали лозунги немедленного осуществления социалистической революции, чуть ли не тотальной национализации. Ошибочными были их лозунги и в отношении офицерского корпуса, который целиком объявлялся враждебным народу, подлежащим ликвидации, замене "подлинными революционерами".

Такие левацкие призывы, как подчеркивали бразильские коммунисты, способствовали подрывной деятельности реакции в армии, ослабляли единый фронт прогрессивных антиимпериалистических сил ⁴¹.

Действительно, силам контрреволюции в рядах армии удавалось под флагом антикоммунизма, "антисиндикализма" перетягивать на свою сторону все более широкие круги военных. В конце января - начале февраля 1964 г. широкое хождение

---

⁴⁰ Антонов Ю.А. Указ.соч., с.184-185.

⁴¹ Проблемы мира и социализма, 1971, № 4, с.43. В качестве примера того, как контрреволюция использовала ошибки движения сержантов, можно привести высказывание Феррейры о том, что коммунисты якобы пытались перенести "большевистские схемы октябрьской революции" в Бразилию, разжечь в армии классовую борьбу. - Ferreira O.S. Op.cit., p.79-80.

среди военных имел документ "Преданность армии". В нем утверждалось, что в стране существует "синдикалистско-коммунистический заговор", угрожающий самому существованию военных институтов. "В результате демагогической и анархистской политики в области заработной платы, — говорилось в документе, — возникла новая привилегированная группа в стране в ущерб другим слоям населения. Из-за галопирующей инфляции и недостаточного пересмотра жалования новые тяготы и беззакония обрушились на военных" ⁴².

20 марта по воинским частям был разослан секретный циркуляр начальника штаба сухопутных войск генерала Кастело Бранко. Генерал открыто защищал право армии не подчиняться правительству во имя защиты "конституции", в интересах борьбы с фашистской или коммунистическо-синдикалистской диктатурами" ⁴³. Буквально накануне переворота 30 марта 1964 г. начальник генерального штаба генерал Пери Бевилакуа направил президенту доклад о положении в вооруженных силах, в котором говорилось о "подрывной деятельности профсоюзов и коммунистов" и по сути дела обосновывалось право военных на открытое антиправительственное выступление. "Я выражу мнение военных, — писал генерал, — если скажу, что вооруженные силы не могут разделять ни с какой другой организацией свои конституционные функции; безопасность правительства и демократических институтов может покоиться только на верности и воинской чести вооруженных сил. В этой связи не может быть мирного сосуществования военных властей и незаконной власти синдикализма" ⁴⁴.

А уже на следующий день началось выступление армий против правительства Гуларта под лозунгами борьбы с режимом, "ликвидировавшим в стране гражданские свободы". Правитель-

---

⁴² Einaudi L.R. and Stepan A. Op.cit., p.79.

⁴³ A Revolução de 31 de março. 2 aniversário colaboração do exército. Rio de Janeiro, 1966, p.18-19.

⁴⁴ Цит. по: Антонов Ю.А. Указ.соч., с.138.

ство фактически не оказало никакого сопротивления заговорщикам, побоялось обратиться к трудящимся массам за поддержкой. Сторонники правительства в армии либо были нейтрализованы, либо не имели сколько-нибудь конструктивной программы, чтобы перехватить инициативу. Левые же силы были недостаточно объединены как организационно, так и политически, чтобы оказать действенное сопротивление контрреволюции. 1 апреля 1964 г. власть перешла в руки "Верховного революционного командования", в состав которого вошли командующие тремя родами войск, выдвинувшие на пост президента страны генерала Кастело Бранко.

Первый этап «бразильской революции»

Государственный переворот 1964 г. был представлен его организаторами как "демократическая революция", спасающая страну от угрозы "коммунистического тоталитаризма", как выступление сил, преданных принципам конституции. Подобного рода заявления, бесспорно, отражали социальную неоднородность сил, участвовавших в подготовке и осуществлении государственного переворота. Это объясняло тот факт, что некоторое время после установления нового режима Кастело Бранко и его сторонники апеллировали к демократическим лозунгам, даже оправдывая "конституционализмом" репрессивные меры, которые приобретали все больший размах и масштабы.

По словам бразильских коммунистов, речь шла о претворении в жизнь "классового" проекта пришедших к власти сил. А этот "проект" характеризовался, как писала газета "Вою операриа", "стремлением дать толчок капиталистическому развитию, интегрированному в мировую систему империалистического господства, усилить тем самым зависимость страны, ускорить процесс накопления и воспроизводства финансового капитала, увеличить прибыли монополий. Необходимым условием для реализации проекта являлось увеличение прибавочной стоимос-

ти путем сверхэксплуатации рабочего класса" ⁴⁵.

Буквально сразу после переворота военное правительство начало создавать новый политический механизм власти, встав на путь ограничения, а затем ликвидации прежних государственных институтов. Главным орудием такой перестройки стали так называемые институционные акты, авторы которых по сути дела взяли на себя функции законодательной и исполнительной власти.

Кастело Бранко открыто заявлял, что доктрина "национальной безопасности", разработанная Высшей военной школой, была взята на вооружение его правительством, положена в основу законодательства, политической организации и конституции ⁴⁶. Приверженность доктрине всячески рекламировалась новым режимом. Большая пропагандистская шумиха была поднята вокруг работ главного идеолога "Сорбонны" Голбери; сам он был назначен Кастело Бранко начальником Национального разведывательного управления, которое стало играть решающую роль в осуществлении доктрины "Национальной безопасности".

Первый институционный акт был издан 9 апреля 1965 г. военным командованием. Согласно акту, президенту республики предоставлялось право вносить поправки к конституции, вводить осадное положение без санкции конгресса. Институционный акт лишал политических прав бывших президентов страны Кубичека, Куадраса, Гуларта, ряд губернаторов штатов, многих депутатов конгресса и несколько сот политических деятелей ⁴⁷. В то же время он предусматривал сохранение конституции 1946 г., продолжение деятельности конгресса.

Однако период кокетничания правящей группировки с "демократией" длился недолго. После выборов губернаторов в некоторых штатах, когда кандидаты оппозиционных сил одержали

⁴⁵ *Voz operária*, 1974, N 109, p.4.

⁴⁶ *Correio de Manhã*. Rio de Janeiro, 1967, 14 mar.

⁴⁷ *Brazil in the sixties*. Nashville 1972, p.31.

победу в Гуанабаре и Минас-Жерайсе, был издан институциональный акт № 2 (27 декабря 1965 г.). Он носил еще более явно выраженный авторитарный характер. В преамбуле о неокрываемой угрозой заявлялось, что "революция" не желает лишать себя тех прав, которыми она обладает, "революция живет и не отстывает". Согласно этому акту президент наделялся широкими полномочиями, ограничивались права Национального конгресса, противники режима лишались политических прав на 10 лет. Институциональный акт вводил непрямые выборы президента и вице-президента республики. Теперь они должны были избираться конгрессом ⁴⁸.

Институциональный акт № 3 (5 февраля 1966 г.) отменял прямые выборы губернатора штатов. Дополнительный акт № 4 (20 ноября 1965 г.) завершал процесс ликвидации традиционной партийной структуры страны. Вместо существующей многопартийной системы объявлялось о создании двух партий: "Национальный союз обновления" (АРЕНА) был партией правительственной, а "Бразильское демократическое движение" стало партией оппозиционной. В состав первой вошли представители правой партии Национально-демократический союз, часть бывших членов Социал-демократической партии. Костяк оппозиционной партии составляли бывшие трабальсты, часть социал-демократов.

Вся эта ломка завершилась принятием в 1967 г. новой конституции, что объявлялось режимом необходимым шагом для "институционализации идей и принципов революции" ⁴⁹. Новая конституция "легализовала" авторитарно-террористические методы правления, санкционировала, так сказать, репрессивные конституционные акты.

Идеологи режима оправдывали ломку старой политической системы, насаждение авторитаризма необходимостью ускорить развитие страны, модернизировать ее структуру. Эту социальную направленность "политической стратегии" бразильской буржуазии откровенно выразил один из наиболее активных апологе-

⁴⁸ Brazil in the sixties. Nashville, 1972, p.32-33.

⁴⁹ Ibid., p.37.

тов режима Роберто Кампос, занимавший пост министра планирования в правительстве Кастело Бранко.

Объявляя свое отрицательное отношение к институтам "представительной демократии", Кампос заявлял, что они препятствуют быстрому процессу промышленного развития страны, порождают "социальные беспорядки"⁵⁰. Он расхваливал установление авторитарных форм правления, конституцию 1967 г. По его словам, сильная власть покончит с "социальной демагогией", "подрывной деятельностью" в стране⁵¹.

Идеологи типа Роберто Кампоса, которые отстаивали основные постулаты "Сорбонны" о создании социально-экономической и политической модели, близкой к системам капиталистических развитых стран, заявляли, что речь идет об укреплении демократии "западного образца", об "открытом обществе". Однако сама логика режима с его "классовым проектом" модернизации капитализма на основе сверхэксплуатации трудящихся масс вела к ужесточению политики, созданию репрессивно-террористической системы подавления народных масс. Иными словами, в стране происходило тогда то, что бразильские коммунисты охарактеризовали как процесс фашизации⁵².

Лишение политических прав представителей буржуазной оппозиции, другие подобные меры — только один аспект (и не самый главный) в этом процессе. Репрессии с особой силой обрушились на наиболее прогрессивные организации и партии, на трудящихся. Жестоким преследованиям была подвергнута Бразильская коммунистическая партия, демократические профсоюзы, многие из которых были распущены, а их лидеры брошены в тюрьму. Были разгромлены левые студенческие организации, объединения деятелей культуры.

По всей стране были созданы военно-полицейские комито-

---

⁵⁰ Segurança e desenvolvimento, Rio de Janeiro, 1976, N 141, p.65.

⁵¹ Ibid., p.65, 69.

⁵² Voz operária, 1974, N 109.

сии по расследованию "подрывной деятельности", которые возрождали на бразильской почве маккартистские методы преследования инакомыслящих.

Государство выступало в роли орудия в руках реакционных группировок местной монополистической буржуазии и международных корпораций. "Государство, — говорилось в Политической резолюции VI съезда БКП (1967 г.), — под предлогом борьбы с инфляцией, рационализации производства вмешивается в капиталистический процесс концентрации и централизации производства и капитала, усиливая эксплуатацию рабочего класса" ⁵³.

Антирабочая политика режима выражалась, в частности, в одерживании роста заработной платы, борьбы с "нереальными" требованиями профсоюзов. В результате этой политики покупательная способность трудящихся уже в 1965 г. уменьшилась на 15,3%, а в 1966 г. — на 15,5% ⁵⁴. Показателем резкого ухудшения положения трудящихся было падение минимальной заработной платы. Только в 1964–1965 гг. она упала на 20% ⁵⁵.

Процесс "рационализации" экономики затронул и широкие слои мелкой и средней буржуазии. Министр планирования Оливейра Кампос, расхваливая политику "равных возможностей" для национального и иностранного капитала, заявлял, что в конкурентной борьбе слабые бразильские предприятия могут погибнуть, но что это — закон прогресса, когда отсталые научно-техническая мысль и организация уступают место более передовой "индустриальной системе" ⁵⁶.

Курс на создание бразильской модели "индустриального общества" открывал двери иностранному капиталу, приводил к все более тесному сотрудничеству бразильской мо-

⁵³ VI congresso do Partido Comunista Brasileiro, p.8.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Desarrollo económico. Buenos Aires, 1974, N 55, p.75.

⁵⁶ Ianni. O. O colapso do populismo no Brasil. Rio de Janeiro, 1968, p.202.

нополистической буржуазии с транснациональными компаниями.

Этим же целям служил и внешнеполитический курс режима. Главной задачей внешней политики Бразилии объявлялось достижение целей "национальной безопасности" в деле защиты "западной цивилизации" в рамках стратегии "взаимозависимости". В соответствии со стратегическими установками идеологов "Сорбонны" внешняя политика страны ориентировалась на внешнеполитический курс США, которые идеологами режима объявлялись лидерами "свободного мира" в борьбе против "коммунистической угрозы". Излагая внешнеполитическую концепцию "Сорбонны", высокопоставленный бразильский дипломат Мейра Пенна писал: "Роль Соединенных Штатов как гаранта безопасности Бразилии является решающей. Это объясняется тем фактом, что мы принадлежим к западному миру, где безопасность зависит от американской военной мощи" ⁵⁷.

Расхваливание США как "гаранта" безопасности Бразилии опровергалось резкими нападками на внешнюю политику прежнего правительства. С особым ожесточением руководители режима ополчились против политики неприсоединения, нейтралитета, которую они называли "олепым национализмом". "Исторические и географические реальности, — заявлял Кастело Бранко, — предопределяют нашу приверженность системе безопасности западного полушария" ⁵⁸. В доказательство чего Кастело Бранко подчеркивал роль США как "ядерного щита", предохраняющего от агрессии.

Связывая бразильскую безопасность с "ядерным щитом", Кастело Бранко заявлял, что Бразилия не имеет экономических и технических средств создания собственного оружия "ядерного устрашения" и попытка его создания привела бы к застою в экономическом развитии, снижению уровня жизни ⁵⁹.

Руководители режима под предлогом того, что прежние

---

⁵⁷ Penna M. Política externa. Segurança e desenvolvimento. Rio de Janeiro, 1967, p.111.

⁵⁸ Nação armada. Rio de Janeiro, 1968, N 2, p.54.

⁵⁹ Ibidem.

правительства воспитывали у народа "комплекс неполноценности", отгораживали страну от других государств, в частности от США, обрушивались на патриотические силы, приписывая им приверженность "негативному национализму". На деле же речь шла о борьбе против антиимпериалистического движения патриотических сил, которая в начале 60-х годов приобретала все более явственно выраженный социальный и даже антикапиталистический характер. По словам Кастело Бранко, левые силы, апеллируя к национализму, стремятся "вопреки усилению экономической капиталистической системы и демократических институтов Запада" ⁶⁰.

Идеологи режима выдавали свою критику "национализма" за борьбу против слаборазвитости, против попыток помешать импорту передовой технологии в страну, не допустить конкуренции. Роберто Кампос призывал правительство выработать у народа "комплекс превосходства", сводя это, по сути дела, к политике открытых дверей перед иностранным капиталом, полной свободе империалистических монополий "конкурировать" с мало-мощными национальными предприятиями" ⁶¹.

Политика правительства Кастело Бранко внутри страны, основанная на усилении репрессивно-авторитарных методов, а во внешнеполитической области ориентированная на "интеграцию" стран "западного мира" породила ряд противоречий в лагере сторонников "бразильской революции". Эти противоречия не могли не затронуть и вооруженные силы, которые играли все большую роль в создаваемой новой авторитарной политической системе.

В первые годы после контрреволюционного переворота 1964 г. стало своего рода "хорошим тоном" говорить о "демократической", "освободительной" миссии вооруженных сил, об их высоком духе гражданственности. Сами военные на всех ступенях иерархической лестницы много рассуждали, теоретизировали на страницах буржуазной прессы, которая охотно предо-

⁶⁰ Nação armada, 1968, N 2, p.54.

⁶¹ Ianni O. Op.cit., p.194-195.

ставляла им эту возможность, о "демократическом характере" вооруженных сил, их враждебности к любым формам "тоталитаризма".

Вотупление армии на авансцену активной политической деятельности изображалось только как "непреложная необходимость", вызванная угрозой "бразильской демократии" со стороны "международного коммунизма".

Заверения в "демократичности" вооруженных сил, их роли гаранта конституции опровергались пропагандистской шумихой вокруг военно-политической доктрины "Сорбонны", которая объявлялась почти как официальная идеология "бразильской революции". "Демократические устремления вооруженных сил, — писал офицер генерального штаба Октавио Перейра да Коста, — предопределялись широким и планомерным воздействием Вышей военной школы"⁶². В то же время в полном соответствии с доктриной "Сорбонны" военные публицисты пропагандировали ориентацию режима "бразильской революции" на тесное сотрудничество с Соединенными Штатами.

Военная верхушка все более явно стремилась использовать армию, в репрессивных целях, превратить ее в орудие борьбы с демократическими силами, освободительным движением. Не случайно антикоммунистическая обработка вооруженных сил приобрела после победы контрреволюции невиданные ранее размах и масштабы. Жестоким преследованиям подвергались патристически настроенные военные, которые тысячами изгонялись из рядов армии, подвергались репрессиям.

Главная цель реакционной военной верхушки состояла в том, чтобы еще больше восстановить военных против трудящихся, рабочего класса, в фальсифицированном виде представить позиции коммунистов в отношении армии. Рабочий класс обвинялся в "эгоизме", в выдвижении "нереальных" требований, в стремлении установить "синдикалистскую республику", которая привела бы к ликвидации вооруженных сил. Так, генерал Лири Таварес обвинял профсоюзное движение в стремлении против-

⁶² A Revolução de 31 de março 2 aniversario colaboração de exercito, p.74.

поставить себя "воем социальным классам", выступить в роли "супервласти" ⁶³. Бразильские коммунисты изображались военной пропагандой заклятыми врагами вооруженных сил, стремящимися их уничтожить ⁶⁴. Например, офицер генштаба Фернандо де Карвальо в своих писаниях утверждал будто коммунисты имеют "макиавеллистские планы" по ликвидации армии.

Вооруженные силы Бразилии предназначались не только для борьбы против "коммунистической угрозы" на "внутреннем фронте". Им отводилась роль ударной силы в борьбе с "подрывной деятельностью" и во всей Латинской Америке. Доктрина "идеологических границ" с ее тезисом об "устарелости" государственных границ под предлогом "тотальности революционной войны" призвана была оправдать геополитические притязания идеологов "Сорбонны" во главе с генералом Голбери на "особую" роль Бразилии в Латинской Америке, а следовательно, на право бразильских вооруженных сил на вмешательство в любой части региона. Именно ссылки на геополитику были основным аргументом для оправдания посылки бразильских войск в Доминиканскую Республику в 1965 г. в составе "межамериканских сил".

Логика борьбы с "подрывной деятельностью" толкала военную верхушку и на борьбу с гражданской оппозицией, выступающей против чрезмерного усиления политической роли армии. Ведь уже само по себе принятие правительством Кастело Бранко институционных актов свидетельствовало о том, что военные не только обрушивают удары на наиболее революционные прогрессивные силы бразильского общества, но и стремятся ограничить деятельность различных буржуазных группировок. В рядах вооруженных сил процесс политизации военных вылился, в частности, в нарастающую полемику между военными и представителями различных политических течений относительно роли вооруженных сил в бразильском обществе. Представи-

⁶³ A Revolução de 31 de março 2 aniversario colaboração de exercito, p.117.

⁶⁴ Ibid., p.93-94.

тели армии все более резко выступали против непонимания "гражданаскими" задач вооруженных сил по обеспечению "безопасности революции". Армия должна взять на себя инициативу, как писал Октавио Перейра да Коста, во многих "областях деятельности" ⁶⁵.

Не случайно все более широко и интенсивно в вооруженных силах пропагандировалась идея монолитного единства армии, способной эффективно осуществлять политику "национальной безопасности". Военный министр генерал Коста-э-Силва в одном из выступлений перед офицерским корпусом в декабре 1965 г. заявил, что "сильная и сплоченная армия" представляет собой "непреодолимый барьер на пути попыток коммунизировать страну и привести ее в упадок" ⁶⁶. В другом выступлении он с еще большей определенностью сформулировал претензии вооруженных сил на активную политическую роль в стране: "Армия сейчас стала мощной партией, на которую полагается правительство. Могу заверить, что с Кастело Бранко или без него армия не допустит, чтобы страна снова погрузилась в хаос, чтобы священные и демократические принципы революции потерпели крах" ⁶⁷. Подобного рода заявления свидетельствовали о том, что влиятельные круги в армии требовали от правительства Кастело Бранко не только еще более жестких мер по борьбе с оппозицией, но и предоставления армии большей политической власти.

Буржуазная газета "Коррейо да манья" распенила такую позицию как курс руководителей режима на "институционализацию военной власти" ⁶⁸. Она призывала военных вернуться в казармы, отказаться от политической деятельности. "Единый выход для президента, вооруженных сил, военного ми-

⁶⁵ A Revolução de 31 de março 2 aniversario cola boração de exercito, p.82.

⁶⁶ Ibid., p.270.

⁶⁷ Цит.по: Антонов Ю.А. Указ.соч., с.214.

⁶⁸ Correio da Manhã, 1966, 19 febr.

нистра и для всей страны состоит в полном восстановлении гражданской власти, организации честных выборов и неуклонного соблюдения законности" ⁶⁹.

Такие призывы были голосом вопиющего в пустыне: "институционализация военной власти" шла быстрыми темпами, приобретала необратимый характер. Эта тенденция с полной ясностью проявилась в связи с выдвижением военным командованием генерала Коста-э-Силвы кандидатом на пост президента.

В апреле 1966 г. Национальный конгресс, чья деятельность была в сильнейшей степени ограничена и урезана институционными актами, избрал бывшего военного министра на пост президента. Новый президент (он вступил на этот пост 15 марта 1967 г.) был во многом компромиссной фигурой, выдвинутой, как подчеркивали бразильские коммунисты, с целью избежать раскола в вооруженных силах ⁷⁰.

Кандидатура Коста-э-Силвы устраивала как сторонников еще более активного и "жесткого" вмешательства армии в политику, так и тех, кто выступал за некоторую "либерализацию" режима, отказ от наиболее одиозных аспектов его внутренней и внешней политики. Это обстоятельство наложило отпечаток на заявление нового президента, который критиковал многие аспекты политики правительства Кастело Бранко, обещал внести в нее коррективы.

Однако в основных чертах политика нового президента фактически ничем не отличалась от политики его предшественника. Именно при нем происходило дальнейшее укрепление позиций тех кругов бразильской буржуазии, которые выступали за ужесточение политики режима в отношении трудящихся масс, чтобы за их счет осуществлять капиталистическую модернизацию. Как отмечалось в Политической резолюции VI съезда Бразильской компартии, правительство Коста-э-Силвы "сохраняет политику сдерживания роста зарплаты и не отменяет законы,

⁶⁹ Correio da Manhã, 1966, 19 febr.

⁷⁰ VI Congresso do Partido Comunista Brasileira. Resolução Política, p.9.

которые фактически лишают трудящихся права на забастовку, и ставит вопрос о пересмотре зарплаты в полную зависимость от решений правительства" ⁷¹.

В то же время тот факт, что политика нового президента носила в основном компромиссный характер в отношении различных групп господствующих классов, лишало деятельность его правительства той "монолитности", которая, по словам коммунистов, была свойственна режиму Кастело Бранко ⁷². Эта характеристика полностью может быть отнесена и к вооруженным силам. Именно в период президентства Коста-э-Силвы резко обострились противоречия в их рядах, что привело к возникновению различных течений и тенденций и столкновениям между ними.

Борьба течений в вооруженных силах

Предвыборная кампания по избранию президентом республики Коста-э-Силвы уже с достаточной определенностью выявила стремление военной верхушки играть определяющую роль в политической жизни. В период правления нового президента эта тенденция еще больше усилилась. В военной среде все ярче стало проявляться стремление пересмотреть некоторые аспекты политики правительства Кастело Бранко.

В области внутренней политики нарекание по адресу прежнего правительства в рядах офицерского корпуса вызывало движение лозунга "институционализации" режима "бразильской революции". Влиятельные течения в вооруженных силах считали такую позицию двусмысленной, поскольку она, по их утверждению, не оставила, так сказать, все точки над "и" в области политики решительного отказа от традиционной концепции, ко-

⁷¹ VI Congresso do Partido Comunista Brasileira. Resolução Política, p.9.

⁷² Ibid.

торая отводила армии роль гаранта конституции. По словам Р.Шнейдера, все большее число бразильских военных входило в свою новую роль вершителей национальных судеб, пересматривало прежние представления о роли вооруженных сил⁷³.

Наметились критические настроения в вооруженных силах и относительно внешнеполитического курса прежнего правительства. По мнению военных кругов, в годы президентства Кастело Бранко произошел явный крен в сторону "пассивного следования" внешней политики США. Такая позиция привела, как считали оппоненты международной политики Кастело Бранко, к забвению и пренебрежению "национальными приоритетами", что лишало Бразилию всякой самостоятельности в выборе внешнеполитического курса⁷⁴.

Причины такой критики были далеко неоднозначны. Так, влиятельные течения в вооруженных силах занимали при этом, так сказать, "конструктивную позицию", стремясь привести основополагающие принципы доктрины ВВШ в соответствие с новыми условиями. В то же время в вооруженных силах имелись и такие течения, которые пытались отойти от догм "Сорбонны", предложить армии иную альтернативную позицию. Между этими крайними позициями существовал целый спектр течений и тенденций, представители которых выдвигали свои предложения относительно роли вооруженных сил в политической жизни.

Большую активность развили представители военной верхушки, которые, не порывая с "ортодоксией" доктрины ВВШ, выступили за конкретизацию и развитие ряда ее положений. Их позиция определялась стремлением теоретически обосновать гегемонистскую роль вооруженных сил в политике, как своеобразной "политической партии", берущей на себя защиту общих стратегических интересов эксплуататорских классов. В теоретических построениях этой группы военных немало места отводилось определению "геополитических приоритетов" Брази-

---

⁷³ Schneider R.M. Op.cit., p.242.

⁷⁴ Einaudi L.R. and Stepan A.C. Op.cit., p.111-112.

лии. Этим было вызвано внесение уточнений и корректив в концепцию "национальной безопасности". Все было подчинено одной идее — доказать решающую роль вооруженных сил в политической жизни страны.

В развернутом виде эту идею во многих своих выступлениях излагал командующий сухопутными войсками и министр по делам армии генерал Лира Таварес. Защищая тезис о решающей роли вооруженных сил в определении путей развития Бразилии, он заявлял, что армия является "последним оплотом в борьбе против идеологической и экономической агрессии коммунистического тоталитаризма"⁷⁵. Л.Таварес, подвергая критике институты "представительной демократии" за их неэффективность по причине острой межпартийной борьбы, утверждал, что вооруженные силы стоят над партиями, представляют собой не что иное, как само "вооруженное общество"⁷⁶.

Тем самым подводилась теоретическая база под тезис о том, что вооруженные силы, выражая интересы всей нации, призваны выполнять роль своеобразной "политической партии", взяв на себя многие ключевые функции управления обществом. Для подкрепления этого тезиса привлекался и ряд других аргументов. Так, Л.Таварес выступая в Высшей военной школе (летом 1968 г.) внес коррективы в концепцию "национальной безопасности", отдавая приоритет ее внутренним аспектам, сосялаясь, в частности, на уменьшение угрозы традиционных и ядерных войн и усиление угрозы "войн революционных", затрудняющих реализацию "национальных целей" страны⁷⁷. Все это, по его словам, неизмеримо расширяло функции бразильских вооруженных сил, выдвигая перед ними новые цели и задачи, среди которых он главное место отводил "битве за национальное развитие"⁷⁸.

⁷⁵ Jornal do Brasil. Rio de Janeiro, 1968, 23 oct.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Revista técnica financeira de industria e comercio. Rio de Janeiro, 1968, julio-agosto, p.7.

⁷⁸ Ibid., p.10.

В связи с этим генерал выдвигал тезис о превращении армии, но его выражению, в "производственный класс", так как она способна не только "обеспечивать безопасность", но и осуществлять развитие инфраструктуры, подготовку технических кадров и т.д. ⁷⁹.

По утверждению Л.Тавареса, армия в силу своей высокой "организованности", "монолитности" призвана сделать то, что непосильно частной инициативе, национальному предпринимательству, например, осваивать необжитые территории (р-н р.Амазонки), развивать наиболее трудоемкие отрасли экономики, стимулировать научно-исследовательскую работу в больших масштабах и т.д. ⁸⁰.

Следует отметить, что подобного рода интерпретация авангардистской роли вооруженных сил встречала одобрение у представителей крупного бразильского бизнеса, которые видели в этом гарантию укрепления капитализма в стране, важный фактор в борьбе против революционного, освободительного движения ⁸¹.

Если Л.Таварес для доказательства своего тезиса о гегемонистской роли армии в бразильском обществе апеллировал главным образом к "надпартийному", "надклассовому" характеру вооруженных сил, то другой видный представитель этой военной группировки, генерал Маттоо, обращался к геополитическим аргументам.

---

⁷⁹ Revista técnica financeira de industria e comercio. Rio de Janeiro, 1968, julio-agosto, p.6.

⁸⁰ Ibid. p. 10-11.

⁸¹ Показательно в этом смысле выступление крупного бизнесмена Хосе Папа Жуниора во время празднования "Дня коммерсанта" в Сан-Паулу (16 июля 1971 г.). В присутствии представителей военного командования он превозносил роль армии, которая-де обеспечивает быстрое экономическое развитие страны, придает уверенность частному предпринимательству. А главная заслуга вооруженных сил заключается, по его словам, в том, что они совершили в 1964 г. "контрреволюцию", чтобы спасти "традиционные ценности" страны, воспрепятствовать "враждебным силам" обить страну с ее пути развития. - Problemas brasileiros, 1971, N 96, p.7-8.

Маттос претендовал на разработку основных принципов политической доктрины "бразильской революции". Как и Лира Таварес, он отрицательно относился к институтам "представительной демократии", ратовал за "новый подход" к политике в условиях "революции" ⁸².

Необходимость такого подхода генерал обосновывал "историческим предназначением" Бразилии стать великой державой. Он с резкой критикой обрушивался на тех, кто стремился воспрепятствовать движению страны к этой цели ⁸³. Аппелируя к геополитическим аргументам, Маттос выступал за то, чтобы "политическая доктрина революции", ее идеология были подчинены идее величия Бразилии, нацелены на поиски путей достижения этого ⁸⁴. В выступлениях Маттоса достаточно ясно проводилась мысль о том, что "геополитическая реальность" Бразилии, создающая условия для превращения ее в великую нацию, предопределяет ее "особую роль" в Латинской Америке ⁸⁵.

Идеологи военной верхушки, выступавшие за трансформацию вооруженных сил в некую политическую партию, ратовали и за создание более широкой социальной базы для осуществления "исторического проекта" превращения Бразилии в великую державу. Эту идею активно пропагандировал один из наиболее видных адептов правого радикализма, инициатор создания военно-гражданского союза еще до переворота 1964 г. Оливейро С. Феррейра. В работе "Геополитика и бразильская армия" он с правоэкстремистских позиций критиковал политику правительства Каостело Бранко за ее "бюрократизм", нежелание и неспо-

---

⁸² de Meira Mattos C. Ensayo sobre a doutrina política de revolução. Salvador-Bahia, 1969, p.5-6.

⁸³ Ibid., p.7.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Среди бразильских военных теоретиков именно генерал Маттос был одним из тех, кто особенно рьяно обосновывал "право" Бразилии вмешиваться во внутренние дела Боливии и других стран для защиты своих "геополитических интересов".

способность мобилизовать массы на поддержку "великих" национальных целей ⁸⁶.

Одну из основных слабостей политики Кастело Бранко Феррейра видел в "неверной", "односторонней" трактовке геополитических целей Бразилии, которая целиком ориентировалась на США, забывая о своем "национальном проекте", направленном на превращение страны в великую державу. Феррейра оскружался по поводу того, что такая политика, основанная во многом на устаревших, по его словам, идеях генерала Голбери, рассматривавшего национальную стратегию Бразилии под углом зрения глобальной стратегии США, не только не позволила увлечь массы "национальной мистикой", мифом "национального величия", но и препятствовала выполнению вооруженными силами их исторической миссии ⁸⁷. Призывая армию более решительно вмешаться в политику, окончательно ликвидировав прежние политические институты, Феррейра заявлял, что вооруженные силы стоят перед лицом "исторического выбора: или революция или контрреволюция" ⁸⁸.

Идея превращения армии в решающую силу бразильского общества встречала широкую поддержку не только среди представителей высшей военной иерархии, но и в других звеньях офицерского корпуса. Однако мотивы поддержки этой идеи были различны. Так, многочисленные представители политизированных среднего и низшего звеньев офицерского корпуса стихийно проявляли недовольство существующим положением в стране, ее растущей зависимостью от империализма.

Являясь в подавляющем большинстве выходцами из средних слоев населения, притом далеко не самых зажиточных, представители этого течения чувствовали себя обманутыми результата-

⁸⁶ Aportes. Paris, 1969, N 12, p.116.

⁸⁷ Ibid., p.131-132. В другой своей работе - Республиканская диктатура против военной диктатуры - Феррейра критиковал идеологов "Сорбонны" за то, что они не учли, что США не допустят возникновения в зоне их влияния другой великой державы. - Nação armada, 1968, N 2, p.56.

⁸⁸ Ibid., p.125-127.

ми "бразильской революции", которая, по их мнению, не привела к разрушению прежних, традиционных институтов, замене старого "политического класса" новой силой, которую они видели в армии. Это течение, представлявшее собой весьма пестрый конгломерат взглядов и настроений, известно под названием "жесткой линии" в вооруженных силах.

Долгая обработка в антикоммунистическом духе сторонников "жесткой линии" порождала в их сознании чудовищную путаницу относительно путей развития страны, политических методов и стиля руководства. Антикоммунизм у них причудливо сочетался и уживался с националистическими и даже со отихийными антиимпериалистическими настроениями. Их антиолигархические настроения сочетались с противоестественным и иррациональным отождествлением взглядов и идеалов коммунистов с идейными установками защитников олигархической политической системы, а идея независимой "великой" Бразилии сочеталась с враждой к революционным силам как якобы сторонникам порабощения страны "международным коммунизмом".

В социальном плане немало сторонников "жесткой линии", пусть в искаженном виде, выражали недовольство средних и других слоев населения политикой правящей верхушки, насаждавшей "новую" политическую социально-экономическую "модель" в интересах крупного местного капитала и транснациональных корпораций. Характеризуя позиции этого течения среди военных, Р.Шнейдер замечает, что "более молодым офицерам недовольство студентов и усиление разочарования среди народа были ближе и понятнее, чем их начальству, которое создало культ из доктрины "национальной безопасности"³⁹.

Сторонники "жесткой линии" находились в оппозиции к военным, приверженцам "Сорбонны", в которых видели элитарную, аристократическую группировку, пренебрегающую не только национальными интересами, но и профессиональными нуждами вооруженных сил.

Опубликованный бразильской прессой 1 ноября 1968 г.

³⁹ Schneider R.M. Op.cit., p.243

манифест армейских капитанов, слушателей офицерской школы усовершенствования в Рио-де-Жанейро, стал своего рода политическим и идеологическим кредо этого течения в армии. Документ, подписанный 385 офицерами, свидетельствовал о быстром процессе политизации в военной среде. Хотя авторы манифеста и заявляли, что выступают с чисто профессиональных позиций (требование улучшения экономического положения, ускорения продвижения по службе и т.д.). их критика в адрес правительства носила явно политический характер. Так, в манифесте с достаточной определенностью был поставлен вопрос об отсутствии "основополагающей военной национальной доктрины", способной осуществлять "подготовку и развитие вооруженных сил в соответствии с бразильской действительностью". Авторы манифеста проявляли озабоченность тем, что в стране существует враждебное отношение к армии. Они призывали усилить борьбу с коррупцией, с "подрывной деятельностью". "Настало время изменений" - таков был лейтмотив манифеста ⁹⁰.

Хотя документ и содержал стереотипные высказывания в духе антикоммунизма, все же в нем довольно отчетливо проявлялось недовольство антинациональной ролью вооруженных сил, поставленных на службу иностранным интересам.

Активизация политической деятельности сторонников "жесткой линии", растущая поддержка их позиции в армии, свидетельствовали о том, что от того, за кем пойдут представители этого массового течения, будет зависеть позиция вооруженных сил.

Естественно, критики военно-политической доктрины "Сорбонн", а точнее сторонники ее "усовершенствования" из рядов высшей военной иерархии, стремились поставить это течение под свой контроль, повести вооруженные силы в нужном им на-

---

⁹⁰ Schneider R.M. *Op.cit.*, p.270-271. Оппозиция к существующему режиму в рядах армий принимала настолько острые формы, что в вооруженных силах распространялись материалы с открытой резкой критикой отдельных министров, требованием их отставки.

правления. Однако им пришлось столкнуться с противодействием в лице министра внутренних дел генерала Албукерке Лимы и его сторонников. Эта группа военных попыталась, используя обострение противоречий в рядах вооруженных сил, опереться на сторонников "жесткой линии", повести их за собой.

Какими средствами и методами пыталась эта группа военных добиться своей цели? Генерал Лима, так же как и многие представители военной верхушки, выступал за более активную политическую роль армии в обществе. Однако он и его сторонники расходились во взглядах со многими представителями высшей военной иерархии относительно смысла и содержания политической роли, которую должны играть вооруженные силы. Они выступали против того, чтобы армия, исповедуя доктрину "внутреннего фронта", стала выполнять исключительно репрессивные функции, отказавшись, как они заявляли, от "основных целей" бразильской революции в области социально-экономических преобразований. Технократическим методам осуществления политики капиталистической модернизации (ее активным сторонником был, в частности, министр финансов Дельфин Нетто) за счет усиления эксплуатации широких слоев населения Лима противопоставлял политику, которая привела бы к "подлинному участию народа на всех социально-экономических уровнях в процессе современного экономического развития"⁹¹.

Группа Лимы явно стремилась добиться своих целей с помощью установления более жесткого контроля вооруженных сил над правительством, над экономической деятельностью, ведя о этих позиций наступление на политику министра финансов Дельфина Нетто и его сторонников. В начале октября 1968 г., выступая в Высшей военной школе, Лима высказался за создание аналогичного Национальному совету безопасности органа, который нес бы ответственность за социально-экономическое развитие страны. Военные, подчеркивал Лима, должны играть гораздо большую роль в экономической политике, в определе-

---

⁹¹ Schneider R.M. Op.cit., p.258.

нии приоритетов в финансовых государственных расходах ⁹².

Особо активную деятельность сторонники генерала Лимы развернули после опубликования (13 декабря 1968 г.) Институционального акта № 5, по которому президенту предоставлялось право запрещать деятельность конгресса, Законодательной ассамблеи, муниципальных советов. Согласно институциональному акту, лишались гражданских прав лица, совершившие политические преступления, преступления против национальной безопасности и социального и экономического порядка ⁹³. Затем последовал еще целый ряд инотитуционных актов (№ 6-II), в которых уточняли положения Институционального акта № 5, ставилась под еще более жесткий контроль деятельность законодательных органов штатов, муниципальных советов ⁹⁴.

Хотя формально поводом для издания Инотитуционного акта № 5 послужили выступления депутата конгресса Марсио Моррейры Алвеса, в котором критиковались репрессивные действия армии, и отказ конгресса удовлетворить требование военных о лишении Алвеса депутатского мандата, причины таились намного глубже. Речь шла, по сути дела, о передаче всей полноты политической власти в руки вооруженных сил, претворении в жизнь концепции о превращении армии в руководящую силу общества ⁹⁵. Издание институциональных актов привело к обострению борьбы в рядах армии, поскольку представители различных течений стремились использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Сторонники Албукерке Лимы активизировали свою деятельность, считая, что Институциональный акт № 5 открывает путь для изменения роли вооруженных сил в политической жизни. Явно под их влиянием 30 декабря 1968 г. на заседании Националь-

---

92 Schneider R.M. Op.cit., p.267.

93 Brazil in the Sixties, p.40.

94 Ibid., p.41-42.

95 Еще в середине июля 1968 г. Национальный совет безопасности заявил, что правительство должно "стремиться к осуществлению целей революции с помощью решительных действий вооруженных сил". - Schneirer R.M. Op.cit., p.264.

ного совета безопасности было вынесено решение, согласно которому главная цель правительства состояла не в осуществлении репрессивных действий, а в безотлагательном проведении социальных реформ, которые могут обеспечить ему решающую поддержку общественности в осуществлении его революционных задач" ⁹⁶.

Свою программную речь министр внутренних дел генерал Лима произнес в начале 1969 г. на завтрак, в честь офицеров его министерства, куда были приглашены и корреспонденты. Он, в частности, заявил, что возрождение "революции 31 марта" неминуемо без социальных реформ в "духе революции", без учета интересов народа. Одновременно он заявил, что большинство в вооруженных силах выступает за реформы, за преобразование социальных структур. По словам министра, декабрьские события, разгон конгресса расчистили путь социальным преобразованиям, устранив препятствия "легалистского порядка" ⁹⁷. Албукерке Лиму поддержал один из его ближайших сотрудников, генерал Монтейро, который заявил, что "истинные дела революции 1964 г. заключаются в достижении подлинной национальной независимости", в разрушении "несправедливого статус-кво" ⁹⁸.

Неожиданная отставка генерала Лимы с поста министра внутренних дел вскоре после этих выступлений изменила соотношение сил в правительстве в пользу его противников. Однако борьба в армии не прекратилась. Сторонники Лимы попытались взять реванш. Они объединились вокруг генерала в борьбе за пост президента республики. Дело в том, что неожиданная тяжелая болезнь генерала Коста-э-Силвы поставила вопрос о его преемнике.

Болезнь президента послужила поводом для еще большей концентрации власти в руках военной иерархии. 31 августа 1969 г. военные министры обнародовали Институционный акт № 12, согласно которому на время болезни главы государства

⁹⁶ Latin America. London, 1969, Jan, 3, p. 8.

⁹⁷ Ibid., p. 7.

⁹⁸ Ibid.

вся полнота власти по соображениям "национальной безопасности" переходила к командующим тремя родами войск. "Нация может быть уверена, — говорилось в документе, — в патриотизме военных руководителей, которые в этот час, как и всегда, будут достойны исторических традиций их предшественников, защищая дух национализма, христианскую сущность бразильского народа, служа оплотом против экстремистских идеологий и наоильственных решений в этот час политического и институционального кризиса"⁹⁹. 14 октября 1969 г. командующие трех родов войск опубликовали Институционный акт № 16, по которому пост президента республики был объявлен вакантным¹⁰⁰.

Но еще до этого в рядах вооруженных сил развернулась острая борьба вокруг возможных кандидатур на президентский пост. Активную роль в этой борьбе играли сторонники "жесткой линии", многие из которых выступали в поддержку кандидатуры генерала Лима. В военных гарнизонах, частях проходили жаркие дискуссии, выпускались многочисленные манифесты¹⁰¹.

Небезынтересно, что когда военная верхушка с целью прозондировать позиции офицерского корпуса относительно возможных кандидатур на пост президента провела опрос в основных военных гарнизонах (Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Минас-Жерайс и др.), то за Албукерке Лиму высказалось около 73% всех опрошенных¹⁰². Сам генерал Лима, проявляя большую политическую активность, выступил в документе, в котором сформулировал свои политические и идеологические позиции. В нем со всей очевидностью проявились слабости позиции военных, возглавляемых генералом Лимой. Прежде всего их позиция не была свободной от влияния антикоммунизма. Они заявляли о необходимости борьбы с подрывной деятельностью "русского, китайского и

---

⁹⁹ Brazil in the Sixties, p.42.

¹⁰⁰ Ibid., p.46.

¹⁰¹ Einaudi L.R. and Stepan A.C. Op.cit., p.115.

¹⁰² Cuadernos de Marcha. Montevideo, 1970, N 38, p.77.

кубинского коммунизма" ¹⁰³. Документ был проникнут патерналистским духом в отношении народных масс, особенно молодежи. В частности утверждалось, что бразильская молодежь должна принимать участие в "конкретных делах", например, в "плане Рондон" ¹⁰⁴, а не "заниматься революцией".

Одновременно генерал выступал за установление строгого национального контроля над деятельностью иностранного капитала в стране. В документе говорилось о необходимости решительно бороться за независимость Бразилии, добиваясь "освобождения бразильского народа от любых форм давления олигархии и экономических групп, а следовательно, выступая за ликвидацию привилегии монополистических групп" ¹⁰⁵.

Такая программа, несмотря на очевидные противоречия и слабости, не могла не вызвать резко отрицательного отношения консервативно настроенных представителей военной верхушки, связанной с крупным бизнесом, как местным, так и иностранным. Такое враждебное отношение углублялось еще и опасениями, что на бразильских военных может оказать влияние политика перуанского военного правительства, приступившего в октябре 1968 г. к осуществлению антиимпериалистических преобразований.

¹⁰³ Cuadernos de Marcha. Montevideo, 1970, N 38, p.77.

¹⁰⁴ Этот план, названный по имени известного военного деятеля прошлого маршала Рондона, много сделавшего для освоения территории Бразилии, был разработан в 1967 г. руководством ВМ и представителями университета штата Гуанабара. Он предусматривал совместное участие молодежи и вооруженных сил в освоении необжитых территорий, оказании помощи населению и т.д. Предполагалось, что реализация плана может преодолеть напряженность в отношениях между студенческой молодежью и армией, использовать в интересах народа "поразительный по силе идеализм студентов" (Jornal do Brasil, 1968, 23 sept.). Однако подобные планы не дали желаемого эффекта, как из-за патерналистско-авторитарного отношения его инициаторов к молодежи, так и в силу нежелания демократической молодежи ограничиться "малыми делами", отказаться от борьбы против существующего режима.

¹⁰⁵ Jornal do Brasil, 1968, 23 sept.

Перуанский опыт привлекал пристальное внимание бразильских военных. Большой резонанс в вооруженных силах получило, в частности, выступление адмирала Силвио Хака после его возвращения из Перу. Адмирал с симпатией отзывался о политике перуанских военных, призывал изучать их опыт ¹⁰⁶. В результате объединенных усилий привилегированных промышленно-финансовых групп на пост президента официально была выдвинута кандидатура генерала Гаррастазу Медиси, бывшего начальника военной разведки и командующего третьей армией. "Он не был радикально настроенным националистом, — пишет Альфред Степан, — и поэтому устраивал финансовые круги как Сан-Паулу, так и международные, которые выражали опасения относительно кандидатуры националистически настроенного генерала Алфонсо Албукерке Лима, чье избрание на пост президента, как они опасались, может повести развитие по перуанскому пути" ¹⁰⁷.

Одним из аргументов сторонников генерала Гаррастазу Медиси было то, что он является "полным", т.е. "четырёхзвездным" генералом, а генерал Лима всего-навсего "трехзвездным" генералом. "Традиционно военная тенденция регулировать конфликты на основе старшинства по чину, — пишет Альфред Степан, — восторжествовала, и "четырёхзвездный" генерал был избран президентом" ¹⁰⁸.

Что же означало избрание генерала Медиси с точки зрения дальнейшего усиления роли армии в политике? Какими путями военная верхушка добивалась восстановления единства, нарушенного в ходе политических событий 1968–1969 гг.? Приход к власти Гаррастазу Медиси означал, что группа "Сорбонны", хотя и сохранила некоторое влияние в вооруженных силах, явно несколько потеснилась, давая "место под солнцем" другим военным группировкам.

---

¹⁰⁶ Cuadernos de Marcha. Montevideo, 1970, N 38, p.77.

¹⁰⁷ Einaudi L.R. and Stepan A.C. Op.cit., p.115.

¹⁰⁸ Ibidem.

Основные постулаты военно-политической доктрины Высшей военной школы, хотя и несколько модернизированные, скорректированные с учетом меняющихся условий, продолжали оказывать влияние на политику бразильского режима, на армию. В то же время военная верхушка вносила коррективы в свою политику, чтобы иметь возможность контролировать сторонников "жесткой линии" в вооруженных силах, активно используя слабости этого течения, играя на предрассудках, иллюзиях и заблуждениях военных-националистов. При этом представители реакционной военной иерархии небезуспешно использовали для укрепления своих позиций в рядах армии усиление террористической деятельности ультралевых групп. В сентября 1969 г. был издан Институционный акт № 14, вводивший смертную казнь, пожизненное заключение и конфискацию всего имущества для тех, кто участвует в "психологической, революционной или подрывной войне против государства" ¹⁰⁹.

Лозунги "вульгарного антимилитаризма", к которым апеллировали левые, наличие в их рядах отдельных бывших военнослужащих - все это использовалось реакцией для усиления контрреволюционной антикоммунистической пропаганды в рядах вооруженных сил, углубления пропасти между военными и трудящимися массами ¹¹⁰.

¹⁰⁹ Brazil in the Sixties, p.43.

¹¹⁰ Для позиций ультралевых в отношении вооруженных сил характерна, например, статья Карлоса Маригелы, напечатанная - что само по себе знаменательно - на страницах буржуазной газеты "Журнал ду Бразил". В ней, в частности, подчеркивалось, что "основная стратегическая задача партизанской войны - освобождение Бразилии и изгнание империализма Соединенных Штатов. Говоря языком военных, эта основная стратегическая задача заключается в уничтожении сил врага, под которым понимаются не только вооруженные силы империализма США, но и вооруженные силы бразильских горилл... Когда речь идет о вооруженных силах бразильских горилл, то в понятие "уничтожение" мы также вкладываем изматывание, истощение, деморализацию и, в конечном счете, откол их от вооруженных сил США - достижение такого положения, когда империалисты остаются в одиночестве, а реакционные национальные вооруженные силы окажутся полностью уничтоженными". - Цит. по: Антонов Ю.А. Указ.соч., с.224-225.

Военная верхушка, еще больше укрепившись у политической власти, стремилась представить дело так, будто она учитывает настроения и интересы представителей "жесткой линии", проводит политику в русле их требований. Особенно ясно это проявилось в политической кампании по борьбе с коррупцией, за "моральное перевооружение" нации. Активно привлекая сторонников "жесткой линии" к участию в различных комиссиях по расследованию случаев коррупции, "морального разложения", подвергая репрессиям отдельных представителей господствующих классов, военная верхушка пыталась направить энергию офицеров-националистов по такому пути, который бы, по сути дела, заводил их в тупик.

Характеризуя участие представителей "жесткой линии" в кампании по борьбе с коррупцией, бывший депутат конгресса Алвео писал, что у военной верхушки имеется немало возможностей для маневрирования, нейтрализации влияния националистически настроенных военных, поскольку последние не имеют ясно разработанной политической линии и их действия импульсивны и в ряде случаев "даже иррациональны"¹¹¹. Справедливость этих слов подтверждает и тот факт, что немало сторонников "жесткой линии" стали активными участниками различного рода военизированных фашиствующих отрядов смерти, с помощью которых правящие круги расправлялись с инакомыслящими.

"Институциональное единство" вооруженных сил достигалось и путем дисциплинарных мер, чистки армий от негодных лиц. Так, в Институциональном акте № 16, изданном 14 октября 1969 г., специально подчеркивалось, что президент имеет право переводить в запас или увольнять из армии военных, виновных в "нарушении единства вооруженных сил". В преамбуле документа говорилось: "Вооруженные силы представляют собой институт, который предназначен поддерживать законную власть и

---

¹¹¹ Mensaje, Santiago de Chile, 1969, N 178, p.169-170.

порядок, основывая свою деятельность на принципах иерархии и дисциплины" ¹¹².

Укрепив свои позиции в вооруженных силах, военная верхушка получила возможность более энергично проводить политику, направленную на создание так называемой "бразильской модели" развития.

«Бразильская модель» развития и вооруженные силы

Избрание президентом страны генерала Гарраотазу Медией, чему предшествовала острая борьба как в правительстве, так и в вооруженных силах, свидетельствовало о заметных изменениях в композиции правящей группировки, расстановке в ней сил. У власти укрепились люди, которые, не обременяя себя сомнениями, выступали за осуществление любой ценой политики в рамках "бразильской модели" развития. Такие наиболее типичные представители этой группировки как Делфин Нето, Энрике Симонсен и другие заявляли, что "развитие — это дифференциация", и поэтому богатые будут более богатыми, а бедняки должны ждать, пока "общественный пирог" не увеличится и им тоже кое-что перепадет ¹¹³.

Газета бразильских коммунистов "Воз операриа" писала, что эта группировка состояла из "аполитичных" технократов и представителей "беспринципной карьеристской военной верхушки" ¹¹⁴. Именно она с особым рвением стала проводить политику, которая, по словам Луиса Карлоса Престеса, "в качестве главной цели выдвигала ускорение капиталистического развития с помощью интенсивного процесса концентрации капи-

---

¹¹² Brazil in the Sixties, p.47.

¹¹³ Visión. México, 1974, 26 en., p.24.

¹¹⁴ Voz operária, 1974, № 109, p.5.

тала, децентрализации экономики и путем безудержной эксплуатации трудящихся, всех тех, кто живет на жалование и пенсию" 115.

Усиленная пропаганда "бразильской модели" развития объяснялась прежде всего стремлением правящих кругов страны доказать ее применимость в других странах Латинской Америки. Апеллируя к крупной буржуазии, апологеты "модели" заявляли, что она создает оптимальные условия для индустриализации, концентрации и централизации капиталов в условиях "порядка" и "социальной стабильности".

После контрреволюционного переворота в Чили, временных успехов реакции в некоторых других странах "бразильская модель" стала пропагандироваться и в том плане, что только в ее рамках можно добиться "подлинного" социального прогресса, избежать разрушительных последствий классовой борьбы. Иными словами, пропаганда "модели" стала все больше апеллировать и к монополистическим группам буржуазии, средним слоям населения, части трудящихся.

Укрепление у власти военно-технократической группировки вносило определенные изменения в механизм политической власти. Правящая группировка уже в силу своего положения в политической системе бразильского государства составляла некую корпорацию со своими специфическими интересами, что предопределяло определенную свободу маневрирования между различными слоями и группами буржуазии. Бразильский экономист и социолог Луис Карлос Брессер Перейра объясняет эту "автономию" "технобюрократическим" характером правящей группировки.

Политическую модель развития, которая ныне выкристаллизовывается в Бразилии, пишет Брессер Перейра, можно охарактеризовать как "капиталистическо-технобюрократическую", поскольку она опирается на союз между военной и гражданской технобюрократией, с одной стороны, и международным и нацио-

---

115 Prestes L.C. A ditadura terrorista no Brasil. S.l., 1973, p.9.

нальным капитализмом — о другой ¹¹⁶. Устанавливая, таким образом, тесную связь между местными и транснациональными корпорациями и "технобюрократической" правящей группировкой, Брессер Перейра в то же время подчеркивал, что последняя выступает отнюдь не как пассивный фактор, а активно влияет на социальную и экономическую политику, поскольку контролирует важные рычаги власти. "Сильное технобюрократическое правительство непосредственно контролирует значительную часть национальной экономики, разрабатывает планы развития, определяет политику в области налогов, финансов, заработной платы, жилищного строительства и вмешивается в экономику крупных государственных предприятий" ¹¹⁷.

Действительно, правящая в Бразилии военно-технократическая группировка сосредоточила в своих руках большую власть, проводила политику в интересах укрепления капиталистической системы в целом, что, однако, не исключало возможность ее столкновений — и временами довольно острых — с отдельными группами буржуазии как по экономическим, так и по политическим проблемам.

Военно-технократический облик бразильской диктатуры давал возможность правящей группировке действовать более целенаправленно для укрепления капиталистической системы. В то же время политика режима порождала противоречия между отдельными группировками господствующих классов, не говоря уже о сопротивлении со стороны эксплуатируемых масс. Эти противоречивые тенденции развития прослеживались во всем.

Соображения "социальной защиты" капитализма как системы вызвали к жизни политику господствующей группировки, направленную на "интеграцию" рабочего класса и других слоев трудящихся в систему модернизированного капитализма. Эта политика проводилась президентом Гаррастазу Медиси, ее продолжил Эрнесто Гейзел, вступивший на пост президента в мар-

---

¹¹⁶ Desarrollo económico, 1974, N 55, p.580-581.

¹¹⁷ Ibid., p.581.

те 1975 г. "Правящая группировка использовала все средства информации для пропаганды идей "интеграции", "социального мира", представляя главу государства "творцом чудес" ¹¹⁸.

Было обнародовано немало планов, цель которых, как заявляли их авторы, состояла в том, чтобы сделать трудящихся "полноправными" участниками экономического развития страны, "приобщить" их к собственности. Особенно широко был разрекламирован План социальной интеграции (1970 г.), цель которого заключалась в установлении "гармонии" между трудом и капиталом. Он должен был внушить трудящимся иллюзию, что они пользуются плодами экономического развития. На деле же и этот план и различные фонды "помощи" трудящимся имели своей целью создать для буржуазии при поддержке государства дополнительные источники расширенного капиталистического воспроизводства. На эту сторону политики "социального маневрирования" обращали внимание бразильские коммунисты, подчеркивая, что с помощью создания финансовых фондов "государство прибирает к своим рукам значительную часть средств трудящихся" ¹¹⁹.

Широкие слои населения подвергались усиленной идеологической и психологической обработке, их призывали "интегрировать" свои усилия для достижения "величия" Бразилии. Правящие круги широко разрекламировали документ под названием "Цели и основы деятельности правительства" (октябрь 1970 г.), в котором выдвигалась задача превращения Бразилии в "великую державу" ¹²⁰. Вокрывая истинные цели этой пропаганды, бразильские коммунисты подчеркивали, что "бразильская диктатура, претендуя на гегемонию в Южной Америке, разжигает в народе чувство экзальтированного национализма, проникнутого духом исключительности, узости и эгоизма" ¹²¹.

¹¹⁸ *Voz operária*, 1974, N 109.

¹¹⁹ Prestes L.C. *Op.cit.*, p.11.

¹²⁰ Ianni O. *Estado e planejamento econômico no Brasil (1930-1970)*. Rio de Janeiro, 1971, p.296.

¹²¹ Prestes L.C. *Op.cit.*, p.15.

В связи с пропагандой великодержавного национализма, этой составной части бразильской "модели", идеологи режима немало говорили о борьбе за утверждение принципов независимой политики. В этом отношении хотелось бы заметить, что, бесспорно, между господствующими группами в США и Бразилии возникали и возникают противоречия по отдельным проблемам внешней политики. Североамериканские монополистические круги опасались, как бы правящие круги Бразилии не проявили слишком большой самостоятельности, не переориентировались бы на сотрудничество с монополиями Западной Европы, Японией. Однако это не мешало им открыто поддерживать бразильский режим, заявляя, как это сделал в сенате бывший посол США в Бразилии Уильям Роунтри, что "Бразилия имеет ключевое значение для США" ¹²².

Пропагандистский аппарат диктаторского режима воячески рекламировал "бразильское чудо". В подтверждение его реальности приводилось немало цифр, статистических выкладок. Действительно, в конце 60-х-начале 70-х годов темпы экономического развития страны значительно ускорились. Так, среднегодовой прирост ВВП в 1968-1972 гг. составлял 9,9%, причем в 1970-1972 гг. он достигал 10,4%, а в 1973 г. превысил 11%. О быстрых темпах его роста говорит такой факт, что, например, в 1963-1967 гг. он увеличивался в среднем на 3,4% в год ¹²³. Одним из наиболее быстро развивающихся секторов экономики стала промышленность, среднегодовой прирост которой в 1968 г. составлял 12,5%. Быстрыми темпами росли выработка электроэнергии, выплавка стали, выпуск автомобилей ¹²⁴.

Однако "бразильское чудо" - это только фасад, за которым скрывались кричащие противоречия бразильского общества,

¹²² Prestes L.C. Op.cit., p.75.

¹²³ См. Петров А.П. О "бразильской модели" экономического развития. - Латинская Америка, 1974, № 4, с.24.

¹²⁴ Там же, с.25.

огромное социальное неравенство, трагические контрасты в положении различных классов, групп населения. Ведь это "чудо" достигнуто за счет жесточайшей эксплуатации рабочего класса, трудовых слоев населения, за счет предоставления огромных привилегий местным и транснациональным корпорациям.

С помощью государства производилось перераспределение национального дохода в интересах привилегированных слоев населения, велось наступление на жизненный уровень народных масс, понижалась реальная заработная плата рабочих. По словам Октавио Ианни, деятельность государства была решающим фактором в "изменении позиций различных социальных групп и классов в экономической системе" ¹²⁵.

Воя эта политика вела к относительному и даже абсолютному обнищанию рабочего класса, резкому снижению его доли в национальном доходе. "Это было экономической ценой, — пишет О.Ианни, — которую должны были платить люди наемного труда вообще и пролетариат, в частности, за контроль над инфляцией и во имя концентрации национального дохода, иными словами, во имя воспроизводства капитала" ¹²⁶. А эта цена капиталистической модернизации за счет эксплуатации была чудовищно высока.

Даже представители правящих кругов не могли окрыть тяжелого положения подавляющего большинства населения, его нищенских доходов, что препятствовало расширению внутреннего рынка, порождая все новые и новые социальные противоречия. "Экономика развивается хорошо, — говорил в одном из выступлений Гаррасгазу Медиси, — а народ живет плохо" ¹²⁷.

Критические суждения по адресу "бразильского чуда" выказывали и представители иностранного бизнеса, разумеется со своих позиций. Так, влиятельный английский журнал "Экономист", характеризуя положение в Бразилии, писал: "Правитель-

---

¹²⁵ Ianni O. Op.cit., p.275.

¹²⁶ Ibid., p.278.

¹²⁷ Visión, 1974, 26 en., p.28.

ство обращает особое внимание на поддержание экономического роста и политической стабильности, но если все население не будет пользоваться плодами экономического развития, это создаст угрозу политической стабильности. Если в этой области не будет достигнут прогресс, иностранные инвесторы и кредиторы перестанут верить в прочность и долговечность режима, и поток иностранной валюты в страну начнет иссякать" ¹²⁸.

Обнищание широких народных масс не могло в конце-концов не отразиться на темпах экономического развития. Так, к 1975 г. прирост валового национального продукта составил всего 4%, однако если учесть, что население увеличилось на 2,4%, то истинный прирост составил всего 1,1% ¹²⁹.

"Страна, — пишет бразильский социолог Гидо Мантега, — пожинает плоды иррационального и хищнического развития, при котором огромное большинство ресурсов используется для содействия накоплению капитала в руках крупных монополий" ¹³⁰. Огромная внешняя задолженность страны также ухудшает экономическое положение.

Все более черные тучи затягивали и политический небосклон страны. Глубокие кризисные явления в экономике обострили противоречия в казалось бы монолитном правящем блоке сил, что выразилось, помимо всего прочего, в росте критических выступлений со стороны представителей крупной монополистической буржуазии по поводу политических методов правления, используемых военной верхушкой.

Дело в том, что террористические методы, применяемые правящим режимом, вызывали тревогу у тех представителей буржуазии, которые приложили немало стараний для навязывания стране авторитарной "модели развития". Теперь же они, как и некоторые империалистические круги, по словам газеты "Вос

¹²⁸ Цит. по: Петров А.П. Указ.соч., с.30.

¹²⁹ Revista mexicana de sociología. México, 1976, N 4, p.893.

¹³⁰ Ibid., p.891.

операриа", были обеспокоены "эксессами" правящей верхушки, склонялись к определенной "либерализации" режима ¹³¹.

Некоторые группы бразильской буржуазии и связанные с ней иностранные монополии выражали недовольство чрезмерной концентрацией власти в руках армии, опасаясь, как бы это обстоятельство не вызвало "нежелательные последствия". Не случайно бразильская "большая пресса", выражающая интересы крупной монополистической буржуазии, все более часто писала об угрозе "свободному предпринимательству". Такая кампания, во время которой крупная монополистическая буржуазия, добившаяся с помощью государства огромных выгод, демагогически выступала за "свободное предпринимательство", апеллируя даже... к Адаму Смиту, по словам бразильского экономиста Гидо Мантеги, отражала боязнь роста националистических настроений в вооруженных силах и даже "проперуанских настроений" в военной орде ¹³².

Достаточно определенно эти взгляды выразил Роберто Кампос. Выступая против роста политического влияния вооруженных сил, установления открытого военного правления, он заявил, что это приведет к захвату всей полноты экономической власти государством, подрыву экономики "рыночного хозяйства" ¹³³. В другом выступлении он выразил опасение, что "социальное разочарование" результатами экономического роста, который ничего не дает массам, может вызвать "движение протеста" ¹³⁴. Характеризуя позицию Кампоса и других оппозиционно настроенных представителей буржуазии, бразильские коммунисты подчеркивали, что эти круги выступают "за замену нынешнего режима, основанного на насилии и беззаконии, конституционным режимом, который более эффек-

---

¹³¹ *Voz operária*, 1974, p.109.

¹³² *Revista mexicana de sociología*, 1976, N 4, p.894.

¹³³ *Segurança e desenvolvimento*, 1970, N 141, p.65.

¹³⁴ Prestes L.C. *Cp.cit.*, p.19.

тивно защищал бы их классовые интересы" 135,

Результаты парламентских выборов (в ноябре 1974 г.) продемонстрировали силу и масштабы недовольства в стране политикой режима. На этих выборах внушительную победу одержала партия "Бразильское демократическое движение" (БДД), которая получила 61% голосов. В то же время проправительственная партия "Национальный союз обновления" (АРЕНА) получила всего 39% голосов. Так, в палате депутатов БДД увеличила число мандатов с 87 до 170, а представительство АРЕНА уменьшилось с 223 до 194 136.

Дело было не только в формальных результатах выборов. Успех пришел к БДД потому, что за него голосовали широкие слои населения, в том числе трудящиеся, которые тем самым продемонстрировали свое враждебное отношение к диктатуре, желание перемен. К тому же, часть руководства БДД выступила с резкой критикой режима, вскрыла всю неприглядность "бразильского чуда". По словам одного из лидеров БДД Франко Монторро, "страна становится богаче, а народ все беднее" 137.

Результаты выборов вызвали неоскрываемое беспокойство в правящих кругах страны. Причем в их политике обозначились как бы два направления: одно — борьба с коммунизмом и под этим флагом усиление репрессий по отношению к наиболее последовательным, демократическим силам, другое — расширение социальной базы режима за счет привлечения на свою сторону различных оппозиционных буржуазных кругов, в том числе из рядов БДД, путем запугивания их "красной" и "правой" опасностью.

Бразильский режим по сути дела только в армии видел свою надежную опору. Вооруженные силы стали важнейшим компонентом "бразильской модели", играя роль орудия в руках господствующей группировки как в области внутренней полити-

---

135 Prestes L.C. Op.cit., p.19.

136 Opinião, 1974, 22 oct.

137 Ibidem.

ки, так и внешней. По словам Эрнесто Гайзела, вооруженные силы имеют исключительное значение для обеспечения как внутренней, так и внешней безопасности. "Они представляют собой центр притяжения, — заявил президент, — вокруг которого все мы должны объединиться в тяжелые времена, чтобы Бразилия могла достичь своих самых высоких целей" ¹³⁸.

Неизмеримо возросли репрессивные задачи армии, которая все больше стала выполнять открыто полицейские функции по подавлению демократического движения и расправляться с патриотами. "Внутри вооруженных сил существует репрессивный аппарат, который можно сравнить с гитлеровским гестапо", — писал Л.К.Престес ¹³⁹.

Военная верхушка, насаждая в армии антикоммунизм, о нескрываемой враждебностью восприняла политику разрядки международной напряженности, рост влияния принципов мирного сосуществования. Соответственно вели себя представители этой верхушки, окажем, на межамериканских совещаниях командующих армиями. Так, на совещании в Каракасе в сентябре 1972 г. представитель Бразилии генерал Брено Борджео Фортео безапелляционно заявил: "Мы глубоко уверены в том, что в области безопасности американского континента ничего не изменилось в том, что касается нашего общего врага. Нашим врагом продолжает оставаться международное коммунистическое движение, которое в ряде случаев лишь изменило внешнее проявление своей стратегической линии, не отказавшись от своей конечной цели — захвата власти" ¹⁴⁰.

В худших традициях "холодной войны" бразильский генерал обвинял "международный коммунизм" в стремлении разрушить "моральные и культурные основы западной цивилизации", используя все формы и методы подрывной деятельности ¹⁴¹.

¹³⁸ O Globo. Rio de Janeiro, 1975, 3 mar.

¹³⁹ Prestes L.C. Op.cit., p.74.

¹⁴⁰ Estrategia, 1973, N 24, p.63

¹⁴¹ Ibid., p. 44.

Брено Фортес превозносил "историческую миссию" бразильских вооруженных сил по защите "моральных и духовных ценностей человека", по экономическому развитию страны в рамках политики "национальной безопасности" ¹⁴².

Представители высшей военной иерархии пытались представить "международный коммунизм" не только главной причиной "подрывной деятельности" в стране и вообще в Латинской Америке, но и провозглашали его главным врагом вооруженных сил. Распространяя вымыслы о "подрывной деятельности" коммунистов в армии, военная верхушка стремилась тем самым поддерживать "институциональное единство" в рядах вооруженных сил на основе самого ярого антикоммунизма, отвлекать внимание военных от действительной угрозы — все большего превращения бразильской армии в орудие антинародных, контрреволюционных сил.

С явным расчетом на сенсационность бразильский генерал Франто Мансо на очередном межамериканском совещании командующих армиями в Монтевидео в октябре 1975 г. заявил, что "международный коммунизм" ставит своей главной стратегической целью "разрушение изнутри военных институтов" ¹⁴³. Запугивая военных "красной угрозой", генерал призывал к "единству" вооруженных сил, к развертыванию борьбы о "коммунизмом" ¹⁴⁴.

Идеологи бразильского режима, представители военной верхушки все более открыто подчиняли доктрину "национальной безопасности" борьбе против освободительного антиимпериалистического движения не только в самой стране, но и за ее пределами. При этом апелляция к "геополитическим интересам" Бразилии ослужила у них одним из самых "весомых" аргументов. Выступая в Высшей военной школе в октябре 1971 г. министр военно-морского флота адмирал Нуньес заявил, что

---

¹⁴² Estrategia, 1973, N 24, p.47.

¹⁴³ Estado de São Paulo. São Paulo, 1975, 24 oct.

¹⁴⁴ Ibidem.

в Южной Атлантике образовался вакуум, который должен быть заполнен ¹⁴⁵.

Комментируя эту речь, "Журнал ду Бразил" писала, что "присутствие Бразилии в Южной Атлантике является географической фатальностью" ¹⁴⁶. Но дело не ограничивалось общими геополитическими рассуждениями. Так, один из ярких сторонников "геополитической активности" Бразилии генерал Бетлем выступил с предложением установить протекторат над "безопасными соседями" ¹⁴⁷. А если вспомнить, что этот генерал, будучи послом Бразилии в Боливии принимал активное участие в подготовке свержения правительства Хуана Хосе Торреса, то станет ясным, что окрылялось за подобными "геополитическими" соображениями. В начале 70-х годов бразильская военщина разработала план оккупации Уругвая в течение 30 часов в случае, если в стране победит Широкий фронт — коалиция левых сил страны. Накануне выборов в Уругвае в октябре 1971 г. на бразильско-уругвайской границе происходили маневры бразильских войск.

В сферу своего влияния бразильские правящие круги стремились вовлечь Аргентину, пытались вербовать себе сторонников в ее армии и среди политических деятелей. Агрессивные планы бразильской военщины ставили своей целью, по словам авторов книги "Бразильская модель", покончить с революционным процессом в Перу, свергнуть правительство Народного единства в Чили ¹⁴⁸. Не случайно контрреволюционный переворот в Чили был с нескрываемой радостью воспринят военной верхушкой Бразилии, которая встала на путь самого тесного сотрудничества вооруженных сил обеих стран на основе ярого антикоммунизма, вражды к освободительным, антиимпериалистическим движениям.

---

¹⁴⁵ Ghioldi Rodolfo, Mauricio Lebedinsky, Ernesto Abel, Jorge Pifeiro, Ofelia Marina. Op.cit., p.26.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ El modelo brasileño, p.25.

¹⁴⁸ Ibidem.

Одним из аспектов политики насаждения "бразильской модели" явилось усиление боевой мощи армии.

С начала 70-х годов переоснащение вооруженных сил начало осуществляться особенно интенсивными темпами. Большое внимание было обращено на усиление военной авиации, военно-морского флота. Только в 1973 г. было приобретено за рубежом 16 сверхзвуковых истребителей типа "Мираж-3", заключена сделка на покупку 48 североамериканских истребителей и т.д. Военно-морской флот пополнился английскими подводными лодками типа "Оберон", североамериканскими катерами и подводными лодками ¹⁴⁹.

Представители военной верхушки не только не делали секрета из милитаризации страны, гонки вооружения, но открыто их афишировали, явно стремясь запугать другие страны Латинской Америки. Так, широкий резонанс на континенте получило заявление генерала Рейналдо Меллу Алмейды, командующего первой армией, штаб-квартира которой находилась в Рио-де-Жанейро. В случае необходимости, заявлял генерал, бразильская экономика могла быть поставлена на военные рельсы с целью обеспечения суверенитета, по крайней мере, в масштабах Латинской Америки ¹⁵⁰. По его словам, в течение 60 дней могли быть поставлены под ружье по крайней мере 10 млн человек. Хотя он пытался представить дело так, будто речь идет о чисто оборонительных мероприятиях, лейтмотивом его выступления была апология военного потенциала страны, ее "особого" геополитического положения.

В плане милитаризации страны военная верхушка при тесном сотрудничестве с монополистическими группами местной и иностранной буржуазии уделяла большое внимание созданию военно-промышленного комплекса. Летом 1975 г. конгресс одобрил проект Центра бразильской промышленности военных материалов (ИМБЕЛ). Согласно проекту, центр должен был поставить под свой контроль деятельность всех оружейных заводов,

---

¹⁴⁹ El Día. México, 1974, 27 en.

¹⁵⁰ Ante los planes nucleares de Brasil. Buenos Aires, 1975, p.17.

координировать военное производство в частном секторе, контролировать частные и государственные капиталовложения в эту отрасль экономики ^{I51}. Большое значение придавалось импорту иностранной технологии, что открывало широкое поле деятельности для транснациональных корпораций. Не случайно этим проектом заинтересовались компании США, ФРГ, Англии и ряда других капиталистических стран ^{I52}

Инициаторы создания военно-промышленного комплекса не скрывали своих амбициозных планов не только превратить Бразилию в самообеспечивающуюся в области вооружения страну, но и подготовить условия для ее превращения в страну-экспортера вооружения ^{I53}.

Важным фактором для укрепления военно-промышленного комплекса страны стало подписанное летом 1975 г. соглашение между Бразилией и ФРГ о сотрудничестве в области производства атомной энергии. Это соглашение, по которому ФРГ должна была поставлять Бразилии реакторы, передать всю необходимую технологию, — создавало базу для производства ядерного оружия ^{I54}. "Мы можем и думаем создать, — заявил Зеферино Вас, ректор университета в Кампинасе, — собственную атомную бомбу..." ^{I55}. А Ромуло Перону, представляющий Институт атомной энергии Университета Сан-Паулу, заявил, что к концу века Бразилия может занять лидирующее положение в клубе атомных держав ^{I56}.

I51 Ante los planes nucleares de Brasil, p.17.

I52 Ibid. p.18.

I53 Бразилия открыто снабжала вооружением чилийскую военную хунту, а бразильские компании служили посредником в продаже оружия между США и другими странами. — Ante los planes nucleares de Brasil, p.19.

I54 Подробнее об этом соглашении, о позиции различных сил и проблеме производства ядерной энергии в Бразилии см. Луис Карлос Престес. Серьезная угроза всеобщему миру. — Проблемы мира и социализма, 1975, № 12.

I55 Estrategia, 1975, N 34-35, p.13.

I56 Ibidem.

Подписание соглашения сопровождалось большой пропагандистской шумихой относительно важности этого шага для обеспечения "независимости" Бразилии во имя дальнейшего продвижения страны по пути к "величию". Генерал Меллу Алмейда, расхваливая это соглашение, заявил, что оно станет решающим шагом к обеспечению "экономической независимости" и позволит избежать любых форм давления со стороны государств, производящих атомную энергию или ядерное оружие ¹⁵⁷.

В подобного рода выступлениях довольно недвусмысленно проглядывали не только великодержавные планы бразильских правящих кругов, но и их стремление использовать межимпериалистические противоречия в собственных интересах. "Разговоры о "независимости", - писал Л.К.Престес, - понадобились диктатуре для того, чтобы скрыть новые вопиющие факты подчинения страны империалистическим монополиям (на сей раз западногерманским), дальнейшей денационализации бразильской промышленности, всей экономики, растущего ограбления страны международными трестами" ¹⁵⁸.

С нескрываемой тревогой восприняли демократические силы Бразилии и других латиноамериканских стран договор между Бразилией и ФРГ. Они не без основания опасались, что он послужит бразильской армии стимулом для милитаризации страны и гонки вооружения, которая тяжелым бременем ляжет на плечи народов континента. Эти опасения тем более обоснованы, что на путях милитаризации, раздувания великодержавного шовинизма военная верхушка выдвела одно из средств контроля над вооруженными силами.

Соглашение между Бразилией и ФРГ вызвало явное недовольство со стороны США, которые стремились сохранить свой контроль в этой важной области. Однако степень и глубину оппозиции администрации Картера не следовало преувеличивать, поскольку США видят в сотрудничестве с Бразилией важнейшее

---

¹⁵⁷ Ante los planes nucleares de Brasil, p.16.

¹⁵⁸ Проблемы мира и социализма, 1975, № 12, с.40.

звено своей латиноамериканской политики. Во время визита Картера в Бразилию (март 1978 г.) в ходе официальных переговоров острый вопрос о ядерном соглашении был фактически обойден. В заявлении обеих сторон говорилось о необходимости использовать атомную энергию в мирных целях ¹⁵⁹. Иными словами, правительство Бразилии недвусмысленно дало понять, что оно будет реализовывать на практике свое соглашение о ФРГ, а президент США ограничил платоническими пожеланиями, чтобы атомная энергия служила невоенным целям.

Боевое переоснащение вооруженных сил происходило в то время, когда в их рядах стали все больше выявляться разногласия.

"Институциональное единство" вооруженных сил, о котором столь много за последнее время говорили представители военной иерархии, на деле не столь прочно и "монолитно". В рядах вооруженных сил довольно отчетливо проявилась борьба между сторонниками сохранения гегемонии военных в политической жизни и сторонниками уменьшения "военного присутствия" в "центрах власти". Характеризуя эти течения, "Эстадо де Сан-Паулу" писала, что речь шла о сторонниках возвращения к "правовому государству" и приверженцах сохранения "революционного государства" ¹⁶⁰. Такие различия в позициях довольно ясно проявлялись в выступлениях представителей высшей военной иерархии. Сторонники постепенного свертывания политической активности вооруженных сил, "ухода их в казармы" говорили о "разлагающем" влиянии политической власти на военных, о росте их изоляции от общества ¹⁶¹. Они ("Виозон" называл их представителями "военного истеблишмента") стояли на позициях "Сорбонны", склонялись к тому, чтобы влиятельные кру-

¹⁵⁹ Visão, 1978, 29 maio, p.165-167.

¹⁶⁰ O Estado de São Paulo, 1975, 15 jun.

¹⁶¹ За последние годы с подобными заявлениями выступили, например, генералы Соуто Малан и Монис де Арагуа, занимавшие пост начальника генерального штаба сухопутных войск. - O Estado de São Paulo, 1975, 15 jun; Visão, 1974, 26 en., p.24.

ги бразильской буржуазии получили прямой доступ к политической власти ¹⁶².

Этому течению противостояла "военная партия", которая по определению "Висьон", представляла собой чудовищный механизм власти, для которой цель должна быть выше средств и без колебаний проводиться в жизнь. Эту "военную партию" олицетворяет новая армия, решительная и безжалостная, которая презирает "политический класс" и гражданских политиков, и вообще гражданских лиц, ибо считает, что они слишком слабы и неспособны, чтобы быть на высоте задач достижения величия Бразилии" ¹⁶³.

Иными словами, в Бразилии в несколько модифицированном виде вновь начали проявляться противоречия между сторонниками "Сорбонны", которые выступали за "либерализацию" фасада режима, и приверженцами сохранения за вооруженными силами роли овеобразной политической партии. Уже само по себе это обстоятельство говорило о том, что нет оснований переоценить глубину и серьезность этих противоречий в военной среде. В то же время за ними нельзя было не видеть проявления разногласий в рядах правящих классов по проблемам методов и форм политического господства. Довольно резкие противоречия между частью буржуазии и наиболее тесно связанными с ней военными кругами, с одной стороны, и сторонниками "военной партии" — с другой, овидетельствовались также о том, что в вооруженных силах далеко зашел процесс их оформления в "автономную" корпорацию с собственными интересами, что предопределяло достаточную прочность "институционального единства". Собственно говоря, это обстоятельство подтверждалось тем фактом, что несмотря на разногласия в военных верхах, использование армии в качестве орудия репрессий против освободительного движения ни кем в военных кругах, по сути дела, не ставилось под сомнение. "Эстадо де Сан-Паулу" подчерки-

---

¹⁶² O Estado de São Paulo, 1975, 15 jun.; Visión, 1974, 26 en., p.24.

¹⁶³ Visión, 1974, 26 en., p.25.

вала, что представители вышей военной иерархии перед лицом угрозы "подрывной деятельности" считали преждевременным, чтобы "вооруженные силы прекратили активную политическую деятельность и возвратились к своим чисто профессиональным обязанностям" ¹⁶⁴. Не случайно в таких масштабах военная верхушка усилила за последние годы (1975-1977 гг.) пропаганду концепции "национальной безопасности" в ее самом чернотенном варианте, стремясь представить дело так, будто бы в мире идет уже третья мировая война. Один из представителей военной элиты генерал Милтон Таварес де Соуза, например, заявил, что "международный коммунизм" использует "стратегию клещей, когда наступление ведется через Европу и одновременно через Азию, Африку и Латинскую Америку, а оттуда коммунизм рассчитывает совершить решающий окачок на территорию Северной Америки" ¹⁶⁵. А министр сухопутных сил воспользовался очередной годовщиной государственного переворота 1964 г. (март 1977 г.), чтобы обрушиться с клеветой на бразильских коммунистов, обвиняя их в стремлении превратить Бразилию в "московскую провинцию" ¹⁶⁶. Антикоммунистическая кампания, разжигаемая в вооруженных силах, в немалой степени рассчитана на то, чтобы отвлечь внимание военных от действительно острых проблем национальной действительности, сохранить "институциональное единство", загнать вглубь обозначившиеся кризисные явления в армии. А последние проявляются в самых различных формах: частые смены в руководстве вооруженными силами, рост недовольства существующим положением в рядах офицерского корпуса, сержантском составе, Говоря о причинах этого недовольства, Луис Карлос Престес пишет: "Мы прекрасно знаем, что представляют собой бразильские вооруженные силы. По своему происхождению офицеры и сержанты являются выходцами из мелкобуржуазной среды. В

---

¹⁶⁴ O Estado de São Paulo, 1975, 15 jun.

¹⁶⁵ Ibid., 1976, 2 oct.

¹⁶⁶ Jornal do Brasil, 1977, 31 mar

Бразилии эта мелкая буржуазия вследствие инфляции, достигающей 50-60% в год, переживает процесс такого же ужасающего обнищания, как и рабочий класс" ¹⁶⁷.

Противоречия в вооруженных силах, пусть в искаженном виде, отражали обострение социальных классовых противоречий в стране, кризис "бразильской модели развития".

С достаточной ясностью эти противоречия, по словам бразильских коммунистов, проявились во время подготовки к избранию нового президента страны ¹⁶⁸. Впервые за многие годы целая группа военных открыто выступила с критикой политики правящих кругов, требуя отказа вооруженных сил от активной политической роли, возвращения к институтам "представительной демократии" ¹⁶⁹. Более того, оппозиционная партия Бразильское демократическое движение в противовес правительственному кандидату генералу Фигейредо выдвинула кандидатом в президенты генерала Монтейро, который пользовался поддержкой части офицерского корпуса. Хотя победу на выборах (октябрь 1978 г.) и одержал генерал Фигейредо, процесс дифференциации в рядах вооруженных сил овидетельствовал о расширяющихся трещинах в главной опоре режима.

---

¹⁶⁷ Проблемы мира и социализма, 1978, № 3, с.69.

¹⁶⁸ *Voz operária*, junho de 1978, N 147.

¹⁶⁹ *Visión*, 1978, 7 abr., p.23.

РОЛЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПЕРУ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНЫХ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Немало времени прошло с тех пор, как перуанские вооруженные силы в октябре 1968 г. пришли к власти и начали процесс глубоких изменений в стране. До сих пор не затихают острые дискуссии, споры о пути социальных преобразований, осуществляемых в стране, их этапах, о причинах, побудивших вооруженные силы выступить инициатором коренных структурных реформ.

При всем разнообразии оценок и даже зачастую их полярной противоположности не существует разногласий в том, что такая позиция перуанской армии была бы нелепая без глубоких изменений во взглядах военных, утверждения "нового образа мышления". При этом последний трактуется представителями различных политических, идеологических течений зачастую совершенно по-разному^I. За последнее время вышло довольно много различного рода книг, статей и других материалов, посвященных процессам, происходящим в перуанских вооруженных силах, особенностям их идеологической и политической эволюции, что позволяет более углубленно исследовать причины и обстоятельства, сделавшие возможным переход перуанской армии на позиции социального реформаторства.

Сама практика развития революционного процесса в стра-

---

^I Подробнее об этом см. последнюю главу работы.

не, его достижения и трудности дают достаточно материала для анализа и обобщений. Смена руководства страной в конце августа 1975 г., когда военное командование заменило генерала Веласко Альварадо новым президентом генералом Моралесом Бермудесом, была вызвана сложностью и противоречиями революционного процесса.

Социальный облик перуанских вооруженных сил накануне прихода к власти

Французский социолог Франсуа Буррико, известный специалист по проблемам современной Перу, писал в одной из своих работ, что с конца 50-х годов вооруженные силы страны переживали своеобразный процесс "идеологического обновления" ("aggiornamento ideológico")². По его словам, осознание необходимости социальных преобразований, все большее недовольство ролью, уготованной военным правящей олигархией приобретало у перуанских военных первостепенное значение. Что же собой представляли перуанские вооруженные силы к тому времени (конец 50-х – начало 60-х годов), когда страна все больше втягивалась в хронический социально-экономический и политический кризис? Какие изменения в рядах армии делали ее особенно восприимчивой к антиолигархическим настроениям, социальному протесту, которые все больше охватывали широкие слои населения?

Важное значение в этом плане имели изменения в социальном составе офицерского корпуса, его все большая демократизация. На первый взгляд, с формальной точки зрения, каких-либо коренных изменений социального состава офицерского корпуса не произошло. Как и в конце XIX – начале XX вв., так и много позднее, он формировался преимуществен-

² Aportes, 1970, N 16, p.21.

но из представителей средних слоев населения. Это объяснялось тем, что перуанская олигархия традиционно омотрела на военную карьеру как на занятие второго сорта, недостойное привилегированных классов. В определенной степени оказало на такой позиции и то, что на протяжении всей истории существования независимой Перу между "плебейской" армией и аристократическо-олигархическими кругами нередко возникали острые конфликты и столкновения, что в глазах правящих группировок делало военных не совсем "благонадежными людьми"³.

Перуанская олигархия сознательно поощряла пополнение офицерского корпуса за счет представителей средних слоев населения Лимы и некоторых других наиболее крупных городов страны. Именно служба в армии для представителей этих групп была, пожалуй, одной из немногих возможностей подняться по социальной лестнице в обществе с весьма невысоким уровнем "социальной мобильности", где господствовали олигархические стереотипы мышления, "жизненные идеалы".

Однако после второй мировой войны, особенно начиная с 50-х годов, ускорение социально-экономического развития страны, связанные с ним сдвиги в классовой, социальной структуре открыли для представителей средних слоев возможности повышения своего социального статуса в "гражданском обществе". Соответственно менялись у этой группы населения представления о всей системе "ценностей", наиболее эффективных путях и средствах достижения этой цели. Теперь для них социальная престижность связывалась с положением лиц свободной профессии, специалистов, иными словами, с образом жизни новых элитарных групп интеллигенции. Военная служба в глазах представителей этих групп средних слоев все больше теряла свою привлекательность, ореол "романтической таинственности", а смысл военной службы сводился к прозаической формуле "тянуть лямку".

Эта "переоценка ценностей" не могла не привести к су-

---

³ Подробнее об этом см. Шульговский А.Ф. Роль патристических традиций в истории перуанских вооруженных сил. - "Перу: 150 лет независимости". М., 1971, с.81-107.

ществленным изменениям социального контингента пополнения офицерского корпуса, в составе которого появлялось все больше выходцев из непривилегированных, малообеспеченных слоев населения. Для них военная служба становилась чуть ли не единственной возможностью получить образование, обеспечить себе место в жизни. К их числу принадлежал, например, Веласко Альварадо, который прошел трудный путь от рядового солдата до главнокомандующего перуанских вооруженных сил ⁴.

Основной контингент офицеров составляли выходцы из небольших провинциальных городов, из сельской местности. Так, по данным на 1955-1965 гг., только 18% генералов были уроженцами Лимы, а 82% - провинциальных городов ⁵. О социальном происхождении офицерского корпуса говорят данные о полученном военными "школьном" образовании. Так, из каждых 100 перуанских офицеров 75 получили среднее образование в государственных школах, где, как правило, учились дети из непривилегированных слоев населения, и только 25 получили образование в частных, более привилегированных учебных заведениях. Небезинтересно отметить, что из этого числа только 7% приходилось на представителей сухопутных вооруженных сил, остальные относились к представителям военно-воздушных и военно-морских сил, которые принадлежали к более состоятельным слоям населения ⁶.

Сами условия и обстоятельства армейской жизни забрасывали военных в самые отдаленные "медвежьи уголки" страны, что в немалой степени способствовало усилению у них настроений социального протеста, укрепляло в них сознание необходимости социальных перемен. Веласко Альварадо впоследствии говорил: "Я знаю, что эти слова могут прозвучать странно в устах солдата. Однако они не являются странными, если вспом-

⁴ Подробно о жизненном пути генерала Веласко Альварадо см. Листов В.В. Ветер перемен. М., 1971, с.85-93.

⁵ Villanueva V. ¿ Nueva mentalidad militar en el Perú? Buenos Aires, 1969, p.92.

⁶ Ibidem.

нить, что этот солдат — перуанец, вышедший из самых глубин своей страны, что в детстве он познал бедность, что в своей жизни он видел всю несправедливость перуанской действительности — тяжелую и противоречивую. Так же, как и мои товарищи по оружию, я в течение многих лет переживал эту действительность. Так же, как и они, я научился распознавать великую несправедливость, жестокое насилие, тяжелый гнет, которые душат жизнь бедняка...

Эта революция родилась, может быть, в момент, когда многие из нас поняли, что мы уже не можем и не должны оставаться простыми и безразличными свидетелями боли и позора. Наша революция была совершена прежде всего ради бедных и эксплуатируемых" ⁷.

Вспоминая об эволюции офицерского корпуса, один из видных деятелей военного правительства генерал Фернандес Мальдонадо говорил: "Мы, военные, почти все бедны и принадлежим к народу. Мы служили в районе Косты и в районе Сьерры. Во время нашей службы мы видели людей, которые ничего не имеют и которые имеют все в изобилии" ⁸.

А генерал Барандаран Пагадор, бывший министр сельского хозяйства в военном правительстве, занимавший также пост председателя объединенного командования вооруженными силами, вспоминал, что он на своем опыте убеждался в социальной несправедливости, царящей в перуанском обществе, когда видел, как его родители, мелкие землевладельцы, страдали от притеснений помещиков-латифундистов ⁹.

Изменение в социальном составе офицерского корпуса вело и к другим существенным сдвигам в настроениях военных. В их среде росло патриотическое самосознание. По словам пе-

---

⁷ Velasco. La voz de la revolución. Discursos. Lima, 1971, p.245-246.

⁸ Ercilla. Santiago de Chile, 1969, 27 ag.- 21 sept., p.49.

⁹ Ibid., p.57.

руанского социолога Анибала Исодеса Кайро, провинциальная молодежь, избирающая своей профессией военную службу, была особенно восприимчива к патриотическим традициям своей родины, видела в армии хранительницу этих традиций¹⁰. Здесь сказалось также стремление военной молодежи противопоставить несколько космополитизированному образу жизни Лимы национальные духовные ценности и традиции.

Бывший премьер-министр военного правительства генерал Меркадо Харрин, вспоминая о причинах своего поступления на военную службу, в качестве одной из главных выделял влияние всего уклада жизни родного провинциального города Такны с его культом национальных героев, патриотических традиций¹¹. Постепенно возникал тот оплав патриотизма с настроениями социального протеста, который стал одним из важнейших компонентов в "идеологическом обновлении" перуанских вооруженных сил.

Служба в армии, особенно в сухопутных частях, давала возможность офицерам ближе познакомиться и понять жизнь трудовых масс, их устремления и чаяния. В подавляющем большинстве солдатскую массу составляли индейцы, которые проходили в армии двухгодичную службу. Хотя в Перу и существовал закон о всеобщей воинской повинности, в нем имелось немало оговорок (например, образовательный ценз), которые давали возможность избежать этой повинности представителям многих социальных групп, особенно из числа городского населения. Поэтому-то основная масса новобранцев рекрутировалась из числа индейцев.

Такой состав армии, где было большинство индейцев, связанных с общинными формами землевладения, являющихся носителями своеобразной социальной психологии, придавал специфические черты облику вооруженных сил. В этом плане перуанская армия чем-то напоминала старую русскую армию. Выдающийся оо-

---

¹⁰ Cairo A.I. Sociología del Perú. Lima, 1969, p.153.

¹¹ Oiga. Lima, 1971, 6 ag., p.16.

ветский полководец и военный теоретик М.В.Фрунзе, характеризуюя особенности социального состава солдатских масс царской армии, отмечал его преимущественно крестьянское происхождение, влияние на армию "традиций", настроений, являющихся остатками от прежних патриархальных отношений, что укрепляло в солдатской массе дух сплоченности, солидарности. "Любопытно отметить, — подчеркивал Фрунзе, — что в старой русской армии это чувство взаимной ояязи, являвшееся отражением господствовавшей крестьянской психологии, играло очень крупную роль в деле повышения ее боеспособности" ¹².

Перуанские исследователи, изучающие проблемы армии, отмечают наличие в ней подобных же черт. Так, А.Кайро пишет, что преимущественно крестьянский состав перуанской армии определял особую сплоченность ее рядов, крепкую дисциплину, умение солдат держаться с достоинством и благородством. "Все достоинства земледельца и другие положительные черты, связанные с его крестьянским образом жизни, проявляются в жизни перуанской армии" ¹³.

В течение длительного периода существования перуанской армии, большая дистанция, соблюдаемая между офицерским корпусом, находившимся под влиянием олигархических стереотипов мышления с их расистскими предрассудками, и солдатской массой, препятствовала раскрытию всех потенциальных возможностей перуанского солдата. Постепенно эта дистанция стала сокращаться. Такому сближению между офицерами и солдатами в немалой степени содействовал интенсивный процесс обучения рядового состава, особенно широко развернувшийся с начала 60-х годов.

Обучение солдат грамоте, естественно, практиковалось в перуанской армии и раньше. Однако теперь, в условиях ускорения экономического развития страны, влияния на него мирового научно-технического прогресса, а также технического

---

¹² Фрунзе М.В. Собр.соч., т.1. М.-Л., 1929, с.433.

¹³ Cairo A.I. Op.cit., p.152.

переоснащения вооруженных сил, речь шла уже о ликвидации не просто неграмотности солдата, а неграмотности технической. Достижению этой цели с начала 60-х годов и была подчинена программа обучения рядового состава.

Важную роль в этом начинании играл специальный Центр промышленного обучения в армии, который ставил своей целью подготовку для экономики страны трудовых резервов из числа солдат, подлежащих демобилизации. Только в 1965 г. в пяти военных округах к работе по различным специальностям (электрик, автослесарь, токарь, столяр, кузнец, портной, сапожник и пр.) было подготовлено 6,1 тыс. солдат ¹⁴. По словам перуанского социолога Виктора Вильянуэвы, из армии демобилизовывались "люди, полезные стране, подлинно квалифицированные рабочие, способные в меру своих сил и возможностей содействовать развитию страны" ¹⁵.

Сдвиги во взаимоотношениях между офицерским корпусом и солдатами благотворно сказывались на последних, повышали у них сознание своего человеческого достоинства. По словам перуанского социолога Анибала Кихано, демобилизованные из армии солдаты уже не были, как ранее, забытыми, неуверенными в себе людьми, а отличались чувством собственного достоинства, активным отношением к жизни ¹⁶.

Именно демобилизованные, возвращаясь в свои крестьянские общины, как правило, выступали в роли лидеров в борьбе за обновление общинной жизни, за ее преобразование на кооперативных началах. Под их руководством происходила мобилизация крестьян в борьбе за землю. "Чрезвычайно важно подчеркнуть, — писал А. Кихано, — что большая часть захватов земель индейцами осуществляется по руководством демобили-

---

¹⁴ Comercio. Lima, 1966, 14 mar.

¹⁵ Villanueva V. El militarismo en el Perú. Lima, 1962, p.185.

¹⁶ Sociología y sociedad en Latinoamérica. Estudios sobre su desarrollo, t.I. Bogotá, 1965, p.436.

зованных из армии"¹⁷. Являясь в своем большинстве носителями настроений социального протеста, демобилизованные играли важную роль в подъеме борьбы крестьянских масс, что в свою очередь оказывало влияние на эволюцию вооруженных сил, рост в них антиолигархических настроений¹⁸.

В отличие от сухопутной армии, рядовой состав военно-морских и военно-воздушных сил рекрутировался преимущественно из представителей трудовых слоев города. Как правило, это были люди политически более грамотные, чем рядовой состав сухопутных сил, более восприимчивые к передовым общественным идеям. Не случайно революционные выступления в перуанских вооруженных силах связаны с военно-морским флотом. Достаточно назвать восстание военных моряков крейсеров "Грау" и "Бологнесси" в 1932 г.

Сама по себе служба во флоте и авиации предъявляла высокие требования к подготовке личного состава. Немало квалифицированных рабочих вышли из представителей этих родов войск.

Изменение социального состава офицерского корпуса приводило к тому, что в ряды армии вступала энергичная, честолюбивая молодежь, видящая в военной службе поприще для получения всесторонних, глубоких знаний. А здесь для нее открывались благоприятные перспективы.

Для подготовки командных кадров в Перу существовала широкая сеть военных учебных заведений различного профиля и уровня. В стране имелись военные школы с университетским уровнем знаний как общевойскового профиля, так и по родам войск. Кроме того, были созданы специальные центры по повн-

---

¹⁷

Sociología y sociedad en Latinoamérica. Estudios sobre su desarrollo, t.1, p.436.

¹⁸

Не случайно, когда военное правительство приступило к осуществлению глубоких социальных преобразований, эта многочисленная прослойка бывших военнослужащих стала играть немаловажную роль в мобилизации крестьянских масс, в поддержке революционных процессов, происходящих в стране. Подробнее об этих процессах см. Самаркина И.К. Индейская община в Перу. М., 1974.

нению квалификации офицерского состава. Некоторые учебные заведения перуанских вооруженных сил, например, Высшая военная школа, училище войск связи и электроники были широко известны за пределами страны; на учебу в них посылались офицеры из других латиноамериканских стран.

Такая организация учебы офицерского корпуса предопределяла высокий общеобразовательный уровень командного состава, высокую степень его профессиональной подготовки, которые постоянно повышались. Если, например, в 1940 г. всего 70% армейских генералов получили высшее военное образование, то в 1960 г. академическое образование имело уже 100% генералов¹⁹.

О том, какое значение придавалось качеству образования для продвижения по служебной лестнице в армии, говорят следующие данные. Так, на долю выпускников перуанских высших военных учебных заведений в период 1940-1965 гг., окончивших их по первой категории, приходилось 69,9% всех офицеров, произведенных в генералы. В то же время на долю выпускников, окончивших учебные заведения по низшей категории, приходилось 8,8% всех генералов²⁰.

Важную роль в пополнении офицерского корпуса играли специальные колледжи, которые были полувоенными-полугражданскими оредними учебными заведениями. Наиболее известные - колледжи им. Леонсио Прадо, им. Франсиско Бологнесси, им. маршала Кастильо, им. Элиаса Агирре, названные так в честь национальных героев. Главная цель колледжей этого типа состояла в том, чтобы заинтересовать в военной службе молодежь, особенно из малоимущих слоев населения, для чего доступ в такие учебные заведения был открыт для всех желающих, независимо от социального положения. Полковник Грахам, будущий руководитель Комитета советников при президенте Веласко Альварардо, сказал: "Военный колледж является учебным центром по

---

¹⁹ Villanueva V. ¿Una nueva mentalidad militar en el Perú?, p.255.

²⁰ Ibidem.

воспитанию элиты, где отбор желающих производится на основе знаний и способностей и где никакой роли не играет социальное и экономическое положение поступающих" ²¹.

О значении, которое придавали этим колледжам вооруженные силы, свидетельствует тот факт, что директорами назначались наиболее способные и образованные военные из числа офицеров высокого ранга. Немало выпускников колледжей под влиянием умелого патриотического воспитания избирали военную карьеру, поступали в офицерские училища.

Своего рода переломным периодом в истории страны были конец 50-х – начало 60-х годов. Именно тогда наметился глубокий кризис всего механизма политической власти олигархии, обострилась борьба вокруг дальнейших путей развития страны, что не могло не затронуть и вооруженные силы.

Правительство президента Мануэля Прадо (1956–1962 гг.), выражало интересы местной олигархии и крупной буржуазии, тесно связанных между собой. Перуанская олигархия не представляла единого целого. На побережье страны (Косте) для крупных частных земельных владений плантационного типа были характерны капиталистические методы управления с применением наемной рабочей силы, современной сельскохозяйственной техники, хотя и здесь существовали докапиталистические пережитки. Многие плантации находились в руках крупных капиталистических, акционерных обществ, что еще больше оближало их с современными капиталистическими предприятиями.

В то же время значительная часть латифундистов горных районов все еще применяла докапиталистические методы ведения хозяйства, эксплуатации рабочей силы. Однако эта часть олигархии в экономической и политической жизни страны отходила на задний план, уступая наиболее "динамичным" группам олигархии, владения которых были сосредоточены на побережье. Эти группы были тесно связаны с городской крупной буржуазией. В этом отношении очень показательны данные на начало 60-х годов об Аграрном национальном обществе, руководство

²¹ Aportes, 1971, N 9, p.173.

которого в большинстве своем находилось в руках представителей олигархических групп побережья. Так, все 45 семей или объединений, представленных в руководстве общества, имели крупные интересы вне сельского хозяйства. 56% этих семей являлись крупными акционерами банков и финансовых компаний, 53 - владели акциями страховых компаний, 75 - были собственниками компаний по недвижимости и по эксплуатации жилого фонда, 56 - имели капиталы в торговых предприятиях, 64 - владели крупными пакетами акций промышленных предприятий, 20 - имели акции в горной промышленности и 12% в нефтяной²².

Небольшая группа крупных собственников сосредоточивала в своих руках ключевые позиции в экономике страны. Если сравнить списки директорских советов крупнейших акционерных обществ страны, то нетрудно заметить, что, как правило, в них участвовали одни и те же лица. Так, в директорских советах банков заседала большая часть крупных собственников побережья²³.

Некоторые олигархические семьи владели целыми "экономическими империями". Семейства Аспильяга, Пардо, Пиедра наряду с огромной земельной собственностью имели крупные интересы в банках, торговле, обрабатывающей промышленности. Они стремились установить контроль и над средствами массовой информации²⁴.

Перуанскую олигархию отличали воинствующая консервативность, неприятие каких-либо социальных преобразований. В то же время в области политики олигархия проявляла определенную гибкость, стремясь создать себе социальную опору, в первую очередь в средних оляях населения, пополняя выходящими из этих социальных групп государственный аппарат. Последний во многом функционировал по принципам фаворитиз-

---

²² Malpica C. Los dueños del Perú. Lima, s.a., p.81.

²³ La oligarquía en el Perú. México, 1970, p.26.

²⁴ Ibid., p.106-109.

ма и патернализма, что давало олигархии дополнительные рычаги воздействия на средние слои населения.

Однако, заигрывая со средними слоями, олигархия с высокомерием и пренебрежением относилась к тем социальным группам, которые, по ее мнению, не были равными ей по богатству и социальному престижу. Особенно это ясно проявлялось в отношении к военным. Армия была нужна олигархии для выполнения "грязной работы", которая должна прилично оплачиваться, но не больше. Такие взаимоотношения олигархии с военными объясняли причины, почему последние в подавляющем большинстве не являлись составной частью привилегированных эксплуататорских классов, как это было в ряде других латиноамериканских стран, например в Аргентине и Бразилии.

В этих странах, как уже отмечалось в предыдущих главах, немало высших офицеров занимали посты в директорских советах многих крупнейших частных компаний и акционерных обществ, как национальных, так и иностранных. В Перу дело обстояло иначе. Между военными и олигархической элитой не было, по сути дела, каких-либо прочных "структурных" связей. Так, из 630 директоров-руководителей крупнейших фирм и предприятий в Перу (данные на 1963 г.) только четверо были военными. Причем все они были назначены на эти посты президентским распоряжением или верховным командованием²⁵. Ни одного военного не было в руководстве Национального аграрного общества²⁶.

Большое значение для понимания эволюции позиций вооруженных сил имеет вопрос о взаимоотношениях военных с так называемыми партиями "среднего класса", т.е. теми, во главе которых были представители средних слоев.

В течение длительного времени одним из важных факторов, влиявших на политическую жизнь страны, были враждебные отношения между вооруженными силами и апристской парти-

---

²⁵ Einaudi L.R. and Stepan A.C. Latin America Institutional Development. Changing Military Perspectives in Peru and Brasil, p.42-43.

²⁶ Ibid., p.73.

ей (АПРА) ²⁷. По своей политической сущности АПРА была партией национал-реформистского типа, которая в дни своей "молодости" щеголяла показным радикализмом, охотно апеллировала к антиимпериалистическим лозунгам, хотя и тогда эта мелкобуржуазная националистическая партия занимала, по сути дела, не революционные, а реформистские позиции, была не прочь подвести "теоретическую базу" под сотрудничество с империализмом ²⁸. В то же время антиолигархическая направленность программы апристов предопределяла враждебное отношение к ней со стороны олигархии, которая не раз прибегала к репрессиям против партии.

Олигархия небезуспешно стремилась использовать в борьбе с АПРА вооруженные силы, которые занимали открыто враждебные позиции в отношении апристов. Эта вражда восходила еще к началу 30-х годов, когда в 1932 г. апристы расстреляли во время восстания в городе Трухильо несколько десятков офицеров. Немалую роль сыграло и то, что апристы скатывались, если использовать высказывание основателя Перуанской коммунистической партии Хосе Карлоса Мариатеги, на путь "грубейшей", "истеричной", "антимилитаристской" пропаганды, игнорируя патриотические военные традиции ²⁹. "Антимилитаризм" апристов, однако, не мешал им вести работу в армии, чтобы привлечь часть военных на свою сторону, оделать их активистами партии. Эта деятельность еще больше уугубляла враждебность вооруженных сил, которые умахивали в ней попытки со стороны апристов разложить армию изнутри.

Все эти обстоятельства объясняют причины существования

---

²⁷ Народно-революционный альянс Америки (АПРА) был создан в 1924 г. перуанскими мелкобуржуазными деятелями во главе с Айя де ла Торре как континентальное движение; в начале 30-х годов он конституировался как перуанская политическая партия.

²⁸ См. подробнее статью "Мариатеги и антиимпериалистическое освободительное движение" в книге "Хосе Карлос Мариатеги. Пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке". М., 1966.

²⁹ Mariategui J.C. Obras completas, vol.I. Lima, 1959, p.29.

в течение длительного времени своего рода "единого фронта" олигархии с армией в борьбе с апризмом. Причем олигархические круги небезуспешно использовали вражду военных к апристам, чтобы восстановить армию против левых сил, коммунистов, отождествляя компартию с АПРА. Однако постепенно эту точку зрения разделяло все меньше военных.

Диалектика развития социально-экономических процессов в стране, изменения в самой армии приводили к тому, что если в ней усиливалооь антиолигархические и антиимпериалистические настроения, то в апристской партии происходили изменения иного порядка. В ней все больше укреплялись соглашательские тенденции в отношении к империализму, олигархии, что придавало программным установкам АПРА консервативный, характер. Это проявлялось, в частности, в том, что к началу 60-х годов апристы установили тесную связь с олигархическими политическими группировками, прежде всего с Национальным союзом одристов, объединявшим сторонников бывшего диктатора генерала Одриа.

В то же время изменение позиций военных приводило к тому, что их антиапристские настроения все теснее связывались с осознанием необходимости антиолигархических перемен в стране. Для апристов же, которые взяли на вооружение концепции "контрреволюционной", "антипартизанской" войны, на первый план все больше выдвигались задачи борьбы с "международным коммунизмом". На этот путь они пытались толкнуть вооруженные силы.

Иной была позиция военных в отношении ряда новых партий, появившихся на политической арене к началу 60-х годов. Если до середины 50-х годов в Перу существовала фактически только апристская партия, рекламировавшая свою "реформистскую" политику, то вскоре начали возникать новые политические партии и объединения (партия Народное действие, христианско-демократическая партия и др.), которые быстро пополняли свои ряды за счет средних слоев.

В какой-то степени этот интенсивный приток свежих сил объяснялся отсутствием "социальной мобильности" в рядах ап-

ристов, многолетним господством на ключевых позициях "старой гвардии", которая превратилась в "закрытую группу", не допуская пришельцев извне. Но главной причиной была консервативная проимпериалистическая политика партии, ее соглашательская позиция в отношении олигархии и крупной буржуазии, что вызвало недовольство у радикализирующейся части средних слоев. "Потому, - пишет перуанский социолог Хулио Котлер, - новые группы специалистов, инженеров, интеллигенции, которые вышли на политическую арену в середине 50-х годов, имели два весьма важных повода не вступать в апристскую партию: ее оделки с буржуазией и неспособность придать мобильность своей внутрипартийной жизни"³⁰.

Антиапризм руководства этих политических партий был уже в определенной степени залогом терпимого к ним отношения со стороны военных. Главная же причина такой позиции армии объяснялась тем, что с этими партиями, особенно с Народным действием, связывались надежды на осуществление в стране социальных преобразований.

Первый опыт пребывания армии у политической власти: в поисках новой военно-политической доктрины.

Исключительно большую роль в переходе вооруженных сил Перу на антиолигархические, антиимпериалистические позиции сыграл Центр высших военных исследований (КАЭМ), созданный в 1950 г. Характеризуя его роль в эволюции перуанской армии, генерал Веласко Альварадо, выступая перед выпускниками центра в декабре 1969 г., подчеркнул: "Когда почти двадцать лет назад был создан Центр высших военных исследований, произошло, на первый взгляд, ничем особенно неприме-

---

³⁰ Revista mexicana de Sociología. México, 1970, N 3, p.753.

чательное событие, а на деле событие чрезвычайно важное для Перу и вооруженных сил страны. Действительно, когда это произошло, мы, люди, одетые в военную форму, начали трудный, но необходимый процесс сознательного переосмысления своей традиционной роли в истории страны.

События, которые сейчас происходят в нашей стране, нельзя правильно объяснить без учета этого исторического факта, поскольку он сыграл решающую роль в формировании ясного и обновленного патриотического сознания у тех из нас, кто впоследствии взял на себя ответственность возглавить опасительный и глубокий процесс интегральных преобразований, которые составляют суть и смысл этой победоносной националистической революции, начатой вооруженными силами Перу 3 октября 1968 г. Поэтому, когда будет воссоздаваться история этого времени, будущие историки бесспорно назовут создание КАЭМ важнейшим фактором в развитии вооруженных сил и решающим этапом в процессе глубоких изменений нашей родины"³¹.

Созданный в июле 1950 г. Центр высших армейских исследований, переименованный в 1954 г. в Центр высших военных исследований³², первоначально ставил довольно скромные задачи по модернизации военного образования путем отхода от традиционного обучения офицеров вопросам тактики, связанным преимущественно с проблемами национальной обороны.

Перед центром ставилась задача пропагандировать перуанскую военную доктрину и способствовать ее усовершенствованию и модернизации. В тесной связи с этим выдвигалось требование изучения основных проблем обороны страны и их взаимосвязи с общими национальными проблемами. Сама по себе такая постановка вопроса представляла определенное новшество в обучении перуанского офицерского корпуса. Как показала

³¹ Velasco. La voz de una revolución. Discursos, p.175.

³² Такое преобразование было вызвано необходимостью включить в число слушателей не только представителей сухопутных вооруженных сил, но и военно-морского флота, авиации, а также полиции. В состав слушателей зачислялись и гражданские лица.

дальнейшая эволюция КАЭМ, именно такой комплексный подход был положен в основу разработки новой военной доктрины.

Сама структура КАЭМ, его цели способствовали разработке и кристаллизации этой доктрины. КАЭМ по своим задачам и методам обучения принципиально отличался от обычных высших военных учебных заведений. Он прежде всего ставил целью вести исследовательскую работу, развить навыки к этой работе у своих слушателей, которые должны были научиться применять полученные знания на практике. Подбор слушателей производился очень тщательно. Обычно отбирались наиболее способные офицеры рангом, как правило, не ниже полковника, а также гражданские лица из представителей государственной администрации, высококвалифицированных специалистов. Курс обучения длился один год. Динамику роста числа выпускников КАЭМ (по пятилеткам) можно проследить по следующим данным.

Контингент слушателей	1951-1955	1956-1960	1961-1965	1966-1971	Всего
Сухопутные силы	50	49	48	78	225
Военно-морской флот	0	10	11	21	42
Военно-воздушный флот	6	6	9	18	39
Полиция	0	9	17	8	34
Гражданские лица	2	33	43	65	143

И о т о ч н и к : Estrategia, 1973, N 22, p.58.

Работа КАЭМ ориентировалась на тесную взаимосвязь в изучении чисто военных проблем с социально-экономическими и политическими проблемами национальной действительности. На открытии первого учебного цикла КАЭМ в 1951 г. первый

его руководитель генерал Хосе дель Кармен Марин подчеркнул неразрывную связь этих двух компонентов: "Как исходный потенциал вооруженных сил, так и поддержание их боеоспособности в ходе военного конфликта непосредственно зависят от духовных и материальных сил и от того, в какой степени эти силы приспособлены к удовлетворению военных требований" ³³.

В 1953 г. в работе, посвященной исследованию факторов, обеспечивающих организацию успешной национальной обороны, Марин обращал внимание на необходимость стимулировать развитие и укрепление национального потенциала ³⁴. Хотя в выступлениях первого директора КАЭМ все проблемы рассматривались преимущественно с позиций традиционной концепции национальной обороны, по сути дела, обращение к проблемам исследования действительности, национального потенциала в единстве его социально-психологических и экономических компонентов открывало для перуанской военной теоретической мысли новые горизонты.

В 1959 г. другой директор КАЭМ генерал Ромеро Пардо в качестве одного из основных факторов успешной организации национальной обороны выдвинул задачу достижения "всеобщего благосостояния", которое, по его словам, немислимо без ликвидации "низкого уровня жизни, неграмотности, антисанитарии и т.д.", а это возможно путем "экономического и социального развития нации" ³⁵.

В этом же выступлении генерал Пардо сделал попытку углубить концепцию национальной обороны, отойти от ее традиционной интерпретации, вводя понятие "интегральной безопасности", которая связывалась с правом Перу распоряжаться своей собственной судьбой без подчинения интересам какой-либо другой державы ³⁶.

³³ Oiga, 1973, 9 febr., p.23-24.

³⁴ Ibid., p.24.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

Все большая ориентация КАЭМ на изучение национальной действительности требовала совершенствования учебного процесса, расширения оферы исследовательской работы. К началу 60-х годов в учебных программах центра увеличилось количество "гражданских" дисциплин. В КАЭМ изучались политическая экономия, социология, философия, конституционное право и многие другие предметы. Изучение общетеоретических вопросов тесно увязывалось с исследованием и анализом роли вооруженных сил в политической жизни и социально-экономическом развитии страны.

Введение многочисленных социально-экономических и политических дисциплин потребовало расширения контингента преподавателей. Среди них были люди патристических, прогрессивных воззрений, которые подводили слушателей к пониманию необходимости глубоких изменений в стране. Они приносили в военную среду настроения социального протеста, все более проявлявшиеся в стремлении к антиимпериалистическим преобразованиям, которое усиливалось в перуанском обществе. Именно в то время все больший размах принимало общенациональное, патристическое движение в защиту природных богатств, прежде всего нефти. Так, в течение 1963 г. один из преподавателей КАЭМ Мигель Ривас прочел курс лекций на тему "Национальные цели и методология их разработки". В своих лекциях он обосновывал тезис о необходимости изменения социальных структур, причем интерпретировал эту проблему с радикальных позиций. "Но процесс изменения структур, - говорил Ривас, - не означает просто их постепенную модернизацию с согласия наиболее мощных на иерархической лестнице групп, стремящихся уменьшить социальную напряженность. В действительности же речь идет о слаборазвитых странах, прежде всего о структурных переменах, о замене одних структур другими"³⁷. Что же касается "национальных целей", подчеркивал Ривас (а к ним он относил ликвидацию отживших социально-экономических структур) то они не совпадают с "политическими целями", которые

---

³⁷ Estrategia, 1973, N 22, p.65.

защищала правящая олигархическая группировка, заинтересованная в сохранении статус-кво ³⁸.

Под влиянием прогрессивно настроенных преподавателей в КАЭМ даже самые революционные идеи изучались без предвзятости, в обстановке оживленных дискуссий, свободных обсуждений.

Вспоминая о своей учебе в КАЭМ, один слушатель из числа гражданских лиц отмечал, что его поразили организация учебного процесса и творческая атмосфера, которая характеризовала лекции, семинары. "В стенах КАЭМ впервые в своей жизни я услышал из уст военного слова: "Идеи не навязываются силой, они только предлагаются" ³⁹.

Перуанские военные, прошедшие курс обучения в КАЭМ, впоследствии говорили о его огромном влиянии на рост их патристического, антиимпериалистического сознания. Не случайно многие из бывших слушателей не только приняли самое активное участие в свержении правительства Белаунде Терри, но и заняли ответственные посты после прихода к власти военных ⁴⁰.

Правящая олигархия не без опасения следила за патристической деятельностью КАЭМ. В начале 60-х годов премьер-министр Бельтран, один из наиболее типичных представителей перуанской олигархии, пытался воспрепятствовать "опасным" исследованиям КАЭМ под предлогом, что они-де выходят за рамки чисто профессиональных задач, которыми должны заниматься военные ⁴¹.

Ужесточение позиций олигархии в отношении КАЭМ являлось следствием ее растущих противоречий с военными. Пози-

---

38 Estrategia, 1973, N 22, p.65.

39 Oiga, 1970, 8 mayo, p.18.

40 Из 13 человек, входивших в первый состав военного правительства, только двое не учились в КАЭМ. - Villanueva V Nueva mentalidad militar en el Perú?, p.276.

41 Oiga, 1973, 9 febr., p.24.

зация вооруженных сил во время президентских выборов 1962 г. и военный переворот в июле этого же года продемонстрировали усиление противоречий между армией и олигархией.

Господство латифундизма в деревне, иностранных монополий в промышленности и ряде отраслей сельского хозяйства, следование в фарватере США в области внешней политики — все это остро противоречило насущным потребностям развития страны. В Перу наблюдалась резкая поляризация сил. В таких условиях проходили выборы 1962 г. Основная борьба на выборах развернулась между Айа де ла Торре (АПРА), Одриа (Национальный союз одристов) и Белаунде Терри (Народное действие). Левые были представлены кандидатурами генерала Пандо (Фронт национального освобождения) и Луисано Кастильо (социалистическая партия).

Ни один из трех основных кандидатов не получил абсолютно-го большинства на выборах, и поэтому окончательное решение должен был вынести конгресс. В результате закулисных переговоров апристы вступили в сделку со сторонниками генерала Одриа и не возражали против поддержки его кандидатуры в президенты. Занимаясь за спиной народа предвыборными махинациями, олигархические и соглашательско-реформистские круги в определенной степени рассчитывали на нейтралитет вооруженных сил, на их "аполитичность". Накануне выборов апристские лидеры начали вновь заигрывать с армией, обещая военным военные блага, если партия придет к власти. Разжигая антикоммунистическую истерию, апристы надеялись с ее помощью привлечь на свою сторону армию. Выступая с изложением своей предвыборной программы, Айа де ла Торре, в частности, заявил, обращаясь к военным: "Вооруженные силы и АПРА объединены в защите интересов нации единым идеалом решительной и неустанной борьбы против коммунизма, который стремится разрушить основы западной цивилизации в латиноамериканских странах"⁴².

Однако эти расчеты использовать вооруженные силы в своих целях не оправдались; 18 июля 1962 г. военные объявили

⁴² La Tribuna. Lima, 1962, 2 jul.

президенту Мануэлю Прадо, что он низложен. К власти пришла военная хунта в составе 13 человек во главе с дивизионным генералом Рикардо Пересом Годоем, представлявшим сухопутные вооруженные силы. Членами военной хунты были также назначены представители военно-воздушных и военно-морских сил. Таким образом, это был "институционный" военный переворот, от имени вооруженных сил в целом, что даже по форме заметно отличало его от предшествующих промунсиамьенто.

Приход к власти военной хунты имел очевидную антиолигархическую направленность, поскольку имел целью не допустить к власти олигархические круги в лице его представителя генерала Одриа⁴³. В то же время он шел вразрез и с планами правящих кругов США, рассчитывавших с помощью апристов осуществить в Перу программу "Союз ради прогресса". Не случайно правительство США и конгресс быстро отреагировали на военный переворот в Перу, временно прекратив экономическую "помощь" стране, отказав хунте в дипломатическом признании. В свою очередь апристы, отбросив демагогическое заигрывание с вооруженными силами, открыто обвинили военную хунту в поощрении деятельности "международного коммунизма"⁴⁴.

Оппозиция олигархии и ее союзников военной хунте обьяснялась в первую очередь тем, что в своей политике военный режим не проявлял ошого рвения сохранить социальный статус-кво. Уже первые шаги военной хунты характеризовались стремлением к политике социальных реформ. Военное правительство осуществило ряд позитивных мероприятий в области трудового законодательства. К ним относятся установление гарантированного минимума зарплаты в национальном масштабе, ограничение права предпринимателей увольнять рабочих и служащих, создание национальной комиссии для определения минимального

---

⁴³ Payne A. The Peruvian Coup d'Etat of 1962: The overthrow of Manuel Prado. Washington, 1968, p.77; C.Howes Beas. Fundamentos ideológicos de la Revolución Peruana. Lima, 1973, p.45.

⁴⁴ La Tribuna, 1962, 2 jul.

жизненного уровня трудящихся и ряд других мер социального характера.

Среди социально-экономических акций военной хунты особое значение имело введение прямых налогов на прибыли компаний и лиц с доходом свыше 100 тыс. солей. Это решение затронуло интересы иностранных компаний, а также местных латифундистов и крупных капиталистов. Был введен специальный налог на лов сардины, основного сырья для производства рыбной муки — самой прибыльной сферы приложения национального капитала, что ущемляло интересы местной буржуазии.

Военная хунта приступила к созданию организаций по планированию, основав специальный Национальный институт планирования, который вместе с Советом экономического и социального развития должен был определять главные направления экономической и социальной политики правительства, разрабатывать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные планы развития.

Большое внимание обратило военное правительство на разработку нового аграрного закона, который был опубликован в конце 1962 г. Впервые в истории страны устанавливался принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель с целью их распределения среди безземельных и малоземельных крестьян, если эти земли не обрабатывались непосредственно самим владельцем, неэффективно эксплуатировались или составляли большую часть сельскохозяйственных угодий в той или иной зоне страны. Закон рекомендовал крестьянам создавать кооперативы для более эффективного производства и сбыта своей продукции⁴⁵.

Однако к началу 1963 г. реформаторская деятельность военной хунты заметно затормозилась, особенно после ухода в отставку генерала Переса Годоя (3 марта 1963 г.) и его замены на посту председателя хунты генералом Линдлеем, что было следствием обострения противоречий в армии. Хунта от-

---

⁴⁵ La ley de bases para la reforma agraria. Lima, 1962, p. 11-19.

менила ряд налогов, затрагивавших интересы олигархических кругов. Эти действия правительства были оценены крупной буржуазией как "благотворная налоговая мера" ⁴⁶.

В начале 1963 г. военная хунта под предлогом раскрытия в стране "коммунистического заговора" ввела временное осадное положение, произвела многочисленные аресты. Хотя довольно скоро произошло постепенное ослабление антидемократических мер и большинство политзаключенных было освобождено, трудности, с которыми сталкивалась в своей политике военная хунта, становились все более серьезными.

Противоречивость политики военной хунты в первую очередь объяснялась отсутствием единства в рядах вооруженных сил относительно путей развития страны, глубины и масштабов социальных преобразований. Это открыто признал Перес Годой в своем заявлении прессе после прихода к власти: "Мы, генералы, совершили этот переворот, поскольку в противном случае его совершили бы полковники, которые симпатизируют Насеру, или же более младшие офицеры, которые стремятся подражать Фиделю Кастро" ⁴⁷.

Вскоре после военного переворота довольно явственно обнаружилось противоречия в рядах вооруженных сил. Наиболее активным выразителем устремлений радикально-националистически настроенных офицеров был генерал Хуан Боусио, бывший руководитель военной разведки, ставший министром внутренних дел. Именно ему принадлежат ставшие широко известными слова: "Мы не должны быть цепным псом на службе у олигархии". Однако попытки генерала и его сторонников придать политике военной хунты более радикальную направленность окончились неудачей из-за сопротивления высшего командования, которое вынудило его уйти в отставку.

Другая группировка в вооруженных силах, к которой принадлежал Перес Годой, занимала центристские позиции. Не от-

⁴⁶ Villanueva V. Un año bajo el sable. Lima, 1963, p.241.

⁴⁷ Morales V.H. Capitán de corbeta. Del portañazo al Perú, p.178.

казываясь от социальных преобразований, она в то же время не хотела их форсировать, стремясь сначала упрочить свое положение. Эта группировка, видимо, ориентировалась на более или менее длительное пребывание вооруженных сил у власти.

Пожалуй, наиболее многочисленной была та группировка военных, которая выступала под лозунгом сохранения единства армии как профессионального института, за "конституционный" выход из кризиса при сохранении за армией функций своеобразного арбитра в политической жизни. Среди приверженцев последней тенденции было немало прогрессивно мыслящих офицеров, которые, являясь сторонниками широких социальных преобразований, считали, однако, что они должны осуществляться не военным режимом, а конституционно избранным правительством. Некоторые из этих офицеров уже прошли курс обучения в КАЭМ, познакомились с основными принципами создаваемой доктрины "национальной безопасности".

Во время пребывания у власти военные столкнулись со многими проблемами, требовавшими безотлагательных решений. Порожденные всей системой социального неравенства, эти проблемы дали возможность перуанским военным на личном опыте убедиться в истинных причинах классовых противоречий и антагонизмов, глубже разобраться в механизме эксплуатации. Опытным полем в этом смысле стали для военных районы Конвенсьон и Ларес департамента Куско, где к началу 60-х годов образовался запутанный узел острых социальных противоречий. В ответ на усиление эксплуатации со стороны латифундистов сельские трудящиеся этого района усилили борьбу за землю, начали создавать свои организации. Деятельность властей была здесь фактически парализована.

Военное правительство в спешном порядке разработало "Чрезвычайный план", который предусматривал ряд срочных социальных мер, в том числе решение аграрного вопроса. В короткие сроки план был осуществлен, что дало желаемые результаты. Участие военных в реализации этого плана сыграло заметную роль в изменении их сознания, так как они на практике столкну-

лись с острейшими проблемами национальной действительности.

Большой интерес представляет в этой связи отчет военного координатора по проведению в жизнь плана, сотрудника военной разведки подполковника Гальегоса Венеро, опубликованный в 1963 г.⁴⁸ В этом документе можно встретить рассуждения об угрозе Перу со стороны "международного коммунизма", о необходимости остановить "продвижение марксизма", т.е. набор стереотипов, относящихся к доктрине "контрреволюционной войны". Однако главное место в отчете занимал серьезный, трезвый анализ причин обострения социальных противоречий в районах Конвенсьон и Ларес. Гальегос Венеро детально описывал тяжелое, бесправное положение крестьян, подробно и со знанием дела характеризовал методы и формы эксплуатации трудящихся латифундистами и их припешниками. Вывод, сделанный им, прозвучал как обвинение в адрес перуанской олигархии: "Плохое питание населения, отсутствие необходимого количества школ, недостаточное внимание к проблемам здравоохранения, некомпетентные представители властей, которые нередко становились на службу могущественным латифундистам, а также отсутствие у последних социальной справедливости и элементарной человечности — все это создало идеальные условия для социального взрыва..."⁴⁹

В отчете указывалось, что социальные преобразования, намеченные военным правительством, встречали ожесточенное сопротивление со стороны помещиков, их агентуры⁵⁰. Документ проникнут явной симпатией к крестьянским массам, в нем чувствуется понимание справедливости их борьбы. Военный координатор настойчиво подчеркивал необходимость завоевать до-

---

⁴⁸ Энрике Гальегос Венеро после прихода к власти правительства вооруженных сил стал дивизионным генералом, одно время занимал пост министра сельского хозяйства.

⁴⁹ Oiga, 1973, 9 mar., p.7.

⁵⁰ Ibid., p.48.

верие крестьян, поскольку "ничего нельзя сделать без поддержки масс".

В этом отчете представитель перуанских вооруженных сил пришел к важным политическим выводам на основе анализа конкретной социальной ситуации в отдельном районе страны.

Примерно в то же время появились другие документы, где изменения в позиции военных были сформулированы более обобщенно, теоретически.

Исключительный интерес представлял документ "Государство и основная направленность его политики: определение национальных целей", разработанный группой слушателей КАЭМ. В нем развивался важный тезис о господстве в капиталистических странах монополистического финансового капитала, который определяет жизнь этих стран, овладевает основными источниками сырья, подчиняя своим интересам страны Латинской Америки⁵¹. Поправление интересов латиноамериканских стран привело к тому, подчеркивали авторы документа, что кубинский народ восстал против такого нетерпимого положения вещей, и это является "примером большой исторической значимости, которому другие ибероамериканские нации, страдающие от нищеты и несправедливости, стремятся следовать"⁵².

В документе резко критиковалась политика США в Латинской Америке и делался вывод, что "на самом деле североамериканская политика "добраго соседа" и политика "Союза ради прогресса" превратились еще в одно из многих средств империалистического давления"⁵³.

Характеризуя истинных вершителей судеб Перу, авторы документа пришли к следующему выводу: "Горькая и неприкрытая правда состоит в том, что в Перу реальная сила принадлежит не исполнительной, законодательной или судебной власти или избирателям, а латифундистам, экспортерам, банкирам

---

51 Estrategia, 1973, N 22, p.63.

52 Ibid., p.64.

53 Ibidem.

и американским вкладчикам" ⁵⁴. В исключительном подлинном виде предложений по социальным преобразованиям в отрасли. Авторы настаивали на проведении аграрной реформы, на повышении уровня жизни народных масс, коренных изменениях в структуре государства ⁵⁵.

Хотя этот документ по причине его радикализма был сразу же изъят из обращения, сам факт его появления свидетельствовал о напряженных поисках все большего числа военных в направлении создания новой перуанской военной доктрины с ее антиолигархической и антиимпериалистической направленностью.

Кризис режима «представительной демократии» и вооруженные силы

Причины, которые побудили военную хунту передать власть Белаунде Терри, победившему на выборах 1963 г., неоднозначны. Значительную роль в этом сыграло отсутствие у военной хунты ясных перспектив дальнейшего развития страны, что в немалой степени объяснялось наличием серьезных противоречий между различными течениями в вооруженных силах.

В условиях отсутствия единства по коренным вопросам дальнейших путей развития страны кандидатура Белаунде Терри казалась перуанским военным наиболее приемлемой. Военным не могла не импонировать программа реформ, которую обещал проводить в жизнь лидер партии Народное действие, его апелляция к национальным духовным ценностям, декларации об освобождении эксплуатируемых индейских масс. Гарантию того, что эта программа будет проводиться в жизнь, военные видели в антиолигархических высказываниях кандидата в президен-

---

⁵⁴ Estrategia, 1973, N 22, p.64.

⁵⁵ Ibidem.

ты и его сторонников, их заверениях о решимости проводить политику в интересах обездоленных.

Многие прогрессивно настроенные военные верили, что прогресс страны еще возможен в рамках "представительной демократии", которая проложит путь от формальной демократии к обществу социальной справедливости. Впоследствии Фернандео Мальдонадо в интервью чилийскому журналу "Эрсилья", разъясняя причины такой позиции вооруженных сил, отмечал: "Мы надеялись на проведение в жизнь правительственной программы Белаунде Терри. Поэтому в 1963 г. мы его поддержали и предложили тесное сотрудничество"⁵⁶. Оказывая поддержку правительству Белаунде Терри, перуанские военные рассчитывали добиться осуществления социальных преобразований без захвата политической власти, путем оказания давления на режим "представительной демократии".

Прошло не так много времени после прихода к власти правительства Белаунде Терри, и военные, по их собственному признанию, убедились в нереальности своих надежд на преобразование страны.

Годы президентства Белаунде Терри характеризовались дальнейшим обострением классовых противоречий. Правда, провозглашение в стране урезанной аграрной реформы, некоторых других социальных реформ на недолгий срок породило иллюзии у крестьянских масс и других слоев трудового населения, привело к временному спаду их борьбы. В то же время даже эти верхушечные и робкие реформы вызвали ожесточенное сопротивление олигархии, которая обвиняла правительство в поощрении "коммунистического проникновения" в страну. Реакционеры попытались восстановить армию против Белаунде Терри, перетянуть военных на свою сторону. На съезде своей партии в де-

⁵⁶ Ercilla, 1969, 27 ag.-2 sept., p.50. О настроениях, царящих в тот момент, свидетельствует такой факт, что незадолго до истечения срока пребывания военной хунты у власти был проведен опрос о цели выяснения мнения в армии относительно возможностей сохранения военного правления. Однако подавляющее большинство офицеров отвергло планы сохранения военного режима, учитывая настроения широких слоев населения в пользу кандидатуры Белаунде Терри.- См. Zimmerman Zavala A. El Plan Inca. Objetivo: Revolución Peruana. Lima, 1974, p.42.

кабре 1964 г. генерал Одриа заявил, что "масштабы коммунистического проникновения в правительство достигли тревожных размеров". Он обвинил правительство в "официальной поддержке коммунистов" и, обращаясь к офицерскому корпусу, заявил, что их священной обязанностью является защита "существующего строя и основных институтов республики"⁵⁷. Ответ военных не заставил себя ждать. Уже на следующий день объединенное командование опубликовало сообщение, в котором выражалось решительное несогласие с попыткой олигархии толкнуть армию на государственный переворот⁵⁸.

Кратковременный период социального реформаторства омёнился отказом от преобразований, и прежде всего, в области аграрной реформы. Немалую роль здесь сыграло непрекращающееся давление на правительство правых сил, главным образом апристско-одристского блока в парламенте, который занимал обструкционистскую позицию в отношении любых шагов правительства в области социальных преобразований. Да и само правительство Белаунде Терри, правящая партия Народное действие не могли выйти за рамки политики урезанного, робкого реформизма, не ставили перед собой цели околько-нибудь глубоких преобразований отсталых социальных структур.

Нерешительность правительства Белаунде в осуществлении провозглашенных социальных изменений, в частности аграрной реформы, ограниченность, а иногда и отказ в проведении других преобразований вызвали недовольство народных масс. По стране прокатилась новая волна выступлений крестьян. Она свидетельствовала о том, что временное социальное затишье окончилось. В районах наибольших крестьянских волнений (департамент Куско) возникло партизанское движение, которым руководили представители некоторых левых группировок.

Неудачные попытки полицейских соединений разгромить

---

⁵⁷ Payne A. The Peruvian Coup d'Etat of 1962: The overthrow of Manuel Prado, p.78.

⁵⁸ Ibidem.

партизан заставили правительство, олигархию обратиться за поддержкой к вооруженным силам. Буржуазная пресса развернула невиданную по масштабам пропагандистскую шумиху о "коммунистической угрозе" в стране, о превращении Перу во "вторую Кубу". Олигархия беззащитно заигрывала с армией, льстила военным, призывая спасти "отечество". Одновременно буржуазная пропаганда запугивала военных перспективой уничтожения профессиональной армии, если в стране произойдет революция ⁵⁹.

"Пусть рейнджеры (специальные части), армия и военно-воздушные силы, — заявил в сенате один из представителей олигархии, обрушатся на партизан. Мы окажем им поддержку, поскольку мы не можем допустить, чтобы конституционный режим подвергался опасностям в результате саботажа, подрывных действий. Мы не можем позволить, чтобы страна попала в руки красных. Полумеры в данном случае неуместны" ⁶⁰.

Вооруженные силы не проявляли большого желания участвовать в подавлении народных выступлений. Еще меньше они верили льстивым заигрываниям олигархии. Их активное участие в подавлении партизанского движения объяснялось соображениями профессионального престижа, неизжитыми еще иллюзиями относительно "представительной демократии"; сыграли свою роль и антикоммунистические предрассудки. В то же время об антиолигархических настроениях военных свидетельствует тот факт, что офицеры, участвовавшие в борьбе с партизанами, получали от командования приказ "вставать всегда на сторону крестьянина в его столкновениях с помещиком" ⁶¹.

Однако результаты участия армии в антипартизанских операциях не оправдали расчетов олигархических кругов, их союз-

---

⁵⁹ Villanueva V. 100 años del ejército peruano: frustraciones y cambios, p.150-151.

⁶⁰ Astiz C.A. Pressure Groups and Power Elites in Peruvian Politics. Ithaca - London, 1969, p.157.

⁶¹ Villanueva V. 100 años del ejército peruano: frustraciones y cambios, p.153.

ников, надеявшихся на основе антикоммунизма связать военных круговой порукой ⁶².

Открыто заигрывали с вооруженными силами апристы. "Главным врагом вооруженных сил, — заявил в то время один из конгрессменов от АПРА, — является не АПРА, а коммунизм; коммунизм — также главный враг апристов. Следовательно, по элементарной математической логике, вооруженные силы и АПРА — естественные союзники во фронтальной борьбе с коммунизмом. Вот косвенный, но весьма весомый и эффективный результат партизанского движения, который находит свое выражение в неизбежном сближении апристской партии с вооруженными силами" ⁶³.

Иной урок извлекли из борьбы против партизан военные. "Антипартизанская война" не только не вызвала чувства ненависти к партизанам, а способствовала дальнейшему изменению в их настроениях и убеждениях, их поведению. Советский историк Н.С.Леонов, характеризуя эти сдвиги в позиции перуанских военных, пишет: "Во время пребывания в Перу в 1969 г. мне приходилось беседовать с некоторыми офицерами, которые принимали участие в подавлении движения 1965 г. Они рассказывали, что их очень интересовало, что же побуждало тех молодых людей, которые пренебрегали своей карьерой, оставили в Лиме обеспеченный родительский кров, идти почти на верную смерть в Анды, бросая вызов правительству. У многих офицеров тогда впервые появилось желание прочитать и понять содержание конфискованной у повстанцев литературы. Мне рассказывали про офицеров, которые, взяв для арестованных пищу, уходили тайком на целую ночь в сарай, где сидели захва-

⁶² Однако олигархия делала хорошую мину при плохой игре. После подавления партизанского движения парламент принял специальную декларацию, которая превозносила "героические действия вооруженных сил, заслуживавших самую глубокую благодарность нации". Представители олигархических кругов делали добровольные пожертвования на покрытие расходов по борьбе с партизанами.

⁶³ Villanueva V. ¿Nueva mentalidad militar en Perú?, p.165.

ченные партизаны, и вели с ними многочасовые беседы о причинах их недовольства, программе движения и т.д." 64.

Опыт антипартизанских действий позволял перуанским военным сделать вывод, что даже самые благие пожелания без серьезных социальных изменений не дадут возможность преодолеть недоверие, а то и враждебность к армии со стороны эксплуатируемых масс.

"Вполне очевидно, что именно в тот момент, — вспоминает Меркадо Харрин, — мы поняли, что репрессивные методы — не решение проблемы, и только путем глубоких структурных изменений можно покончить с бедами, укоренившимися в нашей стране. Иными словами, необходимо было ликвидировать причины этих бед" 65.

События 1965 г. ускорили формирование новой перуанской военной доктрины "национальной безопасности".

Особенно большое внимание военно-теоретическая мысль обращала в тот период на всестороннее обоснование положения о неразрывной связи "интегральной безопасности" со "всеобщим благосостоянием". Изучение динамичного единства этих двух компонентов доктрины позволило военным прийти к определенным и четким выводам о необходимости глубоких социальных преобразований, ликвидации экономической зависимости страны.

Процесс быстрой радикализации настроений в вооруженных силах, начавшийся в 60-х годах, не прошел незамеченным и для тех, кто стремился держать армию под влиянием военных доктрин, пронизанных духом антикоммунизма, конформизма в отношении существующего строя. Так, в изданном Пентагоном руководстве для американских военных по вопросам Перу, с нескрываемой тревогой отмечалась растущая оппозиция перуанских вооруженных сил существующему строю, говорилось о возможности их перехода на позиции "радикальных", "насильт-

---

64 Латинская Америка, 1971, № 4, с.91-92.

65 Oiga, 1971, 6 ag., p.17.

венных социальных изменений" ⁶⁶. "Во всяком случае, — делали довольно пессимистический, с их точки зрения, вывод авторы этого руководства, — существуют основания для сомнения относительно надежности и эффективности армии в случае, если она должна будет подавлять массовые забастовки в городских центрах или же индейские восстания в Сьерре" ⁶⁷.

Воспрепятствовать этой тенденции, по их мнению, можно было бы путем расширения "антикоммунистической доктринизации" перуанских вооруженных сил. Однако процесс в перуанской армии в сторону радикализации ее позиций все больше углублялся.

Нефтяная политика правительства Белаунде Терри ускорила этот процесс, дала толчок к решительным действиям военных руководителей. Одной из главных причин, предопределивших поддержку вооруженными силами кандидатуры Белаунде Терри, было его обещание в короткий срок решить нефтяную проблему в национальных интересах.

Вступив на пост президента, Белаунде Терри установил срок в 90 дней для решения этой проблемы. Так было на словах, а на деле вопрос бесконечно откладывался, его решение тормозилось в результате бесконечной бюрократической волокиты, сопротивления иностранных монополий, опирающихся на поддержку проимпериалистических сил в стране. Что же касается перуанских вооруженных сил, то они всемерно подчеркивали рядом своего рода символических актов свою патриотическую позицию. Так, в августе 1966 г. вооруженные силы продемонстрировали полную готовность взять под свой контроль деятельность "Интернашнл петролеум компани" (ИПК), заняв на 12 часов завод в Таларе под видом разработки плана отражения вражеского нападения ⁶⁸.

Наконец, летом 1968 г. был утвержден законопроект о национализации нефти, но он являлся чисто формальной акци-

⁶⁶ U.S.Army Handbook for Peru. Washington, 1965, p.644.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Comercio, 1966, 13 ag.

ей, поскольку правительство подписало с ИПК так называемый акт Талары, который фактически сохранял в руках американской компании основные рычаги экономического господства в стране.

Вооруженные силы заняли резко отрицательную позицию в отношении этой позорной антинациональной сделки. Со специальным заявлением выступил генерал Веласко Альварадо, глава объединенного командования вооруженных сил. Он недвусмысленно дал понять о негативном отношении военных к соглашению. В свое время, многозначительно заметил руководитель вооруженных сил, объединенное командование открыто выскажет свое мнение в отношении этого соглашения, "исходя из высших интересов нации"⁶⁹.

Решительное неприятие вооруженными силами политики Белаунде Терри связано в первую очередь со все углублявшимся социально-экономическим, политическим кризисом. Под нажимом олигархии и иностранных монополий правящие круги встали на путь инфляции, введения новых налогов, повышения цен. Пропасть между высокими доходами кучки привилегированных и бедственным положением основной массы населения катастрофически углублялась.

Глубокий социально-экономический кризис вызвал распад, прогрессирующую деградацию политической надстройки всей системы институтов "представительной демократии". Белаунде Терри непрестанно менял премьер-министров, состав кабинетов.

Президент и его окружение, по сути дела, стали пленниками парламента, где заправляли апристы и сторонники Одриа. В парламенте и правительственном аппарате орудовали так называемые "группы давления", которые толкали правительство вправо. Коррупция, беспринципные сделки становились нормой поведения членов правительства и конгрессменов. Государственный аппарат все больше становился неуправляемым.

---

⁶⁹ Villanueva V. ¿ Nueva mentalidad militar en Perú?, p.184.

Все тяжкие недуги перуанской "представительной демократии" поразили буржуазные и мелкобуржуазные партии, раздираемые глубокими противоречиями. Особенно очевидной стала политическая несостоятельность АПРА, которая открыто противодействовала разворачиванию освободительного движения в стране. Яркий антикоммунизм апристов, их восхваление деятельности иностранного капитала лишали партию какой-либо позитивной программы по вопросам внутренней и внешней политики, толкали на путь растлевающего каудильизма. Кризис надстройки привел к развалу коалиции правящих партий, выходу из нее христианско-демократической партии. Раскол произошел и в партии Народное действие.

Катастрофическое положение страны, стремление найти выход из кризиса поднимали на борьбу самые широкие слои населения. С требованием перемен выступали влиятельные круги католической церкви, представители студенчества, интеллигенции, рабочие и крестьянские организации. Энергичную деятельность по сплочению левых сил развернула Перуанская коммунистическая партия. Однако влияние в ряде массовых организаций, профсоюзов соглашательских реформистских элементов, сектантская позиция некоторых политических объединений препятствовали созданию прочного единства левых сил.

В Перу сложилось такое положение, когда лишь армия, в которой укреплялось патриотическое, прогрессивное течение, могла выступить как сила, способная начать процесс коренных изменений в стране. О позиции руководителей вооруженных сил к моменту прихода военных к власти лидер перуанских коммунистов Хорхе дель Прадо писал: "Они поняли, что будущее Перу и всего мира принадлежит не реакционным и консервативным силам, а революционным и прогрессивным"⁷⁰.

Характеризуя мотивы, побудившие военных действовать, Фернандес Мальдонадо в интервью чилийскому журналу "Эрсилья" говорил: "... произошло то же самое, что и много раз до этого, а именно: политические руководители предали народ и все

⁷⁰ Коммунист, 1973, № 13, с.112.

помыслы направили на защиту интересов привилегированных групп. Только тогда, когда мы почувствовали себя обманутыми в надеждах добиться благосостояния народа в рамках демократических форм правления, мы сочли своим патриотическим долгом действовать" ⁷¹.

Таковы были обстоятельства, при которых группа революционно настроенных военных во главе с командующим армией и руководителем объединенного командования вооруженных сил генералом Хуаном Веласко Альварадо решила начать разработку социально-политического плана на случай прихода к власти военных. Подготовка плана велась в строжайшем секрете небольшой группой особенно близких к Веласко Альварадо людей, известных своими революционно-демократическими убеждениями. В разработке плана, названного "План Инка", приняли участие руководители военной армейской разведки: полковники Энрике Гальегос Венеро, Леонидос Родригес Фигероа, командир подразделения войск особого назначения полковник Рафаэль Ойос Рубио, полковник Фернандес Мальдонадо.

Работа этой группы координировалась лично Веласко Альварадо, который опирался на поддержку ряда видных генералов, знавших о подготовке плана. В их числе были главный инспектор армии генерал Эрнесто Монтанья, генерал Меркадо Харрин - руководитель Центра военного обучения, генерал Арисуэнью Карнехо, командующий бронетанковой дивизией и др. Наряду с "Планом Инка" сторонники Веласко Альварадо приступили к разработке специального военного плана, намечавшего основные акции по захвату власти, и ряда других документов ⁷².

Сторонники Веласко понимали, что они выражают настроение значительной части офицерского корпуса, все больше убеждавшегося в необходимости коренных перемен. В то же время они отдавали себе отчет, что в сухопутных силах, и тем более

⁷¹ Ercilla, 1969, 27 ag.- 2 sept.

⁷² См. Zimmerman Zavala A. El Plan Inca. Objetivo: Revolución Peruana, p.43-46.

в других родах войск, существовали и иные настроения.

Их предварительное выяснение среди некоторых высших офицеров показало, что на поддержку последних нет основания рассчитывать. Так было, например, с начальником штаба армии генералом Александро Санчесом Саласаром, который занял негативную позицию в отношении планов военных-революционеров⁷³. О расстановке сил в армейском генералитете довольно ясно свидетельствовали результаты голосования, проведенного 11 сентября 1968 г. по настоянию Веласко Альварадо на совещании генералов по вопросу о нефтяном соглашении с ИПК, заключенном правительством Белаунде Терри. Из 36 генералов 29 осудили соглашение и только 7 его поддержали⁷⁴.

Подобного рода факты давали возможность революционно-демократически настроенным военным постепенно приобщать к своим планам, естественно, в пределах возможности и целесообразности, все большее число военнослужащих.

В сентябре 1968 г. подготовка военных к выступлению против прогнившего, соглашательского режима "представительной демократии" вошла в завершающую фазу. Основные положения "Плана Инка" были уже сформулированы, обсуждены и одобрены Веласко Альварадо. В большинстве своем завершилась подготовка и других документов, в том числе военного плана.

На этом этапе от военных-революционеров потребовались большие усилия по привлечению на свою сторону представителей офицерского корпуса. Позицию сторонников Веласко Альварадо поддержали многие влиятельные военные, среди которых были и командующие различными армейскими подразделениями, начальники ряда военных училищ. В подавляющем большинстве все они принадлежали к сухопутным войскам, поскольку командование военно-морским флотом и военно-воздушными силами в общем-то не было сторонником революционного выступления вооруженных сил.

---

⁷³ См. Zimmerman Zavala A. El Plan Inca. Objetivo: Revolución Peruana, p.44.

⁷⁴ Ibid., p.64.

Учитывая эти настроения, командующие военно-морскими и военно-воздушными силами не были поставлены в известность относительно готовившегося военного выступления против правительства Белаунде Терри. Однако руководители революционного выступления вооруженных сил заручились поддержкой ряда видных военных в этих родах войск.

3 октября 1968 г. вооруженные силы в бескровном государственном перевороте свергли правительство Белаунде Терри и захватили политическую власть.

Сразу же были опубликованы первые программные документы революционного правительства. Это были документы, проникнутые чувством глубокой обеспокоенности за судьбы страны. Их формулировки отличались от обычных стереотипных, шаблонных аргументов, которые, как правило, выдвигались представителями вооруженных сил, когда они захватывали власть в той или иной стране: сорвать заговор "международного коммунизма", установить "порядок" в стране и т.д. и т.п.

В "Манифесте революционного правительства" от 3 октября 1968 г. ясно говорилось, против кого выступили перуанские военные: "Мощные экономические силы, национальные и иностранные, в сообщничестве с недостойными перуанцами держат в своих руках политическую и экономическую власть, стремясь беззастенчиво пользоваться ее плодами, препятствуя народному стремлению осуществить основные структурные реформы. Они сохраняют несправедливый социальный и экономический строй, который дает возможность пользоваться национальными богатствами только привилегированным, в то время как массы страдают от бесправного положения, недостойного человеческой личности"⁷⁵.

Революционное правительство, говорилось далее в манифесте, приступит к осуществлению структурных преобразований в социальной, экономической и культурной областях, оно займет последовательную, твердую позицию защиты национальной

---

⁷⁵ Carnejo R.E. Velasco o el proceso de una revolución. Lima, 1969, p.97.

независимости и суверенитета ⁷⁶. В манифесте ясно выражалось глубокое разочарование перуанских военных институтами "представительной демократии", которая, по словам документа, не могла обеспечить благосостояния народа, покончить о социально-экономическим кризисом ⁷⁷.

Приход к власти военного правительства и ставил своей целью, как подчеркивалось в манифесте, изменить государственную структуру власти с целью осуществления глубоких социальных преобразований ⁷⁸.

Другой документ "Статус революционного правительства", опубликованный в тот же день, ясно давал понять, что вооруженные силы пришли к власти не для того, чтобы расчищать путь очередному "демократическому", "конституционному" правительству, а для проведения в жизнь своей социальной программы. "Вооруженные силы, — подчеркивалось в статусе, — отражая волю граждан и сознавая неотложную необходимость положить конец экономическому хаосу, аморальности администрации, импровизации в ведении дел, капитулянтской политики в отношении природных богатств страны и их эксплуатации в интересах привилегированных групп, а также учитывая потерю авторитета и неспособность осуществить неотложные структурные реформы, которые необходимы для благосостояния перуанского народа, возлагают на себя полную ответственность во имя осуществления этих целей" ⁷⁹.

Главным документом, разработанным военными, естественно, был "План Инка". Однако в отличие от двух предыдущих, опубликованных сразу же после прихода к власти Революционного правительства вооруженных сил, он не был тогда обнародован из-за политических соображений, чтобы до поры до вре-

---

⁷⁶ Carnejo R.E. Velasco o el proceso de una revolución. Lima, 1969, p.98.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid., p.99.

мени полностью не раскрывать цели и задачи перуанской революции ⁸⁰.

В "Плане Инка" в сжатой форме определялись задачи и цели революции. Они были сформулированы так: "Революция вооруженных сил начнет процесс преобразования экономических, социальных, политических и культурных структур с целью создания нового общества, в котором перуанские мужчины и женщины жили бы в условиях свободы и справедливости" ⁸¹.

В плане выделялись основные области в экономической, социальной, политической, культурной жизни, где должны осуществляться структурные преобразования. Простое перечисление проблем в том порядке, как они излагались в плане, дает представление о широте охвата его авторами национальной проблематики. Он предусматривал коренные преобразования в области нефтяной промышленности, планирования, внешней политики, аграрной реформы.

Авторы плана вытупали за преобразование предприятий всех отраслей промышленности, торговли, транспорта, средств связи и массовых коммуникаций. Большое место уделялось изменению финансовой системы страны, исследованиям в области науки и технологии, реформе в области образования, жилищно-

---

⁸⁰ "План Инка" был официально объявлен президентом страны генералом Веласко Альварадо в послании к нации в связи с 153-й годовщиной завоевания Перу независимости. "Спустя более чем пять лет после начала революционного процесса в стране, - отметил Веласко Альварадо, - мы сочли возможным целиком опубликовать этот исторический документ. Много говорилось в течение всего этого времени нашими противниками, перуанскими и иностранными публицистами, относительно содержания этого плана, о чем существовании знали о самом начале революции. Высказывались в этой связи многочисленные предположения и соображения - нередко предвзятые и беспочвенные. Немало было людей, которые даже заявляли, что этого плана не было и в помине. Мы же всегда подчеркивали, что действия Революционного правительства вооруженных сил неизменно основывались на программе, опирающейся на долгосрочный, целенаправленный и устоявшийся план". - La Prensa, 1974, 29 jul.

⁸¹ La Prensa, 1974, 29 jul.

го строительства, здравоохранения, трудовых отношений, печати, положению женщины в обществе. План предусматривал активное участие народных масс в преобразованиях, реформу административно-политической системы страны.

Изложению конкретных мер по преобразованиям в каждой из этих областей предшествовал краткий анализ существующей ситуации, определение целей намечаемых реформ. Именно здесь с особой очевидностью проявилась революционно-демократическая направленность позиций авторов плана, их антиимпериалистические, антиолигархические и даже антикапиталистические настроения. Так, в разделе о нефтяной промышленности говорится о засилье иностранного капитала в этой отрасли национальной экономики, ее превращении в заповедное поле деятельности "Интэрнэшнл петролеум компани". Затем определяется цель преобразования, которая, по словам авторов плана, состоит в установлении полного государственного контроля над нефтяной промышленностью. Среди конкретных мер для достижения этой цели предусмотрены такие, как национализация собственности ИПК, создание сильной централизованной государственной организации в этой отрасли экономики и ряд других⁸².

Характеризуя состояние горнодобывающей промышленности, авторы плана отмечали, что эксплуатация, переработка и сбыт горнорудных богатств находится в руках крупнейших иностранных компаний. Целью новой политики в этой отрасли является установление над ней максимального государственного контроля. Для достижения этой цели предусматривалась передача в руки государства эксплуатации наиболее крупных месторождений горнорудных богатств, их переработки и сбыта⁸³.

При оценке положения в области аграрных отношений авторы плана констатировали огромную концентрацию земли в руках немногих, господство латифундизма, безземелье подавляющего большинства сельских тружеников. Оценивая аграрную

---

⁸² La Prensa, 1974, 29 jul.

⁸³ Ibidem.

политику господствующих классов, создатели плана подчеркивали, что она оставляла вне сферы действия аграрной реформы крупные скотоводческие хозяйства в Сьерре и аграрно-промышленные комплексы на Косте.

В разделе об аграрных преобразованиях подчеркивалась необходимость трансформации аграрной структуры с целью скорейшего создания такой системы землепользования, которая основывалась бы на принципе "Земля тем, кто ее обрабатывает".

Среди конкретных акций в этом направлении предусматривалось осуществление аграрной реформы на всей территории страны безо всякого исключения, что означало, как подчеркивалось в плане, экспроприацию аграрно-индустриальных комплексов на побережье ⁸⁴.

В разделе о преобразованиях в области промышленности отмечалась крайняя ее отсталость, деформированность, тенденции к ее монополизации в руках немногих, зависимость от крупных иностранных монополий. Целью преобразований объявлялось "постоянное и автономное промышленное развитие, которое способствовало бы подлинной экономической самостоятельности и социально-экономическому развитию страны".

План предусматривал в качестве первоочередных конкретных мер обеспечение активного и динамичного участия государства в индустриальном развитии, обеспечение его исключительного права на руководство базовыми отраслями промышленности ⁸⁵. Важное место в преобразованиях экономики отводилось изменению функций предприятий, роли трудящихся. В плане подчеркивалось, что существующая в стране структура предприятий ориентирована на приоритет капитала в ущерб положению трудящихся.

Главная цель реформы должна была состоять в таких преобразованиях, в результате которых рабочий смог бы участво-

---

⁸⁴ La Prensa, 1974, 29 jul.

⁸⁵ Ibidem.

вать в управлении предприятиями, что включало бы право на получение прибыли, контроль над собственностью. В качестве одного из основных шагов для достижения этой цели предусматривалось создание "трудовой общины"⁸⁶.

Большое место в плане уделялось вопросам культуры, образования. Характеризуя катастрофическое положение в последнем, авторы плана отмечали, что существующая система образования сознательно ориентирована на то, чтобы держать в невежестве огромные массы трудящихся с целью более эффективной их эксплуатации.

Важнейшей целью реформы в этой области выдвигалось "создание системы образования в интересах всего народа, которая сумела бы обеспечить всестороннее формирование людей, столь необходимое для нового перуанского общества". В плане предусматривалось предоставление права на образование всем без исключения перуанцам, придание обучению трудовой направленности, постепенный переход к бесплатному образованию⁸⁷. "План Инка" заканчивался разделом, где определялись задачи вооруженных сил в революционных преобразованиях. "Вооруженные силы как инициаторы перуанской революции и ее основная опора будут осуществлять руководство процессом изменений, пока он не станет необратимым"⁸⁸.

Уже первые акции Революционного правительства вооруженных сил свидетельствовали о том, что оно полно решимости сразу же начать осуществление основных положений "Плана Инка".

Первым шагом военного правительства в области социального, антиимпериалистического реформаторства явился декрет от 9 октября 1968 г. о национализации собственности "Интернэшнл петролеум компани". В "Плане Инка" национализация собственности этой монополии стояла на первом месте в ряду за-

⁸⁶ La Prensa, 1974, 29 jul.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Ibidem.

дач борьбы за достижение экономической самостоятельности страны. В этот день подразделения перуанской армии заняли территорию нефтепромыслов, установили над ней национальный контроль.

В послании к нации президент Веласко Альварадо заявил, что эта акция означает начало проведения в жизнь революционным военным правительством его программы ⁸⁹. "Революция развивается, и это наполняет наши сердца радостью и должно вызвать чувство национальной гордости. История воздаст должное этой борьбе вооруженных сил и перуанского народа. Мы уверены, что будущие поколения будут отмечать этот день, когда была восстановлена справедливость, как день национального достоинства" ⁹⁰.

Правительство вооруженных сил, провозгласив программу глубоких структурных социальных преобразований, встало на путь ее реализации. Национализация собственности "Интэрнэшнл петролеум" была только началом глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований, предусмотренных "Планом Инка". Они затронули буквально все стороны жизни страны. Проведение аграрной реформы (закон о ее проведении был провозглашен 24 июня 1969 г.) нанесло сильный удар по позициям олигархии; земля была передана тем, кто ее обрабатывает. Реформы в области горнодобывающей промышленности обеспечили переход национальных природных богатств под контроль государства.

Антиимпериалистической акцией не меньшей политической значимости, чем национализация собственности "Интэрнэшнл петролеум", стал декрет от 31 декабря 1973 г. о национализации собственности "Серро-де-Паско корпорэйшн" — крупнейшей американской компании в горнодобывающей промышленности.

Основной закон о промышленности от 27 июля 1970 г. ограничил господство иностранного капитала в экономике стра-

---

⁸⁹ Velasco: La voz de la revolución. Discursos, p.6.

⁹⁰ Ibid., p.7.

ны, передал ключевые отрасли промышленности государству. Сильнейший удар по позициям олигархии был нанесен тем, что правительство вооруженных сил лишило ее средств массовой информации, объявив о передаче так называемых органов "независимой прессы" организациям трудящихся. Глубокие реформы проведены в области трудового законодательства, народного образования. Реформы не только подорвали позиции империализма, аграрно-промышленной олигархии, но способствовали усилению роли трудящихся в экономической, политической жизни, углубляя революционный процесс. "В Перу, - говорится в решениях VI съезда компартии, - начался и разворачивается революционный процесс. Изменения, которые произошли в стране после прихода к власти Революционного правительства вооруженных сил, не являются какими-либо конъюнктурными несущественными реформами, более или менее "прогрессивными", "десаролистскими". Речь идет об изменениях как в социальной и экономической структуре, так и в политической надстройке. Такие изменения направлены на ликвидацию главных препятствий на пути прогрессивного развития наших производительных сил, а также социального прогресса. Они создают условия для изменения государственной структуры, придают им характер революционного процесса, открывающего качественно новый этап в историческом развитии перуанского общества"⁹¹. А этот качественно новый этап в истории страны, наступивший после прихода к власти революционно-демократических военных, проявлялся буквально во всем - в идеологии, теории, практике.

---

⁹¹ Sexto Congreso del Partido Comunista Peruano. Documentos, N 2, Lima, s.a., p.9.

Перуанская революция и мировой революционный процесс

В идеологии и теории перуанской революции одно из центральных мест занимает определение ее характера, сущности, отношения к другим революционным движениям в мире, их идеологическим и теоретическим основам. В "Плане Инка" позиция военных-революционеров по данному вопросу была сформулирована так: "Эта революция будет националистической, независимой и гуманистической. Она не будет руководствоваться ни схемами, ни догмами. Ее ориентиром будет исключительно перуанская действительность"⁹².

На первом этапе развития революционного процесса в стране упор в выступлениях руководителей военного режима делался именно на националистическом характере революции, ее своеобразии и нехожести с другими революционными процессами в мире, что свидетельствовало о весьма сложном процессе выработки военными своих идеологических установок, влиянии на них националистических стереотипов и предрас-судков. Аргументировалась такая позиция национальной специ-фикой, особенностями культурного, исторического развития страны, существованием на ее территории в прошлом великой инкской цивилизации. "Речь идет о национальной революции, — говорил Веласко Альварадо на сессии экономической комиссии ООН для Латинской Америки (в апреле 1969г.), — которая осуществ-ляется в стране с очень древней и богатой культурой. Нацио-нальная действительность выдвигает такие проблемы, которые могут быть решены только с помощью методов и оценок, свой-ственных самой этой реальности. Отсюда невозможность оцени-вать перуанскую национальную революцию по меркам политиче-

---

⁹² La Prensa, 1974, 29 jul.

ских явлений, возникших в условиях, отличных от нашей реальности" ⁹³.

Апелляция к национальным, "автохтонным" ценностям своей ответственна и более поздним правительственным документам, выступлениям перуанских руководителей. Так, в правительственном документе от 25 февраля 1975 г. об идеологических основах перуанской революции подчеркивается в качестве подтверждения ее националистического характера стремление возродить и развивать "культурное и историческое наследие перуанского народа, особенно его традиций коллективного труда и общинной собственности" ⁹⁴.

Однако, делая упор на исключительности революции, ее националистическом характере, перуанские руководители одновременно настойчиво подчеркивали, что их национализм не носит "закрытого", шовинистического и изоляционистского характера, как это пытались утверждать внутренние и внешние враги революционного процесса. "Для нас, - говорил бывший в то время министром финансов и нынешний президент страны Моралео Бермудес, - национализм ни в коей мере не означает шовинизма, изоляционизма. Мы не можем изолировать себя от мира, прикрываясь риторическими и пустыми националистическими лозунгами" ⁹⁵.

В свою очередь генерал Хорхе Грахам Уртадо, бывший в то время председателем комитета президентских советников, характеризуя перуанский национализм, подчеркнул, что приверженность к национальным духовным и культурным ценностям, их защита не дают основания замыкаться в "бесплодном и самоубийственном изоляционизме", культивировать "самодовольный национализм" ⁹⁶. Не случайно в выступлениях перуанских

⁹³ Velasco. La voz de la Revolución. Discursos del Presidente de la República General de División Juan Velasco Alvarado, t.I. Lima, 1972, p.34.

⁹⁴ El Peruano. Lima, 1975, 29 febr.

⁹⁵ Oiga, 1971, 12 mar., p.12.

⁹⁶ Hurtado J.G. El hombre: eje del sistema social de la revolución peruana. Lima, 1971, p.9.

руководителей национализм обычно трактовался как проявление патриотизма, любви к родине, своему народу. Больше того, свою трактовку национализма руководители революционного правительства вооруженных сил самым тесным образом связывали с антиимпериалистической, социальной и антиолигархической направленностью революции, глубокими структурными преобразованиями страны.

Достаточно ясно эта интерпретация национализма дана в правительственном документе об идеологических основах перуанской революции. В ряду ее главных целей и задач названа борьба в защиту суверенитета Перу, что "сможет гарантировать безопасность страны, ее независимое развитие, охрану ее национальных богатств"⁹⁷.

Подобного рода трактовка национализма свидетельствовала о влиянии на перуанских руководителей идей "революционного национализма".

Идеология "революционного национализма" — сложное, противоречивое явление, которое получило за последнее время широкое распространение в странах Латинской Америки. Под прикрытием "революционного национализма" нередко протаскивается явная идеологическая контрабанда, мало чем отличающаяся от буржуазного национализма самого худшего толка. К нему апеллируют ныне различные левацкие группировки, маоисты, троцкисты, которые под флагом "особой" революционности стран "третьего мира", куда они включают и Латинскую Америку, стремятся изолировать освободительное движение в регионе от других потоков мирового революционного движения, мировой социалистической системы.

К "революционному национализму" обращаются и представители различных патристических сил, которые ищут выхода из глубоко кризиса традиционных структур не на путях их модернизации, "усовершенствования", а с помощью антикапиталистической модели развития. Для этих сторонников "революционного национализма" характерно растущее понимание того,

---

⁹⁷ El Peruano, 1975, 26 febr.

что именно капитализм является главной причиной слаборазвитости стран Латинской Америки. Они подходят к пониманию механики империалистического господства, видя в нем проявление эксплуататорской сущности капитализма в наиболее концентрированном виде. Отсюда и усиление антикапиталистических настроений у сторонников "революционного национализма".

О росте влияния этих идей на различные социальные силы свидетельствует тот факт, что такие идеи разделяют представители религиозных кругов, влиятельных течений в армии; они находят отклик в массовых политических движениях националистического типа. "В странах Латинской Америки растущее влияние приобрели в последние годы концепции "революционного национализма", — отмечается в коллективном труде советских исследователей "Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы", — в Перу, Панаме, Боливии (в период правления генерала Торреса) они стали знаменем прогрессивного крыла вооруженных сил, выступающих за самостоятельное развитие своих стран, за скорейшее преодоление отсталости, за антиимпериалистический курс во внешней политике и радикальные социальные преобразования во внутренней"⁹⁸.

В идеологии Революционного правительства вооруженных сил "революционный национализм" во многом проявлялся в его радикальном, антиимпериалистическом варианте.

Боевой антиимпериализм — только один из аспектов "революционного национализма". Он неразрывно связан с социальной, реформаторской сущностью революционного процесса в Перу. Перуанские руководители подчеркивали, что революция мало чего стоила, если бы ставила перед собой задачу лишь поверхностного подновления, некоторой модернизации старых структур.

Большое внимание в этой связи руководители перуанской революции уделяли и определению своей позиции в отношении буржуазно-националистической теории развития (десарольвиз-

---

⁹⁸ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции и перспективы. М., 1974, с.380.

ма), сторонники которой выступают за модернизацию отсталых социально-экономических структур, оставаясь в рамках капитализма. В "Плане Инка" отвергался десарольистский подход к развитию страны, сводивший его к простому экономическому росту⁹⁹.

Руководители перуанской революции рассматривали развитие не как самоцель экономического роста, а как важный компонент коренных социальных преобразований. Революционное правительство вооруженных сил видело коренные пороки прошлой политики в деформирующем влиянии иностранного монополистического капитала на прогресс страны, в антинародной позиции олигархии.

Для революционных демократов именно в самом капиталистическом пути, по которому развивалась Перу, заключалась причина отсталости страны, нищеты ее народа. "В течение многих лет, — говорил генерал Леонидас Родригес, один из лидеров революционно-демократически настроенных военных, — перуанский народ жил под гнетом иностранных монополий и местной олигархии. Этот гнет со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями был результатом капиталистической системы, которая господствовала в нашей стране вплоть до революционного выступления вооруженных сил"¹⁰⁰.

В обобщенном виде это осуждение капиталистической системы, империализма было сформулировано в "Национальном плане развития на 1971—1975 гг.". В нем резкой критике подвергались десарольистские концепции капиталистической модернизации, с особой силой подчеркивалось, что развитие Перу в рамках мировой капиталистической системы не принесло стране решения ее коренных проблем. Авторы плана уделяли большое внимание анализу механизма взаимодействия стран, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития в рамках мировой капиталистической системы.

⁹⁹ La Prensa, 1974, 29 jul.

¹⁰⁰ Leonidas Rodríguez y los trabajadores. SINAMOS: sindicalismo. Lima, 1972, p.8.

Они пришли к недвусмысленному выводу: между капиталистическими экономически развитыми странами и странами отсталыми возможны только отношения господства и подчинения. "Этот бесспорный факт, — делают выводы авторы правительственного документа, — свидетельствует о том, что в зависимых странах развитие не может осуществляться на тех же принципах, что и в капиталистических странах, поскольку эволюция, количественные изменения, а также модернизация в рамках капитализма и зависимости еще больше усилят нашу зависимость, а следовательно, и слаборазвитость" ¹⁰¹.

Такая постановка вопроса, так же как и расширение сотрудничества Перу с развивающимися странами обусловила более четкое определение соотношения ее "автономности" с универсальным характером революционных процессов.

Проблема взаимоотношения Перу с развивающимися странами занимала важное место в политике Революционного правительства вооруженных сил. В специальном разделе "Плана Инка", посвященном внешней политике, в качестве одной из основных задач предусматривался отказ от подчинения страны интересам Соединенных Штатов, сближение со странами "третьего мира" ¹⁰².

Обосновывая стремление Перу установить тесные связи с народами развивающихся стран, Веласко Альварадо говорил: "Перу пережила ту же трагическую историю, что и другие страны, которые страдали от колониального ига. Мы на себе испытали всю мерзость, чудовищную несправедливость, всю униженность иностранного господства. И мы также знаем всю неоправданность системы, основанной на эксплуатации, нищете, невежестве и отсутствии свободы" ¹⁰³.

Эта антиимпериалистическая ориентация Перу, ее соли-

---

¹⁰¹ Plan nacional de desarrollo para 1971-1975: Plan global, vol.I. Lima, 1971, p.2.

¹⁰² La Prensa, 1974, 29 jul.

¹⁰³ El Perú ey el desarrollo del tercer mundo. Lima, 1975, p.3.

дарность с борющимися народами нашла свое выражение в заявлении Революционного правительства вооруженных сил об идеологических основах своей политики. Правительство недвусмысленно заявило о том, что Перу избрала позицию неприсоединившейся страны, примыкающей к блоку стран развивающегося мира. Она, как подчеркивалось в заявлении, "отстаивает новую концепцию международных отношений и сотрудничества, способную содействовать созданию общества свободных суверенных и равноправных наций" ¹⁰⁴.

Новое руководство страны во главе с президентом Моралесом Бермудесом особо подчеркивало, что тесное сотрудничество революционной Перу с развивающимися странами объясняется общностью задач антиимпериалистической, освободительной борьбы ¹⁰⁵.

Сближение Перу с развивающимися странами порождало в стране различное идеологическое истолкование этого процесса. Здесь довольно широкое распространение получила точка зрения, сторонники которой исходили из, так сказать, структурной однотипности развивающихся стран, относя их к особому "миру", глобально противопоставляя их "индустриально развитому миру", "богатым нациям".

Именно последователи этой концепции, заявляя об "особой" революционности развивающихся стран, считают эти страны чуть ли не единственным генератором левых революционных идей в мире, которые должны сменить "традиционные" взгляды, включая и марксизм. Об этом, например, широковещательно заявляли публицисты, объединившиеся вокруг журнала "Participación", приписывая развивающемуся миру чуть ли не мессианскую роль в мировом революционном движении ¹⁰⁶.

Под видом "нового" слова в революционной теории эта группа перуанских публицистов, претендовавшая на свой "кон-

¹⁰⁴ El Peruano, 1975, 26 febr.

¹⁰⁵ См. La Prensa, 1975, 31 ag., 4 sept.

¹⁰⁶ См. Participación. Lima, 1972, N 1, p.5.

отструктивный вклад" в создании теории перуанской революции, пыталась представить теорию марксизма чисто "европейским" изложением, непригодным для истолкования перуанской и вообще латиноамериканской действительности, гальванизируя тем самым пресловутые априорские националистические взгляды об "экзотическом", "импортном" характере идей научного социализма. Показывая беспочвенность подобного рода утверждений, Хорхе дель Прадо подчеркнул, что активное участие перуанских коммунистов в революционном процессе — это не какое-то конъюнктурное, случайное явление. Коммунисты отдадут себя без остатка борьбе за освобождение народа, поскольку они революционеры, воодушевленные глубокими идеями революционного патриотизма ¹⁰⁷. Что же касается идеологических разногласий, как неоднократно подчеркивали перуанские коммунисты, то они будут решены, а позиция сторон будет уточняться в ходе самих преобразований, дружеского конструктивного диалога.

Большое значение для дальнейшего обогащения, углубления идеологии перуанской революции приобретало стремление руководителей страны вывести, так сказать, перуанский революционный процесс на орбиту универсальных освободительных движений, осмыслить его место в мировых революционных процессах. Впервые эта идея была сформулирована в послании Веласко Альварадо нации в связи со 150-летием со дня независимости Перу 28 июля 1971 г.: "... наша революция вписывается со всей ее бесспорной идеологической автономией в самые славные традиции освободительной, социалистической и гуманистической мысли" ¹⁰⁸.

А в выступлении перед перуанскими предпринимателями в октябре 1972 г. Веласко Альварадо, отметив автономию перуанской революции, своеобразие ее идеологии, тут же подчеркнул, что это ни в коей мере не означает ее "экзотического"

¹⁰⁷ Unidad, 1974, 15 ag.

¹⁰⁸ Velasco. La voz de la revolución, t.2. Lima, 1972, p.110.

характера, изоляции от революционных традиций Перу, Латинской Америки и всего мира. "Перуанская революция в том, что касается ее идеологической позиции, опирается на плодотворные и давние традиции великих революционных движений и обогащается ими. И именно в рамках этой традиции перуанская революция развивает свою концептуальную базу и руководствуется своей собственной практикой" ¹⁰⁹.

В послании в связи с 5-й годовщиной революции в октябре 1973 г. Веласко Альварадо охарактеризовал истоки, генезис этих великих достижений революционной мысли, которые он связывал с "западной цивилизацией" как своего рода генератором передовой революционной мысли. "Мы никогда не отрицали, - говорил Веласко Альварадо, - нашей принадлежности к исторической традиции Запада. Именно так возникли основные ценности современной революционной мысли, поскольку ни одно из этих течений революционной мысли не возникло ни в Африке, ни в Азии. Повторяю, все они возникли на Западе, и в этом смысле они без всякого сомнения имеют тесную историческую связь с таким понятием, как западная цивилизация" ¹¹⁰.

Веласко Альварадо вместе с тем резко отрицательно характеризовал затасканный лозунг "западной цивилизации", который широко используют реакционеры и антикоммунисты всех мастей, в том числе и Латинской Америки. По его словам, Запад был родиной великих течений революционной мысли, которая распространяется по всему миру, оказывая влияние на все регионы и страны ¹¹¹.

Проблему влияния на идеологию перуанской революции универсальных идейных течений перуанские руководители связывали с теорией революционного гуманизма, который ими объявлялся теоретическим фундаментом революционного процесса в стра-

¹⁰⁹ ONI. Lima, 1972, N 17-18, p.49.

¹¹⁰ ONI, 1973, N 2, p.4.

¹¹¹ Ibidem.

но. В правительственном изложении идеологических основ перуанской революции эта проблема характеризовалась следующим образом: "Революционный гуманизм вбирает в себя плодотворные течения общественной мысли, возникшие в русле исторической универсальной традиции, к которой принадлежит Перу. Эта традиция в основном воплощается в социалистической мысли, в христианской мысли и освободительной мысли. Именно в них перуанская революция находит главный источник вдохновения в своей преобразующей деятельности" 112.

Развитие идеологии и политической мысли перуанских руководителей, бесспорно, отражало процесс углубления революционных преобразований в стране, воздействие мировых революционных процессов. В то же время причины эволюции необходимо искать в существовании в Перу сильных и плодотворных традиций передовой революционной мысли, их растущем влиянии на становление идеологии перуанской революции. Эти традиции неразрывно были связаны с именем Хосе Карлоса Мариатеги, его сторонниками и последователями. Именно он своими глубокими работами, посвященными истолкованию перуанской действительности, блестяще доказал, насколько эффективен и действителен марксистско-ленинский метод исследования, какие неисчерпаемые возможности представляет он для анализа национально-особенного, частного, специфического в неразрывной связи с интернациональными аспектами, условиями революционной борьбы.

Мариатеги подчеркивал, что Перу принадлежит к западной цивилизации, вращается в ее орбите. Для великого перуанского мыслителя-революционера обращение к понятию "западная цивилизация" служило целям более развернутой, глубокой и аргументированной постановки вопроса о единстве мирового исторического процесса, о все более растущем влиянии революционной борьбы в мире на освободительное движение в Перу, о закономерности распространения передовых революционных идей в стране. "Те, кто утверждает, говорил Мариатеги, -

112 El Peruano, 1975, 26 febr.

что Перу и Америка в целом очень далеки от европейской революции, не имеют ни малейшего понятия о современной жизни, у них нет даже приблизительного представления о ходе истории. Эти люди удивляются, когда в Перу проникают самые передовые идеи из Европы, но их несколько не удивляет появление самолетов, океанских судов, радио, одним словом, всех проявлений материального прогресса Европы. Они игнорируют социалистическое движение. С таким же успехом они могли бы игнорировать, например, теорию относительности Эйнштейна"¹¹³.

В своих работах Мариатеги убедительно доказал, что "западную цивилизацию" нельзя отождествлять с капиталистическим образом жизни, а кризис капитализма изображать "закатом Европы". Именно в Западной Европе, по словам Мариатеги, возник марксизм, оттуда идеи научного социализма начали свое триумфальное шествие по всему миру.

Идеи Мариатеги о "западной цивилизации" нельзя понять в отрыве от его борьбы с различного рода буржуазными и мелкобуржуазными националистическими взглядами и прежде всего с апристскими концепциями, отрицающими универсальный характер идей научного социализма, их применимость к условиям Перу. Подчеркивая творческий характер революционной теории, ее органическую вражду к догматизму, Мариатеги произнес крылатые слова, что социализм Перу должен быть "не калькой" или "копией", а "героическим созданием"¹¹⁴. Как эти слова напоминают широко известное ленинское высказывание о том, что Россия поистине выстрадала марксизм ценой огромных жертв, высокого революционного героизма, самоотверженных поисков истины!

Героическая жизнь Мариатеги, его высокий патриотизм, неразрывно связанный с братским чувством ко всем народам, борющимся за свободу и независимость, снискали ему огромную любовь и уважение в Перу. Эти патриотические идеи, окрыленные высоким чувством революционного гуманизма не могли

---

¹¹³ Mariátegui J.C. Obras completas, vol.8. Lima, 1973, p.17.

¹¹⁴ Mariátegui J.C. Obras completas, vol.13, 1973, p.249.

но привлекать внимание и симпатии революционно настроенных военных, которые руководили процессом революционных преобразований.

Еще до взятия политической власти в свои руки, как признавали сами военные, они внимательно изучали работы Мариатеги, что в немалой степени опосредствовало формированию у них революционно-патриотических идеалов и устремлений. Веласко Альварадо в одном из выступлений сослался на крылатые слова Мариатеги — "перуанизируем Перу", подчеркнув их осязательность патриотической, антиимпериалистической осязательности революции ¹¹⁵.

Фернандес Мальдонадо, отмечая острую необходимость в теоретической разработке проблем перуанской революции, говорил, что как никогда чувствуется потребность в развитии лучших традиций идейного наследия Хосе Карлоса Мариатеги, прагматического схематизму и догматизму, которые "так пагубны для революции" ¹¹⁶. Все это дало основания Хорхе дель Прадо, ученику и последователю Мариатеги, с полным правом написать такие знаменательные слова: "Его имя поэтому принадлежит не только коммунистам, рабочему классу, крестьянству и революционно настроенной интеллигенции. Оно принадлежит всем подлинным перуанским патриотам. Вместе с именем Тупак Амару оно символизирует новое перуанское общество, которое рождается на наших глазах" ¹¹⁷.

Нет ничего удивительного, что руководители Перу в лице его видных представителей с огромным уважением говорили о Мариатеги, признавая большое значение его идей в борьбе за социалистический путь развития страны ¹¹⁸. Это признание приобретало особо важный смысл в условиях, когда по мере

---

¹¹⁵ Velasco. La voz de la revolución, t.I, p.200.

¹¹⁶ Oiga, 1973, 26 en., p.46.

¹¹⁷ Unidad, 1974, 13 febr.

¹¹⁸ Unidad, 1975, 3 dic.

осуществления коренных преобразований в стране все более напряженной и острой становилась идеологическая и политическая борьба вокруг проблем и путей построения нового общества.

Теория и практика борьбы за новое общество в Перу

В "Плане Инка" военные-революционеры провозгласили своей задачей борьбу за построение нового общества в Перу, в котором народные массы были бы свободны от эксплуатации и угнетения, могли бы активно участвовать в управлении экономикой, государством ¹¹⁹. Руководители страны заявляли, что революция воплощала в себе надежды и чаяния миллионов трудящихся, которые в течение долгих лет боролись за свое освобождение, приближая тем самым час революции. "Программа антиимпериалистических и антиолигархических преобразований, которые осуществляет Революционное правительство вооруженных сил, — подчеркивалось в решениях VI съезда Перуанской коммунистической партии, — является той программой, за которую боролись рабочий класс, крестьянство и революционно настроенная интеллигенция" ¹²⁰.

Перуанские руководители подчеркивали, что главной целью революции является борьба за построение "социальной демократии полного участия" ¹²¹. В развернутом виде характеристика этой демократии дана в документе перуанского правительства об идеологических основах революции: "Перуанская революция

¹¹⁹ La Prensa, 1974, 29 ag.

¹²⁰ Sexto Congreso del Partido Comunista Peruano. Documentos, N 2, p.19.

¹²¹ El Peruano, 1975, 26 febr.

является автономным процессом, который ставит своей целью преобразовать политическую, экономическую и социальную систему страны и покончить с таким состоянием нашей страны, когда она находилась на положении слаборазвитого капиталистического и олигархического общества, подчиненного интересам империализма. Все это — во имя построения общества социальной демократии, в котором все перуанцы могли бы проявить себя путем полного участия в осуществлении социальной власти в рамках истинно суверенного национального общества" I22.

Эта "модель" общественного развития была основана на неприемлемости для Перу капиталистического пути развития в любых его вариантах и разновидностях как традиционных, так и модернизированных. "Мы решительно выступаем не только против традиционных форм капитализма, но и вообще против самой сути капитализма, — заявил Веласко Альварано, — его представлений о социальных отношениях, общественном богатстве, человеке, труде. Отсюда, наконец, следует, что мы не стремимся модернизировать капиталистическую систему, а ставим своей целью выход из нее. Иными словами, мы хотим отбросить эту систему и преобразовать общество таким образом, чтобы на его месте создать новую систему, отличающуюся от капитализма коренным образом" I23.

Особое значение в процессе преобразований приобретала так называемая ассоциативная собственность, которая являлась своего рода плацдармом для дальнейшего углубления преобразований в стране, для создания экономического фундамента антикапиталистической альтернативы развития Перу. Ассоциативные формы собственности возникли во всех отраслях экономики, народного хозяйства I24. Большое значение они приобрели

I22 El Peruano, 1975, 26 febr.

I23 ONI, 1972, N 17-18, p.50.

I24 В данном разделе специально не рассматриваются механизм и принципы функционирования новых форм собственности, а также их внутренняя структура. Отсылаем читателя к статье В.С.Кузнецова по этой проблематике. См. Латинская Америка, 1975, № 4.

рели в сельском хозяйстве в результате осуществления радикальной аграрной реформы. Земля в ходе аграрной реформы преимущественно переходила в руки производственных кооперативов, крестьянских общин и других объединений сельских трудящихся на правах ассоциативной собственности (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Распределение земли по состоянию на 24 июня 1976 г.

Формы распределения	Площадь в га	%	Число семей	%
Ассоциативные (кооперативы, аграрные общества социального интереса, крестьянские группы)	6768984	97,7	276232	93,8
Индивидуальные	140213	2,3	19552	6,8
Всего	6909197	100,0	295784	100,0

И с т о ч н и к   Unidad, 1976, 1 jul.

Характеризуя формы распределения земли, перуанские коммунисты на своем VI съезде подчеркнули: "Эти цифры сами говорят о том, что аграрная реформа отдает приоритет ассоциативному распределению земли, не ставя своей целью создание олоя среднего крестьянства, которое явилось бы препятствием на пути углубления революционных преобразований. Она не ориентирована и на парцеллизацию земли, что также является чисто капиталистическим мероприятием" ¹²⁵.

Новые формы собственности, несмотря на естественные трудности, вызванные радикальной социальной перестройкой сельского хозяйства, не только не привели к разрушению производительных сил, "катастрофическому" падению производства, но, наоборот, показали свою эффективность. Примером успешного развития аграрной реформы могла служить деятельность

¹²⁵ Sexto congreso del FCP. Documentos, N 1, p.27.

производственных кооперативов, возникших на месте крупных плантационных хозяйств. Здесь не только увеличивалось производство, повышалась производительность труда, но и заметно улучшалась жизнь сельских трудящихся. Достаточно красноречивы в этом плане и сравнительные данные о темпах развития сельского хозяйства и животноводства до и после начала аграрных преобразований. Если в 1960—1970 гг. в среднем темпы прироста продукции составляли 1,5% в год, то в 1972—1973 гг. они повысились до 2,3% ¹²⁶.

Широкое распространение стали получать ассоциативные формы собственности в обрабатывающей промышленности и других отраслях экономики. В 1970 г. был издан закон о создании трудовых общин. Сначала они возникли в обрабатывающей промышленности, а затем в горнодобывающей и рыбной отраслях экономики, в системе телесвязи. Согласно законодательству о трудовых общинах, предприниматели должны ежегодно отчислять в фонд трудовой общины определенную часть своих чистых прибылей (ее размеры варьируются в различных отраслях экономики и народного хозяйства). После того, как члены трудовой общины (рабочие и служащие) сосредоточивали в своих руках 50% капитала предприятия, они становились его полноправными совладельцами, что в дальнейшем создавало возможность для нового натиска на капитал. Значимость создания сектора трудовых общин, помимо всего прочего, состояла в том, что в данном случае речь шла не о какой-то разновидности "народного капитализма", распределении акций среди отдельных рабочих, а о коллективной собственности общины, что открывало перспективы для борьбы за антикапиталистическую альтернативу общественного развития. Все это дало основание перуанским коммунистам записать в решениях VI съезда: "Трудовая община является важным завоеванием перуанского пролетариата. Она способствует развитию у трудящихся понимания своей роли как подлинных создателей богатства, осознанию ими необходимости и возможности осуществить социализацию

¹²⁶ Comercio exterior. México, 1974, N 10, p.1031.

средств производства. В то же время трудовая община способствует тому, что трудящиеся приобретают опыт выполнения руководящих функций в планируемом производстве и в экономической деятельности будущего социалистического общества" ¹²⁷.

Высшей формой ассоциативной собственности в Перу была провозглашена общественная, закон о создании которой был опубликован в 1974 г. после широкого обсуждения, что свидетельствовало о дальнейшей радикализации позиций революционных демократов из числа военных. Фернандес Мальдонадо в одном из выступлений подчеркивал, что создание общественной собственности лишней раз убедительно опровергает критиков революционного процесса в стране, которые пытаются извратить его, изобразить как "простую модернизацию капиталистической системы" ¹²⁸. Характеризуя позицию военных руководителей, Фернандес Мальдонадо говорит: "Мы уверены, что именно в труде заключается источник создания общественного богатства. Поэтому мы считаем, что производству, носящему общественный характер, должна соответствовать общественная собственность, если мы хотим идти в ногу с историей" ¹²⁹.

В чем же характерные черты и особенности предприятий общественной собственности? Прежде всего, в отличие от сектора реформированной частной собственности предприятия общественной собственности должны были принадлежать коллективу трудящихся. Однако владеют они этой собственностью не в рамках каждого отдельного предприятия, а в масштабах всего сектора.

Решающую роль в образовании этого сектора должно было играть государство, которое, как предусматривается законодательством, призвано всемерно стимулировать создание предприятий с помощью Национального фонда общественной собственности. Больше того, сектор общественной собственности мог

---

¹²⁷ Sexto congreso del FCP. Documentos, N2, p.16.

¹²⁸ Oiga, 1973, 26 en., p.5.

¹²⁹ См. Unidad, 1974, 18 aug.

расширяться не только за счет новых предприятий, но и при определенных условиях за счет предприятий сектора реформированной частной собственности и иным путем.

Выдвижение перуанским революционным руководством концепции социалистической ориентации революционного процесса предопределило особо важное место общественной собственности в правительственных планах создания экономического базиса нового общества. Президент Моралес Бермудес, подчеркивая приоритарный характер этой формы собственности в новой экономической структуре, специально выделил ее "явно выраженный социалистический характер"¹³⁰. Все это вызвало резкую оппозицию правых сил, которые объявляли, что создание предприятия в рамках этой собственности является "дискриминацией" в отношении частного предприятия. По мнению же ультралевых, подобные предприятия станут новой разновидностью эксплуатации трудящихся капиталистами.

Прогрессивные силы Перу энергично поддержали закон о создании предприятий общественной собственности. Перуанские коммунисты определили этот закон как "шаг, который способствует развитию революционного сознания у трудящихся", усиливает у них уверенность в "необходимости и возможности организовать национальную экономику на основе преимущественного создания предприятий без капиталистов"¹³¹.

С большим удовлетворением встретили закон об общественной собственности боевые классовые профсоюзные организации страны. В специальном решении третьего конгресса Всеобщей конфедерации трудящихся Перу в марте 1974 г. подчеркивалось: "Общественная собственность станет новой альтернативой, которая будет содействовать ликвидации прежней капиталистической структуры и созданию нового, исключительно важного сектора в экономике.

Общественное накопление капитала станет ответом клас-

---

¹³⁰ La Prensa, 1975, 6 sept., 10 oct.

¹³¹ Sexto Congreso del PCP. Documentos, N 1, p.32.

сическому капиталистическому накоплению, которое порождает прибавочную стоимость и служит неисчерпаемым источником обогащения капиталистов" ¹³².

Важные сдвиги в структуре социальной ориентации промышленности не привели к "катастрофе", как это прогнозировали правые. После некоторого спада экономической активности в стране с начала 70-х годов наблюдался рост валового национального продукта, увеличение темпов экономического развития. Так, если в период 1965-1968 гг. ежегодный прирост ВВП составлял в среднем 2,6%, то в 1971-1973 гг. он рос примерно в размерах 5,8-6% ¹³³. В 1965-1968 гг. валовой прирост промышленного производства составлял 3,4% в год, в 1972 г. равнялся 7,7, а в 1973 г. увеличился до 11% ¹³⁴. Все это привело к тому, что если в 1968 г. доля промышленности в общем производстве страны составляла 17,4%, то в 1973 г. уже 21,3% ¹³⁵. Достаточно красноречив и показатель увеличения производства стали, этого важного компонента экономического развития страны: в 1968 г. выплавлялось 169 568 т, а в 1973 г. - 332 900 т ¹³⁶.

Подобного рода заметные сдвиги в экономическом развитии страны объяснялись не какими-то конъюнктурными причинами, вроде повышения цен на сырье на мировом рынке. Они - результат глубоких структурных изменений, усиления планового начала в развитии экономики, повышения в ней роли государства, расширения под воздействием социальных преобразо-

---

¹³² CGTP. III Congreso nacional 6-10 marzo 1974. Lima, p.71.

¹³³ Día de la industria peruana, 1 de abril de 1974. Exposición al país por televisión y radio del ministro de Industria y turismo contraalmirante A.P. Alberto Jiménez de Lucio. Lima, 1974, p.13.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Comercio exterior, 1974, N 10, p.1031.

¹³⁶ Ibidem.

ваний внутреннего рынка, увеличения покупательной способности широких слоев населения. В то же время экономическое развитие страны сталкивалось с немалыми трудностями, что было вызвано как влиянием экономического кризиса, поразившего капиталистические страны, так и экономическим саботажем эксплуататорских классов, стремящихся воспрепятствовать углублению революционного процесса.

В то время как за создание нового общества в Перу боролись все подлинно прогрессивные силы, враги революции усиливали подрывную политическую и идеологическую деятельность, представляя в фальсифицированном виде цели и задачи политики перуанского правительства. Априорно, правые, империалистические силы, демагогически апеллируя к лозунгам "представительной демократии", обвиняли перуанских руководителей в стремлении насадить в стране "тоталитаризм", "коммунистическую систему", с ее "тотальным огосударствлением". Реакция даже обвиняла правительство в "фашизме", стремлении установить "авторитарную диктатуру" фашистского типа.

Не отставали в своих нападках на политику правительства и различные группы ультралевых. Они то обвиняли перуанских военных в стремлении модернизировать "традиционный" капитализм, не выходя за рамки политики буржуазного реформизма, то называли правительство ни больше ни меньше, как фашистским. Другие же определяли политику перуанских руководителей как симбиоз "неокапитализма" с "неофашизмом". По утверждению критиков перуанской революции, политика правительства носила то "неокапиталистический" характер (Анибал Кихано)¹³⁷, то популистский (Хулио Котлер), то корпоративистский.

Сторонник последней точки зрения известный перуанский исследователь Виктор Вильянуэва в качестве исходной аргументации опирался на "особый" склад мышления перуанских во-

---

¹³⁷ См. развернутую критику концепций Кихано в статье "Критика мелкобуржуазных концепций об армии". - Латинская Америка, 1973, № 5.

енных, их склонность к авторитаризму, корпоративизму. А затем, чисто умозрительно, оледуя законам формальной логики, находил "много общего" о корпоративистской политикой классового примирения Муссолини и порицал военных руководителей Перу, стремящихся якобы только модернизировать капитализм ¹³⁸.

Противники и критики революционного процесса обычно в качестве неопровержимого аргумента осылались на то, что якобы перуанские руководители выступают с позиций "национального единства", что означает примирение классовых интересов, подчинение трудящихся масс интересам буржуазии. В качестве примера они нередко приводили трудовые общины, положение которых, по их утверждению, доказывает справедливость подобных оценок. Прежде всего следует подчеркнуть, что к этой проблеме необходимо подходить диалектически, конкретно анализировать далеко неоднозначные аспекты.

Революционно-демократически настроенные руководители правительства вооруженных сил в свою трактовку "национального единства" вкладывали антиолигархическое, антиимпериалистическое содержание. Полемизируя о теми, кто хотел бы установить в Перу "безбрежное единство", "классовую гармонию", Веласко Альварадо со всей определенностью заявил: "Такой гармонии никогда не существовало в действительности. В прошлом она не существовала потому, что не было возможным согласие между эксплуатируемым народом и его эксплуататорами. А ныне она нереальна, поскольку не может быть согласия между теми, кто защищает интересы олигархии, и нами, кто защищает интересы народа. Нет, не может быть гармонии между революцией и контрреволюцией" ¹³⁹.

Все преобразования, осуществляемые в стране, новые формы собственности отнюдь не вели к затуханию классовой борьбы, установлению в стране "классовой гармонии", а, наоборот,

¹³⁸ Villanueva V. Ejército peruano. Del caudillaje anárquico al militarismo reformista. Lima, 1973, p.387-393.

¹³⁹ Velasco. La voz de la revolución, t.I, p.104.

приводили к обострению социальных противоречий. Именно эти тенденции отчетливо проявлялись в трудовых общинах, создание которых привело к обострению социальных противоречий между трудом и капиталом, способствовало росту антикапиталистических настроений в рядах рабочего класса. "Трудовая община, — подчеркивалось на VI съезде Перуанской компартии, — не привела к распространению иллюзий о возможности классового примирения" ¹⁴⁰.

Именно обострением классовой борьбы в стране объясняется требование перуанской буржуазии "реформировать" трудовую общину, что на деле означало бы реставрацию капиталистических порядков, разве что слегка закамуфлированных лозунгами "народного" капитализма. Представители буржуазии пытались шантажировать правительство, угрожая свернуть производство, если не будет положен конец "коммунистическому проникновению" в профсоюзы, ущемлению прав мелких и средних предпринимателей.

Касаясь этой тактики буржуазии газета "Унидад" писала, что она рассчитана на использование мелких и средних предпринимателей в качестве своего рода "санитарного кордона" для "сопротивления возрастанию так называемой "коммунистической угрозы" в Перу ¹⁴¹. При этом реакционные круги выдавали себя за защитников "национального единства", спекулируя на ошибках и просчетах, которые допускались в ходе развития революционного процесса в отношении различных слоев населения. "Всякая революция не свободна от ошибок, важно вовремя их исправить, — говорится в заявлении политической комиссии Центрального комитета Перуанской коммунистической партии (5.IV.1976). — В Перу, пожалуй, самая серьезная ошибка, которая оказывает влияние на отдельные передовые отряды народного движения, состоит в потере ясности при определении главного врага. А главным врагом народа, правительства

---

¹⁴⁰ Sexto Congreso del PCP. Documentos, N 1, p.30.

¹⁴¹ Unidad, 1975, 27 nov.

и революционного процесса является империализм, олигархия и их агенты" ¹⁴².

Однако это не всегда учитывалось, и временами предлагались такие экономические решения, которые без необходимости затрагивали интересы других слоев населения, создавая тем самым недовольство. А это серьезно препятствовало единению всех классов, социальных слоев, заинтересованных в ликвидации зависимости и слаборазвитости, сужая социальную базу революционного процесса ¹⁴³. Этим объяснялась нерешительность средних слоев относительно участия в революционном процессе, осторожность, если не сказать больше, мелкой и средней буржуазии. Свой "вклад" вносили в это отчуждение левачьи группировки, которые вели авантюристическую, сектантскую политику в отношении тех слоев, которые могли бы участвовать в революционном процессе.

Сложность освободительного процесса помимо экономических трудностей, во многом была обусловлена и тем, что внутренняя и внешняя реакция оказывала психологическое воздействие на различные слои населения, вносила смятение в умы и настроения, пугая перспективой "тотального огосударствления всего и вся. Трудности и сложности революции наложили отпечатки на борьбу рабочего класса, его боевых профсоюзных организаций.

Революционные преобразования в Перу привели к росту влияния пролетариата на политическую жизнь страны в связи с выдвижением программы построения нового общества. Так, новое звучание приобретали такие, получившие широкое распространение в стране лозунги, как участие рабочего класса в развитии экономики, в увеличении производительности труда.

Всеобщая конфедерация трудящихся Перу (ВКТП) умело сочетала борьбу за непосредственные классовые требования про-

---

¹⁴² Unidad, 1976, 8 jul.

¹⁴³ Ibidem.

летариата со все более широким и активным включением трудящихся в революционный процесс. В решениях третьего конгресса профцентра подчеркивалось, что "на нынешнем этапе революционного процесса профсоюзная деятельность, если подойти к ней с классовой точки зрения, не должна ограничиваться только экономическими требованиями или улучшением условий труда. Она также включает в себя защиту революционного, антиимпериалистического процесса и борьбу за разгром контрреволюции. Все это предопределяет необходимость для рабочего класса привести свои методы и формы борьбы в соответствии с этими новыми условиями" 144.

В решениях конгресса в качестве одной из главных задач профцентра выделялась необходимость идеологической и политической борьбы против демагогии и авантюризма ультралевых и пособников империализма, которые стремились поставить рабочий класс в условия конфронтации с революционным процессом 145.

В то же время перуанский пролетариат не отказывался от использования такой формы классовой борьбы как забастовка. Рабочие, объединенные в ВКТП, нередко пользовались этим оружием в борьбе против массовых увольнений, закрытия фабрик и заводов, к которым прибегали некоторые предприниматели. Последние нередко находили поддержку в лице реакционной бюрократии, в частности в министерстве труда. Все это в сочетании с возрастающими трудностями, которые испытывали трудящиеся из-за роста стоимости жизни, влияния экономического кризиса мировой капиталистической системы на Перу вело к усилению в последние годы борьбы рабочего класса за свои права. Следует подчеркнуть, что эту борьбу боевые профсоюзы рассматривали как составную часть борьбы рабочего класса за углубление процесса социальных преобразований,

---

¹⁴⁴ CGTP. III Congreso nacional 6-10 marzo 1974, p.101-102.

¹⁴⁵ Ibid., p.102.

решительно выступая против проявлений экономизма в рабочем движении.

Борьба шла в условиях разворачивающейся клеветнической кампании против рабочего класса, его боевых профсоюзов. Реакция обвиняла ВКП(б) в подготовке "заговора" в интересах "международного коммунизма", подрыве экономики. С помощью этой демагогической пропаганды контрреволюция пыталась внести раскол в ряды вооруженных сил, натравить армию на рабочий класс, что поставило бы под угрозу сами революционные завоевания.

Главная цель контрреволюции состояла в том, чтобы воспрепятствовать процессу сближения передовых патриотических течений в вооруженных силах с рабочим классом, используя пока еще довольно сильные антипролетарские настроения в военной среде, помешать углублению социальных преобразований.

В условиях растущих трудностей, которые характеризовали процесс социальных преобразований, большое значение приобретало сближение позиций прогрессивных сил по важным проблемам строительства нового общества, укрепление их сотрудничества как необходимый фактор для успешного продвижения революции вперед.

Своеобразие процесса консолидации прогрессивных сил состояло в том, что он происходил в условиях; когда Революционное правительство вооруженных сил, определяя свою политическую платформу, отрицало как капиталистическую систему, так и теорию и практику коммунизма. "Когда мы подошли к основной проблеме отрицания капитализма, — говорил Велако Альварадо, — мы неизбежно должны были ясно определить нашу позицию по отношению к коммунизму, которая соответствовала бы нашим принципам национальной независимости. Поэтому мы встали перед необходимостью теоретически обосновать альтернативу капитализму, которая по существу была бы отлична от коммунистической. Но в условиях нашей революции эта альтернатива в основе своей должна быть революционной" ¹⁴⁶.

¹⁴⁶ ONI, 1973, N 2, p.4.

Необходимо однако подчеркнуть, что перуанские руководители вместе с тем решительно опровергали антикоммунизм, считая его проявлением реакции. По словам Веласко Альварано, слепая и воинствующая антикоммунистическая политика, основанная на обвинении в коммунизме всех, кто выступает за преобразование, прежде всего направлена против самой перуанской революции. "Поэтому, — подчеркивал он, — антикоммунизм как проявление догматической политической позиции всегда носил крайне правый и реакционный характер. И в том, и в другом наша позиция предельно ясна. Мы отрицаем коммунизм не с позиций консервативной правой, а с революционной позиции автономной национальной левой" ¹⁴⁷.

Такая позиция была не свободна от внутренних противоречий, которые, в конечном счете, отражали слабости развития революционного процесса в стране, своеобразии формирования идеологии и теории революции, на которую оказывали воздействие различные концепции, отстаиваемые представителями весьма пестрого спектра социальных сил, участвующих в преобразованиях. Именно это следует иметь в виду, чтобы понять, как могло совмещаться в теории перуанской революции стремление стать над капитализмом и коммунизмом с провозглашением революционной антикапиталистической альтернативы для Перу, с возрастающей тенденцией к обогащению этой идеологии достижениями мирской революционной мысли.

В то же время определенные круги, связанные с апристами, троцкистами разных мастей, на словах заявляя о своей поддержке революционного процесса, на деле пытались разжечь антикоммунистическую кампанию, "отлучить" коммунистов от революции. Опасность такой позиции для перуанской революции тем более возрастала, что антикоммунистам, нередко прикрывавшим свою деятельность ультралевой фразеологией, удалось пробраться на руководящие посты в государственный аппарат, организации, созданные для установления контактов с широкими слоями населения. Характерной в этом плане была дея-

¹⁴⁷ Цит. по: *Expresso*. Lima, 1975, 26 en.

тельность Национальной системы поддержки социальной мобилизации (СИНАМОС). В преамбуле закона о ее создании подчеркивалось, что эта организация ставит перед собой две цели: содействовать осуществлению радикальных преобразований, которые создадут условия для передачи всех рычагов власти в руки народа, и одновременно способствовать активному участию народных масс в революционном процессе ¹⁴⁸.

Создание СИНАМОС действительно содействовало определенной активизации народных масс, разворачиванию среди трудящихся культурно-просветительной деятельности. В то же время некоторые антикоммунистически настроенные руководители организации препятствовали налаживанию сотрудничества СИНАМОС с прогрессивными партиями, боевыми классовыми профсоюзами, выступающими в поддержку перуанской революции.

Сектантская ограниченность и пагубность такой позиции стала особенно очевидна во время февральских событий 1975 г., когда вылазке контрреволюционеров не удалось противопоставить прочного единства прогрессивных сил.

Усилились раскольнические действия и в рядах, поддерживающих революционный процесс. При поддержке некоторых кругов в правительстве начала действовать такая антикоммунистическая организация, как "Революционное рабочее движение", которая использовала гангстерские методы в борьбе против боевых классовых профсоюзов. Все эти негативные факторы в развитии политической ситуации в Перу создавали серьезные препятствия на пути вовлечения трудящихся масс в активное участие в революционном процессе, порождали в них чувство апатии и недовольства, чем небезуспешно пользовались как силы контрреволюции, так и ультраправые.

Поэтому революционные, прогрессивные силы страны с удовлетворением восприняли программные выступления нового руководства страны во главе с генералом Моралесом Бермудесом, которое заявило о своей решимости создать условия для само-

---

¹⁴⁸ SINAMOS. Sistema nacional de apoyo a la movilización social. Ley orgánica. Lima, 1973, p.7-8.

го широкого и активного участия народных масс в революционном процессе, бороться против различного рода извращений и деформаций, возникающих в ходе его развития. По словам президента Моралеса Бермудеса, новый этап перуанской революции характеризуется "возрастающим участием масс, ранее отстраненных от принятия решений, в руководстве сначала сферой экономики, а затем политики, осуществлением руководящих функций народными организациями" ¹⁴⁹. Однако развитие политических процессов в стране приняло во многом иное направление, что в немалой степени объяснялось определенными сдвигами в позиции вооруженных сил.

Вооруженные силы в революционных, антиимпериалистических преобразованиях.

"План Инка", разработанный революционными демократами, заканчивался разделом о роли вооруженных сил в перуанской революции. Авторы плана подчеркивали, что армии предстоит сыграть руководящую роль в процессе революционных преобразований, обеспечить их необратимый характер ¹⁵⁰. Руководители революционно-демократического ядра в вооруженных силах понимали, что хотя большинство офицерского корпуса к моменту прихода к власти Революционного правительства вооруженных сил было охвачено антиолигархическими и антиимпериалистическими настроениями, предстояла еще большая и напряженная работа по приобщению армии к сознательному и активному участию в революционных преобразованиях. В немалой степени такое положение объяснялось своего рода неравномерностью процесса идеологической и политической эволюции различных

---

¹⁴⁹ *Expreso*, 10.XII.1975.

¹⁵⁰ *La Prensa*, 1974, 29 jul.

родов войок, глубиной и масштабностью их опыта по знакомству с коренными проблемами национальной действительности, контактами с народными массами.

Немаловажное значение в плане активного включения военных в процесс революционных преобразований имела и проблема роли вооруженных сил в целом как особого социального института в структуре перуанского общества. Приход к власти Революционного правительства вооруженных сил поставил со всей остротой вопрос о совершенствовании профессионального облика вооруженных сил, об устранении всех препятствий на пути их модернизации, о резком улучшении на всех уровнях механизма взаимодействия всех компонентов военного организма. Эту задачу перуанским руководителям приходилось с самого начала решать в условиях, когда приход к власти военного правительства уже был сам по себе отражением интенсивного процесса втягивания вооруженных сил в политику. Иными словами, вопрос о соотношении и взаимосвязи профессионализма и политической роли армии выдвинулся на первый план.

В этой области перуанским руководителям приходилось решать задачу, со многими неизвестными, искать новые пути. До сих пор приход в той или иной латиноамериканской стране к политической власти военных режимов, по сути дела, оставял этот вопрос открытым. Соботвенно говоря, иначе и не могло быть, поскольку эти военные режимы, независимо от того, выступали ли они под флагом "черносотенного охранительства" или "неокапиталистической" модернизации в отношении армии исходили из идеи ее "надклассовости", из того, что она является защитницей "национальных ценностей".

Военная реакционная, проимпериалистическая верхушка, правя от имени вооруженных сил, в то же время выступала нередко за "чистый" профессионализм вооруженных сил, ратовала за создание гарантий, способных обеспечить их безопасность от влияния "пагубных" идеологических влияний, за их "аполитичность". Одновременно с пропагандой "деполитизации" вооруженных сил в армии разжигались настроения ее мессианской роли, усиленно использовался лозунг о превосходстве

"военного мира" над "миром гражданским". Все это делалось для того, чтобы изолировать армию от народа, поставить ее в положение перманентной конфронтации с прогрессивными силами, законосервитьровать сознание военных на уровне антинародных патерналистских стереотипов.

Результатом такой политики были глубокий "институционный кризис" вооруженных сил, их профессиональная, политическая деградация. На Кубе, как уже отмечалось, этот кризис привел к разложению старой армии, возникновению в ходе революции предпосылок для создания армии нового типа, армии социалистической, неразрывно связанной с народом. Кубинские вооруженные силы – это армия, оснащенная самой передовой техникой, отличающаяся высоким профессионализмом. В то же время – это подлинно народная армия, воодушевленная передовыми революционными идеями.

Перуанские руководители, бесспорно, учитывали неоднозначный опыт эволюции армий других стран Латинской Америки. Опираясь на позитивные сдвиги, которые произошли за последние годы в перуанских вооруженных силах, они поставили своей задачей превратить армию, претерпевшую уже значительную эволюцию, в армию нового типа, способную обеспечить защиту и успешное развитие революции.

"Очень важным элементом революционной идеологии правительства, – говорится в политическом докладе Центрального комитета Перуанской компартии на VI съезде, – является тезис о том, что вооруженные силы не должны занимать нейтральную, так называемую чисто профессиональную позицию, а наоборот, должны следовать традициям армии времен войны за независимость, двигать вперед революционные преобразования, бороться за освобождение страны из-под империалистического гнета"¹⁵¹. Такая позиция руководителей Революционного правительства вооруженных сил отражала их стремление превратить армию в действенный и эффективный оплот социальных преобразований.

Работа по политической и идеологической переориентации

---

¹⁵¹ Sexto congreso del FCP. Documentos, N 1, p.53.

вооруженных сил, как называли этот процесс перуанские военные руководители, велась весьма интенсивно с использованием самых различных форм и методов политического, идеологического, социально-психологического воздействия. Важное место в этой деятельности занимала пропаганда и разъяснение вооруженным силам правительственных планов развития, сущности нового общества, построение которого выдвинуто в качестве главной цели революционных преобразований в стране.

Эта разъяснительная, пропагандистская работа далеко не носила, так сказать, чисто просветительский характер. Она прежде всего ориентировалась на разъяснение и пропаганду среди военных новой роли вооруженных сил в перуанском обществе в условиях коренных революционных преобразований. В выступлениях перуанских руководителей с особой настойчивостью проводилась идея об исторической необходимости для вооруженных сил идти в ногу со временем, определять свои позиции, идеалы и устремления в соответствии с потребностями и духом эпохи. "Да, мы изменились, - говорил в своем выступлении в честь годовщины битвы при Айякучо (9 декабря 1970 г.) ¹⁵² генерал Веласко Альварадо, - и об этом мы должны говорить со всей определенностью. Мы должны быть горды, сознавая, что сделали правильный шаг, поскольку мы его совершили во имя Перу, эксплуатируемого народа, во имя простых перуанских мужчин и женщин, которые не могли до сих пор использовать свои огромные потенциальные возможности во имя Родины" ¹⁵³.

Обращение к освободительным традициям является важным звеном в деятельности перуанских руководителей по политической и идеологической переориентации вооруженных сил. "Мы считаем своими традиции Айякучо, говорил новый президент страны генерал Моралес Бермудес в послании к армии (9 декаб-

---

¹⁵² Эта годовщина отмечается в стране как день перуанской армии.

¹⁵³ Velasco. La voz de la Revolución. Lima, 1972, Томо р.40.

ря 1975 г.), — они укрепляют наши патриотические устремления и наполняют силой нашу революционную деятельность, которой мы отдаемся без остатка" ¹⁵⁴.

Активное участие вооруженных сил в революционных преобразованиях требует, как заявляли руководители Революционного правительства вооруженных сил, нового подхода к оценке роли армии в перуанском обществе, прежде всего уклонения теоретической диалектической связи между чисто профессиональными функциями и задачами военных и их участием в политике. Уже в "Плане Инка" необходимость совмещения профессионального совершенствования вооруженных сил с их политизацией, участием в революции была поставлена со всей определенностью ¹⁵⁵. После прихода к власти военного правительства решение этой проблемы, естественно, приобрело особую остроту и актуальность. "Наша задача руководителей страны, — говорил генерал Веласко Альварато на выпуске офицеров авиационного училища (декабрь 1971 г.), — неразрывно связана, таким образом, с нашей деятельностью в качестве профессиональных военных. Наша миссия по обеспечению национальной безопасности и наша глубокая заинтересованность в решении коренных проблем перуанского общества не могут быть отделены друг от друга" ¹⁵⁶.

Опыт обучения в КАЭМ стал распространяться и на другие военные учебные заведения, где также все больше внимания уделялось проблемам, далеко выходящим за рамки чисто профессиональных задач. Изучение социологии, экономики, права и многих других предметов и дисциплин становились составной частью подготовки офицерских кадров.

Участие вооруженных сил в революционных процессах вызвала настоятельную необходимость коренного пересмотра всей системы прежних традиционных представлений, связанных с про-

¹⁵⁴ Expreso, 1975, 10 dic.

¹⁵⁵ La Prensa, 1974, 29 jul.

¹⁵⁶ Alvarado J.V. Solidaridad y continuidad. Lima, 1971, p.15.

блемами национальной безопасности, "общественного порядка" и т.д. Процесс коренного пересмотра этих понятий начался еще до прихода к политической власти вооруженных сил. Перуанская революция придала ему более глубокий, целеустремленный характер.

В условиях развития и углубления революционных процессов в стране все большее значение приобретала теоретическая разработка военно-политической доктрины вооруженных сил, совершенствование идеологической и политической подготовки военных кадров. Основные положения этой патриотической антиимпериалистической доктрины в общих чертах были сформулированы еще до прихода к власти вооруженных сил. Однако только после создания Революционного правительства вооруженных сил для дальнейшей углубленной ее разработки, конкретизации возникли самые благоприятные возможности.

Большое внимание в этом плане уделялось руководителями вооруженных сил, правительством деятельности Центра высших военных исследований (КАЭМ). В октябре 1975 г. прогрессивные силы страны широко отметили 25 лет со дня основания КАЭМ. Со специальной статьей, посвященной этой дате, выступила газета перуанских коммунистов "Унидад", подчеркнув тесную связь КАЭМ с революционным процессом в стране, его исключительно большую роль в эволюции вооруженных сил в духе патриотизма, антиимпериализма ¹⁵⁷.

По каким направлениям разворачивалась исследовательская деятельность Центра, отражая сдвиги, происходившие в вооруженных силах? Как и до революции, значительное место в исследованиях КАЭМ занимали проблемы национальной безопасности, анализ различных компонентов, составляющих ее сущность. В частности, важное место отводилось анализу взаимосвязи между национальной безопасностью и "социальным благополучием" перуанского общества, под чем подразумевалось создание условий для ликвидации социальных потрясений, упрочения общественной стабильности. В ликвидации социальной несправед-

---

¹⁵⁷ Unidad, 1975, 5 nov.

ливости, которая порождает народные выступления, видели исследователи КАЭМ одно из главных средств решения кардинальных проблем перуанского общества.

Немалое внимание в военно-теоретической деятельности КАЭМ уделялось исследованию влияния на национальную безопасность внешних факторов зависимости страны. В стенах Центра более углублено и широко, чем до революции, анализировались механизмы, формы и средства империалистического проникновения в страну. Только свобода от всех форм иностранного вмешательства способна, согласно выводам исследователей из КАЭМ, обеспечить подлинную самостоятельность страны, ее независимую внешнюю политику ¹⁵⁸.

Разработка проблем национальной безопасности тесно увязывалась с конкретизацией и углублением основных положений военно-политической доктрины, которая превратилась в официальную доктрину перуанских вооруженных сил. Военные руководители страны противопоставляли ее проимпериалистическим, антинародным и антикоммунистическим теориям "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", решительно выступая против сохранения вооруженных сил в роли орудия на службе эксплуататорских классов, олигархии.

Свою точку зрения по этим вопросам Революционное правительство вооруженных сил изложило в Каракасе (сентябрь 1973 г.) на X совещании командующих сухопутными войсками стран-участниц межамериканской военной системы. Генерал Меркадо Харрин, бывший в то время премьер-министром перуанского правительства и командующим армией, в своем выступлении на совещании подверг резкой критике межамериканскую военную систему, в рамках которой вооруженным силам латиноамериканских стран отводится бесславная роль орудия подавления борьбы своих собственных народов. Не репрессии, подчеркнул в своем выступлении представитель Перу, а глубокие социаль-

---

¹⁵⁸ Villanueva V. El CAEM y la revolución de la Fuerza Armada. Lima, 1972, p.155-157.

ные преобразования способны решить коренные проблемы стран Латинской Америки ¹⁵⁹.

Армия не может оставаться в стороне от решения самых острых и неотложных национальных проблем, замыкаться в рамках чисто профессиональной своей деятельности. Наоборот, армия, по словам Меркадо Харрина, должна активно бороться за достижение национальной справедливости в стране ¹⁶⁰.

Решительно выступили представители перуанской армии против попыток превращения военных в орудие репрессий на службе антинациональных сил на совещании в Монтевидео (октябрь 1975 г.). В своем выступлении генерал Фернандес Мальдонадо противопоставил военных Перу представителям реакционной военизированной Чили, Уругвая, Бразилии, которые демагогически заявляли о подрывной деятельности "международного коммунизма". Перуанские военные, подчеркнул Мальдонадо, выступают за революционные преобразования, за строительство нового общества ¹⁶¹. Он резко критиковал антикоммунизм, который, по его словам, служил в Перу орудием "идеологического шантажа", чтобы сохранить страну в капиталистической системе ¹⁶². Именно капитализм, отметил генерал Фернандес Мальдонадо, с помощью межнациональных компаний, других орудий "эксплуатации и экономического угнетения" порождает "социальную подрывную деятельность", является главной причиной отсталости и слаборазвитости ¹⁶³. "Латинская Америка, - подчеркнул генерал Фернандес Мальдонадо, - должна учитывать новые изменения в мире. Мы не можем оставаться глухими ко всему и вся, ибо мы живем не в безвоздушном пространстве, а на планете по имени Земля" ¹⁶⁴.

---

¹⁵⁹ См.: Gral. de división EP, Mercado Jarrin E. Reflexiones sobre la seguridad y el desarrollo en America Latina. S.a., p.15.

¹⁶⁰ Ibid., p.16.

¹⁶¹ La Prensa, 1975, 29 oct.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Unidad, 1975, 5 nov.

¹⁶⁴ Ibidem.

В статье "Вооруженные силы, христианство и революция", напечатанной в журнале "Актуалидад милитар" (декабрь 1975 г.), Фернандес Мальдонадо, подчеркивая необходимость для вооруженных сил бороться бок о бок с трудящимися массами во имя построения нового общества, отмечал, что "капитализм неприемлем и даже антагонистичен перуанскому народу" ¹⁶⁵.

Для выполнения исторической миссии руководства процессом революционных преобразований необходимо, как неоднократно подчеркивали перуанские руководители, единство вооруженных сил, их институциональная сплоченность. "Это единство, — отмечается в решениях VI съезда перуанской компартии, — основанное на духе институционализма, а главное на стремлении действительно служить перуанскому народу и отечеству, означает не что иное, как сохранение преимущества огромной стратегической важности — единства вооруженных сил, которые уже являются вооруженной рукой революции" ¹⁶⁶.

Эта проблема, как свидетельствовало развитие событий в Перу, очень непростая и весьма противоречивая. Представители революционно-демократического течения в вооруженных силах, выступая за институциональное единство, отвергали компромиссы и попустительство в отношении тех, кто открыто вставал в оппозицию к революции. Они считали, что единство вооруженных сил должно основываться на незыблемых принципах защиты революционных процессов, сближения военных с народными массами.

Такую позицию они заняли во время правительственного кризиса, который произошел в конце мая 1974 г. в связи с выступлениями военно-морского министра, командующего флотом, вице-адмирала Варгаса Кабальеро. Последний ратовал за "свободу слова" для оппозиционной правительству контрреволюционной прессы. Органы буржуазной печати подняли овистопляску вокруг этого заявления, занимаясь прогнозами относительно

---

¹⁶⁵ Estrategia, N 37-38, noviembre-diciembre, 1975, enero-febrero, 1976, p.29.

¹⁶⁶ Sexto congreso del PCP. Documentos, N 2, p.40.

назревающего раскола между сухопутными войсками и военно-морским флотом. В своем стремлении спровоцировать раскол в вооруженных силах, реакция вновь попыталась сыграть на антикоммунизме, утверждая, что в вооруженных силах существует обеспокоенность "коммунистическим проникновением" в страну. В этой напряженной обстановке правительство действовало быстро и решительно. Варгас Кабальеро был выведен из правительства, снят с поста командующего военно-морским флотом, были проведены некоторые другие перестановки в кабинете министров.

В начале июля 1976 г. проблема институционального единства вновь выдвинулась на первый план, когда командующий центром военной подготовки генерал Боббио Сентурион отказался подчиниться приказам премьер-министра и военного министра Фернандеса Мальдонадо. Это выступление, которое явно бросало вызов институциональному единству, не носило чисто профессионального характера. Как писал венесуэльский журнал "Resumen", Боббио Сентурион отражал настроение предпринимательских кругов, выступающих против глубоких преобразований в стране ¹⁶⁷.

Хотя Фернандесу Мальдонадо и его сторонникам и удалось заставить уйти в отставку генерала Сентуриона, кризисные явления в правительстве вооруженных сил привели к тому, что в этом же месяце премьер-министр, ряд министров, известных своими левыми, антиимпериалистическими взглядами (генерал Гальегос Венеро, министр сельского хозяйства, генерал Валье де ла Флор, министр иностранных дел), подал в отставку. Сами изменения в правительстве были проведены под лозунгами сохранения единства вооруженных сил.

Очевидно, что консервативные круги в вооруженных силах, в частности в военно-морском флоте, под институциональным единством понимали такое "единство", которое ослабило бы позиции левых антиимпериалистических течений среди военных, воспрепятствовало бы углублению революционного процесса в

¹⁶⁷ Resumen. Caracas, 1976, 25 jul, p.27,

стране. Не останавливались они ради достижения своих целей и перед угрозой вызвать раскол в вооруженных силах, уйти из правительства. Особенно стали заметны эти негативные тенденции в рядах вооруженных сил после отставки с поста президента генерала Веласко Альварадо (август 1975 г.). Ее причины **неоднозначны** и лежат как в субъективной, так и в объективной областях. Тяжелая болезнь президента, с которой он мужественно и стойко боролся, все больше обострялась, что отрицательно влияло на руководство страной, порождая немало трудностей. Левонастроенные военные, рассматривая возможности ухода Веласко Альварадо с поста президента, исходили из необходимости сохранить в политике преемственность о том, чтобы консолидировать и углублять социальные преобразования. Однако отставка президента произошла не в те сроки и не так, как на то рассчитывали сторонники углубления преобразований; она во многом привела к иным результатам, так как активизировала выступления консервативно настроенных военных кругов.

Подобными выступлениями стремилась воспользоваться реакция, видя в них, помимо возможности ликвидировать революционные настроения в военной среде, также средство помешать процессу сближения вооруженных сил с трудящимися массами, установлению единства между ними, понимая, что такое единство является фактором огромной стратегической важности для успешного продвижения вперед революции.

"В условиях нашей страны, — подчеркивается в решениях XI съезда Перуанской компартии, — невозможна победа социализма, если рабочий класс будет противостоять вооруженным силам или их игнорировать. Равным образом, вооруженные силы без поддержки рабочего класса не смогут завершить антиимпериалистический этап революционного процесса и тем более построить свободное общество без эксплуататоров и эксплуатируемых" 168.

Процесс укрепления единства вооруженных сил с народом —

---

168 Sexto congreso del PCP. Documentos, N 2, p.40-41.

это сложный процесс. Упорную борьбу за такое единство в рамках создания широкого антиимпериалистического революционного единства ведут прогрессивные силы страны, видя в нем главное условие упрочения революционных завоеваний, дальнейшего их углубления. "В условиях, в которых разворачивается в Перу революционный процесс, - говорится в решениях VI съезда компартии, - единство рабочего класса и крестьянства с вооруженными силами является тем единственным путем, по которому будет развиваться этот процесс с ориентацией на социализм. Они являются теми основными силами, которые составляют единый антиимпериалистический фронт, призванный стать инструментом освобождения нашей родины" ¹⁶⁹.

Укрепления такого сотрудничества страшатся правые, контрреволюционные силы, которые за последнее время резко активизировали свою подрывную деятельность. Наряду со стремлением спровоцировать раскол в вооруженных силах, они выдвинули провокационный фальшивый лозунг "армия в казарму". Под его прикрытием и разглагольствованиями о необходимости возвращения к "демократии" они стремились заставить уйти с политической арены вооруженные силы.

С реакцией фактически солидаризировались ультралевые, которые своими авантюристическими действиями пытаются восстановить трудящихся, учащуюся молодежь против прогрессивного военного правительства, спровоцировать их на антиправительственные выступления. Как и правые, левяки выдвигают провокационный тезис о том, что в Перу главным противоречием является противоречие между армией и гражданским населением. Руководители апристов и сторонники бывшего президента Белаунде Терри призывали ооздать "гражданский фронт" с целью борьбы против "военной диктатуры".

Разоблачая несостоятельность и фальшь этого тезиса, перуанские коммунисты со всей определенностью и настойчивостью подчеркивали, что политический водораздел в Перу проходит не между армией, людьми, одетыми в военную форму, и граждан-

¹⁶⁹ Sexto congreso del PCP. Documentos, N 2, p.40.

ским населением, а между силами антиимпериализма и силами контрреволюции и ее сообщниками. Лозунг создания "гражданского", "антидиктаторского" фронта коммунисты охарактеризовали как реакционную, антипатриотическую акцию врагов революционного процесса в стране ¹⁷⁰.

Справедливость такой оценки со всей драматической очевидностью проявилась во время февральских событий 1975 г., когда силы контрреволюции в тесном контакте с леваками, отмигуемые поддержкой извне, устроили провокационную вылазку в Лиме и ряде других городов. Решительные действия вооруженных сил, которые пользовались энергичной поддержкой боевых классовых профсоюзов, демократических организаций, позволили подавить выступление контрреволюции в феврале 1975 г. "Солдаты вооруженных сил под командованием революционных офицеров были героями февральских событий, — писала газета перуанских коммунистов "Унидад", — рабочий класс и все трудящиеся, профсоюзы и политические организации, которые поддерживали революционный процесс, проявили решимость объединить свои усилия, чтобы предпринять совместные акции с вооруженными силами в защиту Родины и революции" ¹⁷¹.

Особенно широко развернули свою подрывную деятельность правые после прихода к власти нового руководства страны. Они выдвинули демагогический лозунг восстановления институтов "представительной демократии", распускали лживые слухи о подрывной деятельности "международного коммунизма" в отношении вооруженных сил. Фактически единый фронт с ними образовали ультралевые, которые выступили с провокационными нападками на вооруженные силы, призывали к созданию "революционной народной ассамблеи".

Сложность развития политических процессов в Перу как бы сфокусировалась в опубликованном правительством плане "Тупак Амару" (начало 1977 г.) и в острой борьбе, развер-

---

¹⁷⁰ Unidad, 1974, 21 nov.

¹⁷¹ Unidad, 1975, 7 febr.

нувшейся вокруг его основных положений. Согласно правительственным заявлениям, новый программный документ был как бы продолжением "Плана Инка", ставил своей целью консолидацию социальных преобразований, осуществленных в стране.

Действительно, в нем, как подчеркивали коммунисты, нашли отражение такие требования (защита государственного сектора, улучшение жизненных условий трудящихся, независимая внешняя политика), которые отражали интересы народных масс, патриотических сил страны ¹⁷².

В то же время по многим важным проблемам план "Тупак Амару" делал очевидный шаг назад по сравнению с революционно-демократическим содержанием "Плана Инка". В последнем плане содержались уступки частному капиталу, как местному так и иностранному, в области расширения возможностей для укрепления его позиций, отказ от дальнейшей политики углубления социальных и антиимпериалистических преобразований ¹⁷³. После опубликования плана был издан ряд декретов и законов, которые свидетельствовали об уступках частному капиталу. В частности, наибольшие уступки были сделаны по отношению к трудовым общинам, которые оказались лишенными многих своих важных прав, фактически не могли влиять в той степени, как раньше, на деятельность предприятий.

В плане "Тупак Амару", помимо всего прочего, предусматривался поэтапный возврат к конституционным формам правления, передача политической власти военными гражданоким лицам.

Коммунисты, другие левые силы, определяя свою позицию по этому разделу плана, выступили за то, чтобы такой переход не означал бы простой реставрации дореволюционных порядков, ликвидации глубоких социальных преобразований.

Правые же силы возврат к конституционности интерпретировали как шаг на пути возврата к традиционным институтам

¹⁷² Lo que planteó el PCP al presidente Morales Bermúdez. Lima, 1977, p.43-44.

¹⁷³ Ibid., p.42.

"представительной демократии", как возможную ликвидацию социальных преобразований.

Преследуя, таким образом, диаметрально противоположные цели, левые и правые силы приняли участие в выборах (июнь 1978 г.) в Учредительную ассамблею, которая должна выработать проект новой Конституции.

Результаты выборов отразили большую сложность политического положения в стране. Противники революционных преобразований получили в ассамблее 67 из 100 депутатских мест¹⁷⁴. Такой высокий процент голосов объясняется неоднозначными факторами. Сыграл свою роль тот факт, что в результате ряда антидемократических положений избирательного закона (лишение права голоса неграмотных, запрещение участвовать в выборах в качестве самостоятельной силы крупнейшим профсоюзам и крестьянским организациям) не смогли участвовать в выборах многочисленные слои трудового населения. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что правые партии, располагающие большими средствами, пользовались всемерной поддержкой местного и иностранного капитала.

В то же время результаты выборов показали, что даже при наличии неблагоприятных факторов левые силы добились значительных успехов. Коммунисты получили 6 депутатских мест (за них голосовали около 250 тыс. человек), столько же получили и представители Социалистической революционной партии (возникла в конце 1977 г.), которая была создана революционно настроенными военными (генералы Леонидас Родригес, Вальдес, контр-адмирал Хорхе Дельебиане и др.) и их союзниками из числа прогрессивной интеллигенции. Руководители этой партии в качестве своей центральной задачи выдвинули борьбу за углубление социальных и антиимпериалистических преобразований с ориентацией на социализм, начатых Ре-

¹⁷⁴ El avance de la izquierda y las próximas batallas por la independencia nacional y el socialismo. Primer balance político del resultado de las elecciones de la Asamblea constituyente, presentado por el c. Jorge del Prado a la reunión de la C.P. del C.C. el 30/V-78. Lima, 1978, p.2.

волюционным правительством вооруженных сил, возглавляемым генералом Веласко Альварано.

В то же время результаты выборов показали, что немалое число депутатских мест (18) получили представители левацких группировок ("Фронт рабочих, крестьян, студентов и народа", "Народно-демократическое единство"). Руководители этих объединений сумели воспользоваться недовольством широких слоев населения своим тяжелым положением и обеспечить себе поддержку среди полупролетарских, маргинальных слоев населения, части радикализованной молодежи. Работа Учредительной ассамблеи отразила эту сложную расстановку сил в стране. На крайне правом фланге находится Народно-христианская партия (27 депутатских мест), поддерживаемая представителями олигархических группировок. На центристскую роль претендуют представители апристской партии (36 депутатов), которые в отличие от ультраправых на словах признают необходимость включения в новую конституцию ряда социальных завоеваний, не прочь представить себя защитниками трудящихся масс.

Последовательную позицию защиты завоеваний перуанской революции занимают коммунисты, которые, расширяя сотрудничество с представителями Социалистической революционной партии выступают за разработку такой конституции, которая закрепил бы осуществление прогрессивных преобразований в стране. Представители ультралевых группировок нередко выступают с экстремистскими, нереальными инициативами, создавая тем самым трудности для деятельности коммунистов и их союзников в ассамблее.

В связи с меняющейся обстановкой в стране вновь большую остроту приобрел вопрос о роли вооруженных сил. Результаты выборов в Учредительную ассамблею показали, что среди широких слоев населения все еще сильны настроения "вульгарного антимилитаризма", в немалой степени объясняемые социально-экономической политикой военного правительства, тяжелым положением. Такими настроениями активно воспользовались как

правые, так и ультралевые во время выборов в ассамблею. Попав в нее, они развернули ожесточенную антимилитаристскую пропаганду. Лидер народно-христианской партии Бедойя обвинил военное правительство в "этатизме", во всех смертных грехах, требуя возврата военных в казармы. Ультралевые же объявили всех военных "гориллами", "фашистами", не проводя между ними никакой разницы. Они требовали роспуска вооруженных сил и замены их народной милицией.

Коммунисты, их союзники настойчиво подчеркивают крайне негативное влияние пропаганды "вульгарного антимилитаризма" на политически несознательные слои населения, решительно борются против этих вредных взглядов, разъясняя свою позицию в отношении армии. Выступая накануне выборов в Учредительную ассамблею, Хорхе дель Прадо отмечал большое историческое значение того факта, что процесс глубоких структурных преобразований возглавило "правительство подлинных военных-патриотов". Поэтому, по его словам, "в вооруженных силах глубоко укоренились антиимпериалистические настроения и стремления к социальному прогрессу", хотя существуют в их рядах и иные взгляды¹⁷⁵

"Внутри вооруженных сил, — подчеркивают перуанские коммунисты, — несмотря на выход левых военных из правительства также существуют патриотические и прогрессивные течения, сыгравшие важную роль на первом этапе процесса и готовые защищать его завоевания и бороться против правых тенденций и фашистской угрозы"¹⁷⁶ Поэтому всю свою значимость сохраняет борьба за единство всех прогрессивных сил революционной демократии. Один из видных деятелей перуанской революции генерал Фернандес Мальдонадо в одном из своих заявлений подчеркнул: "Ни международный фашизм, ни международный империализм, ни международная реакция не в состоянии что-либо

---

¹⁷⁵ Unidad, 1978, 22 jun.

¹⁷⁶ Проблемы мира и социализма, 1977, № 12, с.53.

сделать с народом, который сплотился под знаменем революции I77.

Борьба за единство приобрела особое значение в условиях, когда перуанский революционный процесс переживает большие трудности, когда деятельность военного правительства подвергается ожесточенным нападениям со стороны внутренней реакции, опирающейся на поддержку империализма.

I77 Unidad, 1974, 18 abr.

АРМИЯ ПАНАМЫ: ОТ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРЕТОРИАНСКИХ ФУНКЦИЙ К ЕДИНЕНИЮ С НАРОДОМ

Когда 11 октября 1968 г. Национальная гвардия Панамы свергла президента Арнульфо Ариаса, казалось, что повторится старая история. В стране происходили государственные перевороты, один президент сменял другого, но неизменно выгоды из всех политических пертурбаций получала правящая олигархия, и положение не менялось. Однако приход к власти панамских военных не был традиционным пронунциаменто. Он, как показало дальнейшее развитие событий, открыл качественно новый этап в развитии страны.

Кризис олигархической системы правления и Национальная гвардия Панамы

К моменту вступления на политическую авансцену Национальной гвардии страна переживала глубокий социальный и политический кризис. Правящий буржуазно-латифундистский альянс, представлявший интересы олигархии, оказался бессильным держать под контролем народные массы, которые начали приходить в движение, бороться за свои права. В этих условиях все менее эффективной становилась националистическая демагогия правящей олигархии, к которой она прибегала, что-

бы, по словам американского исследователя Даниэля Голдрича, отвлечь внимание народа от острых внутренних социальных проблем^I. Действительно, такой "национализм" все меньше срабатывал в условиях, когда борьба против засилья американского империализма в стране все теснее начала переплетаться с борьбой социальной, с вытуплениями студенчества, трудящихся масс и особенно молодого рабочего класса.

Зона Панамского канала, оккупированная Соединенными Штатами, превращенная ими в свою вотчину, являлась тем узлом противоречий, подход к решению которых все более отчетливо определял кристаллизацию различных политических течений панамского общества. Правящая олигархия использовала проблемы Панамского канала в качестве козырной карты в "националистической" политике, широко рекламируя свои противоречия с американскими правящими кругами, даже нередко занимая позиции "конфронтации" с ними. На деле же это был ничем не прикрытый торг панамской олигархии с иностранным капиталом с целью получения больших выгод для себя от эксплуатации канала.

Не более действенными и эффективными оказывались другие разновидности националистической политики и идеологии — буржуазные и мелкобуржуазные. Эти течения, как правило, выступали под антиолигархическими лозунгами, широко использовали социальную демагогию. Однако всем им в большей или меньшей степени были присущи неумение и нежелание связать борьбу с олигархией — притом не на словах, а на деле — с антиимпериалистической программой, предложить подлинно патристическое решение проблемы Панамского канала.

Наиболее отчетливо эта ограниченность и бескрылость национализма проявилась в деятельности так называемой Панамской партии, точнее "панамского движения", лидером которого был Арнульфо Арриас. Это было массовое политическое движение, преимущественно мелкобуржуазное по своему социальному составу. Идеология этой партии, окрещенная ее лидерами

^I См. Political Systems of Latin America. New York, 1970, p. 159.

"панамизмом", представляла собой эклектичную смесь национализма и даже расизма с антиолигархической риторикой, популистскими лозунгами. Сам лидер партии А. Арриас, искусственный политик, являл собой типичный пример харизматического каудильо. Он активно использовал националистическую социальную демагогию, небезуспешно играя на отсталости и предрассудках многочисленных мелкобуржуазных слоев населения, особенно настойчиво апеллируя к полупролетарской, маргинальной прослойке.

Панамская партия была неотъемлемой составной частью политической системы, созданной олигархией. Она играла своего рода роль громозвона. Не случайно олигархия в общепринятом без больших опасений выдвигала на политическую авансцену А. Арриаса в наиболее трудные для нее времена. С его помощью она рассчитывала ослабить накал народной борьбы, отвести народное недовольство в безопасное для нее русло каудильистской, харизматической политики.

По мере углубления антиимпериалистической борьбы позиции Панамской партии даже на словах становились все более умеренными, ее лозунги — все менее антиолигархическими, а ее лидеры проявили явную тенденцию к "интеграции" с правящей олигархией. В этом плане выдвижение А. Арриаса на пост президента в 1968 г. было не только проявлением традиционной для олигархии политики использовать тактику громозвона в неблагоприятные для нее времена, но и попыткой придать "динамизм" своему "национализму" путем создания единого фронта с националистами из рядов Панамской партии. Не возражали против такой комбинации и правящие круги США, для которых А. Арриас, в силу своей склонности к соглашательству, был вполне приемлемым партнером на неизбежных переговорах по проблеме Панамского канала. По словам Генерального секретаря Народной партии Панама Рубена Дарио Соузы, правящие круги США "ничего не имели против традиционного порядка вещей, когда власть с помощью избирательного механизма пере-

ходила из рук одного продажного проамериканского клана в руки другого такого же клана" ².

Однако при сложившихся обстоятельствах этот план не сработал по причине глубокого кризиса всей системы олигархического господства в стране, нежелания народных масс мириться с ним.

Этот кризис особенно наглядно проявился в обострении основных противоречий панамского общества. Засилье империализма в стране, что прежде всего выражалось в оккупации зоны Панамского канала, естественно, являлось главным противоречием между панамской нацией и империализмом. Но радикальное, исчерпывающее решение этого противоречия, как подчеркивали панамские коммунисты, не было возможно без решения другой важной проблемы — решения проблемы антагонизма между панамским народом и местной олигархией, которая являлась орудием в руках империализма, своеобразным прикрытием его интересов.

Объясняя диалектику и соотношение этих двух основных противоречий, панамские марксисты, написавшие труд "Панама 1903—1970", отмечают: "Так проявление противоречия нации о империализмом, которое характеризует весь период процесса национального освобождения, некоего отстывает на второй план по сравнению с противоречием между народными массами и господствующими группами, которое обостряется, становясь определяющим для этого этапа. Характерной чертой данного противоречия на этом этапе является антагонизм между национальными интересами, демократическими устремлениями панамского народа и интересами буржуазно-латифундистских группировок, которые превратились в клан национальных предателей и угнетателей трудящихся масс" ³.

В условиях Панамы, когда народное движение во многом еще носило стихийный характер, было слабо организовано, инициатива решения основного противоречия не могла по этим при-

---

² См. Trabajo. San José, 1971, N 131, p.17.

³ Souza R.D., De León C.A., Changmarín H.V.C. Panama, 1903—1970. Santiago de Chile, 1970 p.114—115

чинам исходить от трудящихся масс. Поэтому такое немаловажное значение приобретал вопрос, куда пойдет военный режим, установленный после свержения Ариаса.

Что же представляла собой Национальная гвардия, которая столь решительно выступила на политическую авансцену, нарушив "нормальное" функционирование всего избирательного механизма, отлаженного правящей олигархией, спутав заодно и планы правящих кругов США?

До 1953 г. в Панаме не было армии в собственном смысле этого слова, а существовали полицейские соединения военного типа. Только с приходом к власти полковника Ремона в 1952 г. началось формирование Национальной гвардии, т.е. панамской армии, стал создаваться офицерский корпус, происходила модернизация вооружения, менялись методы обучения личного состава, что создавало предпосылки для возникновения профессиональных вооруженных сил.

Шаги по созданию профессиональной армии были не случайно предприняты правящей олигархией. В стране проходил подъем массового движения, политическую систему, созданную олигархией, все больше поражал кризис. Поэтому организаторы национальной гвардии видели в ней вооруженную руку олигархии, орудие подавления народных выступлений.

Пожалуй ни в какой другой латиноамериканской стране на армию столь откровенно и неприкрыто не возлагались полицейско-репрессивные функции подавления народных выступлений. Соединения Национальной гвардии использовались для разгона студенческих демонстраций, для расправы с выступлениями рабочих и крестьян, для ведения боевых операций против партизан.

Создание гвардии с полицейско-репрессивными функциями означало возникновение в стране, по словам панамских коммунистов, феномена "репрессивного милитаризма"⁴. Характеризуя позицию руководства Национальной гвардии в тот период,

---

⁴ Souza R.D., De León C.A., Changmarín H.V.C. Panamá 1903-1970, p.104-105.

видный деятель антиимпериалистического движения Карлос Кальсадилля отмечал, что во главе армии стояли представители олигархии, которые "поставили вооруженные силы республики на службу худшим интересам отечества" ⁵.

Однако в самих особенностях формирования панамской профессиональной армии, ее основных функциях были заложены глубокие противоречия, которые накладывали сильный отпечаток на ее развитие и в конечном счете привели к приходу военных к власти в 1968 г.

Прежде всего, следует иметь в виду особенности формирования офицерского корпуса. Олигархия относилась к профессии военных с нескрываемым пренебрежением, чуралась их "грязной работы". Поэтому на военную карьеру представители олигархии смотрели как на дело их "недостойное", выбирали для своих детей более "благородное" занятие. "Сыновья системы истеблишмента, — по словам Голдрича, — предпочитали военной профессии другую карьеру" ⁶.

Подражая стереотипам мышления высших классов, привилегированные группы средних слоев населения также пренебрежительно относились к военной карьере, которая, по их мнению, не дает им возможности приобрести достаточно "престижный" социальный статус. Поэтому в Панаме офицерский корпус формировался почти исключительно из представителей низших, непривилегированных групп средних слоев, тесно связанных с трудящимися массами. Небезынтересно, что военную карьеру избрал для себя немало представителей молодежи, многие из которых участвовали в тот или иной период своей жизни в деятельности демократических массовых организаций ⁷.

Конечно, само по себе социальное происхождение предста-

---

⁵ Ahumada A., Picard Ami M.A., Calzadilla C. El poder popular. Panamá, 1974, p.50.

⁶ Goldrich D. Sons of Establishment. Elite Youth in Panama and Costa Rica. Chicago, 1966, p.29-30.

⁷ См. Проблемы мира и социализма, 1971, № 2, с.67; 1972, № 2, с.70.

вителей офицерского корпуса не могло непосредственно влиять на облик панамской армии, политические позиции военных. И в Панаме, хотя, пожалуй, в меньшей степени, чем в ряде других латиноамериканских стран, офицеры, выходцы из малозажиточных слоев населения, верой и правдой служили правящим классам, подражали их образу жизни, о нескрываемой враждебностью относились к трудящимся.

Командующий Национальной гвардией и лидер панамской революции генерал Омар Торрихос, характеризуя этот тип панамского военного, писал в широко известном открытом письме от 7 мая 1973 г. сенатору Эдварду Кеннеди: "Олигархия умело использовала тщеславие и алчность некоторых военных, вовлекая их в свои социальные сферы и привлекая их к участию в своих предприятиях"⁸. Голдрич, ссылаясь на наличие этой тенденции в рядах панамского офицерского корпуса, даже назвал ее доминирующей, определяющей облик Национальной гвардии⁹.

Однако процессы, происходящие в национальной гвардии, нельзя характеризовать столь однозначно. Прежде всего, сама драматическая панамская действительность с ее кричащими социальными контрастами, с империалистическим господством не могла не оказывать влияния на военных. В их среде усиливались антиолигархические и антиимпериалистические настроения, нежелание быть орудием в руках олигархии и империализма для подавления борьбы народных масс. Участие в карательных экспедициях против партизан, бунтующих крестьян позволило им ближе узнать бедственное положение народа, понять справедливость их требований. В рядах Национальной гвардии усиливалось стремление к изменениям в стране и осуществлению преобразований. Все это привело к тому, что она постепенно превращалась в своего рода "автономную силу", "дизинтегрирующий" фактор в олигархической политической системе.

⁸ Gral. Torrijos O. Batallas de Panamá. Buenos Aires, 1973, p.101.

⁹ Political Systems Latin America, p.157-158.

Далеко не все в Национальной гвардии стремились найти выход из кризиса на путях антиимпериалистических преобразований. Некоторые ее представители рассчитывали путем превентивного, государственного переворота воспрепятствовать разворачиванию массового народного движения, перехватить инициативу у демократических сил. Они, как показало дальнейшее развитие событий, не отказались от использования методов "репрессивного милитаризма" для осуществления своих политических целей. Однако до поры до времени внутренние противоречия в рядах Национальной гвардии отошли на задний план, и II октября 1968 г. она выступила как единый институт.

Приход к власти военных привел к существенному изменению политической обстановки в стране. Военное правительство распустило Национальную ассамблею и запретило деятельность партий. Все это привело к тому, что олигархия оказалась отстраненной от политической власти, а следовательно, империализм во многом оказался лишенным своей политической опоры в стране.

Объективно в Панаме начали возникать благоприятные возможности для подъема освободительного, антиимпериалистического движения, его углубления и радикализации. Многие в дальнейшем развитии событий зависело от того, какую внутреннюю и внешнюю политику будет проводить новый режим, на какие социальные силы он будет ориентироваться. По данным вопросам у представителей нового панамского режима, на разработку политики которого определяющее влияние оказывали военные, не существовало единого мнения. Сторонники "репрессивного милитаризма" стремились толкнуть правительство на путь борьбы против демократических сил, в первую очередь против коммунистов. Немало революционеров и патриотов подвергалось репрессиям, было брошено в тюрьмы. Такая политика препятствовала сближению нового режима с трудящимися массами, прогрессивными силами, играла на руку олигархии и империализму.

Существовали в правительстве и рядах Национальной гвардии и такие элементы, которые были не прочь пококетничать

левой, даже ультрареволюционной фразой, требовали "решительных действий" без всякой подготовки, без опоры на массы. Иными словами, и любители "левой" фразы среди панамских военных и сторонники репрессивной политики выступали с позицией своеобразного "военного патернализма", стремились подменить собой массы.

Этим течениям в правительстве и армии противостояло влиятельная группа, возглавляемая командующим Национальной гвардией О.Торрихосом. Именно она постепенно одерживала верх, укрепляла свои позиции. Ее представители, стоящие на левонационалистических позициях, стремились сблизиться с народными массами и прогрессивными силами, проводить патристическую внутреннюю и внешнюю политику.

Стремясь опереться на поддержку рабочего класса, они выступали за создание единого профцентра, разработку нового трудового законодательства. Большой резонанс во всей стране вызвало выступление О.Торрихоса перед трудящимися в Пуэрто-Армуэльос, где он заявил, что в Панаме происходит революция, которая ставит своей целью преобразование страны, улучшение положения трудящихся масс. "Революция 11 октября - это революция всех трудящихся республики"¹⁰.

Генерал призвал рабочих создать единый национальный профцентр, что явится "воплощением в жизнь мечты всех трудящихся, всех профсоюзных руководителей, которые в течение многих лет стремились достичь этой цели, но терпели неудачу из-за преследований, непонимания и оппозиции со стороны аморальных и коррумпированных правительств"¹¹. Создание такого профцентра, по словам О.Торрихоса, позволит рабочим успешно противодействовать антипрофсоюзной политике, постоянному попранию интересов рабочих¹². О.Торрихос говорил, что создание единого профцентра позволит трудящимся не толь-

¹⁰ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.46.

¹¹ Ibid., p.47.

¹² Ibidem.

ко эффективно бороться за улучшение условий своей жизни и труда, но и играть активную роль в судьбах страны, в революции ¹³.

Это было недвусмысленным предупреждением буржуазно-олигархическим группировкам, что военные более не желают быть их "вооруженной рукой", подавлять выступления трудящихся, а наоборот, полны решимости защищать их интересы, поддерживать их борьбу за свои права. Заявления Торрихоса вызвали раздражение олигархии и империализма, предопределили их враждебное отношение к нему и его сторонникам. Реакция стремилась любой ценой не допустить усиления позиций патриотически настроенных военных, вернуться к тем временам, когда армия была послушным орудием в руках олигархии. Свои главные надежды она возлагала на группу высших офицеров, сторонников "репрессивного милитаризма", враждебно настроенных по отношению к О.Торрихосу.

Воспользовавшись отъездом Торрихоса в Мексикку, они предприняли 15 декабря 1969 г. попытку государственного переворота. В спешном порядке была сформирована временная хунта во главе с полковником Пинильей. Другой главарь заговорщиков, полковник Рамиро Сильвера, был назначен вместо О.Торрихоса командующим Национальной гвардией, а его заместителем — полковник Амадо Санхур. Организаторы переворота не утруждали себя излишней аргументацией в оправдание своих действий. Они обвинили О.Торрихоса в приверженности коммунизму, в попустительстве "инфильтрации" коммунистов, в стремлении установить в стране "тоталитарную диктатуру" ¹⁴.

Заигрывая с олигархией, стремясь доказать ей свою "благонадежность", хунта заявила о намерении вернуть стране "конституционные" формы правления, а гвардия, по словам заговорщиков, обеспечит "общественный" порядок, "стабильность"

---

¹³ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.47.

¹⁴ El general volvió. 15 de diciembre de 1969. Panamá, 1970.

и "национальную безопасность" ¹⁵. В поддержку хунты выступили реакционные силы страны, приветствуя ее декларации о возвращении к институту "представительной демократии". Национальный совет частных предпринимателей подвергал нападкам политику О. Торрихоса за его "персонализм", стремление сохранить власть на "неопределенно долгий срок" под предлогом осуществить революцию.

Панамские предприниматели требовали как можно скорее вернуться к "гражданским формам правления", а армию отправить в казармы. "Поэтому, — заявляли предприниматели, — необходимо, чтобы как можно быстрее была создана гражданская правительственная хунта, в которую вошли бы авторитетные и способные люди, пользующиеся уважением всего национального сообщества. В течение шести месяцев она должна принять меры для восстановления в стране всех институтов и гарантий, которые предусмотрены конституцией" ¹⁶. Это была программа прежних олигархических порядков под вывеской "представительной демократии", направленной на предотвращение дальнейшей радикализации армии, ее сближения с трудящимися.

Заговорщики понимали, что без поддержки Национальной гвардии их планы обречены на неудачу. Поэтому они попытались привлечь на свою сторону офицерский корпус, прельщая военных повышением в звании, улучшением их материального и профессионального положения. А полковник Санхур заявил группе посетивших его офицеров, которые пытались выяснить причины государственного переворота: "Ни о чем не беспокойтесь, все обстоит как нельзя лучше, поскольку я пользуюсь неограниченной поддержкой ЦРУ" ¹⁷.

Однако планы заговорщиков натолкнулись на решительное противодействие со стороны подавляющего большинства офицеров, которые выступили против путчистов и заявили о поддер-

---

¹⁵ El general volvió. 15 de diciembre de 1969.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

жке генерала Торрихоса. По всей стране командиры военных соединений солидаризировались с генералом О.Торрихосом.

Опорным пунктом сопротивления путчистам стала 5-я военная зона в провинции Чирики. Выступая перед войсками этой зоны, ее командующий, майор Мануэль Антонио Нориега заявил: "Я собрал всех вас, поскольку у командования есть правило говорить войскам всю правду, когда армия переживает кризис наподобие нынешнего. И я хочу сказать вам без обиняков, что некоторые недостойные члены Национальной гвардии, вступившие в сговор с людьми, чьим незаконным сделкам и интересам революция нанесла ущерб, совершили переворот, чтобы свергнуть генерала О.Торрихоса, который находится в городе Мехико.

Я собрал всех вас, чтобы сказать, что я решил не подчиняться заговорщикам. Здесь мы будем ждать генерала Торрихоса и будем сражаться до последнего человека" ¹⁸.

Именно в месторасположение войск 5-й военной зоны прибыл из Мексики О.Торрихос и отсюда организовал наступление на штаб-квартиру путчистов в г.Панаме. Военных-патриотов в их борьбе о контрреволюцией энергично поддержали рабочие банановых плантаций, крестьяне, которые присоединялись к ним по пути движения войск.

Временная хунта не просуществовала и двух дней: уже 16 декабря руксводители заговора были арестованы верными О.Торрихосу военными и заключены в тюрьму ¹⁹.

Для патриотически настроенных военных декабрьские события также были поучительным, серьезным уроком. Они поняли, что без поддержки народа мало что можно добиться, тем более осуществить серьезные социальные преобразования. Декабрь 1969 г. стал своеобразным политическим водоразделом

---

¹⁸ El general volvió. 15 de diciembre de 1969.

¹⁹ Впоследствии трем из них удалось бежать из тюрьмы и скрыться в зоне Панамского канала, откуда они были вывезены в США, несмотря на требования правительства Панамы передать их панамским властям.

в развитии страны. Освободительный процесс начал приобретать с этого времени все более глубокий антиимпериалистический, антиолигархический и революционный характер, так как в него вовлекались широкие слои населения.

Роль Национальной гвардии в освободительном, антиимпериалистическом процессе в Панаме

Возникновению благоприятных условий для развития освободительного процесса в немалой степени способствовало упрочение в армии позиций представителей патриотического течения (прогрессивного национализма, как его охарактеризовали панамские коммунисты) во главе с генералом Торрихосом. Именно они осуществили чистку в Национальной гвардии, изгнав реакционеров, агентов ЦРУ, обновили командные кадры людьми, преданными национальным интересам, сторонниками социальных, антиимпериалистических преобразований.

Военные, занявшие ключевые посты в Национальной гвардии, относились с глубокой симпатией к политике перуанских военных. Они не скрывали, что эта прогрессивная, антиимпериалистическая политика им близка. Кстати отметим, что некоторые панамские офицеры учились в Центре высших военных исследований в Перу²⁰.

Эти настроения панамских военных-патриотов неоднократно высказывал в своих выступлениях О.Торрихос, который сформулировал новую военно-политическую доктрину панамской армии.

Свои взгляды и идеи относительно роли армии в политической жизни Панамы, а отчасти и вообще в странах Латинской Америки, О.Торрихос изложил в вышеупомянутом открытом письме сенатору Эдварду Кеннеди. Поводом для него послужило одно

²⁰ См. Trabajo, 1971, N 131, p.15.

из публичных выступлений сенатора, в котором он, чисто формально защищая институты "представительной демократии", отрицательно охарактеризовал военные режимы в Латинской Америке, не делая между ними никаких различий.

Полемизируя с Кеннеди, считая такой подход формальным и абстрактным, О.Торрихос обращался к истории своей страны, чтобы дать оценку институтам панамской "представительной демократии", "свободным выборам" в рамках этих институтов. Он писал что эти "демократические" выборы были просто напросто фарсом, разыгрываемым правящей олигархией для обмана народа, с целью внушить ему иллюзии, что он правит страной. В действительности страной правила олигархия, которая опиралась на вооруженные силы и церковь. "Оружие военных использовалось для того, - подчеркивал О.Торрихос, - чтобы подавлять выступления народа и воспрепятствовать тому, чтобы разнузданный сброд, как называли народные массы, отказывал в "уважении" правящим классам" ²¹.

Ссылаясь на собственный опыт, О.Торрихос говорит, как постепенно он убеждался в чудовищной неоправедливости того строя, который он и другие панамские военные призваны были защищать. Участие в подавлении выступлений крестьян и студентов все больше убеждало его в справедливости борьбы тех, против кого направляли по приказу олигархии свое оружие военные. "Вплоть до сегодняшнего дня я не припоминаю ни единого случая на протяжении всего времени моего командования войсками, предназначенными для поддержания общественного порядка, чтобы справедливость не была на стороне тех, против кого мы направляли свои штuki" ²².

Более того, знакомство с программой партизан помогло ему, по словам О.Торрихоса, понять все благородство и справедливость их борьбы, идеалов. "Прочитав их прокламацию, я подумал, что если бы не военная форма, я был бы вместе с

---

21 Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.101.

22 Ibid ., p.102.

ними, по ту сторону баррикад" ²³. И далее Торрихос подчеркивает, что именно опыт борьбы с партизанским движением утвердил его в намерении поставить армию на службу подлинным национальным интересам, если когда-либо он возглавит Национальную гвардию ²⁴.

Безотрадная действительность, нищета народных масс убеждали военных, что их враг — не студенческая молодежь, не крестьяне, а те нечеловеческие условия, которые порождают социальные конфликты. Поэтому военные все больше убеждались в необходимости вести "войну" иного типа, "войну, способную покончить с причинами, которые привели к такому положению дел в стране, которая по своим ресурсам и возможностям не заслуживает подобной участи" ²⁵. Именно эта своеобразная "переоценка ценностей" заставила военных, которые являлись единственно организованной силой в стране, взять власть в свои руки, чтобы покончить с позорным прошлым, ликвидировать отжившие структуры ²⁶.

Подобные настроения характерны, по словам О.Торрихоса, не только для панамских военных. Они все сильнее проявляются и в армиях других латиноамериканских стран, вызывая к жизни новый тип военных, преданных делу народа, борющегося за социальную справедливость ²⁷.

Важное место во взглядах прогрессивно настроенных панамских военных занимала проблема укрепления единства армии с народом, которое, по их глубокому убеждению, сможет обеспечить прочность и необратимость освободительных, антиимпериалистических процессов в стране. "Эту революцию мы, военные, совершили не ради собственной выгоды и интересов. Эту революцию мы, военные, совершили... ради интересов наро-

²³ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.102.

²⁴ Ibid., p.103.

²⁵ Ibid., p.104.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid., p.103-104.

да" ²⁸. Именно поэтому, подчеркивали руководители панамской армии, столь необходим союз народных масс с военными. "Мы, военные, — заявляет О.Торрихос, — горды тем, что служим народу, мы хотим и впредь быть его вооруженной рукой и опорой, поскольку мы испытываем к нему самое глубокое чувство уважения и симпатии" ²⁹.

В своих выступлениях О.Торрихос раскрывал смысл и сущность единства армии с народом. Выступая перед трудящимися Пуэрто-Армуэльос 1 мая 1972 г. он вновь подчеркнул, что революцию 1968 г. военные совершили ради трудящихся, что армия превратилась в вооруженную руку народа, которая в крепком рукопожатии оплетается "с мозолистой рукой рабочего" ³⁰.

Ярким выражением стремления военных-патриотов крепить единство с народными массами, вести с ними плодотворный конструктивный диалог, разъяснять им смысл происходящих событий явилась грандиозная народная манифестация 11 октября 1971 г. (в ней участвовало несколько сот тысяч человек) в связи с третьей годовщиной революции. Генерал О.Торрихос в выступлении на митинге подчеркнул, что шесть тысяч винтовок Национальной гвардии всегда наготове для защиты чести и достоинства народа ³¹.

В выступлениях О.Торрихоса и других руководителей панамского правительства всемерно и настойчиво подчеркивалась мысль о возникновении в стране армии нового типа, связанной с народом, готовой с оружием в руках отстоять его завоевания, защищать родину. Широкая пропаганда этой идеи объяснялась рядом причин. Олигархия, стремясь дискредитировать политику военного режима, апеллировала к настроениям "антимилитаризма", пыталась вызвать недоверие у народа к военным.

²⁸ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.70.

²⁹ Ibid., p.92.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid., p.89.

При поддержке империализма реакция спекулировала на лозунгах "разоружения", "демилитаризации", чтобы предотвратить себя сторонницей социального прогресса, улучшения положения народных масс. Достойную отповедь этой "антимилитаристской" демагогии дал тогдашний министр иностранных дел Панамы Хуан Антонио Тэк в своем выступлении на одном из заседаний Организации американских государств в Сан-Хосе (Коста-Рика) 15 апреля 1971 г. Характеризуя позицию патристически настроенных военных, Тэк отметил: "В Америке появился новый тип военных, которых оскорбляет традиционная политика вооружаться в ущерб просвещению, здоровью, благополучию наиболее нуждающихся слоев населения, которые имеют преимущественные права на помощь со стороны государства" ³².

Однако необходимость защиты национального суверенитета, народных завоеваний, борьба против попыток контрреволюционной реставрации с большой настоятельностью требует наличия вооруженных сил, способных обеспечить продвижение освободительных процессов вперед. "В конце концов речь идет не только о том, — подчеркивал Тэк, — владеть или не владеть большим или меньшим количеством оружия. Очень важно также знать, кто использует это оружие и в каких целях. Если раньше оружие использовалось в самых отвратительных целях подавления справедливых выступлений обездоленных масс, то теперь появляется возможность превратить наши армии в опору народной власти, что обеспечит торжество самых благородных и справедливых целей в борьбе против традиционной олигархии" ³³.

В Панаме эта новая роль военных встречала все большее понимание среди широких слоев населения. Об этом с чувством гордости и глубокого удовлетворения говорит О. Торрихос: "Мы, военные, испытываем чувство глубокого удовлетворения складывающимся союзом народа и вооруженных сил, и нам приятно вы-

---

³² Documentos básicos de la política exterior del gobierno Revolucionario. Panamá, s.a., p.47.

³³ Ibid., p.78.

полнять свой долг, когда нас ценят и уважают" ³⁴. А в официальном издании, посвященном панамской армии, приуроченном к седьмой годовщине прихода к власти военных (октябрь 1975 г.), о союзе военных с народом говорилось так: "Национальная гвардия полностью отождествляет свои интересы с интересами крестьян, студентов, рабочих, всех трудящихся" ³⁵.

Такая эволюция во взаимоотношениях армии с народом стала возможной в результате серьезных перемен, происшедших в стране после победы прогрессивного течения в рядах Национальной гвардии. Панамские коммунисты подчеркивали, что подобные изменения оделили возможным новый шаг в диалоге между военными и трудящимися, который успешно развивался по мере отказа от политики "репрессивного милитаризма" ³⁶.

"Союз винтовки и молодости" назвал О.Торрихос главной движущей силой панамской революции. А под молодостью, по его словам, он подразумевал социальные силы, устремленные в будущее: трудящихся города и деревни, студенческую молодежь и военных-антиимпериалистов ³⁷.

Такая позиция военных представляла важный фактор укрепления унитарных тенденций в рядах антиимпериалистических сил. "Среди панамских военных, — пишет Рубен Дарио Соуза, — немало патриотически настроенных офицеров, сторонников преобразований национально-демократического и антиимпериалистического характера. Эти люди, не будучи марксистами, помогают прогрессивным силам просвещать массы, привлекать к борьбе с олигархией" ³⁸.

Наиболее передовая часть военных эволюционировала, по словам панамских коммунистов, с националистических, буржуаз-

---

³⁴ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.92.

³⁵ Todo por la patria. Panamá, 1975, p.13.

³⁶ Pleno del Comité Central. Partido del Pueblo de Panamá. Julio - 1973. Panamá, 1974, p.17.

³⁷ Unidad. Lima, 1974, 2 en.

³⁸ Проблемы мира и социализма, 1973, № 3, с.43.

но-реформистских позиций в сторону боевого антиимпериализма³⁹. Как подчеркивал прогрессивный панамский публицист Дамас Дако, "панамским военным во главе с генералом Омаром Торрихосом не только удалось лишиться политической власти олигархию и империализм, но и правильно наметить задачи, которые соответствуют этапу антиимпериалистической и антиолигархической борьбы"⁴⁰.

Важное значение в сплочении Национальной гвардии на антиимпериалистической, патриотической платформе имел специальный семинар офицерского корпуса, организованный в июне 1974 г. и посвященный кардинальным проблемам социально-экономического и политического развития страны. Все выступавшие выразили свою поддержку политике генерала Торрихоса, панамского правительства, заявив о том, что все они собрались здесь, чтобы продемонстрировать единство своих убеждений о генералом Торрихосом и поддержку правительственных планов развития"⁴¹.

Подполковник Рубен Дарио Паредес, один из руководителей генерального штаба, говоря о необходимости для панамских военных включиться в процесс социальных преобразований, подчеркнул: "Нельзя позволить себе такую роскошь, чтобы нынешнее поколение военных теряло время на скрупулезное изучение истории наполеоновских сражений и кампаний, в то время как рядом с ними существуют нищета и отсталость..."⁴².

Показателем важных сдвигов в позиции панамских военных явилось выступление их делегатов на XI совещании представителей армий стран американского континента (Монтевидео, октябрь 1975 г.). Вместе с перуанским делегатом генералом Фернандесом Мальдонадо они выступили против раздуваемой на

³⁹ Pleno del Comité. Partido del Pueblo de Panamá. Julio, 1973, p.28.

⁴⁰ Unidad, 1974, 5 dic.

⁴¹ Unidad, 1974, 20 jun.

⁴² Ibidem.

конференции антикоммунистической истерии, выдвинув на первый план борьбу за национальный суверенитет ⁴³.

Подобного рода факты бесспорно свидетельствовали о том, что по мере углубления революционного процесса в стране происходила политизация все большего числа военных в духе патриотизма и антиимпериализма. Характеризуя изменения в рядах Национальной гвардии, коммунисты отмечали, что в ней все более явно проявляется тенденция к единению с народными массами. "Это не означает, что Национальная гвардия уже представляет единое монолитное политическое целое. Мы хотим сказать, что прогрессивное течение в Национальной гвардии все время укрепляется и накладывает печать своего влияния на политику правительства в гораздо большей степени, чем это было в 1969-1970 гг. Это является фактором большой политической важности, что наша партия не может не подчеркнуть" ⁴⁴. Такая оценка была дана партией на ее пленуме летом 1973 г. С тех пор эти тенденции уоилились.

Единство военных патриотов со всеми демократическими силами страны еще более окрепло и упрочилось, что в немалой степени олучит важным фактором углубления освободительного, антиимпериалистического процесса. Все это создавало условия для того, чтобы недопустить контрреволюционный переворот по чилийскому образцу, совершить который стремится реакция и империализм. А такие попытки уже предпринимались.

Сдвиги в настроениях панамских военных приобретали тем большее значение, что в стране происходил процесс углубления социальных и антиимпериалистических преобразований, все более широкого вовлечения в него трудящихся масс.

После декабрьских событий 1969 г. в политике правительства все более отчетливо проявлялось стремление пойти навстречу чаяниям трудящихся, улучшить их положение, осуществить серьезные социальные преобразования. Важным шагом в этом направлении стало осуществление аграрной реформы, сти-

⁴³ El Dia. México, 1976, 26 oct.

⁴⁴ Pleno del Comité Central. Partido del Pueblo de Panamá, Julio, 1973, p.29.

мулирование новых кооперативных форм собственности (асентамьентос), которые возникли в ходе борьбы сельских труженников за землю.

Специфика аграрных преобразований в Панаме состоит в том, что наделение крестьян землей происходило главным образом в рамках асентамьентос, которые являются особой формой преобразования сельского хозяйства на путях кооперации. Такой путь преобразований облегчался отсутствием у большинства панамских крестьян психологии мелкого собственника; они не подвержены влиянию "частной инициативы".

Дело в том, что крестьяне в большинстве своем владели землей на правах, так сказать "кочующего собственника", занимая клочок земли. Когда этот клочок истощался, они переходили на другой. "Владение землей его не интересует, — пишет Рубен Дарио Соуса, — он лишь стремится обеспечить себя продуктами и сбывать их излишки на рынке. Поэтому партия считает, что панамская специфика позволяет сразу же перейти к коллективной собственности на землю. Это даст возможность крестьянам закрепиться на одном месте благодаря более высокой организации производства, пользованию кредитами, сбыту продукции на лучших условиях" ⁴⁵.

Важную роль в борьбе крестьянских масс играет Национальная конфедерация крестьянских асентамьентос, которую поддерживает правительство. К середине 1978 г. в Панаме насчитывалось 275 кооперативов, объединяющих около 50 тыс. человек.

Серьезные изменения произошли в политике правительства по отношению к рабочему классу. Оно официально признало в качестве представительного органа рабочего класса созданное в 1970г. прогрессивное профсоюзное объединение — Национальный центр трудящихся. В то же время правительство вступило в резкую конфронтацию с правыми профсоюзными деятелями, тесно связанными с североамериканским реакционным профсоюзным руководством и местной олигархией.

⁴⁵ Проблемы мира и социализма, 1973, № 3, с. 41.

В тесном контакте с классовыми профсоюзами правительство разработало новый кодекс о труде, который предусматривает обязательное заключение коллективных договоров, признает законным право рабочих на забастовку, решительно ограничивает произвол предпринимателей. "Новый кодекс", — писал О.Торрихос, — предусматривает гуманизацию условий труда и защищает эффективно и на деле человека труда" ⁴⁶.

Все более ясно выраженная прогрессивная социальная направленность освободительного процесса в Панаме неразрывно связана с углублением борьбы против империалистического застоя в стране. Именно эта борьба способствует радикализации освободительного движения, создает благоприятные предпосылки для углубления социальных преобразований, а следовательно, для все более широкого вовлечения народных масс в антиимпериалистический процесс. Борьба против империализма развивается на многих фронтах: экономическом, военном, политическом, культурном. Панамское правительство национализировало крупную американскую энергетическую компанию "Фуэрс и Луо", американскую сельскохозяйственную компанию "Панама Бостон кокнат", передав ее в руки сельских трудящихся. В 1970 г. Национальная гвардия заняла базу Рио-Ато, которую США использовали в качестве своего военного полигона.

Упорную борьбу развернули патриотические силы за возвращение стране Панамского канала. Правительство выступило за установление над ним полного национального суверенитета, за ликвидацию американского господства в его зоне.

Моральной, политической победой панамского народа и поражением империализма явилась выездная сессия Совета Безопасности ООН в Панаме в марте 1973 г. На этой сессии поддержка Советским Союзом, другими миролюбивыми странами справедливых требований панамского народа показала силу и влияние международной солидарности с борьбой панамского народа.

Выступая перед участниками сессии, О.Торрихос подчерк-

---

⁴⁶ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.86.

нул непоколебимую волю панамского народа в борьбе за полное освобождение, его решимость противодействовать всем формам неокOLONиализма. Обращаясь к участникам сессии, он от имени народа заявил: "... мы хотим сказать всему миру - и пусть это запомнят все - мы никогда не были и не будем присоединившимся государством, колонией или протекторатом, и у нас нет никакого желания прибавить лишнюю звезду на флаге Соединенных Штатов" ⁴⁷.

Исключительно сложная, трудная борьба с империализмом и внутренней реакцией со всей остротой выдвигает перед панамскими патриотами задачи широкого антиимпериалистического единства, активного включения в освободительный процесс трудящихся масс. За последние годы в стране многое оделано в этом направлении. В конце 1972 г. состоялись выборы в Национальное собрание народных представителей.

подавляющее большинство представителей собрания избрано от крестьян, рабочих и других трудовых слоев населения. Как пишет панамская прогрессивная газета "Унидад", созыв подобного рода ассамблеи является свидетельством "зарождения нового типа народной власти" ⁴⁸. Не случайно с такой враждебностью встретили ее создание реакционные силы страны и империализм, пытаясь представить ее деятельность в искаженном виде. В ответ на эти нападки "Унидад" в связи с началом второй сессии Национальной ассамблеи обратилась ко всем демократическим силам страны с призывом всемерно опоспособствовать ее успешной работе, ориентируя ее деятельность на обсуждение наиболее кардинальных национальных проблем. "Тем самым, - подчеркивала газета, - мы будем содействовать усилению революционного процесса в целом и обеспечим его мощным орудием, которое оделает необратимыми прогрессивные изменения. Это также будет опоспособствовать тому, что революционный процесс в лице активной поддержки объединенного и

---

⁴⁷ Gral. Torrijos O. La batalla de Panamá, p.122.

⁴⁸ Unidad, 1973, 5 oct.

организованного народа найдет свою опору и защиту от яростных нападков врага" ⁴⁹.

Успехи, достигнутые демократическими силами страны, углубление социальных преобразований означали новый этап в освободительном движении панамокого народа. По определению коммунистов, процесс изменений в стране приобрел ясно выраженные революционные черты. Причем в этом процессе "все более отчетливо проявляется тенденция к его перерастанию в народно-освободительную революцию, что уже привело к таким преобразованиям и созданию таких институтов, которые служат основой для возникновения, пусть еще только зачатков, народной власти" ⁵⁰. Эти элементы народной власти воплощаются не только в Национальном собрании. Они зарождаются и на местах по всей стране, заменяя старую политическую структуру новыми формами народовластия.

Такой характер носят, например, коммунальные хунты, народные объединения в рамках коррехименто, которые, по словам генерального секретаря Национального собрания Карлоса Кальсадила, призваны создать условия для завоевания подлинной свободы для страны, сбросившей с себя удушающее иго империализма и межнациональных монополий ⁵¹. Поэтому, как подчеркивал Кальсадила в одном из выступлений, народ должен уметь защищать свои завоевания, срывать планы реакции. "С реакционным насилием нельзя бороться методами уговоров и увещаний. На реакционное насилие может быть только один ответ — насилие революционное" ⁵².

В условиях углубления революционных освободительных процессов в стране все большее значение приобретало усиление роли рабочего класса Панамы, его воздействие на другие

⁴⁹ Unidad, 1973, oct.

⁵⁰ Pleno del Comité Central. Partido del Pueblo de Panamá, Julio, 1973, p.40.

⁵¹ Ahumada A., Picard Ami M.A., Calzañilla C. El poder popular, p.54-56.

⁵² Ibid., p.59.

слои населения. Большую роль в достижении этих целей сыграли классовые боевые профсоюзы страны, объединенные в Национальный центр трудящихся (НЦТ). Этот профсоюзный центр проводил широкую работу по укреплению единства действий всех прогрессивных сил, по расширению сотрудничества с трудящимися, военными. "Организованное рабочее движение, которое ныне представлено Национальным центром трудящихся, - говорил в сентябре 1973 г. на II конгрессе этого объединения один из его руководителей Лукас Пенья, - проявило инициативу, начав диалог с военными руководителями нынешнего правительства, что как бы перекинуло мост между ними и народом и способствовало созданию условий для развития событий в народно-демократическом духе после революционного выступления военных 11 октября 1968 г." ⁵³.

На конгрессе настойчиво подчеркивалось, что в нынешних условиях, сложившихся в стране, на первый план выдвигается необходимость обогащения борьбы рабочего класса новыми формами, что будет способствовать его более активному и конструктивному вовлечению в революционный процесс. В частности, рабочий класс, отмечалось на конгрессе, должен преодолеть настроения экономизма, гремализма, должен содействовать своей борьбой созданию нового общества, развитию и укреплению элементов народной власти, возникающей в стране. По словам Лукаса Пенья, рабочий класс должен превратить государственные, смешанные и кооперативные предприятия в "прочные плацдармы борьбы за увеличение производства и опорные центры борьбы против атак как внешних, так и внутренних врагов" ⁵⁴. С особой силой на конгрессе прозвучал призыв бороться за единство рабочих и крестьян, рабочих и студентов, рабочих и интеллигенции, рабочих и военных" ⁵⁵.

Этот призыв встретил поддержку и понимание всех про-

---

⁵³ Unidad, 1973, 5 oct.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibidem.

прогрессивных сил страны. На него откликнулась Федерация студентов Панама, которая воплощает в себе славные революционные традиции панамского студенчества с его высоким чувством патриотизма, боевого антиимпериализма. В интервью газете "Унидад" генеральный секретарь Федерации Р.Бетанкур особо отметил стремление студентов крепить единство с военными, которые во главе с О.Торрихосом идут, по его словам, вместе с народом, разделяют его чаяния⁵⁶.

Такая позиция передовой части панамской молодежи имеет немалое значение для упрочения единства в рядах прогрессивных сил, успешной борьбы с настроениями "вульгарного анти-милитаризма", которые характерны для части молодежи.

Стремление прогрессивных, антиимпериалистических сил к единству превращалось в фактор большой политической важности в условиях нарастающей борьбы панамского народа за восстановление национального суверенитета над зоной канала. Подписание ряда новых договоров (сентябрь 1977 г.) между США и Панамой означало существенный шаг на пути возвращения зоны канала панамскому народу. "Несмотря на то, что новые договоры не означают ликвидации угнетения, — пишет Рубен Дарио Соуса, — их заключение эффективным образом будет способствовать завершению борьбы панамского народа за свою полную национальную независимость. Это законная победа панамского народа, стремящегося добиться стратегической цели нашего сложного освободительного процесса — уничтожения колониализма в зоне канала. Вот почему наша стратегическая победа в то же время означает стратегическое поражение империализма, несмотря на неокOLONиалистический характер, который старались придать новым договорам Соединенные Штаты. Истинная правда состоит в том, что существованию колонии в зоне канала приходит конец, что мы приближаемся к завершению национально-освободительного процесса в Панаме, хотя нас еще и ожидают впереди немалые трудности"⁵⁷.

---

⁵⁶ Unidad, 1973, 5 oct.

⁵⁷ Проблемы мира и социализма, 1978, № 2, с.59-60.

В современных условиях, как подчеркивают панамские коммунисты, политическая линия прогрессивных сил состоит в том, чтобы институционно закрепить достигнутые успехи в области аграрных преобразований, создать сильный государственный сектор, передовое социальное законодательство. Успехи в реализации этой стратегической линии они связывают в значительной степени с борьбой за завоевание полной национальной независимости, возвращение зоны канала панамскому народу. Речь идет о том, чтобы воспрепятствовать стремлению местной буржуазии при поддержке иностранных монополий воспользоваться новыми договорами о передаче собственности канала Панаме в целях укрепления позиций капитализма в стране, предотвратить возможность отхода страны от капиталистического пути развития.

Важное значение для перспектив освободительного движения в стране имели выборы в Национальное собрание народных представителей (август 1978 г.), которые принесли успех левым, патриотическим силам. В октябре этого же года президентом Панамы был избран Аристидес Ройо, занимавший до этого пост министра просвещения в правительстве О. Торрихоса. Последний же остается командующим национальной гвардии, которая, по его словам, будет играть роль гаранта и защитника продолжающегося освободительного процесса. А этот процесс будет, бесспорно, сталкиваться с возрастающими трудностями, поскольку в стране все еще весьма сильны экономические позиции транснациональных корпораций, местных олигархических кругов, которые все настойчивее требуют легализации своих партий.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ БОЛИВИИ: ТУПИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Армия на пути к контрреволюционному перевороту

Военный переворот, который произошел в Боливии в ноябре 1964 г., ознаменовал собой начало нового этапа активного вмешательства армии в политическую жизнь страны после довольно длительного перерыва. Военными был устранен от власти избранный в мае 1964 г. на новый срок Пас Эстенсоро, лидер партии Националистическое революционное движение (НРД), а место главы государства занял вице-президент, генерал авиации Баррьентос, организатор государственного переворота.

Как же случилось, что вооруженные силы, которые лидеры НРД, уверенные в контроле над ними, считали своей надежной опорой, "политически завербованными", "гарантом" революционного процесса в стране, оказались столь ненадежными, вышли из повиновения? Объясняя причины переворота, руководители НРД выдвигали многочисленные версии. Например, Пас Эстенсоро сводил дело к тому, что виновна во всем группа генералов, у которых отсутствовала "революционная осознанность".

Усиление милитаристских, кастовых настроений в рядах военных также считалось одной из причин¹. Но такая ин-

¹ Aportes, 1967, N 6, p.38.

терпретация событий была явно односторонней. Как справедливо подчеркивал известный боливийский публицист Тед Кордова-Клауре в работе "Боливия: милитаризм и народная армия", Пао Эстенсоро и его сторонники сами опосредствовали своей политикой созданию такой армии, которая в конечном счете их свергла ².

Известно, что народные массы в дни апрельской революции 1952 г. в ожесточенных боях нанесли тяжелое поражение профессиональной армии, руководство которой выступило на стороне правящей олигархии. В стране были сформированы отряды вооруженных рабочих (рабочая милиция), такие же вооруженные отряды были созданы в деревне из крестьян.

Враждебные настроения в отношении армии были в тот момент настолько сильными, что среди левых кругов в НРД и вне ее активно дебатировался вопрос о полной ликвидации армии и замене ее народной милицией. Сторонники другой точки зрения выступали за сохранение армии при условии резкого сокращения ее численности, перестройки, активного включения в "революционный процесс". Численность армии уменьшилась с 20 тыс. человек в апреле 1952 г. до 5 тыс. в январе 1953 г. ³. Одновременно была произведена чистка офицерского корпуса (было уволено около 250 офицеров). Командные посты в армии заняли сторонники НРД (главным образом из числа членов военизированной националистической организации "РАДЕПА", созданной, как известно, в 40-х годах), восстановленные в рядах вооруженных сил. Прием в офицерские училища стал более демократичен; в училища получили доступ представители трудовых слоев населения.

Однако военная политика руководства НРД с самого начала отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Чистка в вооруженных силах, о которой столь широко вещатель-

---

² Política. Caracas, 1968, N 66, p.89-90.

³ Corbett C.D. The Latin American Military as a Socio-Political Force. Case Studies of Bolivia and Argentina. Miami, 1972, p.29.

но было заявлено, так и не была доведена до конца. В рядах армии по-прежнему оставалось немало офицеров, занимавших консервативные, антидемократические позиции. Но все же главная слабость и уязвимость военной политики состояла в том, что руководители НРД так и не определили место армии в социально-экономических, политических преобразованиях, происходивших в стране.

В качестве наиболее "революционного" пути преобразования армии рекламировалось вовлечение военных в "развитие страны", превращение армии в "производительную силу". Близкий в то время к правительственным кругам профсоюзный лидер Хуан Лечин выдвинул лозунг создания "армии, одетой в комбинезоны". Иными словами, был взят курс на привлечение армии к строительству дорог, мостов, школ, больниц, т.е. на придание ей "гражданских" функций.

Само по себе участие армии в создании и развитии инфраструктуры было положительным явлением, могло бы привести к постепенному сближению военных с народными массами, к сотрудничеству с трудящимися. Но все дело было в том, что своей политикой лидеры НРД способствовали совсем иному развитию событий. Среди них довольно широкое распространение получили идеи мелкобуржуазного антимиитаризма, что нашло свое отражение в пренебрежении профессиональной подготовкой армии, явной недооценке политики, направленной на сближение военных с народом. Лидеры НРД были больше заинтересованы в том, чтобы с помощью своих приверженцев в армии, которые превратились, по сути дела, в партийных функционеров, сделать армию своего рода "партийной ячейкой", послушным орудием своей политики.

Такая линия была чрезвычайно недальновидной. Она породила целый ряд противоречий между НРД и военными, у которых политика партийных лидеров ассоциировалась с игнорированием их профессиональных интересов, изоляцией армии от участия в решении острых проблем, которые стояли перед страной. Все эти факторы предопределили постепенное и растущее расхождение между НРД и вооруженными силами. В конце 50-х го-

дов, когда лидеры НРД начали заигрывать с армией, изменив своей прежней "антимилитаристской" ориентации, они начали пожинать плоды своей недалёковидной политики.

Такая внешне неожиданная "смена вех" в позиции руководства НРД имела свою логику, свои причины. Она отражала общее изменение политики партийного руководства в отношении перспектив освободительного процесса в стране. Представители реформистских течений в партии, захватившие к концу 50-х годов ключевые позиции в руководстве и оттолкнувшие на задний план левых, стремились воспрепятствовать дальнейшему углублению революционных преобразований в стране. Особенно враждебно они относились к профсоюзному и рабочему движению, которое выступало за радикализацию и углубление преобразований. Рабочий класс, радикализированная часть мелкобуржуазных слоев населения выступали против все большей ориентации руководства НРД на "помощь" североамериканских монополий.

Об обострении социально-политической борьбы овидетельствовались неоднократные кризисы правящей партии, усиление классовой, антиимпериалистической борьбы рабочего класса и, прежде всего, его самого боевого отряда - горняков, сыгравших огромную роль в апрельской революции. В этих условиях руководство НРД взяло курс на усиление роли армии в жизни страны. Прохладное отношение к ней у лидеров НРД сменилось воодушевлением, превознесением ее достоинств как "гаранта революционных завоеваний".

Ирония подобного рода заявлений заключалась в том, что они делались в момент, когда в стране обострялась социальная борьба. Прежние лозунги построения "демократии трудящихся", участия рабочих в управлении государством были отброшены, заменены лозунгами построения "национального капитализма" с помощью иностранного монополистического капитала.

Политика искусственного стимулирования сверху развития капитализма породила новые социальные противоречия, обострила старые. В Боливии возникла "новая буржуазия" бюрократического типа, тесно связанная с государственным аппаратом, правящей партией. Именно эти круги быстро обогащающейся бур-

жуазии особенно рьяно отстаивали "капиталистический путь" развития Боливии, выступали за ничем не ограниченное проникновение иностранного капитала.

Усиление негативных тенденций в политике правящей партии отчетливо проявилось и в области проведения аграрных преобразований. Правящие круги стремились стимулировать частнообщиннические настроения у боливийского крестьянства, взяв курс в ходе проведения аграрной реформы на parcelлизацию земли, на создание класса крестьян-собственников. Все это привело к изменению структуры боливийской деревни, где резко увеличился удельный вес крестьянских парцелл.

Одновременно аграрная реформа привела к углублению дифференциации среди крестьянства. Хотя доля мельчайших наделов (размером менее 1 га) в общем количестве хозяйств сократилась с 29% в 1950 г. до 12% в 1963 г., абсолютное их число выросло с 25 тыс. до 55 тыс. Преобладающей категорией хозяйств в деревне (данные за 1963 г.) стали хозяйства площадью от 1 до 5 га каждое (266 тыс. хозяйств, т.е. 59,8% от общего числа). В 1950 г. их доля составила 31% от всех хозяйств. Количество хозяйств площадью от 5 до 20 га в 1963 г. выросло до 114 тыс. (25,6% от всех хозяйств)⁴.

Реформистские лидеры НРД все более явно ориентировались в своей политике на крестьянство, стремясь противопоставить его рабочему классу, использовать крестьянскую милицию в борьбе против пролетариата. Правительственная пропаганда запугивала крестьян угрозой коллективизации их земельных наделов, если рабочие возьмут верх и установят "коммунистическую диктатуру".

Такая аграрная политика руководства НРД вызвала возмущение у идеологов "Союза ради прогресса", этих приверженцев верхушечной капиталистической модернизации стран Латинской Америки. Профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон с претензией на афористичность в книге "Политиче-

---

⁴ Сельские трудящиеся Латинской Америки. М., 1974, с.350.

ский порядок в изменяющихся обществах" писал: "Кто-то оказал, что слава британского флота заключается в том, что его моряки никогда не восставали, а если даже и делали это, то исключительно во имя более высокого жалованья... Нечто подобное можно сказать и о крестьянах. Они делаются революционно настроенными только тогда, когда в их глазах становится невыносимым положение о распределении земельной собственности, условиями труда, налогами и ценами. На протяжении всей истории крестьянские бунты и жакерии ставили своей целью ликвидацию конкретных зол и злоупотреблений" ⁵. В подтверждение своего тезиса он осылался на пример Боливии, где, по его словам, аграрная реформа создала более консервативный климат, противопоставила массы консервативно настроенных крестьян рабочему классу ⁶.

С курсом на капиталистическую модернизацию страны было тесно связано и усиление роли вооруженных сил в политике. Обострение отношений правительства НРД с трудящимися было одной из главных причин, побудивших боливийские правящие круги всерьез заняться укреплением армии, чтобы использовать ее в качестве репрессивного орудия на службе своих интересов.

Другой немаловажной причиной ориентации лидеров НРД на армию явилось требование правящих кругов США укрепить вооруженные силы страны как одно из неперемennых условий оказания "помощи" по программе "Союза ради прогресса". Боливийский журналист Тед Кордова-Клауре подчеркивает, что это требование США было тесно связано с их политикой, направленной на предотвращение дальнейшего углубления боливийской революции, на стагнацию революционного процесса ⁷. Действительно, в условиях явного поправения политики руководства НРД, которое взяло курс на сотрудничество с иностранным капиталом,

⁵ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven - London, 1968, p.374.

⁶ Ibid., p.375, 377.

⁷ Política, 1968, N 66, p.87.

на подавление выступлений трудящихся, выдвижение на первый план армии означало усиление опасных тенденций в политической жизни страны.

Не случайно США взяли процесс реорганизации боливийской армии под свой особый, строгий контроль. Резко увеличилась американская военная помощь Боливии. Если в 50-х годах она не достигала и 1 млн долл. в год, то в 1964 г. повысилась до 3,2 млн долл. В 50-х годах в Соединенных Штатах ежегодно оканчивали различные военные училища, курсы обучения в среднем 25 боливийских офицеров, а в начале 60-х годов это число повысилось до 160 человек⁸. Небезынтересно, что число боливийских офицеров, окончивших специальное военное училище США (Форт Браг), к 1963 г. превышало число офицеров из других латиноамериканских стран.

За сравнительно короткое время большинство офицеров боливийской армии прошло курс обучения в США. Естественно, речь шла не просто о повышении профессионального уровня боливийских военных, но об их доктринизации в духе концепций "внутреннего фронта", "антипартизанской войны". Впоследствии, в годы господства режима генерала Баррьентоса, в особо гипертрофированной форме проявились результаты этой идеологической контрреволюционной обработки боливийских вооруженных сил. Так, постепенно на политическую авансцену начала выдвигаться армия, которая, по словам боливийских коммунистов, все больше проявляла тенденции к превращению в "армию реваншистскую и реакционную"⁹.

Течение, которое в рядах армии олицетворяло эти тенденции, характеризовалось яркой враждой к рабочему классу и трудящимся, в лице которых они видели своих главных врагов, унизивших "достоинство" армии в дни апрельской революции, орудие "международного коммунизма", который-де стремится

⁸ См. Corbett C.D. Op.cit., p.35.

⁹ Unidad de las fuerzas populares contra la agresión imperialista. Informe-balance del comité central presentado al congreso por el C. Jorge Kollé Unidad. La Paz, 1971, Suplemento del N 406, p.6.

уничтожить профессиональную армию, заменив ее рабочей милицией. Сторонники "реваншистской армии" в своем антикоммунистическом ослеплении даже политику реформистских лидеров НРД считали "опасным" поощрением "левого экстремизма".

К началу 60-х годов боливийская армия все более явно превращалась в автономную силу, в ряде случаев подменяя собой правительство. Это было связано в первую очередь с превращением армии в "многофункциональную силу" ¹⁰.

Участие армии в создании инфраструктуры по всей стране, расширение ее деятельности в области "гражданской миссии" создавали условия для ее превращения в некий центр, цементирующий и объединяющий различные районы Боливии. Этому в немалой степени способствовал и тот факт, что в ряде районов армейские части были, по сути дела, единственным реальным представителем государственной власти.

Особенно отчетливо усиление этих политических функций вооруженных сил проявилось во взаимоотношениях военных с крестьянами, а точнее с лидерами крестьянских организаций. Руководство НРД, как известно, стремилось создать себе опору в лице крестьянства, противопоставив его рабочему классу. После апрельской революции крестьянские массы, вовлеченные в процесс аграрных преобразований, стали весомым фактором в политической жизни. В их рядах происходил быстрый процесс политизации. Одним из его проявлений была деятельность многочисленных крестьянских организаций, возникших в послереволюционный период. В Национальную конфедерацию трудящихся крестьян к 1960 г. входили около 1,5 млн человек ¹¹.

Характерной особенностью крестьянских организаций было то, что во многих районах их руководство захватили лидеры (каудильо из обогатившейся верхушки крестьян), которые проявляли тенденцию к сепаратизму, стремились подороже продать свою поддержку тем или иным политическим силам. Между

---

¹⁰ Estudios andinos. La Paz, 1970, N 1, p.86.

¹¹ Сельские трудящиеся Латинской Америки, с.352.

этими крестьянскими лидерами и центральной властью существовали весьма напряженные отношения, которые нередко перерастали в острые конфликты. В таких условиях правительство все чаще обращалось за поддержкой к армии.

Сложность положения ууглублялась тем, что между самими каудильо существовала открытая вражда, которая время от времени выливалась в кровопролитные столкновения. Особенно напряженная обстановка оложилась к началу 60-х годов, когда правительство объявило район Кочабамбы и провинцию Санта-Крус на военном положении, фактически передав всю полноту власти армейскому командованию.

Военные интервенты, назначенные в эти районы, выполняли многочисленные политические функции, вели переговоры с крестьянскими лидерами. Фактически они и военное командование стали ответственными за работу среди крестьян, отеснив на задний план правящую партию¹². Именно в тот период происходит оформление альянса между военной верхушкой и крестьянскими лидерами, который играл немаловажную роль в годы президентства генерала Баррьентоса.

Этот альянс формировался на явно консервативной основе. Он направлен, в первую очередь, против рабочего класса. Он отражал интересы обогатившейся верхушки крестьянства, которой была выгодна стабилизация положения в деревне и стране, а также части военных, тесно связанных с этими слоями крестьянства как по социальному происхождению, так и по своим взглядам.

Союз военной и крестьянской верхушки стал той основой, опираясь на которую армия готовилась к государственному перевороту. А для него создавались в стране все более благоприятные условия. Кризис доверия к правительству НРД затронул самые различные слои населения. Им была недовольна консервативно настроенная местная буржуазия, боявшаяся социаль-

---

¹² Небезынтересно отметить, что первым военным интервентором в Санта-Крус был генерал Баррьентос.

ных перемен, которая все больше тягстела к поддержке "оильной власти" и видела ее в военном правлении.

Глубокие противоречия раздирали оредние слои населения. Часть их представителей пошла на поводу у реакционеров, испытывая страх перед борьбой рабочего класса, перспективой углубления революционного процесса. Другая же - все активнее выступала против оглашательской, реформистской политики правительства.

В стране катастрофически падал авторитет власти правительства НРД. Попытка лидеров НРД укрепить пошатнувшиеся позиции путем выдвижения генерала Баррьентоса на пост вице-президента одновременно с выдвижением кандидатуры Пас Эстенсоро на пост президента не дала желаемого результата, поскольку военные всерьез и не думали заделывать пробоины на тонущем политическом корабле правящей партии. Бурные выступления рабочих, студентов, служащих, прокатившиеся по стране осенью 1964 г., ускорили развязку. 4 ноября командование вооруженными силами потребовало отставки президента Пас Эстенсоро, которому не оставалось ничего иного, как подчиниться этому требованию, оставшись, по сути дела, в политической изоляции. Власть в стране, словно созревший плод, упала в руки военного командования.

«Революция реставрации»

Военные пришли к власти под лозунгами "революция реставрации". Они заявляли, что намереваются покончить с "коррупцией", "анархией", "очистить" революцию от различного рода наслоений, вернуть ее в нормальное русло, не идя влево, но и не уступая нажиму правых. Военные руководители обещали сохранить все завоевания боливийской революции, не ущемлять интересы трудящихся масс. "Я принадлежу по своим взглядам, - заявлял генерал Баррьентос, к христианской левой, к националистам в экономической области, являюсь демократом по убеждению. Для меня понятие "демократия" связано

со справедливостью, активностью, борьбой и революционностью, ибо я воодушевлен стремлением добиваться социальной справедливости и счастья для крестьянских и рабочих масс, для орденового класса. Короче говоря, я борюсь за счастье народа" ¹³.

С особым рвением лидеры нового режима клялись в верности традициям Буша, Вильяроэля, этих военных патриотов, националистов, бросивших вызов иностранным монополиям и могущественной олигархии. "Мое правительство, — провозглашал генерал Баррьентос, — с гордостью может заявить, что оно возродило славные революционные традиции Буша и Вильяроэля" ¹⁴.

Все рассуждения Баррьентоса, главы военного режима, и других руководителей "революции реставрации" были подчинены идее возврата к "ценностям западной христианской цивилизации", "морального возрождения" боливийской нации.

Нарочито туманные, риторические декларации Баррьентоса и его сторонников вначале ввели в заблуждение даже многих из представителей левых сил, которые поверили, что речь действительно идет о попытке возродить революцию. Однако очень скоро новый режим обнаружил свои истинные намерения, когда от общих деклараций перешел к делу. Его экономическая политика все больше стала ориентироваться на еще более активное стимулирование, чем в годы правления НРД, капиталистических отношений в стране, на создание самых выгодных условий для деятельности иностранного капитала.

Антинациональную, проимпериалистическую ориентацию лидеры режима "революции реставрации" пытались выдать за стремление создать "смешанную экономику", наладить "гармоничные отношения" между "свободным предпринимательством" и государственным сектором. Выступления Баррьентоса и других руководителей режима были полны рассуждениями в духе "неокапиталистической" демагогии относительно участия трудящихся в

¹³ Reinaga D.R. *Civiles y militares en la revolución boliviana*. La Paz, 1967, p.148.

¹⁴ *Ibid.*, p.149.

прибылях предпринимателей, чтобы "обеспечить социальную стабильность деловой деятельности", Такая политика, заявлял Баррьентос, будет способствовать "институционализации боливийской революции", устраниению противоречий в рядах боливийской нации ¹⁵.

Действительность была далека от этих идиллий. Изданный в октябре 1965 г. закон о поощрении частных капиталовложений способствовал упрочению позиций иностранного капитала в экономике страны. Если в 1957-1963 гг. американская нефтяная компания "Галф ойл" вкладывала ежегодно в среднем около 7 млн долл., то только за 1965-1966 гг. эта сумма увеличилась почти до 17 млн долл. ¹⁶.

Поощрению частных капиталовложений служил и кодекс горнодобывающей промышленности, опубликованный в мае 1965 г. Он, в частности, разрешал средним и мелким предпринимателям вести свободную продажу своей продукции, тем самым в значительной степени лишая Государственный горный банк прав и контроля над этой важнейшей отраслью национальной экономики ¹⁷. Эта правительственная мера привела к усилению контроля над горнодобывающей промышленностью со стороны иностранного капитала, поскольку национальные средние и мелкие предприниматели были, как правило, ширмой, которой прикрывались североамериканские и иные иностранные компании.

Режим "революции реставрации", который афишировал свой боливийский национализм, снял, по сути дела, все ограничения на пути проникновения иностранного капитала в страну. Такая антинациональная политика вела к ослаблению позиций государственного сектора, ставила его в подчиненное положение по отношению к иностранным монополиям.

Руководитель Государственной горнорудной компании

---

¹⁵ Antología política boliviana. Documentos políticos de Bolivia. La Paz - Cochabamba, 1970, p.572.

¹⁶ Aportes, 1972, N 26, p.76.

¹⁷ Rodríguez I.S. Nacionalismo en Bolivia. Ensayo histórico-político. La Paz, 1970, p.277.

(КОМИБОЛ) полковник Лечин Суарес довольно откровенно охарактеризовал суть "националистической" политики режима: "В одну психологических и социальных причин КОМИБОЛ должна продолжать свою деятельность, но это будет уже всего-навсего старый хлам, рядом с которым возникнет новая боливийская индустрия"¹⁸. Другими словами, частному предпринимательству была дана полная свобода.

В сельском хозяйстве также был взят курс на стимулирование капиталистических отношений в деревне. Крестьянам по новому законодательству разрешалась свободная продажа и покупка земли, что вело к углублению социальной дифференциации в их среде, к выделению зажиточной верхушки. Одновременно всемерно поощрялось развитие крупных капиталистических хозяйств, которые режим объявлял главной движущей силой сельского хозяйства. В ряде департаментов (Санта-Крус, Бени) быстрыми темпами происходила концентрация земли в частных руках. Здесь возникали крупные капиталистические плантационные хозяйства по производству сахара, риса и других продовольственных и технических культур.

Проимпериалистическая политическая линия правительства была тесно связана с антипролетарской позицией правящей верхушки. Насилие над рабочим классом, трудящимися было возведено в ранг государственной политики. Весной 1965 г. правительство Баррентоса издало ряд декретов, которыми ставило под свой контроль деятельность профсоюзов, существенно ущемляло права трудящихся. Особенно тяжелые удары контрреволюционный режим нанес по горнякам. На шахтах происходили массовые увольнения¹⁹, права рабочих всемерно урезались, заработная плата была понижена. Антирабочая политика режима вызвала сопротивление пролетариата, которое временами принимало характер ожесточенных столкновений рабочей мили-

---

¹⁸ Política, 1967, N 65, p.73.

¹⁹ Так, число рабочих, занятых на шахтах государственной компании КОМИБОЛ, уменьшилось с 25 тыс. в 1964 г. до 20 917 в 1968 г. - Аportes, 1972, N 26, p.90.

ции о правительственными войсками. В течение 1965-1967 гг. армия разоружила рабочую милицию, оккупировала территории наиболее крупных шахт. Наступление контрреволюции на рабочий класс привело к ликвидации прогрессивного профсоюзного движения, к жестоким репрессиям в отношении рабочих, профсоюзных руководителей.

Стабильность нового режима, естественно, зависела в первую очередь от вооруженных сил, которые были главной его опорой. "Весь период "революции реставрации", - подчеркивалось в программных тезисах Коммунистической партии Боливии на III съезде партии в июне 1971 г., - свидетельствовал о том, что армия действовала во имя защиты интересов буржуазии, тесно связанной с империализмом"²⁰. Армия объявлялась Баррьентосом гарантом "институционализированной демократии", силой, стоящей над партиями, вне политической борьбы. Она, по его словам, обеспечивает "свободную игру социальных классов и их представительных организаций"²¹.

За этими широковещательными, цветистыми декларациями явно проглядывало стремление режима превратить армию в "аполитичную" силу на службе интересов местной буржуазии и иностраных монополий. Упор, который неоднократно делался на "аполитичность" вооруженных сил в выступлениях Баррьентоса и других руководителей нового режима, объяснялся стремлением обеспечить себе поддержку со стороны традиционных буржуазных партий, точнее их политического охвоста, убедить буржуазных политиков, что армия отнюдь не стремится взять на себя их функции.

В то же время "аполитичность" военных, по мнению сторонников этого тезиса, могла бы способствовать их изоляции от влияния левых сил, антиимпериалистических идей, помешать сближению с трудящимися массами. Не случайно представители прогрессивного, антиимпериалистического течения в вооруженных

²⁰ Tesis programática aprobada en el III Congreso nacional. - Unidad, Suplemento del N 409, p.13.

²¹ Antología política boliviana, 1971, p.565.

силах, когда они пришли к власти в сентябре 1969 г., решительно выступили против тезиса об "аполитичности" армии. Но это было еще впереди, а пока что армия продолжала оставаться главной опорой режима, который объявил о своем стремлении превратить ее в "высокопрофессиональный", "современный" институт. За 1964—1968 гг. военные расходы выросли более чем в 2 раза (с 71,7 млн до 160,9 млн песо)²². Численность вооруженных сил увеличилась с 9 тыс. до 30 тыс. человек²³.

Режим Баррьентоса опирался в армии на военную профессиональную элиту, которая занимала ключевые позиции в вооруженных силах. Большинство представителей этой элиты принадлежало еще к старой армии, окончило военные училища и колледжи в период с 1941 по 1944 г. Многие из них учились в военных школах США и ряда других капиталистических стран (Франция, Германия). Из их числа режим Баррьентоса рекрутировал кадры для министерских и иных важных административных постов. Характерна в этом отношении судьба 19 высших офицеров (они были произведены в бригадные генералы в 1967—1968 гг.), которые играли видную роль во время баррьентосовского режима. 12 из них в разное время занимали различные министерские посты. Они командовали крупными воинскими подразделениями, находились на командных постах в генеральном штабе. Практика ежегодной ротации командных кадров позволяла им приобретать большой опыт на ключевых должностях²⁴.

Характерной чертой боливийской военной профессиональной элиты был ее крайний антикоммунизм, котрреволюционность. Именно военная верхушка была опорой "реваншистской армии", которая вышла на политическую арену после военного переворота 1964 г. Реваншистские черты армии с особой очевидностью проявились в 1967 г., когда в стране началось партизанское движение, возглавляемое легендарным революционером Че Геварой.

---

²² Aportes, 1972, N 26, p.78.

²³ Política, 1967, N 65, p.68.

²⁴ См. Corbett C.D. Op.cit., p.51-52.

Вооруженные силы обрушили новую волну репрессий на горняцкие поселки, устроив здесь бойню, чтобы запугать рабочих, которые открыто выражали свои симпатии партизанам. Расправу над безоружными трудящимися армейское командование представляло как крупную военную победу, словно речь шла о сражениях на фронтах. Так, один из участников кровавой расправы в горняцких подполковник Альфонсо Вильяпандо, похваляясь своим высоким "профессиональным" мастерством, заявлял: "Операция носила неожиданный характер в полном соответствии с распоряжениями вышних инстанций, ибо фактор неожиданности военной операции уменьшает возможность потерь" ²⁵.

С особой жестокостью и садизмом расправился контрреволюционный режим с партизанами. Против них были брошены специальные части рейнджеров, созданные с помощью американских военных советников для борьбы на "внутреннем фронте". Борьба с партизанами служила для боливийской военной элиты еще одним предлогом, чтобы добиваться как можно больших подачек от Пентагона. Только тлетворная, разлагающая атмосфера антикоммунистической истерии и контрреволюционного реваншизма могла породить такой тип военного-палача, который олицетворял собой подполковник Селич. Он командовал соединениями рейнджеров во время операции против партизан. На его руках кровь Че Гевары. В качестве трофея он носил часы, снятые с убитого революционера. Этот садист и палач нагло заявлял: "Единственные коммунисты, которые мне нравятся - это те, которые имеют метр земли над головой" ²⁶.

Но не только в расправах над трудящимися, революционерами и патриотами проявлял себя режим "революции реставрации". Коррупция, продажность, в которых были замешаны и военные, все больше поражали государственный аппарат. Часть военных, занимавших крупные административные посты, обогащалась на сделках с местными предпринимателями и иностранными компаниями, пополняя ряды бюрократической буржуазии.

²⁵ Política, 1967, N 65, p.72.

²⁶ Ercilla, 1973, 23-24 mayo, p.55.

Режим все шире прибегал к демагогии, что особенно проявилось в его политике по отношению к крестьянам. Пример показывал сам президент Баррьентос, который стремился предстать перед крестьянами-индейцами в качестве их друга и покровителя. Его частые поездки в сельские районы, когда он выступал на языке кечуа, обряженный в индейские одеяния, были продуманными, театрализованными действиями. Используя самую беззастенчивую социальную демагогию, Баррьентос противопоставлял крестьянские массы рабочему классу.

Политика Баррьентоса была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать росту политического самосознания крестьянских масс, держать их в плену патерналистских, каудильистских представлений и предрассудков. Однако социальная демагогия не могла скрыть суть крестьянской политики режима - ориентацию на зажиточную, обогатившуюся крестьянскую верхушку, на тесно связанных с ней лидеров крестьянских организаций. "Большая часть денег, истраченных в деревне, - пишут американские исследователи Берк и Мэллой, - пошла на подкуп крестьянских лидеров"²⁷.

Антинациональная политика режима ускорила возникновение патриотического течения в вооруженных силах. Боливийские коммунисты, характеризуя эти одвиги в армии в период "революции реставрации", отмечали в своих программных документах:

"Появление демократических и националистических тенденций и даже антиимпериалистических взглядов в боливийских вооруженных силах - явление сравнительно недавнее и объясняется рядом причин. Почти все офицерство, за редким исключением, по своему социальному происхождению связано с городскими средними слоями. В своем большинстве солдаты происходят из рабочих и крестьян. Армия не может не испытывать влияния политической борьбы и воздействия социального кризиса. Хотя на нее оказывают большое влияние центры подготовки военных кадров, находящиеся под контролем империализма, она испытывает влияние и прогрессивных сил. Патриотически настроенные

²⁷ *Aportes*, 1972, N 26, p.91.

военные расширяют и углубляют свои знания о национальной действительности и приходят к пониманию причин экономической, социальной и культурной отсталости страны" ²⁸.

Военных-патриотов возмущало разозаривание природных богатств страны, передача их в руки иностранных монополий. Они видели, что антиимпериалистические, прогрессивные традиции Буша и Вильяроэля были преданы забвению, а апелляция к ним деятелей режима была просто-напросто демагогией. Многих из офицеров, связанных с трудовыми слоями крестьянства, не могло не тревожить ухудшающееся положение сельских трудящихся, в то время как богатела сельская буржуазия, а в ряде районов происходило свертывание аграрной реформы, возвращались земли помещикам. И, наконец, представители патриотического течения в армии с горечью видели, как военные катастрофически теряют авторитет в народных массах, которые не без оснований считали их орудием в руках империализма и внутренней реакции.

Настроение неудовлетворенности и недовольства таким положением постепенно охватывало все ступени военной иерархии, от низших до высших. О настроениях молодого офицерства можно в определенной степени судить по документу, выпущенному в 1968 г. исследовательской группой "Командо Карлос Монтенегро" ²⁹, в которую входили боливийские политэмигранты, проживающие в Венесуэле. В его составлении принимали участие молодые офицеры. Он получил одобрение среди части офицерства, когда нелегально распространялся в Боливии. Авторы документа выступали за превращение вооруженных сил в эффективный инструмент народной власти. Для этого, подчеркивалось в нем, необходимо покончить с такой практикой, когда "коррупцированная" военная верхушка стремится отде-

28

Tesis programática aprobada en el III congreso nacional, p.13.

29

Эта группа была названа по имени Карлоса Монтенегро, выдающегося боливийского политического деятеля, писателя-патриота и антиимпериалиста.

лить армию от народа, изолировать ее от острейших проблем национальной действительности ³⁰.

Авторы документа резко выступили против антинациональной военной доктрины, которой руководствуются боливийские вооруженные силы. "В основу боливийской военной доктрины, в качестве ее непреложной нормы должна быть положена задача огромной исторической важности — завоевание экономической независимости, освобождение от империализма" ³¹. Решение этой исторической задачи невозможно, подчеркивалось в документе, при существовании "реваншистской армии", защищающей интересы местных привилегированных групп и империализма, чинящей расправы над трудящимися. "Убийство рабочих, геноцид и попрание демократических свобод во имя поддержания искусственного порядка должны прекратиться в Боливии, должна быть ликвидирована вся система политических репрессий" ³².

Большой политический резонанс получило открытое письмо командующего вооруженными силами генерала Альфредо Овандо Кандиа ³³, одного из организаторов военного переворота 1964 г., к старшим офицерам.

Выступление генерала Овандо резко отличалось от обычных националистических деклараций с привкусом антикоммунизма представителей боливийской военной элиты. Генерал выступил в защиту природных богатств страны от грабежа иностранных монополий, за установление государственного контроля над их эксплуатацией. Главнокомандующий армией особенно настаивал на укреплении государственного сектора в экономике

³⁰ Política, 1968, N 66, p.88-89.

³¹ Ibid., p.89.

³² Ibidem.

³³ Генерал Овандо Кандиа пользовался большим авторитетом в армии, с его именем связывались военные реформы по перестройке боливийских вооруженных сил. Человек умный и честный, генерал Овандо, улавливая настроения офицеров, патриотов, понимал, что положение, в котором на деле оказалась армия, грозит ей катастрофой.

страны, развитии государством базовых отраслей промышленности. Только таким путем, заявлял он, можно обеспечить экономическую независимость страны, упрочить национальный суверенитет ³⁴.

Генерал Овандо специально остановился в своем письме на роли вооруженных сил в развитии страны. Он отметил, что невозможно существование сильной армии, если не будет заложена основа независимой экономики. Овандо выступал за единство армии и народа в защите национального достоинства, за отстаивание военными народных прав ³⁵.

Это письмо вызвало в армии бурные дебаты, углубило ее дифференциацию. Обострение борьбы различных течений в армии находило свое отражение в перестановках в военном командовании, открытой борьбе между представителями военной верхушки. Кризис усилился после гибели в апреле 1969 г. в авиационной катастрофе генерала Баррьентоса. Его преемником на посту президента стал вице-президент Силео Салинас, гражданский политик, человек, тесно связанный с привилегированными группами населения, традиционными буржуазными партиями.

Политика Салинаса была направлена на то, чтобы обеспечить защиту интересов этих слоев населения, не допустить развертывания борьбы народных масс. В то же время новый президент, явно опасаясь влияния патриотического крыла в вооруженных силах, попытался отодвинуть военных на задний план в политической жизни. Под предлогом того, что армия — "аполитичная" сила, он удалил большинство военных из правительства и административного аппарата. Однако сторонники генерала Овандо решили перехватить инициативу, воспрепятствовать консолидации у власти политической группировки, которая стремилась создать "гражданский" вариант режима Баррьентоса. 26 октября 1969 г. армия под командованием генерала Овандо взяла власть в свои руки. В стране было создано военно-гражданское правительство, в которое вошел ряд

³⁴ Corbett C.D. Op.cit., p.52-53.

³⁵ Ibid., p.53.

молодых политических деятелей, известных своими прогрессивными, антиимпериалистическими убеждениями.

Вооруженные силы и правительство генерала Овандо

Организаторы военного переворота изложили мотивы своего выступления, опубликовав документ под названием "Революционный мандат национальных вооруженных сил", который, по их расчетам, должен был стать программным ориентиром для деятельности нового режима. Этот документ довольно отчетливо отразил всю сложность и противоречивость процессов, происходивших в вооруженных силах, определенный компромисс между различными течениями в рядах военных.

Впоследствии к этому документу апеллировали представители различных военных группировок для оправдания своей политической позиции. В нем довольно явно проявилось влияние левонационалистического патриотического течения в вооруженных силах. Разъясняя причины свержения прежнего правительства, авторы документа отмечали, что "вооруженные силы путем этого "институционального решения" ставят себя на службу революции и полны решимости участвовать в борьбе за социальную справедливость, величие Родины и за подлинную национальную независимость, ныне поставленную под угрозу иностранным вмешательством"³⁶. В мандате провозглашалась необходимость преобразования отсталых структур, развитие которых тормозили, по словам его составителей, правые традиционалистские силы, которые стремились консолидироваться у власти³⁷.

Авторы этого документа затрагивали острую и актуальную

---

³⁶ Antología política boliviana, p.595.

³⁷ Ibidem.

для военных проблему вмешательства армии в политику. В нем подчеркивалось, что правые оилы стремились отстранить армию от активного участия в политике, чтобы "воспрепятствовать созданию единства революционных сил и укрепить в стране свои экономические и политические позиции"³⁸. В этих условиях призыв к военным активно участвовать в политике, проникнутый чувством ответственности перед судьбами страны, имел позитивный характер, открывал перспективу для сближения армии с трудящимися массами.

Составители документа явно отходили от политики прежнего режима в вопросе о путях развития страны. Модели чисто капиталистической модернизации они противопоставляли так называемую национально-революционную модель развития, которая, по их словам, не может основываться "ни исключительно на принципах капиталистической системы, ни полностью на принципах социалистической системы"³⁹. По их мнению, национально-революционная модель развития подразумевает существование государственной, кооперативной и частной форм собственности.

В плане явного противопоставления обычной десаролистской постановке вопроса о социальных преобразованиях подчеркивалось, что "развитие не должно быть самоцелью, во имя его не должны приноситься в жертву человеческое достоинство и национальный суверенитет, а наоборот, оно должно быть инструментом для завоевания национальной независимости и установления социальной справедливости в Боливии"⁴⁰.

Как видно из содержания документа, в нем довольно туманно и эклектично говорилось о осуществлении различных форм собственности, что давало повод для различных интерпретаций и истолкований их места и роли в развитии страны. В то же время здесь чувствовался определенный отход от ка-

³⁸ Antología política boliviana, p.596.

³⁹ Ibid., p.598.

⁴⁰ Ibidem.

питалистической модели развития страны, которую стремились провести в жизнь правительство Баррьентоса.

Конструктивные предложения содержались в разделе документа, посвященном задачам нового режима в области внешней политики. Перед правительством выдвигалась цель проводить независимую внешнюю политику, основанную на неотъемлемом праве боливийского государства на свободу и суверенитет⁴¹. Специально перед правительством ставилась задача "установить дипломатические и экономические отношения с социалистическими странами, основанные на взаимном интересе и необходимости сотрудничества без вмешательства во внутренние дела"⁴².

При всех новых моментах в постановке ряда важных проблем, упомянутый документ не был освобожден от противоречий, неясностей и притом по весьма серьезным принципиальным вопросам. В нем чувствовалось влияние доктрин "внутреннего фронта" и "контрреволюционной войны", которые оказывали такое пагубное воздействие на боливийские вооруженные силы.

Военно-гражданское правительство генерала Альфредо Овандо в своих первых программных декларациях как бы развивало, уточняло многие важные проблемы, поднятые в документе. В послании Овандо нации от 31 декабря 1969 г. подчеркивалось, что приход к власти нового правительства не означает очередного дворцового переворота и формальной смены у кормила власти одной группы людей другой. Речь идет, отмечал президент, о "подлинной революции, которая должна раз и навсегда положить конец политике подчинения и передачи национальных богатств в руки иностранцев, осуществить преобразования старых структур, которые препятствуют прогрессу и лишают большинство боливийского народа, презираемого и попираемого вплоть до самого последнего времени, достижений

---

⁴¹ Antología política boliviana, p.600-601.

⁴² Ibid., p.601.

современной науки, техники и культуры" ⁴³.

Раскрывая содержание термина "национально-революционная модель развития", генерал Овандо отмечал преобладающую роль государства в развитии страны, его приоритета по сравнению с частным национальным капиталом ⁴⁴.

Уже первые акции, предпринятые правительством Овандо, свидетельствовали о его желании порвать с наследием прошлого. 17 октября 1969 г. был издан правительственный декрет о национализации собственности американской нефтяной компании "Боливиан галф ойл". В силу декрета подразделения армии под руководством генерала Хосе Хуана Торреса, главнокомандующего вооруженными силами страны, установили контроль над собственностью национализированной компании.

Национализация была осуществлена на основе "Революционного мандата № 2 вооруженных сил боливийской нации", опубликованного 17 октября. В этом кратком документе подчеркивалось, что вооруженные силы, верные духу своих первых программных заявлений о возвращении национальных богатств боливийскому народу, поручают правительству осуществить национализацию собственности "Боливиан галф ойл". Вооруженные силы, борясь вместе с народом за национальную экономическую независимость, гарантируют защиту этой революционной акции ⁴⁵.

Патриотическое решение правительства, инициатором которого выступили левонационалистически настроенные военные, было встречено в стране с большим одобрением, способствовало подъему антиимпериалистического движения. В плане борьбы за экономическое освобождение было объявлено об установлении государственной монополии на вывоз и продажу минераль-

---

⁴³ El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo. Cochabamba, 1970, p.217.

⁴⁴ Ibid., p.218.

⁴⁵ 17 de octubre: Bolivia derrotó a la Gulf. Documentos del Gobierno revolucionario de Bolivia. La Paz, Octubre, 1969, p.5.

ного сырья, причем экспортные фирмы обязывались сдавать валюту Центральному банку Боливии.

Правительство предприняло ряд мер с целью ликвидации последствий репрессивной политики прежнего режима в отношении трудящихся. Оно отменило закон о государственной безопасности, аннулировало профсоюзный регламент, запрещавший деятельность независимых классовых профсоюзов. Правительство отдало приказ о выводе войск из шахтерских центров. Все это стимулировало возрождение демократического профсоюзного движения в стране, дало возможность трудящимся развернуть успешную борьбу против соглашательских и реформистских элементов в профсоюзах.

Правительство установило дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом и рядом других социалистических стран.

В условиях активизации борьбы трудящихся масс, позитивных шагов правительства в области внутренней и внешней политики возникли предпосылки для углубления освободительного процесса в стране, для его радикализации. Борьба за создание единства всех прогрессивных, патриотических сил была решающим фактором в реализации этих возможностей.

Прогрессивно настроенные военные прилагали большие усилия для разработки патриотической доктрины, способной победить с влиянием в армии проимпериалистических концепций "внутреннего фронта" и "контрреволюционной войны". Выразителем настроений этого течения в рядах военных стал генерал Хуан Хосе Торрес. Впервые в развернутом виде свою позицию Хосе Торрес изложил в ноябре 1969 г., выступая перед членами Межамериканского совета обороны во время их пребывания в Ла-Пасе. Характеризуя Боливию как экономически зависимую страну, эксплуатируемую иностранными монополиями, генерал Х. Торрес подчеркивал, что в этих условиях защита национального суверенитета сводится не только к защите государственных границ, как это предусматривает традиционная

военная доктрина, но и к защите национальных природных богатств от внешних посягательств ⁴⁶.

Позднее, в другом выступлении, генерал Х. Торрес, полемизируя со сторонниками теории "внутреннего фронта", ввел понятие "внутренние границы", которое интерпретировал в духе патриотизма, антиимпериализма. "Внутренние границы, - говорил он, - не подвергаются вторжению иностранных войск, а становятся объектом вторжения более мощного и замаскированного противника. Речь идет о порабощении финансовом, экономическом, политическом и культурном, о контроле над внешней торговлей, об удушении национальной промышленности, о подчинении центральных газет, денационализации университета, превознесении частной инициативы... Оккупация страны с помощью этих средств ведет к потере национального суверенитета, и для империализма совершенно не имеет значения, что ее физические границы остаются в сохранности, если внутренний суверенитет находится в руках иностранных экономических интересов" ⁴⁷.

Все эти факторы, отмечал Х. Торрес, необходимо всемерно учитывать при разработке новой военной доктрины, краеугольным камнем которой, по его словам, должна стать "историческая задача завоевания экономической независимости" ⁴⁸. Другой важный компонент новой военной доктрины, по словам Х. Торреса, состоял в точном выявлении истинных причин социальной напряженности в Боливии и других латиноамериканских странах. Здесь особенно ясно проявилась полемическая заостренность позиции Х. Торреса и его сторонников по отношению к антинациональной, проимпериалистической концепции "внутреннего фронта". Среди главных причин социальной напряженности Х. Торрес выделял подчинение стран Латинской Америки

⁴⁶ Gral. Torres G. J.J. Defensa continental: la revolución y el desarrollo. La Paz, 1969, p.13.

⁴⁷ El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo, p.205.

⁴⁸ Gral. Torres G. J.J. Defensa continental: la revolución y el desarrollo, p.12.

"плутократическим интересам", что препятствует осуществлению социальных преобразований. К этим же причинам он относил все более массивное проникновение в Боливию иностранных монополий, которые расхищают национальные богатства страны, обогащают плутократию за рубежом, оставляя на долю боливийского народа бесправие и нищету ⁴⁹.

Важным компонентом в создании новой военно-политической доктрины явился пересмотр позиции в отношении партизанского, повстанческого движения в стране. Известно, что для реакционной, антикоммунистически настроенной части боливийских военных возникновение партизанских отрядов было дополнительным аргументом для поддержки теории "внутреннего фронта", для оправдания своего антикоммунизма.

Патриотически настроенные боливийские военные отвергли эту бесплодную, демагогическую точку зрения, оправдывающую превращение вооруженных сил в карательные отряды по борьбе с собственным народом. В отличие от реакционеров в рядах армии, которые поливали грязью Че Гевару и его соратников, военные-патриоты с уважением отзывались о мужественных революционерах. Так, генерал Овандо подчеркивал в одном из своих интервью, что идеалы Че Гевары и его товарищей близки тем боливийским военным, которые стремятся к социальным антиимпериалистическим преобразованиям ⁵⁰.

Эта группа военных подходила к пониманию того, что ликвидировать причины социальной напряженности в стране возможно только на путях глубоких преобразований в интересах трудящихся масс. По словам Х.Торреса, вооруженные силы должны проявить широту понимания причин партизанского движения в стране, выступить в поддержку углубления целей и задач революционного процесса ⁵¹. В то же время эта группа патриотически настроенных военных не скрывала своего отрицатель-

---

⁴⁹ Gral. Torres G. J. J. Defensa continental: la revolución y el desarrollo, p.6-7.

⁵⁰ Siete días. México, 1970, 19-25 mayo, p.74.

⁵¹ El Día, 1970, 10 jul.

ного отношения к партизанскому движению с точки зрения его эффективности в борьбе за глубокие социальные преобразования, и в этом их позиция во многом совпадала с точкой зрения наиболее последовательных представителей революционных сил страны.

Эта группа военных, как об этом овидетельствовали неоднократные заявления генералов Овандо и Торреса, все больше понимала необходимость объединения прогрессивного течения в армии с трудящимися массами, чтобы добиться углубления освободительного движения в стране. Важными компонентами военно-политической патриотической доктрины боливийских военных были негативное отношение к институтам "представительной демократии", а также выдвигание тезиса об авангардной роли вооруженных сил в процессе социальных преобразований.

Известно, что в ряде стран (Бразилия, Аргентина), как уже говорилось в предыдущих главах, выступления военных режимов против "либерального государства" носили огубно охранительный характер, были направлены на использование методов государственно-монополистического капитализма для укрепления эксплуататорского строя, предотвращения революционных выступлений. В Боливии же критика "либерального государства", "представительной демократии" велась с прогрессивных позиций, связывалась со стратегией глубоких социальных преобразований. По словам генерала Овандо (послание нации 31 декабря 1969 г.), "либеральное государство" в Боливии было орудием в руках олигархии, находилось в зависимости от иностранных интересов. Все это предопределяло то, отмечал президент, что "национальный суверенитет и демократические свободы были не чем иным, как сплошной фикцией"⁵².

Обосновывая тезис о нежизненности "представительной демократии" в Боливии, генерал Торрес отмечал, что она характеризовалась формализмом, не отражала интересы народа, а

---

⁵² El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo, p.217-218.

служила целям сохранения эксплуататорской системы, которая держала в стороне от активной политической жизни огромные массы обездоленного народа⁵³. Небезынтересно, что для обоснования своего тезиса о крахе институтов "представительной демократии" в стране Х.Торрес сослался на триумфальные, по его словам, успехи коммунистического движения в мире, которое последовательно борется за претворение в жизнь своих идеалов⁵⁴.

Важное место в разработке Х.Торресом и его сторонниками новой военной доктрины занимала проблема роли вооруженных сил в борьбе за социальные преобразования, за освобождение страны из-под гнета иностранных монополий. В выступлении перед членами Межамериканского совета обороны в ноябре 1969 г. Х.Торрес выдвинул тезис об авангардной роли вооруженных сил в процессе социальных преобразований: "Вооруженные силы боливийской нации, руководствуясь революционным мандатом, взяли на себя роль националистического и революционного авангарда боливийского народа, будучи верны своей миссии защищать национальную независимость, безопасность и стабильность республики, национальную честь и суверенитет"⁵⁵.

В более развернутом виде свою точку зрения он изложил в выступлении в Университете г.Кочабамбы, во время дискуссии о революционном процессе в стране. В качестве главного аргумента относительно руководящей роли армии в политической жизни Х.Торрес сослался на зависимое положение Боливии от империализма, ее экономическую слаборазвитость. Такое положение страны, по словам Х.Торреса, предопределяло тот факт, что ни один из социальных классов, испытывающих на себе угнетение иностранных монополий, не может в силу своей слабости и неорганизованности успешно бороться против империалистической

---

⁵³ Gral. Torres G.J.J. Defensa continental: la revolución y el desarrollo, p.12.

⁵⁴ Ibid., p.7.

⁵⁵ Ibid., p.12.

эксплуатации ⁵⁶. Только армии в странах, подобных Боливии, обладают достаточной силой, необходимой организацией, чтобы возглавить процесс борьбы против империалистического угнетения ⁵⁷. Поэтому, заявлял Х.Торрес, вооруженные оиды, как это показывает опыт других слаборазвитых стран, могут "временно занять место, если так можно сказать, массовых движений и сил" ⁵⁸. В подтверждение своего тезиса он привел в пример боливийские вооруженные силы, которые своим участием в "новой революционной экономической политике" опровергли пессимизм тех, кто полагал невозможным, чтобы армия, которую считали в "определенный период реакционной, превратилась в подлинно революционную силу" ⁵⁹.

В то же время Х.Торрес подчеркивал, что авангардная роль военных не означает абсолютной гегемонии, безраздельного права на власть. "Вооруженные силы, - говорил главнокомандующий, - должны координировать свои действия с борьбой эксплуатируемых социальных классов..." ⁶⁰.

Таковы основные черты новой боливийской военной доктрины в изложении генерала Хуана Хосе Торреса, руководителя и идеолога патриотического, антиимпериалистического течения в боливийских вооруженных силах. В развиваемых Х.Торресом основных положениях этой доктрины содержалось немало нового, позитивного. В ней подвергались критическому пересмотру многие кардинальные положения антинациональных концепций и теорий, деформирующих цели и задачи вооруженных сил.

Ряд положений доктрины и, прежде всего, тезис об авангардной роли армии в революционных преобразованиях носили

---

⁵⁶ El pensamiento político boliviano después de la nacionalización del petróleo, p.205.

⁵⁷ Ibid., p.207.

⁵⁸ Ibid., p.207.

⁵⁹ Ibid., p.208.

⁶⁰ Ibid., p.205.

больше характер проекции в будущее, заданной нормативности, чем объективного отражения существующего в действительности положения.

Круг приверженцев формирующейся военной доктрины в армии был невелик, хотя и имел тенденцию расширяться. Многие зависело от того, сумеют ли они упрочить свои позиции, вступить в широкие конструктивные контакты с прогрессивными силами. Пока же в боливийских вооруженных силах все еще было велико влияние профессиональной военной элиты и ее сторонников, укрепивших свои позиции во время правления генерала Баррьентоса. Хотя часть генералов из этой элиты и была отправлена в "почетную ссылку", переведена на менее ключевые посты в армии, влияние этой группы в рядах вооруженных сил все еще было велико.

Консервативно настроенная часть высшего офицерства достаточно умело пользовалась активным содействием США восстановлению боливийской армии, чтобы оправдать свою ориентацию на сотрудничество с Пентагоном под предлогом "профессионального совершенствования" вооруженных сил. Свое активное вмешательство в политику эти группы высшего офицерства в течение довольно долгого времени прикрывали лозунгом защиты "профессиональных интересов" военных, что в конечном счете сводилось к выражению сначала несколько завуалированной, а затем и открытой оппозиции в отношении политики правительства генерала Овандо.

Оппозиция в довольно резкой форме проявилась, в частности, в связи с критическими выступлениями президента по адресу США, его попытками пересмотреть боливийско-американское сотрудничество в военной области. 13 ноября 1969 г. Овандо открыто выступил против неравноправности отношений Боливии с Соединенными Штатами, против планов создания "межамериканских вооруженных сил", которые, по его словам, ущемляют суверенитет латиноамериканских стран"⁶¹.

Причины социальной напряженности в латиноамериканских

---

⁶¹ Estrategia, 1969, N 4, p.21.

странах коренятся в ужасающих условиях жизни, заявлял президент, и открыто ставил под сомнение попытки устранить эти причины с помощью оружия. Поэтому, подчеркивал он, военное сотрудничество Боливии с США должно осуществляться на новых основах. "Самая эффективная североамериканская помощь, - говорил генерал Овандо, - не должна состоять в посылке оружия, а должна проявляться в таких формах, как посылка бурильных машин с целью создания специальных батальонов для снабжения водой сельских районов и осуществления оросительных работ, как посылка тракторов и других сельскохозяйственных машин с целью увеличить производительность труда крестьянского населения, как посылка машин для строительства дорог и других объектов инфраструктуры. Все это поможет преобразовать традиционное общество, способствуя прогрессу наших стран" ⁶².

Несколько позднее, в интервью уругвайскому журналу "Марча" в декабре 1969 г., Овандо заявил, что Боливия намеревается прекратить закупку оружия в США, выйти из межамериканского совета обороны ⁶³. Такая позиция правительства генерала Овандо была встречена большинством высшего офицерства боливийских вооруженных сил с нескрываемой враждебностью. "Влиятельные представители профессиональной элиты, - пишет Чарлз Корбет, - увидели в этой политике угрозу их концепции безопасности и их пониманию миссии армии. Поэтому они усилили свою оппозицию" ⁶⁴.

Враждебная позиция многих высших военных по отношению к наметившимся позитивным изменениям в политике правительства представляла немалую угрозу развитию освободительного процесса в стране. Правые течения в вооруженных силах все более явственно координировали свои действия с противниками политики генерала Овандо.

⁶² Estrategia, 1969, N 4, p.21-22.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Corbett C.D. The Latin American Military as a socio-political force..,p.58.

Местная буржуазия в штuki встречала любые заявления главы правительства, в которых отмечалась необходимость усилить роль государства в развитии страны.

В начале 1970 г. Конфедерация частных предпринимателей Боливии обвинила правительство в намерении ликвидировать "овсбодное предпринимательство", установить "государственный тоталитаризм". Оживилась деятельность различного рода буржуазных политических группировок, которые присоединили свой голос к нападкам на правительство.

В правительстве усилилась борьба различных тенденций. Революционно-демократическое крыло, возглавляемое министром горнорудной и нефтяной промышленности Марсело Кирога Санта-Крусом выступила за решительный отпор реакции, за проведение в жизнь антиимпериалистической политики, углубление социальных преобразований. Представители революционной демократии настаивали на том, чтобы правительство опиралось на поддержку массового движения трудящихся, а не зависело бы всецело от вооруженных сил. В этом стремлении их все больше поддерживал Хуан Хосе Торрес, выступавший за создание массовой опоры правительства в лице объединенной коалиции патриотически настроенных военных с трудящимися массами.

Исключительно большое значение имела в этих условиях позиция организованного рабочего движения и, прежде всего, Боливийского рабочего центра (БРЦ), который в мае 1970 г. собрался на свой очередной съезд. Разработанный съездом специальный программный документ "Политические тезисы БРЦ" привлек всеобщее внимание в стране, вызвал большой общественный резонанс. В этом документе, словно в зеркале, отражались сильные и слабые стороны рабочего движения. Он, бесспорно, свидетельствовал о росте политического самосознания боливийского пролетариата, особенно таких его отрядов, как горняки. В тезисах особо подчеркивалось, что исторической миссией рабочего класса является борьба за построение нового общества, за социализм.

В документе убедительно и ярко говорилось о том, что боливийское рабочее движение стоит на позициях пролетарско-

го интернационализма, классовой солидарности с борьбой трудящихся во всем мире: "Поскольку дело трудящихся всего мира едино, мы будем крепить узы дружбы и взаимной помощи под знаменем пролетарского интернационализма, мы будем расширять нашу солидарность с освободительным движением и делом всех угнетенных" ⁶⁵. Специально подчеркивалась мысль об огромной роли мировой социалистической системы в развитии международного рабочего движения, в углублении освободительной борьбы угнетенных народов. "Мировая система социализма, в которую входят государства, где рабочий класс стал господствующей силой, все в более решающей степени влияет на исторические судьбы человечества" ⁶⁶.

В программном документе подчеркивалась необходимость для пролетариата вести борьбу с идеологией буржуазного национализма, которая враждебна рабочему классу, препятствует росту его классового самосознания ⁶⁷.

В тезисах была изложена позиция рабочего класса в отношении правительства, его программы "национально-революционной модели" развития страны. Рабочий класс будет поддерживать все позитивное в политике правительства, направленное на освобождение страны, и займет позицию активного противодействия всему тому, что противоречит интересам масс ⁶⁸. Немало места уделялось обоснованию тезиса о олабостях и противоречиях освободительного процесса, если его возглавляют буржуазные и мелкобуржуазные течения. Однако из этих в общем-то бесспорных положений делались далеко не верные выводы, мало общего имевшие с исторической задачей завоевания боливийским пролетариатом авангардной роли в освободительном движении, с диалектической постановкой вопроса об этапах развития революционных процессов.

В политических тезисах речь, по сути дела, шла о том, что

---

⁶⁵ Magisterio. La Paz, 1970, N 1, p.29.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibid., p.28.

⁶⁸ Ibid., p.27.

борьба за социализм в Боливии становится лозунгом непосредственного действия. В практическом плане ставился вопрос и о гегемонии пролетариата в борьбе за социализм. В документе обосновывался курс на создание рабочего правительства, которое объявлялось единственным гарантом успешного развития и углубления освободительного процесса в стране, противопоставлялось правительству генерала Овандо⁶⁹.

В оценках позиции сторонников "национально-революционной модели" главный упор делался на критику недостатков, ограниченности этой концепции и не выдвигалась столь необходимая в тех условиях задача, направленная на укрепление сотрудничества с революционно-демократическими течениями в стране. Установка на социалистическую революцию была явно преждевременной, не учитывалось реального соотношения сил в стране.

Вопрос о борьбе за руководящую роль пролетариата в освободительном движении, по сути дела, подменялся лозунгом "пролетарского авангардизма", что объективно ориентировало пролетариат на изоляцию от других демократических сил. Бесспорно, в такой постановке вопроса чувствовалось влияние троцкистских группировок, которые стремились включить в тезисы свои идеи, проникнутые духом "пролетарского авангардизма", обрекающего рабочий класс на изоляцию.

Реакция воспользовалась выдвижением ряда ошибочных положений в политических тезисах БРЦ, чтобы развернуть ожесточенную кампанию против прогрессивных сил, подняла крик об угрозе установления в стране "марксистской тоталитарной диктатуры". Усилилось давление правых сил на правительство, из которого были выведены Кироса Санта-Крус и другие прогрессивные деятели. Реакционеры начали травлю генерала Х. Торреса, против которого объединились правые в вооруженных силах. Особенно большую активность развил командующий сухопутными войсками генерал Рохелио Миранда, открыто противопоставившийся распространению в армии новой патриотической доктрины. Во время визита в страхе командующего аргентинской армией ге-

⁶⁹ Magisterio, 1970, N 1, p.26.

генерала Лануссе в мае 1970 г. Миранда выступил с речью, полемически направленной против антиимпериалистической позиции генерала Х.Торреса. Миранда настаивал на "энергичных действиях", чтобы остановить "международный коммунизм", "защитить демократию" и "западную цивилизацию" ⁷⁰.

В июле 1970 г. правая группировка в вооруженных силах пошла на открытое выступление против Х.Торреса, сместив его с поста главнокомандующего под предлогом реорганизации в управлении войсками. По решению командующих родами войск, должность главнокомандующего была упразднена и вместо нее учрежден Высший совет вооруженных сил, куда входили командующие родами войск. Председателем Высшего совета был избран генерал Миранда.

Эта акция выдавалась ее инициаторами за чисто "профессиональную" реорганизацию, однако было ясно, что речь шла о политическом шаге, направленном против левой группировки в вооруженных силах. Генерал Х.Торрес охарактеризовал этот шаг как стремление "толкнуть правительство и вооруженные силы вправо" ⁷¹. По словам американского полковника Корбета, реорганизация имела своей целью "устранить Торреса от руководства радикально настроенными кругами молодых офицеров" ⁷².

Устранение Х.Торреса обострило борьбу в вооруженных силах. В его поддержку выступил ряд командиров военных соединений, его активно поддерживали левонастроенные молодые офицеры, которые настаивали на выполнении задач, изложенных в программных документах вооруженных сил. В армии проявлялись все более очевидные признаки надвигающегося раскола, вызванного резким обострением политических и идеологических разногласий в ее рядах. Правые силы в армии решили действовать открыто, стремясь взять инициативу в свои руки. С помощью

⁷⁰ El Día, 1970, 20 jun.

⁷¹ Ibid., 9 jul.

⁷² Corbett C.D. The Latin American military as a socio-political force, p.58.

своих ставленников в правительстве они спровоцировали его кризис, объявив об отказе вооруженных сил поддерживать политику генерала Овандо.

В начале октября правые силы в армии открыто выступили против правительства генерала Овандо, потребовав его отставки. Они сумели этого добиться, но этим их успехи и ограничились. В самом лагере заговорщиков не существовало единства, имелись противоречия относительно путей и методов действий. Главнокомандующие родами войск создали военную хунту, стремясь отмежеваться от слишком прямолинейных действий генерала Миранды, выступить от имени всех вооруженных сил, организовав "институционный переворот". В отличие от Миранды, который занимал явно реставраторские позиции в духе баррентизма, военный триумvirат рядился в одежды "конституционности" и "демократизма", обещая гарантировать "свободное соперничество политических сил"⁷³.

Планы заговорщиков встретили решительный отпор со стороны профсоюзов, студенчества, левых политических партий, которые выступили сообща, создав объединенное политическое руководство. Фактический раскол произошел в вооруженных силах, часть которых поддержала Х.Торреса, призвавшего к борьбе с заговорщиками. Между трудящимися и патриотически настроенными военными было установлено сотрудничество, что сыграло решающую роль в борьбе против попытки совершить контрреволюционный переворот.

В результате совместных действий патриотических сил сторонники генерала Миранды оказались изолированными и потерпели поражение, а военная хунта объявила о самоликвидации. На волне народного подъема к власти пришел генерал Х.Торрес, сформировавший военно-гражданское правительство, в которое вошли в основном патриотически настроенные военные, представители левонационалистической, антиимпериалистически настроенной интеллигенции.

---

⁷³ El Día, 1970, 5 oct.

«Национально-революционная модель» развития и армия

Победа патриотических сил стала возможной в первую очередь благодаря тому, что трудящиеся массы, профсоюзы выступили вместе с частью армии, поддержавшей призыв Х.Торреса оказать сопротивление заговорщикам. Чрезвычайно важную роль в этом плане сыграла позиция революционных сил в рабочем и демократическом движении, оумевших нейтрализовать попытки ультралевых, троцкистов и маоистов удержать массы от активных выступлений под тем предлогом, что речь-де идет об обычной борьбе за власть в генеральских верхах⁷⁴. В свою очередь сторонники Х.Торреса в рядах вооруженных сил проявили стремление к единству с профсоюзами и трудящимися массами. Не случайно в своем первом выступлении перед народом в качестве президента он призывал укреплять сотрудничество и союз вооруженных сил с рабочими, крестьянами, студенчеством⁷⁵.

Победа прогрессивных сил Боливии вызвала большой международный резонанс. Монополистические круги США не окрылялись своего разочарования поражением заговорщиков, своей потерянностью перед неожиданным, по их утверждению, поворотом событий. "Нью-Йорк таймс" писала, что в Вашингтоне не ожидали выступления левых сил, в частности сторонников Х.Торреса, а рассчитывали, что дело ограничится правым военным переворотом⁷⁶. Мексиканская газета "Эль Диа", опираясь на сообщения из Вашингтона, отмечала, что провал переворота

---

⁷⁴ El Siglo, 1970, 24 oct.

⁷⁵ El Día, 1970, 8 oct.

⁷⁶ The New York Times, 1970, 7 oct.

в Боливии наносит удар по планам борьбы с освободительным движением в андских странах, в первую очередь в Чили, где победу на выборах одержала коалиция Народного единства, и в Перу, в которой началось проведение глубоких социальных преобразований ⁷⁷.

Для прогрессивных сил Латинской Америки поражение реакции в Боливии означало расширение плацдармов антиимпериалистической борьбы на континенте, упрочение освободительного фронта государств с прогрессивными, антиимпериалистическими режимами.

Патриотические силы Боливии, сыгравшие решающую роль в приходе к власти генерала Х.Торреса, выступили за углубление освободительного процесса, за проведение глубоких социальных преобразований. Их программным документом стал "Мандат народных сил", опубликованный профсоюзами и левыми партиями, представителями студенческих университетских организаций, входящих в единое политическое командование.

По форме документ напоминал "Мандат вооруженных сил" 1969 г. и, несмотря на более явственно выраженный радикализм своих требований, в целом-то следовал тем принципам, которые характеризовали позицию патриотически настроенных военных. Так, в нем содержалось требование укреплять основы экономической независимости путем создания тяжелой промышленности, углублять аграрную реформу на базе развития кооперативных форм ведения хозяйства. В области международных отношений авторы документа выступали за расширение всесторонних связей с социалистическими странами ⁷⁸. Принципиально важные черты "Мандата народных сил" обличали его с программой социальных преобразований, выдвинутой новым правительством.

В октябре 1970 г. правительство Торреса опубликовало долгосрочную программу преобразований под названием "Соци-

---

⁷⁷ El Día, 1970, 7 oct.

⁷⁸ Ibid., 9 oct.

ально-экономическая стратегия национального развития на 1971-1991 гг.". Подготовка этого двухтомного документа началась еще при правительстве Овандо и имела своей целью дать всестороннее обоснование "национально-революционной модели" развития страны. Документ был подготовлен под руководством Хосе Ортиса Меркадо, видного представителя левонастроенной интеллигенции.

В предисловии, написанном Ортисом Меркадо, подчеркивалось, что для "национально-революционной модели" развития характерно вмешательство государства в экономическую жизнь страны с помощью установления контроля над природными ресурсами и стратегически важными звеньями экономики. Планирование экономики, таким образом, становится объективной потребностью, являясь эффективным орудием обеспечения быстрого и независимого развития страны ⁷⁹.

Такой подход предопределил антиимпериалистическую и даже антикапиталистическую направленность документа. В нем аргументированно и всесторонне обосновывался тезис о невозможности решить коренные социально-экономические проблемы на путях капиталистического развития. Авторы документа приходили к чрезвычайно важному выводу, что зависимость Боливии от империалистических держав, опирающихся на реакционные силы внутри страны, порождает ее отсталость, деформированность развития ⁸⁰.

Через весь документ проходит мысль о том, что независимое развитие страны, завоевание ею экономической самостоятельности будут обеспечены только в результате глубоких преобразований. Авторы плана обосновывали необходимость изменения форм собственности. Они явно отходили от десаролистской теории "смешанной экономики", отдавая предпочтение различным формам общественной коопера-

---

⁷⁹ Estrategia socio-económica de desarrollo nacional 1971-1991. Bolivia, 1970, p.26.

⁸⁰ Ibid., p.31-32.

тивной и государственной собственности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности ⁸¹.

Особое место в создании новых форм собственности отводилось государству, которое должно было играть главную роль в становлении государственного сектора, завоевании экономической независимости. Усиление роли государства, подчеркивалось в документе, всецело отвечает интересам рабочего класса, всех трудящихся масс, которые борются за глубокие преобразования в стране ⁸².

Ратуя за всемерное расширение планирующей и преобразующей роли государства, авторы документа в качестве одного из основных аргументов выдвигали тезис о неспособности "частной инициативы", "свободного предпринимательства" вывести страну из кризиса. Они заявляли: "Не в традициях частного предпринимательства в нашей стране выступать инициатором социального развития" ⁸³. Авторы программы развития не отвергали частное предпринимательство. Они подчеркивали, что "национально-революционная модель" развития признает роль частной инициативы, но она, по их мнению, не должна быть решающей. Они выступили с резкой критикой политики руководства НРД, которое взяло курс в период пребывания у власти на искусственное стимулирование капиталистического развития страны ⁸⁴.

Осуществление глубоких преобразований в стране, подчеркивалось в программе, невозможно без широкого, активного и сознательного участия народных масс в революционном процессе. Большое внимание уделялось активному вовлечению крестьянских масс в процесс социальных преобразований. Для достижения этой цели выдвигалась задача освобождения крестьянских организаций из-под влияния бюрократизма па-

---

⁸¹ Estrategia socio-económica de desarrollo nacional 1971-1991, p.90.

⁸² Ibid., p.126.

⁸³ Ibid., p.127.

⁸⁴ Ibid., p.24.

тернализма, которые тормозили рост самосознания сельских трудящихся, превращали их в слепое орудие в руках правящих группировок ⁸⁵.

Важная роль в активизации деятельности крестьянских масс, росте их оплоченности отводилась углублению аграрных преобразований. Преодолеть отрицательное влияние прежней аграрной реформы на крестьян, что выразилось в их разобщенности, росте индивидуалистических настроений, можно было, по убеждению сторонников революционно-демократических преобразований в стране, путем стимулирования кооперативных форм производства в сельском хозяйстве, используя общинные традиции крестьянства ⁸⁶.

Важная роль в социальных преобразованиях отводилась рабочему классу, профсоюзному движению. В плане предусматривалось создание условий для активизации деятельности профсоюзов, их более активного участия в судьбах страны. В этих целях намечался ряд мер, направленных на расширение роли трудящихся на государственных предприятиях, усиление их контроля над предприятиями частного сектора, а также введение рабочего самоуправления в некоторых отраслях экономики ⁸⁷. В плане специально указывалось на необходимость всемерно расширять подготовку трудящихся для того, чтобы они все больше влияли на развитие страны ⁸⁸.

Немалая роль отводилась вооруженным силам, которые вместе с трудящимися должны были принять активное участие в преобразованиях. Особо выделялась роль военных в становлении госсектора, в разработке "национально-революционной модели" развития страны ⁸⁹.

⁸⁵ Estrategia socio-económica de desarrollo nacional 1971-1991, p.94.

⁸⁶ Ibid., p.92-93.

⁸⁷ Ibid., p.133-134.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibid., p.125-127.

Хотя "Социально-экономическая стратегия национального развития" не провозглашала своей целью построение социалистического общества, больше того, выступала за особый путь развития страны, основная ее направленность создавала условия для глубоких преобразований, которые могли бы открыть перспективу для борьбы за новое общество в Боливии. Решающее значение в этих условиях приобретала проблема единства всех прогрессивных, антиимпериалистических сил, что смогло бы обеспечить осуществление радикальных преобразований. Исключительно большое значение для перспектив углубления революционного процесса имело привлечение на сторону прогрессивных сил крестьянских масс. В этом вопросе правительство Х.Торреса стремилось отойти от патерналистской политики прежних режимов. Поддерживая идею военно-крестьянского пакта, оно в то же время стремилось сделать его составной частью более широкого фронта всех демократических, антиимпериалистических сил страны.

Выступая перед представителями крестьян в феврале 1971 г. Х.Торресо изложил правительственную программу активного вовлечения сельских трудящихся в революционный процесс. Он отметил важность военно-крестьянского пакта, но подчеркнул необходимость создания более широкого единства всех сил, заинтересованных в социальных преобразованиях. "От военно-крестьянского пакта надо перейти к такому пакту, активными участниками которого были бы революционные отряды боливийского пролетариата, среднего класса. Только единство всех прогрессивных сил может оддействовать консолидации единого национального антиимпериалистического фронта"⁹⁰.

Президент страны выступил против политики милитаризации крестьянства путем создания военных крестьянских училищ. Этой политике он противопоставил необходимость создания крестьянских аграрных училищ с помощью вооруженных сил

---

⁹⁰ Gral. Torres Gonzalez J.J. Presidente del Gobierno Revolucionario. Sólo la unión de los sectores progresistas consolidará el frente anti-imperialista. La Paz, 1971, p.9.

и правительства. Однако правительству Х.Торреса не удалось осуществить программу по мобилизации крестьянских масс в поддержку своей политики. Здесь, бесспорно, сыграла свою роль кратковременность пребывания правительства у власти. Немаловажное значение имело и то, что правительственная политика встретила ожесточенное противодействие различного рода кaudильо, захвативших руководство многими крестьянскими организациями. Она натолкнулась на саботаж и правонастроенных военных, которые продолжали действовать в духе прежнего военно-крестьянского пакта, натравливая крестьян на пролетариат.

Что же касается рабочего класса, то его организации, находящиеся под влиянием Коммунистической партии Боливии, начали предпринимать шаги, направленные на установление сотрудничества между пролетариатом и крестьянскими массами. Однако это были только первые шаги, и успех не удалось закрепить из-за последовавшего вскоре контрреволюционного переворота.

Приход к власти правительства Х.Торреса создал благоприятные возможности для деятельности рабочих организаций, развертывания массового движения прогрессивных сил. Именно в этих условиях стал возможен созыв в июне 1971 г. Народной ассамблеи. Это был своеобразный форум левых сил, в котором принимали участие Боливийский рабочий центр, университетские организации, левые политические партии. Сам факт созыва ассамблеи свидетельствовал о том, что в стране создавались условия для возникновения единого народного, антиимпериалистического фронта.

Влиятельное представительство рабочего класса в ассамблее, которое руководствовалось программными тезисами, разработанными на IV съезде БРЦ, давало основание надеяться на ее превращение в объединенный центр всех прогрессивных сил страны, способный установить прочные, конструктивные связи с правительством Торреса. За такую направленность деятельности ассамблеи выступила КПБ, которая видела в ней один из возможных путей создания единого фронта прогрессивных сил.

Однако с самого начала своей работы Народная ассамблея столкнулась с большими трудностями. Деятельность ее далеко не отвечала интересам сближения прогрессивных сил с правительством Х.Торреса. Неоднородность состава ассамблеи, наличие в ее рядах ультралевых, стоящих на позициях мелкобуржуазного революционаризма, троцкистов и маоистов оказывали влияние на направленность ее работы, на характер дискуссий.

Нередко вместо обсуждения проблем, связанных с разработкой конкретной политики по созданию широкого антиимпериалистического фронта, в ассамблее велись такие дискуссии и обсуждения, словно речь шла уже о социалистической революции, о завоевании власти рабочим классом. Ультралевые занимались бесконечными словопрениями насчет того, как лучше организовать борьбу против правительства Х.Торреса — путем ли создания "партизанского очага" или какими-либо другими методами. В его свержении они видели главное условие победы "социалистической революции" в стране. "Боливийская народная ассамблея, — пишет Родней Арисменди, — которая должна была стать фактором объединения народа, основой для формирования необходимого антиимпериалистического фронта и главным орудием поддержки и диалога с правительством, истощила свои силы из-за больших словопрений и инфантильности организаций, входящих в нее и неспособных понять тяжелую ответственность участия в революции"⁹¹.

С особой очевидностью такой "инфантилизм" ультралевых проявился в отношении вооруженных сил страны. Ожесточенные дискуссии и споры о роли вооруженных сил в антиимпериалистическом, освободительном процессе велись как в самой ассамблее, так и вне ее пределов. В отношении этой проблемы определилось две позиции. Коммунистическая партия Боливии, выступая за привлечение военных на сторону патристических кругов, оправедливо видя в них потенциальных союзников освободительного движения, исходила из реального положения вещей,

---

⁹¹ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка, с. 506.

из факта возникновения демократических течений в вооруженных силах.

Коммунисты подчеркивали, что укрепление сотрудничества между трудящимися, всеми демократическими силами и прогрессивными течениями в армии создаст более благоприятные условия для углубления революционного процесса, для консолидации социальных завоеваний. Не игнорируя наличия реакционных течений в вооруженных силах, коммунисты в то же время не исключали возможности преобладающего влияния прогрессивного течения в рядах армии. Большое место коммунисты уделали разработке позиции в отношении вооруженных сил на III съезде, состоявшемся в июне 1971 г. Они решительно выступили против нигилистического отношения к борьбе за армию, назвав такую позицию политически безответственной и авантюристичной⁹². Они разоблачили попытки реакции представить коммунистов сторонниками ликвидации армии. Позиция компартии, как заявили коммунисты, ничего общего не имеет с "ортодоксальной" враждебностью к вооруженным силам как профессиональному институту. Поэтому они не требовали ликвидации старой армии, а выступали за ее демократизацию, за союз прогрессивных военных с трудящимися массами.

Коммунисты с принципиальных марксистско-ленинских позиций вели борьбу против вульгарного "антимилитаризма" ультралевых. Представители мелкобуржуазного революционаризма выдвигали авантюристические лозунги ликвидации армии. Они противопоставляли ей народную милицию, которая должна прийти на смену прежним вооруженным силам. Ультралевизна в отношении военных была тем более опасной, что вооруженные силы находились как бы на перепутье; в их рядах обострялась борьба различных тенденций по вопросу о позиции армии в углубляющемся революционном процессе.

После прихода к власти правительства Х. Торреса вооруженные силы не подверглись сколько-нибудь большой и основательной чистке от правых элементов. Дело фактически ограничилось отставкой небольшого числа наиболее скомпрометировав-

---

⁹² Unidad de las fuerzas populares contra la agresión imperialista. Unidad, 1971, suplemento del N 406, p.16.

ших себя вышших офицеров, переводом отдельных армейских подразделений в глубинные районы страны, в остальном же положение мало в чем изменилось. В армии по-прежнему сильно было влияние правого течения, которое воячески стремилось изолировать военных от освободительного движения. Прежде всего оно пыталось добиться этой цели под флагом укрепления "институционального", "профессионального" единства вооруженных сил.

Иными словами, правые в армии вновь решили сыграть на особой восприимчивости боливийского офицерского корпуса, обусловленной рядом исторических причин, о чем подробно говорилось выше, к лозунгу чисто профессионального характера вооруженных сил, их ограждения от "разлагающей" политизации. На разных исторических этапах этот лозунг наполнялся разным содержанием, имел различную политическую направленность.

В обстановке углубления освободительного процесса в стране апелляция к нему всенной верхушки играла на руку правым контрреволюционным силам в стране, хотя военные, которым это адресовалось, далеко не все были реакционно настроены. Ведь в тех условиях речь шла не только о стремлении воспрепятствовать наметившемуся процессу сближения между трудящимися массами и патриотическими течениями в армии, но и о попытке вытравить из сознания военных основные идеи прогрессивной военной доктрины, которую защищали наиболее передовые круги офицерства во главе с Х.Торресом.

Истинная суть подобной "надкласовой" националистической позиции военной верхушки стала вполне очевидной, когда она открыто выступила с нападками против "левого экстремизма", который-де стремится уничтожить "боливийскую национальность", национальные "духовные ценности". Широко использовала она в своих демагогических целях авантюристические призывы ультралевых к уничтожению армии, стремясь выдать их за позицию всех левых сил.

Боливийские коммунисты охарактеризовали эту позицию как "нечистоплотные махинации, направленные на пробуждение инстинкта профессионального самосохранения в рядах армии,

чтобы побудить всех военных занять проимпериалистические, контрреволюционные позиции" ⁹³. Подчеркивал, что сближение народа с военными в значительной степени зависит от доброй воли последних, коммунисты в то же время решительно осуждали вульгарный антимилитаризм ультралевых, который играет лишь на руку реакции, стремящейся к укреплению своих позиций в армии. Разумеется, коммунисты учитывали наличие в ней влиятельного, чисто "институционального" течения, представители которого смотрели на свою профессию как на "апостолюскую миссию по защите родины" ⁹⁴. Было бы ошибкой, подчеркивали коммунисты, недооценивать этого течения ⁹⁵.

Многое в развитии революционного процесса, по словам коммунистов, зависело от направленности этого течения, от того, какие силы его используют. А процессы, происходившие в вооруженных силах, принимали все более нежелательный для освободительного движения оборот.

Правым удалось воздействовать на военных в духе "националистического профессионализма", который все более явственно обнаруживал свою консервативную направленность. С таких позиций, например, выступило командование полка "Макс Толедо", одного из наиболее современно оснащенных подразделений боливийской армии. Оно потребовало быстрой "конституционализации" страны, усиления борьбы против "анархистствующих" сил, а также отъема со всех правительственных постов военных, чтобы они могли заниматься исключительно профессиональными делами ⁹⁶.

Влиятельная боливийская газета "Пресенсия" писала о том, что позиция армии в условиях быстрой радикализации обстановки в стране выглядела анахроничной ⁹⁷. Эта же газета

---

⁹³ Unidad de las fuerzas populares contra la agresión imperialista. - Unidad, 1971, suplemento de N 406, p.17.

⁹⁴ Tesis programática aprobada en el III Congreso nacional, p.13.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ El Día, 1970, 20 oct.

⁹⁷ Presencia, 1971, 6 ag.

приводила результаты социологического опроса в офицерском корпусе об отношении к социализму. В ответах военных чувствовалось влияние реакционной пропаганды, использовавшей авантюристические декларации ультралевых. Военные были враждебно настроены к "марксистскому социализму", который, по их мнению, был чужд боливийским условиям⁹⁸. В их представлениях марксизм означал ликвидацию "индивидуальных" свобод, репрессии и террор в отношении офицерского корпуса.

Такие настроения в армии возникли по многим причинам. Базу патриотического течения в вооруженных силах составляло младшее, отчасти среднее офицерство. В условиях, когда у руководства армией стояла консервативная группировка, активно пропагандировавшая "профессиональную военную доктрину", патриотическое течение не могло оказывать сколько-нибудь решающего воздействия на изменение облика вооруженных сил. Нельзя обрасывать со счетов и такой факт, как нападки ультралевых, выступавших с позиций вульгарного антимилитаризма. У части военных, искренне искавших пути сближения с народом, усилилось чувство "профессионального самосохранения", искусственно подогреваемое реакцией. Эти настроения усугублялись у части военных ввиду отсутствия в рядах антиимпериалистических сил, за исключением коммунистов, гибкой политики, направленной на завоевание трудящимися массами потенциальных союзников из числа военных-патриотов. Ощущение своей изолированности было характерно для многих прогрессивно настроенных офицеров.

Определенную, и притом немалую, роль в возобладании консервативного течения в вооруженных силах сыграл и тот факт, что сторонники Х.Торреса из числа военных, в том числе из высшего офицерства, после его прихода к власти заняли важные посты в правительстве, в административном аппарате, оторвавшись от военной среды. Они больше не могли оказывать прямого и непосредственного влияния на формирование и упрочение патриотического течения в армии. Больше того, прави-

---

⁹⁸ *Presencia*, 1971, 6 ag.

тельство Х.Торреса как бы молчаливо принимало доктрину "профессионализма" армии, тезис об "институциональном единстве" вооруженных сил.

Сотрудничество, которое установилось между правительством и командованием вооруженных сил, носило непрочный и довольно формальный, а главное, односторонний характер. В ответ на чисто декларативное заявление армейского командования о верности правительству, последнее как бы молчаливо гарантировало свое невмешательство во внутренние дела вооруженных сил, уважение их "профессионального" статуса.

Правительство ограничивалось лишь скромными попытками обеспечить поддержку военных, пропагандируя свою политику в выступлениях министров и самого президента в отдельных воинских частях. Такие паллиативы ничего существенно не меняли, а нередко приводили к противоположным результатам, как это было в полку "Мако Толедо", когда правонастроенные офицеры открыто выступили против политики правительства.

Говоря о планах правонастроенных военных, газета "Пресенсия" писала: "Правительство Х.Торреса держится у власти потому, что военные скрывают свои политические позиции из-за боязни раскола вооруженных сил. Пока Торрес может рассчитывать на поддержку какой-либо части армии, готовой выступить против тех группировок, которые хотят его свергнуть, до тех пор "институциональные" чувства военных должны быть для него гарантией"⁹⁹.

В вооруженных силах быстро нарастало настроение буржуазного национализма. Не случайно "Пресенсия" незадолго до государственного контрреволюционного переворота писала, что "вооруженные силы ныне политизировались окончательно", добавляя, что эта политизация носит явно консервативный характер в отличие от радикализации настроений народных масс¹⁰⁰.

Правые силы в армии активизировали свою деятельность,

---

⁹⁹ Preñencia, 1971, 6 ag.

¹⁰⁰ Ibidem.

расширяя контакты с местной реакцией и противниками правительства Х.Торреса вне страны.

Таким широко разветвленным заговором против правительства была попытка государственного переворота в январе 1971 г. В рядах заговорщиков объединились реакционно-настроенные военные во главе с полковником Уго Бансером, только что уволенным с поста начальника военной школы, а также противники режима из различных реакционных политических партий и организаций. В то время попытка государственного переворота окончилась неудачей в силу ряда причин. Значительная часть вооруженных сил не поддержала заговор, сохраняя по меньшей мере нейтралитет. Большую роль в борьбе с путчистами сыграли профсоюзы, левые политические партии, мобилизовавшие трудящихся.

Однако враги режима Х.Торреса не оставили попыток совершить государственный переворот, рассчитывая не только на свои силы, но и на помощь извне. В частности, они возлагали надежду на поддержку со стороны тогдашнего бразильского военного режима, который стремился вовлечь Боливию в орбиту своего "геополитического" влияния. В планах, разработанных одним из теоретиков бразильской военной доктрины генералом Мейра Матосом, Боливии отводилась роль сырьевого придатка Бразилии. Особенно большой интерес правящие круги Бразилии проявляли к боливийским железорудным и другим национальным богатствам ¹⁰¹.

Реализации упомянутых планов препятствовала независимая антиимпериалистическая политика правительства Х.Торреса. Оно решительно отвергло "геополитические" домогательства бразильского военного режима, взяло курс на промышленное развитие страны на базе интенсивного использования природных богатств в целях упрочения экономической независимости. Ориентация на развитие тяжелой промышленности, находящейся в руках государства, встретила глубокое понимание и поддержку со стороны прогрессивных режимов Латинской Америки, Советского Союза и других социалистических стран. Боливия под-

¹⁰¹ Ultima hora. Santiago de Chile, 1971, 18 en.

писала с социалистическими странами ряд соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве, что способствовало успешной реализации планов независимого социально-экономического развития страны, упрочения прогрессивного, антиимпериалистического режима.

Выступая перед рабочими Ла-Паса в марте 1971 г., Торрес заявил: "Мы отчаянно боремся со временем. Но мы должны сделать время своим союзником"¹⁰². В своего союзника пыталась превратить время и реакция, форсируя ход событий. Своей базой для подготовки контрреволюционного мятежа она сделала департамент Санта-Крус, который являлся цитаделью развивающейся боливийской буржуазии. Крупная аграрная и торговая буржуазия этого департамента с нескрываемой враждебностью относилась к переменам, происходившим в стране, демагогически обвиняя правительство в насаждении "тоталитарной" диктатуры в стране. В своей классовой ненависти к борьбе трудящихся она готова была пожертвовать национальными интересами, идя на соглашение с правящими кругами Бразилии, с империалистическими монополиями.

Вражда к освободительному, антиимпериалистическому движению, к правительству Х.Торреса объединяла, казалось бы, непримиримые политические течения. Так, единым фронтом стали выступать НРД и Боливийская социалистическая фаланга, которые в течение долгого времени были крайне враждебно настроены друг к другу. Эти партии активно использовали в своих интересах некоторую растерянность средних слоев населения, вызванную массивной психологической обработкой реакционной пропаганды. Последняя стремилась убедить средние слои в стремлении режима провести "тотальную" социализацию собственности.

К августу 1971 г. правым силам удалось обеспечить себе поддержку части армии, нейтрализовать или даже перетянуть на свою сторону многих сторонников генерала Х.Торреса, убедить военных, что левые силы взяли курс на ликвидацию армии

---

¹⁰² El Día, 1971, 13 mar.

как профессионального института. Антиправительственные настроения усиливались и среди военных, не разделявших целей заговорщиков, в частности, среди значительной части молодого офицерства, которое до сравнительно недавнего времени считалось опорой Х.Торреса. Впоследствии, уже после государственного переворота представители этой офицерской группы в вооруженных силах, объясняя свое активное участие в свержении правительства Торреса, заявляли, что они руководствовались стремлением покончить с "хаосом" и "анархией" в стране, положить начало ее "конструктивному" развитию¹⁰³.

Надо признать, что росту подобных настроений среди военных содействовал ряд факторов внутривосточного развития страны. Для правых, старавшихся настроить армию против режима, были находкой выпады ультралевых против военных, их призывы к ликвидации армии. Они особенно активно использовали манифест так называемого "Военного авангарда народа" (авангард претендовал на представительство интересов сержантского состава), который был опубликован незадолго до государственного переворота.

Проникнутый духом вульгарного антимиитаризма, этот документ призывал рядовой и сержантский состав вооруженных сил выступить против офицерского корпуса, начать в рядах армии "революционную, классовую" войну¹⁰⁴. По словам аргентинского публициста Рохелио Гарсия Лупо, манифест произвел ошеломляющее впечатление на офицерский корпус, окончательно толкнул большинство военных на путь мятежа¹⁰⁵. В своей книге "Расхищение Боливии" Марсело Кирога Санта-Крус в качестве одной из причин "институционального" выступления вооруженных сил против правительства Х.Торреса называет вульгарный антимиитаризм леваков, что, по его словам, спо-

¹⁰³ См. манифест молодого офицерства от 6 июня 1974 г. - *Chasqui comité boliviano de la paz. Filial México. México, 1974, N 4, p.15.*

¹⁰⁴ *Diario. La Paz, 1971, 13 ag.*

¹⁰⁵ *Presencia, 1971, 27 jul.*

способствовало пробуждению у боливийских военных инстинкта "профессиональной самозащиты как коллективной, так и индивидуальной" ¹⁰⁶. Конечно, нельзя преувеличивать роль леваков в росте контрреволюционных настроений в рядах вооруженных сил, что объяснялось и другими важными факторами. Однако, бесспорно, действия леваков играли на руку реакции, облегчали подрывную деятельность среди вооруженных сил, подготовку свержения правительства. Мятеж подняли 19 августа воинские части, расположенные в департаменте Санта-Крус. Его начал полк рейнджеров под командованием отъявленного реакционера Андреса Селича. 23 августа правительство Х.Торреса пало. Новым президентом был провозглашен полковник Уго Бансер. К власти пришла коалиция так называемого Националистического народного фронта (ННФ), в которую вошли НРД, Боливийская социалистическая фаланга и командование вооруженных сил. Вдохновители ННФ не скрывали, что целью свержения правительства являлось стремление воспрепятствовать осуществлению глубоких социальных преобразований в стране, усилению роли трудящихся масс в политической жизни. Лозунги мятежников "о возрождении нации", и спасении страны от "коммунистической угрозы" не могли скрыть основной цели переворота — реставрации и упрочения капиталистических порядков с помощью иностранного капитала, реакционных сил вне страны, в первую очередь некоторых бразильских военных.

В 1969—1971 гг. патриотические круги в вооруженных силах попытались облизить армию с трудящимися массами, сделать ее активным фактором освободительного антиимпериалистического процесса в стране. Неудача этой попытки вновь отвела армии бесславную роль гаранта интересов сил консерватизма и реставрации.

---

¹⁰⁶ Quiroga Santa Cruz M. El saqueo de Bolivia. Buenos Aires, 1973, p.130.

От Националистического народного фронта к авторитарному военному режиму

Свержение правительства Х.Торреса путчисты объявили "великой победой" "истинно националистических" сил, полных решимости построить "новую Боливию". Как и раньше, реакция широко использовала лозунги буржуазного национализма, стремясь представить его идеологией "всех" боливийцев.

"Исповедуемая апологетами режима идеология, — писал Карлос Альба, член ЦК Компартии Боливии, — представляется как некая "концепция жизни общества и личности", как "великое теоретическое оружие миллионов людей, сознание которых крепнет в борьбе за интересы наций, за их самоопределение, за социальный прогресс и преобразование". Сколько громких слов, сколько лжи нагромождено в одной единственной фразе" ¹⁰⁷.

Идеологи и руководители режима объявляли классовую борьбу "инородным" элементом в боливийском обществе, предавали ее анафеме. "Существование националистического правительства, — заявлял президент У.Бансер, — само собой подразумевает сотрудничество всех социальных классов страны. Мы, боливийцы, которые еще окончательно не создали национального государства, не можем позволить себе такую роскошь как классовая борьба, которая привела бы к гибели само наше отечество" ¹⁰⁸.

Таковы были заявления руководителей режима, а дела их говорили о том, что "единства" боливийцев они стремились достичь путем жестокого преследования всех инакомыслящих, рас-

---

¹⁰⁷ Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с.57.

¹⁰⁸ El pensamiento del presidente Hugo Banzer Suarez. La Paz, 1971, p.27.

прав с трудящимися, прогрессивными силами под флагом борьбы с "чуждой" стране идеологией.

Полковник Андрес Селич, бывший в первый период после прихода к власти Националистического народного фронта министром внутренних дел, оправдывая расправы над патриотами, цинично заявил: "Репрессии прекратятся только тогда, когда будет уничтожен импортированный коммунизм" ¹⁰⁹.

Преследования патриотов, ликвидация демократических свобод сопровождалась наступлением на жизненные интересы трудящихся. Под предлогом стабилизации экономического положения страны замораживалась или урезывалась заработная плата трудящихся, осуществлялась девальвация песо, что вело к резкому вздорожанию жизни. Только за первые два года пребывания у власти ННФ жизненный уровень населения в среднем понизился на 50%. Руководители режима, находясь под сильным влиянием бразильской "модели", выступали за упрочение капиталистических структур с помощью широкого привлечения иностранного капитала, предоставления ему всякого рода привилегий. Специально изданный закон о капиталовложениях давал большие льготы частным инвесторам, в первую очередь иностранным.

Больше того, некоторые руководители ННФ были готовы пожертвовать ради защиты своих классовых интересов даже территориальной целостностью своей страны, поставив ее в вассальную зависимость от Бразилии, выдвигая геополитические аргументы. Особенно рьяно с этих позиций выступали правоэкстремистские лидеры Боливийской социалистической фаланги, развернув лозунг "федерализации" страны, предоставления отдельным департаментам полной автономии, вплоть до отделения от боливийского государства.

Сторонники "федерализации" имели в виду в первую очередь наиболее развитый в экономическом отношении департамент Санта-Крус, уже давно ставший объектом экспансии иностранного капитала, в частности бразильского. "Причины это-

¹⁰⁹ Ultima hora, 1971, 13 oct.

го империализма, — пишет Карлос Альба, — понять несложно — на территории департамента — самые крупные в мире месторождения железа (район Мутун), значительные запасы газа, нефти и радиоактивных элементов. Там много лесов, дающих превосходную древесину, плодородных земель. Интересы монополий, действующих в Бразилии, тесно переплетаются с интересами банкиров, крупных скотоводов, производителей сахара и хлопка Санта-Круса. Уступая их давлению, боливийские фалангисты готовы пойти на передачу Бразилии этого департамента. Любопытно, что они не видят в том ни малейшего противоречия о "великом теоретическом оружии национализма" ^{IIО}.

От фалангистов не отставали некоторые высокопоставленные представители боливийских вооруженных сил. Скандальную известность приобрело заявление личного представителя Бансера контр-адмирала Альберто Альберасино Креспо, сделанное им в Бразилии, в марте 1972 г. Он заявил, что боливийцы являются "низшей расой" по сравнению с бразильцами и только путем слияния с "высшей кровью Бразилии" можно исправить положение ^{III}.

Политика ИНФ не только не привела к "национальному единству", но и породила еще более острые социальные противоречия в стране. То и дело происходили бурные выступления трудящихся, в которых наряду с требованиями пересмотра антинародной экономической и социальной политики выдвигались лозунги восстановления демократических и профсоюзных свобод. Новым фактором в политической обстановке были выступления крестьян, которые традиционно считались социальной опорой консервативных сил. Массовые выступления их в департаменте Кочабамба в январе 1974 г., жестоко подавленные правительственными войсками, свидетельствовали о росте социального протеста и в сельских районах страны.

Все более открыто проявляли недовольство городские

---

^{IIО} Проблемы мира и социализма, 1973, № 7, с.57.

^{III} Canelas O.A. Bolivia. Subasta y genocidio en ritmo de samba. Lima, 1974, p.198.

средние слои, которые сначала приветствовали приход к власти ННФ, видя в нем защитника своих интересов от угрозы "экотремизма", гаранта сохранения их социального статуса. Экономическая и социальная политика фронта чувствительно была и по их интересам.

Обострение кризиса в стране все явственнее оказывало влияние на вооруженные силы, которые занимали ключевые позиции в политической системе, созданной ННФ. Военные руководители разглагольтовали о превращении армии в "надклассового" арбитра в этой системе, о придании ей "аполитичного" характера. "Вооруженные силы, - говорил У.Бансер, - воодушевлены идеалами националистической философии, они исповедуют глубокий символ веры - всемерное служение интересам родины" ¹¹².

Такая интерпретация роли армии была тесно связана с провозглашением ее определяющим фактором в судьбах страны. "В создавшихся условиях вооруженные силы, - заявил Бансер, - решили временно выполнять политическую роль институционализирующего фактора, стабилизирующего патристические силы с целью сохранения нации, которой угрожает братоубийственная борьба, вызванная подрывными политическими течениями" ¹¹³.

Стремление военных руководителей сохранить "автономию" вооруженных сил в рамках ННФ нашло свое выражение в опубликованной в сентябре 1971 г. "Институциональной декларации вооруженных сил нации", в которой говорилось: "Лицам, находящимся на действительной военной службе, запрещается принимать участие в партийной и политической деятельности" ¹¹⁴. С своей стороны, политические партии, входящие в ННФ, заверили, что будут уважать "непартийный характер вооруженных сил", не станут вмешиваться в их деятельность.

---

¹¹² El pensamiento del presidente Hugo Banzer Suarez, p.39.

¹¹³ Ibid., p.38.

¹¹⁴ Presencia, 1971, 24 sept.

Принимая декларацию, военная верхушка преследовала несколько целей. С одной стороны, она не хотела связывать себя со своими политическими партнерами по ННФ, стремилась сохранить в значительной степени самостоятельность, а с другой — присвоить себе исключительное право принимать кардинальные политические решения.

Однако процессы, происходившие в вооруженных силах, все более явно обнаруживали уязвимость этой политической линии. Армия была далека от той "монолитной" целостности, которая могла бы обеспечить беспрепятственное проведение подобной политики. Единства не было в самих военных верхах, в которых часто происходили перестановки, изменения, что отражало борьбу различных течений в армии.

Наиболее правые, экстремистски настроенные участники контрреволюционного переворота 1971 г., вроде Селича, выступали за дальнейшее "ужесточение" политики, усиление расправ с демократическими силами. Часть высших офицеров была тесно связана с крайне правыми антикоммунистическими кругами фаланги, поддерживала их планы по "федерализации" страны. Борьба и соперничество в верхах армии приобретали нередко острый характер, примером чему может служить судьба Селича, который сначала был снят со всех руководящих постов, а затем, обвиненный в подготовке заговора, был арестован и убит.

Однако для военного руководства главную опасность представлял рост оппозиции в рядах молодого офицерства, которое все более активизировало свою деятельность. Ядро его составляли активные участники выступления против правительства генерала Х.Торреса, которые встали на путь контрреволюции не только в силу своей убежденности в "мессианском" предназначении армии, призванной заполнить "политический вакуум" в стране, но и в результате реакционной пропаганды. Во взглядах молодого офицерства самым причудливым образом переплетались националистические мифы и стереотипы с антикоммунистическими предрассудками, приверженностью к военному аван-

гардизму, с патриотическими, антиимпериалистическими и даже антикапиталистическими настроениями.

Эти противоречивые настроения и тенденции достаточно ясно проявились в двух программных заявлениях, с которыми выступили молодые офицеры весной и летом 1973 г., а также в их послании к народу от 6 июня 1974 г. после неудачной попытки захватить руководство вооруженными силами. Они были опубликованы от имени "Главного генерального штаба" молодых офицеров и широко распространялись в казармах, воинских соединениях. Авторы этих документов выступали с резкой критикой военного руководства, которое, по их словам, свергло вооруженные силы в глубокий институциональный кризис, противопоставив их народным массам. Все это привело, по мнению молодых офицеров, к тому, что армия была лишена доктрины, которая отражала бы интересы "классов, составляющих большинство населения страны и соответствовала бы действительному положению вещей, что позволило бы идти вместе плечом к плечу народу и вооруженным силам"¹¹⁵.

Молодые офицеры обосновывали право иметь свое мнение по коренным проблемам развития страны, отказывались подчиняться приказам, толкающим армию на политические авантюры¹¹⁶.

В такой постановке вопроса явно подвергался критике тезис военного командования об армии, "не рассуждающей", "не митингующей", "нейтральной".

Выдвигая свои программные требования, молодые офицеры выступали за "укрепление национального суверенитета, устранив все причины, мешающие становлению независимой Боливии"¹¹⁷. Одну из главных предпосылок для достижения этой цели авторы программы видели в развитии национальной экономики, защите природных богатств страны, ослаблении зависи-

---

¹¹⁵ Canelas O.A. Bolivia. Subasta y genocidio en ritmo de samba, p.263.

¹¹⁶ Ibid., p.264.

¹¹⁷ Ibid., p.265.

мости от иностранного капитала, проведении независимой внешней политики ¹¹⁸.

Что же касается тех сил, с помощью которых должны произойти все эти изменения, то молодые офицеры, хотя и заявляли о своем желании установить контакты с профсоюзами, студенческими организациями, все же главную ставку они делали на армию, явно склоняясь к "военному авангардизму", патернализму, выступая за гегемонистскую роль вооруженных сил в развитии страны. Это проявлялось, в частности, в резкой критике традиционной боливийской политико-партийной системы, всех институтов "представительной демократии", которые олужат, по мнению молодых офицеров, корыстным интересам партийных, политических группировок.

В документах молодых офицеров была предпринята попытка сформировать их общественный идеал, за который они решили бороться. Они явно враждебно были настроены против превращения вооруженных сил в орудие альянса местной буржуазии с иностранными компаниями, межнациональными монополиями. Определяя политику режима как прокапиталистическую и проимпериалистическую, молодые офицеры заявляли: "Мы отвергаем капиталистическую систему производства и всю индивидуалистическую философию, которая ее оправдывает..." ¹¹⁹. В то же время молодые офицеры декларировали свое отрицание "коммунизма", заявляя, что "полная государственная собственность на средства производства представляет собой "орудие угнетения государством трудящихся" ¹²⁰.

Иными словами, отвергая как капитализм, так и "коммунизм", молодые офицеры выдвигали некую "третью альтернативу общественного развития. "Наша концепция вбирает в себя гуманистические и христианские ценности, которые станут основой наших институтов будущего. Мы будем стимули-

---

¹¹⁸ Canelas O.A. Bolivia, Subasta y genocidio en ritmo de samba, p.265.

¹¹⁹ Chasqui comité boliviano de la paz, 1974, N 4, p.18.

¹²⁰ Ibidem.

ровать создание общественной собственности, что отнюдь не будет означать ликвидацию того немногого, что у нас есть, как в области государственной, так и частной собственности. Общественная собственность новых средств производства всецело и самым непосредственным образом будет соответствовать интересам трудящихся, которые создадут богатства своим трудом и своей инициативой" ¹²¹.

В подобного рода взглядах отчетливо проявились стереотипы, навязываемые буржуазной идеологией в отношении идей научного социализма, теории и практики реального социализма, который отождествлялся чуть ли не с "казарменным коммунизмом" с его лозунгами национализации и "огосударствливания" всего и вся. Такая позиция в практическом и политическом планах приводила к тому, что молодые офицеры не проявляли особого желания устанавливать тесное сотрудничество с боевыми, классовыми организациями трудящихся, предпочитали иметь дело с различными "ортодоксальными" левыми группировками, не чуждыми и антикоммунизму.

В немалой степени именно авангардистские настроения этой части военных, отсутствие прочных связей с трудящимися массами предопределили неудачу их открытого выступления в начале июня 1974 г. против режима. Встав на путь бесконечных переговоров с военным командованием, рассчитывая на удовлетворение своих требований, они отдали инициативу и вынуждены были уйти с политической авансцены. Однако это выступление достаточно ясно показало, что в политической жизни страны в лице молодых офицеров возник новый немаловажный фактор, с которым никто не мог не считаться.

Прогрессивные силы страны, анализируя июньское выступление военных, отмечая слабости и противоречия их политических, идеологических позиций, вполне определенно заявили, что молодые офицеры являются потенциальными союзниками трудящихся, призваны бороться за расширение и углубление сот-

---

¹²¹ Chasqui comité boliviano de la paz, 1974, N 4, p.18.

рудничества военных-патриотов с народными массами 122.

В свою очередь, военная верхушка, напуганная растущей оппозицией в рядах вооруженных сил, лихорадочно искала пути укрепления "институционального единства" армии, нейтрализации влияния молодого офицерства. Надо сказать, что у нее сохранялся довольно широкий плацдарм для маневрирования. В первую очередь это было связано с глубоким кризисом Националистического народного фронта, что проявлялось во все более глубоком и необратимом разрушении механизмов взаимодействия политических партий с вооруженными силами, в обострении межпартийной и внутрипартийной борьбы.

Руководители Боливийской социалистической фаланги, Националистического революционного движения, готовясь к выборам, которые ориентировочно были назначены на весну 1975 г., занимались бесконечными дразгмами, межпартийной борьбой, забыв о своем "историческом пакте". К середине 1974 г. фактически ННФ уже не существовал, поскольку обе партии, входящие в него, превратились в конгломерат соперничающих между собой группировок, возглавляемых амбициозными лидерами, борющимися за власть.

Тяготилась своими союзниками, точнее попутчиками по ННФ, и военная верхушка, которая все более явно стремилась от них отмежеваться, не связывать себя какой-либо "партийной завербованностью". Военные руководители явно стремились таким путем нажить себе политический капитал, расширить свою социальную опору среди различных слоев населения, укрепить свои позиции и в самой армии.

Отмежевываясь от Националистического революционного движения, они как бы давали гарантии буржуазии, что заигрываниям лидеров НРД с трудящимися будет положен конец и ей будет предоставлена возможность принимать более активное участие в решении судеб страны в условиях "стабильности" и "порядка". Марсело Кирога Санта Крус не без основания охарактеризовал эту политическую линию военной верхушки как стремление осу-

122 Chasqui comité boliviano de la paz, 1974, N 4, p.7-8.

шествлять капиталистическую модернизацию путем установления "военно-технократического режима", основанного на альянсе крупной буржуазии и реакционной военщины¹²³. В то же время, идя на разрыв отношений с руководством фаланги, военная верхушка стремилась предстать в глазах народных масс, прежде всего индейского крестьянства, противниками элитарно-аристократических концепций фалангистов, отмежеваться от их лозунгов "федерализации" страны.

Такой позицией военная верхушка явно намеревалась повысить свои акции и в самих вооруженных силах, представить себя в глазах военных людьми, заботящимися о "чистоте" военных институтов, не желающим себя связывать с политическими межпартийными склоками, ставящими интересы отечества выше всего. Она явно намеревалась привлечь на свою сторону и оппозиционно настроенное молодое офицерство, используя их враждебное отношение к институтам "представительной демократии", приверженность идеям военного авангардизма.

Все эти факторы и соображения предопределяли растущую враждебность военного руководства к выборам, что в конечном счете нашло свое выражение в обращении командования вооруженными силами в начале ноября 1974 г. к президенту Бансору с требованием отменить их вообще, передав всю полноту политической власти армии. Авторы обращения, обосновывая свое требование, осылались на глубокий кризис всех политических институтов в стране, грозящих свергнуть Боливию в "хаос" и "анархию".

Особо резкой критике подверглись "институты представительной демократии", система парламентских выборов, которую, по мнению командования вооруженных сил, использовали в своих целях профессиональные политики, далекие от "истинных и подлинных интересов страны"¹²⁴. Отсутствие политической стабильности, заявляли военные руководители, ведет к обострению борьбы между "крайне левыми" и "крайне правыми", причем

¹²³ Quiroga Santa Cruz M. El saqueo de Bolivia, p. 142.

¹²⁴ Нсу, 1974, 10 nov.

последние будут все больше склоняться к насильственным и кровавым методам терроризма" ¹²⁵. В подобного рода декларациях явно чувствовалось стремление военной верхушки отмежеваться от наиболее экстремистски настроенных кругов правых.

Провозглашая борьбу против "экстремизма" в различных его проявлениях, военное командование на словах выступало за создание "новой политической модели в стране, которая основывалась бы на национальной действительности и на потребностях боливийского народа и была националистической по своей идеологии, революционной по своей сути, утверждающей принципы социальной справедливости. Эта модель, преодолевая крайности всех видов империализма, смогла бы открыть перед боливийцами новые горизонты подлинно цивилизованного существования в рамках прочных структур, которые способствовали бы внутренней интеграции, экономическому развитию в сочетании с социальной справедливостью, превращению большинства населения, находящегося на маргинальном положении, в полноправных граждан, укреплению национального государства и вооруженных сил" ¹²⁶.

Этот документ, оставленный в туманных выражениях, с обильным использованием "революционной" фразеологии, ясно показал, что вооруженные силы ратуют за установление авторитарно-националистического военного режима, близкого к "бразильской модели". Более полно основные черты этой "модели" были изложены в правительственном статуте, опубликованном президентом У.Бансером 9 ноября 1974 г. В нем объявлялось об отмене выборов, передаче политической власти вооруженным силам.

---

¹²⁵ Иными словами, в Боливии происходило нечто похожее и на другие страны Латинской Америки, где правые круги военных, тесно связанные с экстремистами из лагеря реакции, пытались создать себе своеобразное алиби, возлагая всю вину за террор на эти группировки, выдавая себя даже за преграду на путях их деятельности.

¹²⁶ Ноу, 1974, 10 nov.

Необходимость такого решения аргументировалась, как и в документе командования вооруженных сил, глубоким социально-политическим, экономическим кризисом страны, потребностью для его преодоления создать новые институты и структуры ¹²⁷. Только при этих условиях, подчеркивалось в статуте, можно создать необходимые условия для экономического развития страны: с помощью национального и иностранного капитала в условиях "социального мира". В право-националистическом, авторитарном духе истолковывалась доктрина национальной безопасности, ставящая своей главной целью создание в стране оботановки "классового сотрудничества", борьбы с "подрывной деятельностью".

Одновременно в статуте содержались обещания придерживаться в правительственной политике принципов социальной справедливости, содействовать "участию трудящихся в прибылях предприятий" ¹²⁸. Настойчиво декларировалось стремление улучшить условия жизни трудящихся масс, не приносить их интересы в жертву экономическому развитию. Содержание статута свидетельствовало о явном влиянии на него "бразильской модели" развития, что объяснялось, в частности, стремлением примирить во имя сохранения "институционального единства" различные течения в вооруженных силах, нейтрализовать влияние молодого офицерства, перехватив у них некоторые социальные, политические лозунги.

Как же следует оценивать приход к политической власти вооруженных сил в 1974 г.? В чем его отличие от предыдущих политических акций боливийской армии? Дело в том, что процесс превращения боливийской армии в относительно автономный, самостоятельный институт развивался на протяжении многих лет. Однако ранее вооруженные силы не выступали столь автономно, освободившись от политических альянсов с традиционными партиями и группировками. В то же время диа-

---

¹²⁷ Ноу, 1974, 10 nov.

¹²⁸ Ibidem.

лектика этого процесса заключалась в том, что автономизация ставила перед армией необходимость выбора дальнейшего пути развития Боливии. Это означало, что "институциональное единство", учитывая наличие резко отличающихся по политическим и идеологическим позициям течений в армии, представлялось весьма непрочным, неустойчивым. Пожалуй, впервые в процессе своей эволюции боливийские вооруженные силы столь непосредственно столкнулись лицом к лицу со всем комплексом острейших проблем страны, необходимостью найти пути их решения, выход из глубочайшего кризиса, поразившего Боливию. А это неизбежно означало, что процесс политизации армии под влиянием обострения социальной классовой борьбы в стране приобретал все более широкий и глубокий характер, приводя к конфронтации различных течений в ее рядах.

Каких же результатов удалось добиться военному правительству, созданному в конце 1974 г.? Определенный рост валового национального продукта обеспечивался как за счет стимулирования экспортных отраслей экономики (горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство), так и в немалой степени в результате замораживания заработной платы при одновременном росте стоимости жизни. Свидетельством социальной направленности экономической политики режима явилось усиление поляризации богатств, их сосредоточение в руках привилегированных классов и группировок.

Правящим кругам не удалось навязать свою политику "социального мира" рабочему классу, поставить профсоюзы под контроль военного режима. Против нее решительно выступили горняки.

Рост сопротивления трудящихся масс политике диктатуры проявлялся, в частности, в требованиях повышения заработной платы, улучшения условий жизни. В ответ правительство обрушилось с репрессиями на рабочее и демократическое движение. Летом 1976 г. войска оккупировали горняцкие поселки, рабочие руководители были арестованы и высланы из страны. Одновременно правительство попыталось создать проправительственные профсоюзы, с которыми оно начало заключать "пакты". Та-

кой пакт был заключен, например, с профсоюзом железнодорожников, по которому его руководители обязаны были отчитываться не перед рабочими, а перед министерством труда ¹²⁹. Но и эти попытки прибрать к рукам рабочее движение окончилось неудачей. Трудящиеся отвергали правительственные патерналистско-корпоративистские проекты, используя различные формы борьбы против диктата.

Усиление борьбы трудящихся масс, углубление социальных контрастов не могли не оказать влияния на позицию вооруженных сил. В них происходила борьба различных тенденций, которая не раз выливалась в острые конфронтации между ними, доходившие, по сообщениям боливийской печати, до попыток государственного переворота, предпринимаемых то одной, то другой группировкой.

Правительство У.Бансера пыталось воспрепятствовать центробежным тенденциям в военной среде. Причем, дело не ограничивалось словесными осуждениями путчистских настроений в рядах армии. Оно стремясь сохранить институциональное единство, прибегало к самым жестким дисциплинарным мерам воздействия, свидетелем чему явилось внесение в военное законодательство статьи, предусматривавшей суровые наказания вплоть до смертной казни в случае неповиновения военной дисциплине ¹³⁰.

Немалое влияние на обострение противоречий в рядах вооруженных сил оказали неудачи правительства У.Бансера добиться выхода Боливии к морю. А этот фактор, по словам боливийского экономиста Габриэля Монтенегро, был немаловажной причиной, способствующей институциональному единству вооруженных сил ¹³¹.

Все это порождало разочарование среди многих военных в таких казалось бы незыблемых и цементирующих армию постулатах, как концепция "национальной безопасности" с ее пре-

¹²⁹ *Fascismo y neofascismo*, p.69.

¹³⁰ *El Día*, 1976, 3 ag.

¹³¹ *Nueva Sociedad*, Caracas, N 29, 1977.

вознесением роли вооруженных сил как "станового хребта" боливийского общества. В армии усиливалось понимание того, что не может существовать подлинная безопасность, если не будет преодолена пропасть, отделяющая армию от народа.

Именно в немалой степени под влиянием сдвигов в вооруженных силах, а также под напором народных выступлений правительство У.Бансера объявило в начале 1978 г. о политической амнистии в стране, о проведении выборов, разрешив политическую деятельность ранее запрещенных партий и группировок, в том числе и компартии, а также боевых классовых профсоюзов. Говоря о причинах, приведших к этим изменениям, газета перуанских коммунистов "Унидад" писала, что "важную роль сыграло патриотическое течение в вооруженных силах"¹³². Боливийские коммунисты при разработке своей политической линии в новых условиях выступили за создание широкого демократического и антиимпериалистического фронта, привлекая в него демократически настроенных военных¹³³.

При этом коммунисты исходили из того, что углубляющийся социально-политический кризис в стране, обострение классовых противоречий оказывают все большее влияние и на армию, расширяя возможности сотрудничества патриотических военных кругов с демократическими силами. Как подчеркивали коммунисты, чрезвычайно важно в этих условиях, чтобы народные силы предложили патриотическим и прогрессивным кругам в армии такую программу, которая бы учитывала их интересы, создавала бы условия для единства всех демократических сил¹³⁴. Борьба за такое единство приобрела особую остроту после президентских и парламентских выборов 9 июля 1978 г. Результаты президентских выборов, победителем которых был объявлен правительственный кандидат генерал Хуан Переда Асбун, решительно были оспорены оппозиционными левыми силами. Однако армия

---

¹³² Unidad, 1978, 17 febr.

¹³³ Ultima Hora, 1978, 24 febr.

¹³⁴ Los tiempos. Cochabamba, 1978, 28 jun.

после того как генерал Уго Бансер раньше намеченного срока подал в конце июля в отставку, провозгласила президентом страны генерала Асбуна. Такое развитие событий показало как сохраняющееся значительное влияние вооруженных сил в политической жизни страны, так и наличие разногласий среди военных. 24 ноября 1978 г. Хуан Переда Асбун был свергнут в результате выступления вооруженных сил. Новым президентом стал командующий сухопутными войсками генерал Давид Падилья, который заявил о том, что вооруженные силы взяли власть в свои руки, чтобы провести свободные и демократические всеобщие выборы летом 1979 г. и передать власть новому президенту, "избранному на основе конституции волей народа".

Только на путях единения с народом, еще раз подчеркнули после этих событий коммунисты и другие левые силы, армия сможет выйти из кризиса, внести конструктивный вклад в обновление родины.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЧИЛИ: ОТ «АПОЛИТИЧНОСТИ» К КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В острых политических спорах, идеологических дискуссиях, которые развернулись после трагических событий в Чили, немалое место занимает вопрос о причинах контрреволюционного выступления вооруженных сил против правительства Сальвадора Альенде. Реакционеры, антикоммунисты превозносят "освободительную миссию" чилийской армии, призывают использовать ее "опыт" и в других странах для расправы с революционным движением. Для ультралевых, троцкистских группировок выступление вооруженных сил против правительства Народного единства служит лишним поводом для усиления пропаганды против армии как главного врага революции и утверждений о необходимости ее ликвидации. Они обрушиваются с ожесточенными нападками на коммунистов, обвиняя их в "ревизионизме", который-де проявляется в "идеализации" вооруженных сил, в стремлении бороться за армию с целью привлечения ее на сторону революции.

Для коммунистов чилийская трагедия со всей очевидностью показала необходимость всесторонней разработки марксистско-ленинской политики в отношении вооруженных сил, что помогло бы найти в конкретных условиях той или иной страны эффективные пути борьбы за армию, за привлечение ее демократических, патристических течений на сторону прогрессивных сил. "В борьбе против революции, да и вообще против рабочего движения, — пишет кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС

Б.Н.Пономарев, — реакционеры отводят важнейшую роль армии, а также различного рода полицейским формированиям, стремясь превратить их в оплот консерватизма, изолировать от народа, воспитать в духе антикоммунизма. Факты показывают, что не только в Латинской Америке, с ее традициями "пронунсиамбен-то", но и в странах развитого капитализма реакция не колеблется пускать в ход армию в случае возникновения реальной угрозы ее власти над обществом. Поэтому и в условиях мирного развития революции ключевое значение имеет задача изъятия таких важнейших рычагов власти, как армия, из рук представителей старого режима и формирования нового государственного аппарата. Армии вне государства, армии вне политики нет и не может быть" I.

В этом плане чилийский опыт имеет исключительно большое значение.

Вооруженные силы Чили накануне прихода к власти правительства Народного единства

Что представляли собой вооруженные силы к тому времени, когда в избирательной кампании 1970 г. одержало победу Народное единство? Вооруженные силы Чили традиционно выступали как профессиональный институт. На деле же они все больше втягивались в политику, хотя этот процесс до поры до времени камуфлировался их "аполитичностью".

Руководитель Народно-социалистического союза, бывший генеральный секретарь социалистической партии Рауль Ампуэро отметил в своей работе "Политическая власть и вооруженные силы", что в Чили превознесение "аполитичности" вооруженных сил, их "профессионализма" было неразрывно связано с их ак-

---

I Проблемы мира и социализма, 1974, № 6, с.8.

тивной обработкой правящими классами в духе реакционной идеологии ².

После многочисленных политических потрясений, острых столкновений между отдельными фракциями правящих классов в стране с середины 20-х годов нынешнего столетия начала создаваться политическая система, которая выражала интересы выдвинувшейся на первый план промышленно-финансовой буржуазии, вступившей в альянс с традиционной олигархией. Руководители этой системы стремились "интегрировать" в нее вооруженные силы на правах "аполитичного", чисто профессионального института.

Опыт активного вмешательства вооруженных сил в политику (середина 20-х – начало 30-х годов) показал правящим классам, что в военной орде могут появиться течения, которые поставят под угрозу существующую систему. Достаточно вспомнить выступление военных в 1931–1932 гг., кульминацией которого было провозглашение социалистической республики полковником авиации Мармадуком Гроче ³. В немалой степени, видимо, этими опасениями правящих кругов объясняется создание корпуса карабинеров – полицейских соединений по поддержанию "внутреннего порядка" в стране. Со временем отряды карабинеров – их численность достигла к концу 60-х годов свыше 20 тыс. человек – превратились в хорошо обученные и вооруженные всенизированные соединения, которые могли соперничать с профессиональной армией.

В вооруженных силах определились две противоположные традиции, которые на протяжении многих лет оказывали влияние на позиции военных. Одна была связана с идеями "мессианства", "провиденциализма" армии, которая в критические для страны периоды должна-де выйти на политическую авансцену как спасительница нации. Эта милитаристская традиция, за-

²

Ampuero R. El poder político y las fuerzas armadas. Punto Final. Santiago de Chile, 1973, 10.IV. Documentos, p.2.

³

Впоследствии он стал одним из создателей Социалистической партии Чили.

родившаяся еще в конце XIX в. во время выступления части армии против правительства президента Бальмаседы, проводившего патриотическую политику, окрепла в 20-е годы, когда армия, придя к власти, начала широкую антикоммунистическую кампанию по "моральному оздоровлению" страны. Милитаристские традиции как бы цементировались духом пруссачества, преклонением перед вермахтом, что объяснялось активным участием прусских военных инструкторов в создании чилийской профессиональной армии. Живучесть прусских милитаристских традиций объяснялась и тем, что в чилийской армии служило немало выходцев из Германии ⁴.

Для реакционных сил использование этих традиций было весьма выгодным, поскольку под влияние идей "провиденциализма", милитаристского пруссачества подпадало немало число военных, отнюдь не занимавших правые позиции. Влияние этого националистического мифа позволяло реакции манипулировать настроениями значительного числа военных.

Другая традиция в армии, связанная с демократическими, патриотическими идеалами служения народу, социальным реформаторством, также имела своих сторонников в вооруженных силах. Она восходила к гражданской войне конца прошлого века, когда часть армии оражалась на стороне правительства Бальмаседы. Ее продолжили молодые офицеры-патриоты в 20-е годы, а затем представители революционно-демократического течения в вооруженных силах в начале 30-х годов. Однако она располагала гораздо меньшими возможностями для своего упрочения, поскольку правящие классы приложили немало усилий, чтобы изолировать армию от прогрессивных идей, превратить ее в

---

⁴ Корреспондент западногерманского журнала "Штерн" еще до военно-фашистского переворота опубликовал интервью о командующим военной зоной Ранкагуа полковником Кристианом Аккернехтом, в котором последний откровенно заявлял: "Среди нас господствует дух старого германского вермахта, и это преисполняет нас чувством гордости, мы несколько не стыдимся в этом признаться" - См. Fernando Rivas Sanchez, Elisabeth Reimann Weigert. Las Fuerzas Armadas de Chile. Un caso de penetración imperialista. México, 1976, p.96.

"надклассовый", "аполитичный" институт. Отсюда такая настойчивая на протяжении многих лет апелляция к лозунгам буржуазного сивилизма, т.е. восхваление гражданских форм правления, что сочеталось с самым ярким национализмом.

Пожалуй, ни в одной другой латиноамериканской стране официальная пропаганда не создала такого мифа о вооруженных силах, как защитнике "отечества", олицетворении "национального единства", "национальных ценностей" и т.д., как в Чили. Под прикрытием "надклассовой" националистической идеологии правящие группировки получили возможность влиять на армию в духе антикоммунизма, ярого националистического шовинизма, разжигать вражду и недоверие к "иностранцам", "подрывным" идеям. Так, один из идеологов национализма профессор университета Хуан Луис Осса, жалуясь на "угасание" духа национализма в "чилийской расе", среди причин такого явления указывал на "чрезмерное засилье иностранного влияния", деятельность "международных" партий. К числу главных причин он также относил "игнорирование главной роли, которую играют вооруженные силы в осуществлении Чили как нации, безучастное отношение к их будущему..."⁵.

Это, так сказать, крайнее проявление шовинистического ультраправого варианта национализма, связанного с пропагандой "мессианской" роли вооруженных сил. Обычно же влияние идеологии буржуазного национализма в вооруженных силах проявлялось в декларациях об их "надклассовой" роли в чилийском обществе, возвышении над "всеми" идеологиями и партиями. Подполковник Альберто Польони в книге "Роль вооруженных сил Чили в национальной жизни", допущенной в качестве учебного пособия для военных школ и училищ, формирует этот тезис так: "Вооруженные силы состоят из людей всех социальных классов и профессий... Поэтому они идеально воплощают в себе национальное единство и являются одной из его наиболее прочных опор"⁶.

⁵ См. Polloni A.R. Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional. Santiago de Chile, 1972, p.47.

⁶ Polloni A. R. Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional, p.230.

Армия воспитывалась в кастовом духе, во всем подчеркнувалось, что "военный мир" мало общего имеет с "миром гражданским", раздираемым политическими противоречиями. Проявлением кастовости была, в частности, организация системы военного обучения исключительно в строго профессиональном духе. Поэтому для подавляющего большинства военных уход в отставку был, как правило, равносителен личной трагедии, краху надежд: в гражданской жизни они очень часто не могли найти себя.

Ориентация на профессиональное военное обучение, помимо всего прочего, служила средством сохранения строгой иерархической субординации в армии для подавления любых настроений протеста, а также для устранения инакомыслящих из ее рядов. Этой же цели служил активно рекламируемый официальной пропагандой тезис об армии "не митингующей", "не обсуждающей" политические проблемы. Речь шла о отрешении правящих классов изолировать вооруженные силы от передовых идей современности, отучить военных мыслить, заставить их слепо исполнять приказы.

Стремление буржуазно-олигархических кругов оделать армию "аполитичной" не мешала им заниматься усиленной обработкой военных в антикоммунистическом, антинародном духе. Нередко буржуазные правительства использовали войска против бастующих рабочих. Причем, участие армии в расправе о трудящимися воячески оправдывалось и превозносилось буржуазией, а осуждение этих акций представителями левых сил буржуазная пропаганда характеризовала как подрыв единства вооруженных сил, оскорбление их достоинства⁷. Отделить армию от народа — такой неизменно была политика правящих буржуазно-олигархических кругов в отношении вооруженных сил.

Воспитание вооруженных сил в антинародном духе находило дополнительные стимулы и импульсы в ориентации правящих

⁷ Пожалуй, мало найдется в Латинской Америке стран, где правящие классы в отдельные периоды своей истории так широко использовали бы войска для кровавых подавлений выступлений трудящихся масс.

кругов страны на тесное сотрудничество с Соединенными Штатами. В 1952 г. Чили подписала с США пакт о "взаимной помощи", который открыл путь подчинению вооруженных сил страны агрессивным планам Пентагона, идеологическому воздействию на чилийскую армию империалистических концепций и военных доктрин "внутреннего фронта" и "контрреволюционной войны". А зависимость чилийской армии от США в области вооружения еще более усиливала подчинение империализму.

За 1960-1970 гг. США предоставили Чили военную помощь на сумму в 175,8 млн долл., что было несколько меньше лишь военной помощи Бразилии. За этот же период свыше 4 тыс. чилийских офицеров прошли курс обучения в североамериканских военных школах. Французский социолог Алэн Джокс, проанализировав американскую "военную помощь" Чили по годам, приходит к заключению, что она была наиболее интенсивной в первой половине 60-х годов, т.е. когда в странах Латинской Америки, в том числе и в Чили, усиливалось влияние кубинской революции, а в самой стране разворачивалась предвыборная кампания 1963-1964 гг., в которой активное участие принимал Фронт народного действия. "Все происходило так, словно бы североамериканская помощь была предназначена для того, чтобы сбалансировать возможность политического одвига в стране и увеличить внешнюю зависимость бюджета вооруженных сил"⁸.

Наряду с тезисом об "аполитичности" армии официальной буржуазной пропагандой был создан миф о вооруженных силах, как выразителе и защитнике интересов "среднего класса". Причины усиленной пропаганды этого мифа были связаны со всей системой идеологических и политических взглядов правящих буржуазно-олигархических кругов, которые пытались представить Чили страной "равных возможностей", "демократически открытым обществом". Отсюда и обращение к "среднему классу", который якобы является "классом-гегемоном" Чили, вбирающим в свои ряды представителей всех классов и социальных групп.

---

⁸ Joxe A. Las fuerzas armadas en el sistema político de Chile. Santiago de Chile, 1970, p.108.

Пропагандой этого тезиса правящие классы хотели одним выстрелом убить сразу двух зайцев. Они льстили самолюбию многочисленных средних слоев населения, в то же время они получали возможность более активно на них влиять, стремясь "интегрировать" их в существующее общество.

Нельзя также не отметить, что в подобного рода "теориях", в деформированном виде отражались реальные процессы, происходящие в чилийском обществе. Дело в том, что офицерский корпус все больше превращался в составную часть растущего государственного аппарата, бюрократической машины. Иными словами, он становился особой разновидностью бюрократии, притом в значительном большинстве далеко не самой привилегированной.

А.Джозе, имея в виду, естественно, в основном офицерский корпус, отмечает, что вооруженные силы составляют часть "бюрократизированного среднего класса", единственным источником дохода которого является, как правило, жалование⁹. Полемизируя со сторонниками теории относительно армии как орудия "среднего класса", Джозе пишет, что "рост среднего класса происходит ... параллельно с процессом профессионализации военных, и в основе их лежит одна и та же причина. Речь идет, собственно говоря, не о вторжении среднего класса в ряды армии, а о совместном формировании среднего класса и профессиональной армии"¹⁰.

Живучести этой теории в немалой степени способствовала вся система "чилийской демократии" с ее довольно гибкими методами правления.

К моменту прихода к власти правительства Альенде в казалось бы монолитной чилийской политической системе стали появляться трещины. Они были вызваны обострением классово-вой борьбы в стране, углубляющимся кризисом традиционных соци-

---

⁹ Jozе А. Las fuerzas armadas en el sistema político de Chile, p.133-135.

¹⁰ Ibid., p.52.

ально-политических институтов. Под влиянием этого кризиса происходил процесс дифференциации и в средних слоях, часть которых начала разочаровываться в осуществляющих институтах, быстро политизировалась. Сам этот процесс нельзя оценивать однозначно.

Общий поворот влево в стране, бесспорно, отразился и на настроениях средних слоев, среди которых усиливались стремления к социальным преобразованиям. В то же время некоторые группы средних слоев продолжали находиться под влиянием реакции, отрицали чилийские государственные институты с праворадикальных, экстремистских позиций. Эти сдвиги в средних слоях, а в более общем плане — и во всем чилийском обществе, не могли не отразиться и на вооруженных силах, в которых происходил быстрый процесс политизации.

А.Джокс в цитируемой книге, характеризуя процесс политизации в военной среде, связывая его в основном с изменениями настроений в средних слоях, писал, что вооруженные силы могут занять при различных обстоятельствах диаметрально противоположные позиции — от крайне левых до фашистских. По его словам, многое будет зависеть от того, какие политические силы сумеют установить свой контроль над армией¹¹. "Это означает в принципе, — пишет А.Джокс, — что вооруженные силы могут уваивать самые различные политические идеи от гегемонистских групп общества"¹².

Подобное заявление вызвало шоковую реакцию, многими было воспринято в лучшем случае как пристрастие к парадоксам или даже как отсутствие объективности. Подполковник Поль-они, так сказать, с порога отверг точку зрения французского социолога о возможности перехода чилийских вооруженных сил на реакционные, милитаристские позиции, постулировав тезис об их "имманентном" демократизме. Они, по словам Поль-

---

¹¹ Jose A. Las fuerzas armadas en el sistema político de Chile, 1970, p.148, 155.

¹² Ibid., p.148.

они, характеризуются "стойкой профессиональной идиосинкразией к выполнению своего долга и военными добродетелями, что доказано на протяжении всей национальной истории"¹³.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, для утверждений французского социолога имелись веские основания.

Внешне в Чили процесс политизации военных проявлялся в растущем недовольстве вооруженных сил своим экономическим положением, состоянием дел в области вооружения и вообще профессиональной модернизацией армии. Особенно широкий размах волнения в вооруженных силах приняли осенью 1969 г. Они вызвали большой резонанс в стране, привлекли к армии внимание политических партий, широких кругов общественности.

"Аполитичная" армия неожиданно оказалась в центре политической жизни страны. Бесспорно, непосредственной причиной того, что военные во весь голос заговорили о своих профессиональных требованиях, было действительно трудное экономическое положение значительной части личного состава, а также далеко не блестящие дела в области модернизации армии. Немалую роль в таком безрадостном положении играл тот факт, что в течение длительного времени правящие круги довольно беспечно относились к этим проблемам, отдавали дань историческим традициям "антимилитаризма", считали, что вооруженные силы и так станут защищать существующий порядок вещей.

Главной причиной нарастающих волнений в вооруженных силах было влияние на армию обостряющегося кризиса всей социально-политической системы страны. Буржуазные партии, в том числе и правящие в то время христианские демократы, стали "наверстывать упущенное", принялись заигрывать с армией. В конгрессе были одобрены меры по повышению жалования различным категориям военнослужащих, были произведены по распоряжению правительства перестановки в вооруженных силах, чтобы успокоить военных. В то же время наиболее правые политические силы страны, прежде всего национальная партия, по-

---

¹³ Polloni R.A. Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional, p.242.

средством таких рупоров, как газета "Меркурио", отала провоцировать вооруженные силы на открытое выступление, чтобы, как она заявляла, положить конец анархии и хаосу.

Правые воячески старались воспрепятствовать левым силам, уже добившимся немалых успехов в совместных действиях, одержать победу на президентских выборах 1970 г. и оформить свое правительство. Уже тогда реакция пыталась противопоставить армию трудящимся, объявить их виновниками ухудшения экономического положения страны, что-де препятствовало также и модернизации вооруженных сил.

Заигрывая с вооруженными силами, правые одновременно развернули антикоммунистическую кампанию, стремясь представить в искаженном виде позицию коммунистов по отношению к армии. В этом все правые буржуазные силы были едины, несмотря на наличие разногласий по другим вопросам. Так, правительственная газета "Насьон", отражая точку зрения правящей ХДП, утверждала, что коммунисты враждебно настроены к вооруженным силам, поскольку "последние защищают порядок, который они хотели бы разрушить"¹⁴.

Компартия заняла вполне определенную позицию по вопросу о причинах кризисных явлений в вооруженных силах, о путях их преодоления. Коммунисты поддержали требования военных улучшить их материальное, профессиональное положение, подчеркнув их справедливый, обоснованный характер. С позицией компартии солидаризировались другие левые партии, Единый профсоюзный центр¹⁵.

В то же время коммунисты не менее решительно, как и другие левые партии и профсоюзы, отвергли выход из кризиса путем военного переворота. Именно левые силы 21 октября 1969 г. вывели на улицы Сантьяго трудящихся, чтобы ликвидировать попытку военного мятежа, поднятого в столичном полку "Такна" под руководством генерала Р.Вио. Хотя это выступ-

---

¹⁴ См. *El Siglo*, 1969, 24 oct.

¹⁵ См. *El Siglo*, 1969, 9, 17-18 oct.

ление военных внешне проходило под чисто "профессиональными" лозунгами, за ним стояли правые силы, которые хотели опровергнуть государственный переворот.

Коммунисты сразу после ликвидации военного мятежа со всей категоричностью подчеркнули главную причину волнений в вооруженных силах, которую невозможно полностью устранить даже при улучшении материального и профессионального положения военных - кризис всей социально-политической системы страны. В заявлении Политической комиссии КПЧ от 22 октября 1969 г. отмечалось, что преодолеть кризис и найти из него действенный, эффективный выход возможно "с помощью создания народного правительства, которое, осуществив глубокие преобразования экономических и социальных структур, будет способно гарантировать всем чилийцам, независимо от того, одеты они в военную форму или нет, удовлетворение их жизненных потребностей" ¹⁶.

Коммунисты стремились осмыслить новые явления, связанные с политизацией армии, определить ее место и роль в политической жизни страны, процессе глубоких социальных, антиимпериалистических преобразований. Подробно эти вопросы были рассмотрены на XIV съезде КПЧ в ноябре 1969 г. В отчетном докладе генерального секретаря Л. Корвалана были специально выделены новые явления, характерные для чилийских вооруженных сил: "Вещи надо называть своими именами и признавать действительность такой, какая она есть. Стало, например, реальностью, что вооруженные силы представляют новый фактор в национальной политике. Можно сказать, что период неучастия, которое никогда не было абсолютным, завершился или близок к завершению. Участие вооруженных сил в политике имеет очень сложные аспекты" ¹⁷.

О позиции коммунистов в отношении армии говорилось в специальном докладе М. Кантеро, члена Политкомиссии компартии. В нем отмечалась неотложная необходимость усилить раз-

¹⁶ El Siglo, 1969, 23 oct.

¹⁷ Корвалан Л. Путь победы. М., 1971, с.246.

работку проблем, связанных с армией, широко и аргументированно излагать перед военными точку зрения коммунистов, которая фальсифицировалась и искажалась правыми¹⁸. Коммунисты, подчеркивалось в докладе, отвергают буржуазный сивилизм, сторонники которого считают, что место армии только в казарме, отвергают они и "вульгарный антимилиитаризм". Армия, по мнению коммунистов, в единении с трудящимися массами может обрести вышший патриотический смысл своей деятельности, стать важным фактором социальных преобразований.

Иной путь, путь военного переворота в стране, где существуют сильные и влиятельные левые партии, массовые демократические организации, профсоюзы, неизбежно будет носить регрессивный, реакционный характер. По словам Кантеро, при таком выходе из кризиса между армией и народом, прежде всего рабочим классом, трудящимися окажется пропасть, что в конечном счете подорвет безопасность страны, ослабит сами вооруженные силы¹⁹.

В армии, отмечалось в докладе, существуют явные антикоммунистические настроения, предрассудки и даже вражда по отношению к рабочему классу, компартии. В то же время в вооруженных силах имеется немало военных, которые придерживаются демократических взглядов²⁰. Коммунисты, по словам М.Кантеро, считают реальными сдвиги в армии в сторону ее сближения с трудящимися под влиянием изменения в соотношении сил в стране, разъяснительной работы компартии, других прогрессивных сил²¹.

Постановка коммунистами вопроса о роли вооруженных сил в чилийском обществе приобретала большое значение в связи с приближением президентских выборов, которые, учитывая большие шансы на победу Сальвадора Альенде, кандидата Народного

¹⁸ El Siglo, 1969, 25 nov.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Ibidem.*

единства, открывали перед Чили благоприятную перспективу глубоких, структурных, социальных преобразований. От позиции вооруженных сил в этих условиях зависело многое. Большое политическое звучание приобрели в период предвыборной кампании выступления командующего армией генерала Рене Шнейдера, который занял этот пост в период острых волнений в вооруженных силах осенью 1969 г. Система взглядов, изложенная в его выступлении, получила название "доктрина Шнейдера" и стала предметом острых политических дискуссий в стране, оказав большое влияние на позицию армии в вопросе о новом президенте Чили.

Доктрина Шнейдера-Пратса: к вопросу о возможностях сближения армии с демократическими силами

Обычно провозглашение этой доктрины связывается с широко известным интервью генерала Шнейдера в газете "Меркурио" 8 мая 1970 г., в котором он изложил свою позицию в отношении предстоящих выборов. "Армия, — заявил генерал, — будет гарантом того, чтобы выборы проходили в нормальной обстановке и чтобы на пост президента был избран тот, кто получит большинство голосов или же окажется избранным конгрессом в случае, если никто из кандидатов не получит больше 50% голосов"²².

Обосновывая свою позицию, командующий армией подчеркивал, что такое поведение военных объясняется их неучастием в политической борьбе на стороне каких-либо партий и движений: "Мы являемся гарантом процесса в рамках законности, не

---

²² El Mercurio, 1970, 8 mayo.

котором основывается вся конституционная жизнь страны"²³. Одновременно генерал Шнейдер подчеркивал, что на армию не могут не оказывать влияния изменения, происходившие в стране. Однако, как настоятельно отмечал генерал, при всех условиях военные не должны вмешиваться в политическую борьбу²⁴.

Само по себе интервью на первый взгляд могло показаться обычным, рутинным подтверждением традиционной доктрины "аполитичности" вооруженных сил. Однако оно произвело в стране впечатление разорвавшейся бомбы, было встречено в штыки правыми, которые обрушились на командующего с грубыми нападениями, переходя за грани допустимой полемики. 10 мая на страницах "Меркурио" выступил с заявлением Хулио Дуран, яркий антикоммунист, лидер Радикально-демократической партии. Не стесняясь в выражениях, он поставил под сомнение правомерность выступления командующего армией, пытаясь посеять разногласия между Р.Шнейдером и другими военачальниками. Дуран обвинял генерала в политическом вмешательстве в предвыборную борьбу²⁵.

Бурная реакция правых имела свои причины. Безусловно, генерал заслужил бы их похвалу, если бы без обиняков высказался в пользу сохранения существующей социальной системы, допустил бы антикоммунистические выпады. Однако генерал Р.Шнейдер не выступил в общем хоре антикоммунистов, поднявших свистопляску вокруг возможности прихода к власти "марксистского правительства" Сальвадора Альенде и призывавших вооруженные силы не допустить такой "национальной трагедии". Положение объективно сложилось так, что армия в лице своего главнокомандующего как бы отходила от молчаливо принятой концепции признания неизменности существующей системы и гарантировала в случае победы на выборах приход к власти кандидата левых сил С.Альенде. Известный чилий-

---

²³ El Mercurio, 1970, 8 mayo.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

ский журналист Аугусто Оливарес писал, что решительная позиция Р.Шнейдера была главной причиной покушения на его жизнь ²⁶.

Несмотря на ожесточившиеся нападки реакции, генерал продолжал решительно отстаивать свою позицию, развивая и уточняя многие ее положения. Выступая на совете генералов 7 сентября 1970 г., уже после выборов, после победы С.Альенде, генерал Шнейдер дал резкую отповедь правым, стремившимся втянуть армию в свои авантюристические планы, и вновь подтвердил свою точку зрения о необходимости поддержки армией законно избранного президента ²⁷.

Позиция главнокомандующего была недвусмысленным предупреждением сторонникам контрреволюционного переворота, в том числе и в армии, которые стремились любой ценой не допустить к власти С.Альенде. Не случайно, примерно в это же время (4 сентября) генерал Вио дал провокационные интервью журналу "Эрсилья". Он утверждал, что в случае избрания кандидата Народного единства на пост президента, перед страной возникнет альтернатива: или подвергнуться военной интервенции извне, или же не допустить к власти С.Альенде. Сам Вио склонялся ко второму варианту решения проблемы ²⁸.

Жизненные пути этих двух генералов не раз скрещивались. Последний раз они скрестились в то трагическое утро 22 октября 1970 г., когда руку убийц Р.Шнейдера направлял Р.Вио. Наверное, трудно представить себе более несхожих людей, которые как бы олицетворяли различные тенденции в вооруженных силах. Р.Вио - это беспринципный, амбициозный человек, политикан в военном мундире, который сделался марионеткой в руках самых экстремистских сил реакции. Р.Шнейдер - это воплощение человеческого благородства, верности своему про-

²⁶ El caso Schneider. Documentos especiales. Santiago de Chile, 1972, p.74.

²⁷ Ibid., p.178, 182.

²⁸ El caso Schneider, p.182.

фессиональному долгу, своей родине, народу. Было бы односторонним изображать его только "честным профессиональным солдатом", "конституционалистом", как это иногда делается. Человек широких демократических, гуманистических взглядов, высоко образованный, чутко приотдушивавшийся к пульсу своего времени, он понимал, что армия не может оставаться безучастной, закостенелой перед лицом огромных изменений в стране и во всем мире.

Выступая 12 октября 1970 г., незадолго до трагической гибели, генерал Р.Шнейдер достаточно четко сформулировал свою позицию в отношении роли армии в социальных преобразованиях. "В борьбе, которая является частью жизни наших народов, - говорил он, - вооруженные силы, будучи составной частью самого общества, живут той же жизнью, что и само общество. Их также касаются происходящие изменения, но с учетом их структуры и той доктрины, которая присуща им как военному организму. Однако, несмотря на эти необходимые изменения и эволюцию, вооруженные силы находятся в особом положении, потому что, как правило, содействуют успокоению умов и уменьшению страстей, так как они поддерживают конституционную структуру и правительство, проводящее в жизнь эти изменения, делая все это с абсолютным спокойствием и твердостью"²⁹.

Пожалуй, здесь были сформулированы основные положения доктрины Р.Шнейдера с ее патриотической направленностью, которые впоследствии были развиты генералом Пратсом, его преемником на посту командующего армией.

Сам по себе факт выдвижения этой доктрины свидетельствовал о быстром процессе политизации вооруженных сил, о возможностях их демократизации. Однако этот процесс был сложным и весьма противоречивым. Так, в период пребывания Р.Шнейдера на посту командующего военный чилийский журнал "Мемориаль дель эхерсито" опубликовал статью майора генерального

---

²⁹ Дабарка Годдард Э. Чили, раскаленное докрасна. М., 1973, с. 73.

штаба Клаудио Лопеса Сильвы, которая вызвала большой резонанс и за пределами страны. В статье развивалась и обосновывалась мысль о необходимости для вооруженных сил идти на сближение с народными массами, поддерживать справедливые требования трудящихся, защищать социальные, антиимпериалистические преобразования ³⁰.

Причиной социальных потрясений, вызывающих насильственные действия, по словам автора статьи, является недовольство трудящихся масс существующим положением, эксплуатацией, которой они подвергаются, неспособностью и нежеланием политических деятелей идти на удовлетворение справедливых народных требований. В этих условиях вооруженные силы как составная часть общества не должны видеть свою главную цель в поддержании "порядка", "подавлении подрывной деятельности".

"Вместо того, чтобы подавлять или планировать репрессии, необходимо (и это главное) воспрепятствовать развязыванию насилия. А для этого вооруженные силы должны иметь ясное представление о цели и направленности изменений, которых требует общество на каждом этапе своего исторического развития. Они должны опосредствовать этим изменениям и принимать участие в их осуществлении" ³¹.

С большой симпатией автор статьи отзывался о патристической позиции перуанских вооруженных сил, считая, что по этому пути должны идти, с учетом местных условий, армии и других латиноамериканских стран. Особое значение приобрела резкая критика политики правящих классов, латиноамериканской олигархии, которые, по словам Лопеса Сильвы, стремились использовать вооруженные силы в своих корыстных целях против народа. В этих случаях, с иронией писал Л. Сильва, правящие классы забывают о своей "приверженности" концепции

---

³⁰ Estrategia, 1971, N 10, p.34.

³¹ Ibidem.

"аполитичности" армии, превознося ее как опасительницу отечества ³².

Достаточно определенно автор статьи говорил о том, что армия вне политики стоять не может и должна в той или иной форме в ней участвовать.

Однако в вооруженных силах Чили все большее распространение получила так называемая конституционалистская точка зрения на роль и место армии в обществе. Она была обоснована и развита в книге подполковника А.Польони, довольно точно отражая сложный процесс политизации вооруженных сил. Автор исходил из концепции "аполитичности" чилийской армии, формулируя ее так: "Вооруженные силы как профессиональный институт являются аполитичными, поскольку они представляют всю нацию, а также потому, что они не принадлежат ни к какой политической партии. Их миссия, помимо всего прочего, состоит в том, чтобы следить за нормальным ходом и честностью выборов" ³³.

Однако эта "аполитичность" не означает, подчеркивал А.Польони, что вооруженные силы должны стоять в стороне от изменений, происходящих в стране. Они участвуют в этих изменениях прежде всего посредством "гражданских действий", стимулируя экономическое и социальное развитие страны. Это, по словам автора, не носит характера "политической завербованности" и полностью соответствует миссии вооруженных сил на службе национальных интересов.

А.Польони утверждал, что политика правительства С.Альенде соответствует национальным интересам и, следовательно, пользуется поддержкой вооруженных сил. Он выступил против стремления правых манипулировать вооруженными силами в своих интересах, натравливая их на конституционное правительство. "Поэтому нет никакого основания для того, чтобы стремиться толкнуть вооруженные силы на такой путь, который не отвечает их высоким и совершенно ясным целям. Одна из них

---

³² Estrategia, 1971, N 10, p.38.

³³ Polloni R.A. Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional, p.235.

состоит в защите правительства, которое суверенный народ сам для себя избрал" ³⁴.

В то же время в книге все время настойчиво подчеркивалось, что такая позиция вооруженных сил не означает приверженности правительству, его политике. Больше того, автор постоянно и настойчиво обращался к тезису о необходимости для вооруженных сил быть вне политики, сохранять, так сказать, свою "профессиональную чистоту". Особенно волновала его судьба армии как профессионального института, реальность возможности замены ее милицией или другими полувозлевыми соединениями. Сам автор подчеркивал, что правительство Альенде выступает против такой политики, но тут же двусмысленно замечал: "Вполне очевидно, что события могут принять другой оборот, если это будет отвечать, кто знает, каким устремлениям и интересам" ³⁵.

Как показало дальнейшее развитие событий, точка зрения "военного конституционализма", изложенная в книге А.Польони, разделялась многими в армии, определяла позицию и поведение многочисленной группы военных. Они были готовы поддерживать правительство С.Альенде только до известного предела, были еще далеки от четкого определения своей позиции в отношении начавшихся в стране социальных, антиимпериалистических преобразований. Многие в позиции военных-конституционалистов зависело от эволюции доктрины Шнейдера-Пратса, сближения ее сторонников с правительством Народного единства.

Доктрина Шнейдера-Пратса имела, условно говоря, два аспекта. Во-первых, на ее основе строились взаимоотношения вооруженных сил с правительством Народного единства, а во-вторых, она претендовала на роль "официальной идеологии" армии.

В плане сотрудничества вооруженных сил с правительством Народного единства доктрина Шнейдера-Пратса создавала

---

³⁴ Polloni R.A. Las fuerzas armadas de Chile en la vida nacional, p.245.

³⁵ Ibid., p.244.

благоприятные условия для более тесного сближения патристически настроенных военных с прогрессивными силами в стране. Эти потенциальные возможности, заложенные в доктрине, подмечали внимательные наблюдатели и за пределами страны. Так, влиятельный военный аргентинский журнал "Эстратегия", выражающий точку зрения патристически настроенных военных в вооруженных силах страны, писал, что доктрина Шнейдера-Пратса совпадает со стратегией, разработанной Народным единством. "Это совпадение интересов вооруженных сил и Народного единства, - подчеркивала "Эстратегия", - отнюдь не возникало само по себе. Оно потребовало на протяжении этих двух лет больших усилий с обеих сторон, чтобы привести свои взгляды в соответствие с существующим положением, а также пересмотреть и сформулировать теоретические принципы, которые предопределяли оригинальность чилийского процесса" ³⁶.

Эту оригинальность журнал видел в том, что была пересмотрена "традиционная марксистская точка зрения" на вооруженные силы как гаранта капиталистических порядков, защитника интересов олигархии и империализма. Вместо такой оценки был выдвинут тезис о возможности превратить армию в силу, способную поддержать процесс глубоких социальных преобразований. Журнал "Эстратегия", естественно, ошибался, когда характеризовал такую позицию революционных сил в отношении армии как какую-то "ревизию" марксизма, поскольку, как известно, марксисты-ленинцы никогда не рассматривали армию догматически только в плане защиты ея интересов привилегированных классов. Как уже отмечалось, XIV съезд КПЧ подчеркнул необходимость борьбы за привлечение вооруженных сил на сторону народа, отметив наличие в их рядах патристических течений.

В то же время "Эстратегия" довольно точно подметил глубокую заинтересованность правительства Народного единства в привлечении вооруженных сил к процессу глубоких социальных преобразований в стране. Не ошибался журнал и в том,

---

³⁶ Estrategia, 1972, N 17, p.26.

что увидел сдвиги в вооруженных силах в сторону поддержки политики правительства С.Альенде. Уже после трагических событий в Чили главный редактор журнала генерал Гулььяльмели - идеолог антиимпериалистически настроенных аргентинских военных - писал, что сторонники доктрины Шнейдера-Праота в вооруженных силах проявляли стремление идти на сближение с правительством Народного единства³⁷.

Как происходило это сближение? В каких масштабах и до каких пределов оно осуществлялось? Критики правительства Народного единства как справа, так и "слева", нередко выказывают ту точку зрения, что оно не имело, по сути дела, никакой программы в отношении вооруженных сил, ошибочно уповав на их "аполитичность", "чистый" профессионализм. Пио Гарсиа, чилийский прогрессивный социолог и экономист, в этой связи справедливо пишет, что позицию правительства С.Альенде в отношении вооруженных сил нельзя объяснить игнорированием наличия реакционных, заговорщических тенденций в рядах армии или же его "пацифистской" стратегией. По словам П.Гарсиа, Народное единство исходило из того факта, что "конституционалистские убеждения вооруженных сил будут сохраняться и укрепляться по мере упрочения позиций представителей военных течений, активно отстаивавших эти принципы"³⁸. По его мнению, при этих условиях существовали возможности все более тесного сближения вооруженных сил с политикой Народного единства, направленной на социалистическое обновление чилийского общества. Нет основания думать, что при определении такой политической линии "руководство народных партий и сам Сальвадор Альенде занимались гаданием на кофейной гуще, не располагая достойной доверия информацией о том, что происходило в офицерском корпусе"³⁹.

³⁷ El Nacional, Caracas, 1973, 16 dic.

³⁸ Las fuerzas armadas y el golpe de Estado en Chile. México, 1974, p.XXV.

³⁹ Ibidem.

В официальной программе Народного единства существовал специальный раздел о национальной обороне, в котором излагалась политика в отношении вооруженных сил; им отводилась исключительно важная роль в деле защиты национального суверенитета, независимости страны от происков империализма и олигархии. В программе подчеркивалась необходимость разработки патриотической народной концепции национального суверенитета, которая, как отмечалось, могла успешно проводиться в жизнь при условии превращения вооруженных сил в фактор по-
линно национальный, не противопоставляющий себя народу ⁴⁰.

Программа предусматривала модернизацию вооруженных сил, улучшение условий жизни личного состава, активное их включение в процесс социально-экономического развития страны ⁴¹.

С приходом к власти правительства Народного единства эта политика в отношении вооруженных сил развивалась, уточнялась при активном личном участии С.Альенде как главнокомандующего вооруженными силами страны. В выступлениях президента развивалась концепция национальной безопасности, которая должна была олужить обоснованием необходимости активного участия вооруженных сил в процессе социально-экономических преобразований в целях повышения обороноспособности страны. "Не могут существовать боеспособные вооруженные оилы, - говорил С.Альенде, - в стране, где народ страдает от бескультурья, болезней, а также зависимости" ⁴². В последнем президентском послании конгрессу 21 мая 1973 г. С.Альенде вновь подчеркнул необходимость активного участия воору-
женных сил в социально-экономических преобразованиях ⁴³.

Декларации Народного единства не расходились с делом. Уделяя большое внимание вооруженным силам, правительство Альенде существенно повысило жалование личному составу во-

⁴⁰ El Siglo, 1970, 9 sept.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Estrategia, 1972, N 17, p.26.

⁴³ mensaje presidente Allende ante Congreso pleno, 21 mayo de 1973. Santiago de Chile 1973, p.XXXIII-XXXIV.

оруженных сил, корпусу карабинеров. Уже в начале 1971 г. был повышен минимум жалования всем военным и карабинерам с 48 эскудо до 102. 70 тыс. военных в отставке также была повышена пенсия ⁴⁴.

Правительство поддерживало усилия военного командования по модернизации вооруженных сил, повышению уровня их профессиональной подготовки, Военных включали в правительственные делегации, отправлявшиеся за рубеж, часто посылались и специальные военные миссии, в том числе и в социалистические страны.

Взяв курс на активное участие военных в социально-экономической жизни, правительство включало их в работу государственных корпораций по развитию, по осуществлению аграрной реформы, назначало на важные государственные и административные посты. Впервые в истории страны военные получили исключительно благоприятные возможности для совершенствования профессионального мастерства, для того, чтобы ощутить свою связь с народом в созидательной деятельности по преобразованию страны.

Политика Народного единства в военном вопросе встречала растущее понимание со стороны представителей патриотических течений в вооруженных силах, которые стремились сблизиться с народом. "Некоторые из военных, - говорил Л. Корвалан в своем выступлении на пленуме ЦК компартии в августе 1977 г., - с глубокой симпатией восприняли процесс преобразований, считая, что он полностью отвечает их патриотическим идеалам" ⁴⁵.

Выразитель настроений этого течения генерал К. Прато выступал за такую армию, как он писал в своих дневниках, которая была бы настроена глубоко патриотически, разделяла бы

---

⁴⁴ El Siglo, 1971, 13 mar.

⁴⁵ Informe al Pleno, de agosto de 1977 del Comité Central del Partido Comunista de Chile, rendido por su Secretario General, compañero Luis Corvalán. Partido Comunista de Chile. Boletín del exterior, N 26, p.29.

вместе с народом его чаяния и устремления ⁴⁶. Одновременно генерал К.Пратс отмечал большие трудности на пути достижения этой цели, считая, что традиции "аполитичности" вооруженных сил предопределили значительную изоляцию военных от общества с его острейшими социальными проблемами ⁴⁷.

Он предпринял попытку обосновать роль вооруженных сил страны применительно к новой трактовке концепции национальной безопасности. В широко известном интервью журналу "Эр-силлья" осенью 1972 г. К.Пратс, уточняя и в чем-то развивая доктрину Р.Шнейдера, затронул вопрос о возможности участия вооруженных сил в политической жизни. По его словам, они могут участвовать в политике, которая пишется с "большой буквы" ⁴⁸. Разъясняя свою мысль, генерал подчеркивал, что вооруженные силы должны отказаться "от статичной концепции своей миссии" как защитника только географических границ страны и положить в основу своей деятельности динамичную концепцию национальной безопасности, которая предусматривает не только всенную защиту страны, но и целый ряд мер социально-экономического и даже политического характера. "Разве можем мы, — говорил К.Пратс, — оставаться безучастными к судьбе нашей меди, главного источника укрепления нашей национальной обороны, которой угрожают международные тресты? Во всем этом вооруженные силы исходят из соображений национальной безопасности" ⁴⁹.

Такая острая постановка вопроса была не случайной. Именно осенью 1972 г. сторонники доктрины Р.Шнейдера столкнулись, пожалуй, с самым серьезным испытанием на ее прочность после бурной предвыборной кампании 1970 г. Осенью 1972 г. силы реакции попытались дать ожесточенный бой пра-

⁴⁶ Prats C. Una vida por la legalidad. México, 1976, p.116.

⁴⁷ Ibid., p.112.

⁴⁸ Ercilla, 1972, 29 nov.-5 dic., p.12.

⁴⁹ Ibidem.

вительству Народного единства. Им удалось привлечь на свою сторону значительную часть оредних слоев населения, опровергнуть массовое забастовочное движение. Немалые надежды реакция возлагала на вооруженные силы, которые, по ее расчетам, должны были выступить против правительства, способствовать его падению.

Однако события развивались в тот момент не по сценарию, разработанному силами контрреволюции. Армия и корпус карабинеров в то время активно сотрудничали с правительством в деле поддержания порядка в стране, сдерживания провокационных, террористических действий правых. Такая позиция военного командования вызвала ожесточенную кампанию нападок и оскорблений в адрес видных военачальников и вообще армии, которых обвиняли в том, что они открыто встали на сторону правительства Народного единства, солидаризировались с его политикой.

Генерал К.Пратс, отвечая на эти нападки в интервью журналу "Эрсилья", объяснил их причину тем, что в стране, по его словам, впервые в истории сложилась такая ситуация, когда армия противостоит не пролетариату, а буржуазии, которая вступила на путь конфронтации с конституционным правительством. Армия, по его словам, подверглась сильнейшему психологическому давлению со стороны оппозиции. При этом он подчеркивал, что речь идет о социальном феномене "исключительной сложности и важности"⁵⁰. В этих условиях сторонники доктрины Шнейдера, подчеркивал генерал Пратс в другом выступлении, должны исходить при определении своих позиций из того факта, что в стране происходит "процесс социальных изменений, очень глубокий и сложный". Речь идет, по словам генерала, об осуществлении "глубоких реформ социальных и экономических структур страны в рамках законности и конституционности, определяемых системой свободного предпринимательства"⁵¹. Эти реформы порождают, как подчеркивал К.Пратс,

⁵⁰ Ercilla, 1972, 1-7 nov. p.9.

⁵¹ Ferramón E. Las fuerzas armadas y los cambios sociales en Chile. Testimonio periodístico. Santiago de Chile, 1973, p.20.

"конфронтацию сил обновления и прогресса с силами консерватизма" ⁵². В этой борьбе вооруженные силы, неоднократно отмечал генерал, должны быть на стороне прогресса, поддерживать президента в выполнении им исторической "национальной миссии".

1 ноября 1972 г. на страницах "Меркурио" Патрисио Айльвин, один из лидеров правого крыла христианских демократов, выступил с нападками на доктрину Шнейдера, подверг критике позицию, занятую К.Пратсом. Он утверждал, что вооруженные силы обладают оводой выбора в том смысле, что они вольны поддерживать правительство или отказаться ему в поддержке. Поистине, исторические сравнения и параллели иногда говорят о многом, если вспомнить, что накануне прихода к власти С.Альенде сами же христианские демократы были инициаторами включения в конституцию страны поправки, чтобы "гарантировать" вооруженным силам "аполитичный", "чисто профессиональный" характер. Этим они рассчитывали воспрепятствовать обличению вооруженных сил с правительством Народного единства. Теперь же, увидев, что под влиянием глубоких сдвигов в стране в армии усиливаются тенденции к сотрудничеству с Народным единством, правые демохристиане, словно забыв о своем легализме, тезисе об "аполитичности" армии, встали на путь подстрекательства ее к неповиновению правительству Альенде.

В этих условиях открытой поддержкой правительству прозвучало выступление генерала Пратса на страницах "Меркурио" 5 ноября 1972 г. К.Прато солидаризировался с действиями правительства по стабилизации положения в стране, по противодействию провокационным акциям правых, которые хотели, по словам генерала, заменить законность в стране "законом джунглей" ⁵³. Армия, заявил К.Пратс, поддерживает действия пра-

---

⁵² Perramón E. Las fuerzas armadas y los cambios sociales en Chile. Testimonio periodístico. Santiago de Chile, 1973, p.20.

⁵³ El Mercurio, 1972, 5 nov.

вительства, направленные на нормализацию положения в стране ⁵⁴.

Генерал Пратс настойчиво выступал против неподчинения вооруженных сил конституционному правительству, осуществляющему преобразования в интересах народа. Государственный переворот, захват армией политической власти, говорил он в интервью журналу "Эрсилья" осенью 1972 г., был бы "решением проблем без будущего", неизбежно привел бы к диктатуре, вызвал бы сопротивление народа ⁵⁵.

Свою главную задачу генерал видел в содействии укреплению институционального единства вооруженных сил на основе принципов доктрины Шнейдера, поддержки законно избранного правительства. "Мы, солдаты, - говорил он, - не совершим государственной измены, встав на путь незаконных акций, которые приведут к тому, что мы запятнаем кровью своих соотечественников наше оружие и мундиры" ⁵⁶.

Выступления К.Пратса были проникнуты глубоким уважением к народным массам, их организациям. Со свойственной ему прямотой и честностью он говорил: "Нет, Чили не страна, где живет какое-то бессловесное стадо животных. В нашей стране трудящиеся массы представляют фактор большой социальной важности. Они организованы. В нашей стране имеется достойное руководство, здесь политические деятели эффективно руководят народными массами" ⁵⁷. Генерал Пратс высоко оценивал деятельность Единого профцентра трудящихся (ЕПТЧ) по мобилизации масс на борьбу за лучшее будущее Чили. В письме председателю ЕПТЧ Луису Фишероа в сентябре 1972 г. он подчер-

---

⁵⁴ El Mercurio, 1972, 5 nov.

⁵⁵ Ercilla, 1972, 29 nov. - 5 dic., p.12.

⁵⁶ Ferramón E. Op.cit., p.32.

⁵⁷ Ercilla, 29.XI - 5.XII.1972, p.12.

кивал важную роль трудящихся в осуществляемых преобразованиях⁵⁸.

Итак, можно говорить, что к осени 1972 г. национально-демократическое течение в армии достаточно полно оформило свои позиции, что нашло отражение в доктрине Шнейдера-Пратса.

Важным в этом плане явилось включение представителей вооруженных сил в начале ноября 1972 г. в правительство. В него вошли трое военных, в том числе генерал Прато, который занял пост министра внутренних дел и стал вице-президентом страны. Военно-гражданское правительство начало действовать быстро и эффективно, стремясь стабилизировать положение в стране, ликвидировать последствия антиправительственных выступлений, спровоцированных правыми силами. Правительству удалось прийти к соглашению с различными объединениями средних слоев населения, участвовавшими в выступлениях, дав им соответствующие гарантии.

Участие военных в правительстве Народного единства вызвало большой резонанс в самой стране и за ее пределами. Правые силы восприняли это с нескрываемой враждебностью. Они стремились воячески дискредитировать командование вооруженных сил, прежде всего генерала Пратса, и в то же время заигрывали с армией, пытаясь внушить ей мысль, что она является арбитром судеб страны, должна следовать своей собственной политической линии, находясь и в правительстве. Такая пропагандистская деятельность, по расчетам реакционных сил, должна была сыграть роль мины замедленного действия, механизм которой в нужный момент работает.

Включение представителей вооруженных сил в правительство было положительно оценено КПЧ, которая решительно поддержала политику С.Альенде в этом вопросе. На страницах теоретического органа компартии журнала "Принсипиос" появилась программная статья "Вооруженные силы в правительстве Сальвадора Альенде", написанная Мануэлем Кантеро. Подчеркнув важность сдвигов в вооруженных силах, поддерживающих процессы

---

⁵⁸ Ferramón E. Op.cit., p.34.

социальных преобразований, он отметил исключительно большое значение этих изменений для сближения армии с трудящимися. "Если вооруженные силы, верные конституционному правительству, - писал М.Кантеро, - будут все более и более решительно выполнять свою патриотическую задачу по обеспечению общественного спокойствия, подавлению беспорядков, где бы они ни возникали, и одновременно вносить большой вклад в дело создания новой родины, то тогда путь к этой цели будет менее тяжелым и еще больше отдалится угроза вооруженного столкновения, и от всего этого Чили только выиграет" ⁵⁹.

Оценивая значение этого шага уже после государственного переворота, чилийские коммунисты подчеркивали: "В кризисные моменты мы действовали в союзе с верной конституции патриотической частью армии, что сыграло решающую роль в разгроме заговорщиков в октябре 1972 г." ⁶⁰.

Коммунисты одновременно отмечали, что сближение военных с Народным единством - процесс сложный. Коммунисты считали, что укрепление сотрудничества вооруженных сил с правительством в чрезвычайно большой степени зависит от правильной политики в отношении средних слоев населения, поскольку большинство представителей офицерского корпуса по своему социальному происхождению тесно связано с ними и колебания в их настроениях, позициях сказывались и на настроениях в вооруженных силах ⁶¹.

Исправление ошибок, просчетов в отношении средних слоев, подчеркивали коммунисты, невозможно без решительной борьбы с ультралевыми. "Мы должны неустанно вести идеологическую борьбу с ультралевыми, - писал М.Кантеро, - которые своей пагубной, авантюристической, сектантской деятельностью содействуют изоляции рабочего класса, толкая в лагерь реак-

---

⁵⁹ См. Documentos políticos. Bogota, 1973, N 103, p.31.

⁶⁰ Рене Кастильо, член руководства Компартии Чили. Уроки и перспективы революции. Письмо из Чили. - Проблемы мира и социализма, 1974, № 7, с.57.

⁶¹ Documentos políticos, 1973, N 103, p.31.

ции широкие слои населения, в особенности средние слои, которые могут и должны участвовать в чилийском революционном процессе" ⁶².

В то время как компартия и другие политические силы, полностью поддерживающие политику С.Альенде, положительно оценивали рост демократических настроений в вооруженных силах, приветствуя их сближение с трудящимися, ультралевые, пользуясь поддержкой некоторых течений, в частности в социалистической партии, занимали сепаратистскую позицию в отношении военных, не видели никаких позитивных сдвигов в их среде. Армия была, есть и будет при любых условиях, так сказать, фатально "вооруженной рукой олигархии", т.е. оплотом контрреволюции — такой была точка зрения ультралевых.

Создание военно-гражданского правительства они оценили в лучшем случае как победу "реформистского курса" в Народном единстве. В заявлении от 8 ноября 1972 г. по поводу сформирования военно-гражданского правительства "Левое революционное движение" (МИР) выступило против этого шага под тем предлогом, что он "тормозит развитие революционного процесса в стране, лишает рабочих завоеваний" ⁶³. Ультралевые обрушились с нападками на министра внутренних дел К.Пратса, обвиняя его в проведении политики в интересах капиталистов, выступая против его правильной линии на возвращении мелких и средних предприятий их владельцам; захваченных отдельными группами трудящихся во время октябрьских событий 1972 г. Они игнорировали то обстоятельство, что сближение Народного единства с патриотическим течением в вооруженных силах открывало благоприятные перспективы для борьбы за армию, для упрочения ее сотрудничества с трудящимися. Иной путь был выгоден только реакции, в том числе и той части вооруженных сил, которая стремилась воспрепятствовать укреплению позиций сторонников доктрины Шнейдера-Пратса, навязать армии роль ударной силы контрреволюции.

⁶² Documentos políticos, 1973, N 103, p.31.

⁶³ Mercurio, 1972, 11 sept.

В этих условиях действия сторонников левацко-сектантской линии в Народном единстве облегчали реакции подрывную деятельность в рядах вооруженных сил. "Компартия всегда указывала, - подчеркивал член Политкомиссии ЦК Компартии Чили Володя Тейтельбойм, - что перед народным движением стоит задача привлечь на свою сторону подавляющее большинство населения; чтобы разрешить навсегда в пользу народа вопрос о власти". Характеризуя другую тенденцию, В.Тейтельбойм отмечал: "Представители другой тенденции стояли, к сожалению, на сектантских позициях, постоянно мешали нашей деятельности, подрывали извне и изнутри Народное единство. Действия блока были парализованы, он вел нескончаемые бесполезные дискуссии. В результате была утрачена инициатива в борьбе за завоевание масс. Ее перехватила контрреволюция. Враг смог начать наступление, а рабочий класс оказался в изоляции от своих союзников" ⁶⁴.

В этом плане надо переоценить и влияние этой политической линии на перспективу укрепления сотрудничества правительства Народного единства с патриотической частью армии. "Такой союз мог бы развиваться, - пишет Р.Кастильо, - если бы этому не препятствовали ультралевацкие элементы" ⁶⁵. Именно наличие в Народном единстве во многом противоположных взглядов относительно перспектив развития революционного процесса в стране, пагубное влияние леваков не позволили прогрессивным силам наметить единую линию и по вопросу об армии после мартовских выборов в конгресс, когда Народное единство добилось успеха, увеличив число поданных за него голосов.

Коммунисты поддержали президента С.Альенде, который был готов вести конструктивный диалог с генералом К.Прагсом и другими высшими офицерами, выступившими после выборов с предложением внести в политику правительства некоторые коррективы в смысле более четкого определения границ

⁶⁴ Проблемы мира и социализма, 1974, № 3, с.57-58.

⁶⁵ Проблемы мира и социализма, 1974, № 7, с.64.

трехсекторной экономики, усиления борьбы против террористических действий как ультраправых, так и ультралевых, начать переговоры с христианскими демократами ⁶⁶.

Объективно эта платформа военных совпадала с позицией того течения в Народном единстве, которое выступало за расширение социальной базы правительства, особенно путем привлечения на его сторону средних слоев. В своих дневниках генерал Пратс отмечает, что президент С.Альенде разделял обеспокоенность авторов меморандума положением в стране, был готов вести диалог с военными ⁶⁷.

Однако представители другого течения при активной поддержке ультралевых категорически отвергли возможность диалога Народного единства с военными, пригрозив выйти из правительства. В результате после реорганизации правительства в марте 1973 г. военные уже не участвовали в правительстве. Коммунисты высоко оценили опыт участия представителей вооруженных сил в правительстве Народного единства. Выступая на пленуме ЦК компартии в марте 1973 г., Л.Корвалан специально отметил: "От имени коммунистической партии мы хотим подчеркнуть ту большую патриотическую роль, которую играли военные-министры и прежде всего генерал Карлос Пратс Гонсалес, занимавший трудный и ответственный пост министра внутренних дел" ⁶⁸.

Создалось такое положение, что из-за оппозиции определенных политических течений в Народном единстве благоприятная возможность для укрепления сотрудничества вооруженных сил с правительством была не использована. Впоследствии, выступая на пленуме ЦК Компартии Чили (август 1977 г.), Л.Корвалан подчеркнул, что решение сформировать правительство без участия военных было "серьезной ошибкой в данном конкретном случае, ошибкой сектантской, проявлением "левизны". Генерал Пратс, возглавляя в качестве министра внутрен-

---

⁶⁶ Изложение меморандума генерала см. Brcilla, 1973, 4-10 ag., p.9.

⁶⁷ Carlos Prate. Una vida por la legalidad, p.48-49.

⁶⁸ "El Siglo", 1973, 29 mar.

них дел кабинет министров, объединял вокруг себя влиятельные течения в армии, представители которых были преданы правительству и были готовы его поддерживать. Уход генерала Пратса с поста министра внутренних дел ослабил правительство и обеспечил подготовку заговора внутри самой армии" ⁶⁹.

Внешне все как будто оставалось по-старому, поскольку доктрина Шнейдера-Пратса по-прежнему определяла взаимоотношения вооруженных сил с правительством. Однако фактически она теряла в новых условиях свой динамизм в смысле распространения своего влияния в рядах армии. "В глазах многих военных, — подчеркнул Л. Корвалан, — создалось впечатление, что правительство Народного единства прибегало к их использованию только при определенной политической конъюнктуре, и поэтому не было реального стремления включить их в великий процесс обновления страны" ⁷⁰.

Впоследствии (март 1974 г.) социалистическая партия Чили признала, что именно влияние "левацкого оппортунизма", настроений "вульгарного антимилитаризма", проявившихся в ее собственных рядах и среди некоторых других партий Народного единства, не дали возможности "укрепить союз народно-го движения с прогрессивным течением в вооруженных силах" ⁷¹.

Нельзя забывать, что сторонниками доктрины Шнейдера-Пратса были не только представители национально-демократического течения в армии, которые совершенно сознательно шли на сближение с Народным единством, все больше разделяя его программу, его идеалы. Приверженцами этой доктрины были и представители так называемого конституционалистско-

---

⁶⁹ Informe al Pleno, de agosto de 1977 del comité central del Partido Comunista de Chile, rendido por su Secretario General, compañero Luis Corvalán, Partido Comunista de Chile. Boletín del exterior, N 26, p.30.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Al calor de la lucha contra el fascismo, construir la fuerza dirigente del pueblo para asegurar a la victoria. Documento del Comité Central del Partido Socialista de Chile. Santiago, marzo de 1974, p.26.

го течения, весьма аморфного по своим взглядам, которые в общем-то не связывали профессиональную службу с политической завербованностью. Конституционную лояльность правительству они понимали так, что последнее не должно вмешиваться в профессиональные дела армии. Это объективно облегчало реакционерам проводить среди военных "особую" линию, в частности, расширяя сотрудничество с Пентагоном, саботируя развитие контактов военных с другими странами.

Конечно, и в среде "конституционалистов" происходила дифференциация. Но в какую сторону пойдет этот процесс, зависело от многих факторов, в том числе в значительной мере и от усиления влияния представителей национально-демократического течения в рядах армии. А положение складывалось так, что это влияние не только не росло, а на определенном этапе стало снижаться, чему в немалой степени способствовало свертывание сотрудничества представителей этого течения с правительством Народного единства.

Создавшийся "вакуум" стремились заполнить представители реакционных течений в армии, которые особое внимание обращали на политически аморфную массу военных-конституционалистов, небезуспешно используя действия леваков в отношении вооруженных сил. "Сектантские концепции, — пишет Р.Кастильо, — давали о себе знать в неизменном отказе ультралеваков от союза народного движения с патриотически настроенными и сохранившими верность конституции военными, что ослабляло их позиции, позволяло фашистам группировать вокруг себя офицеров и в конечном счете блокировать всякое сопротивление путчистам внутри вооруженных сил"⁷².

Действия реакции облегчались и общей политической обстановкой в стране, которая характеризовалась ростом оппозиционных настроений среди средних и других слоев населения по отношению к правительству Народного единства.

---

⁷² Проблемы мира и социализма, 1974, 7, с.62.

Рост контрреволюционных настроений в вооруженных силах.

Мартовские выборы 1973 г. показали реакции, что добиться свержения правительства С.Альенде "законным путем" не удастся. Поэтому силы контрреволюции стали на путь подготовки государственного переворота. Пабло Родригес, один из руководителей право-экстремистской, неофашистской организации "Патриа и либертад" после мартовских выборов заявил: "Мы считаем, что из создавшейся в Чили ситуации нельзя выйти с помощью традиционных методов. И если мы хотим действительно освободиться от марксизма, необходимо решительно отбросить в сторону те классические политические нормы, которые вынуждены ныне отступить перед лицом угрожающей действительности" ⁷³. Другой лидер этой же фашиствующей организации, Роберто Тиме, так определял задачи "антимарксистских сил": "Либеральная демократическая система для нас умерла 4 марта... Мы видим, что нет политического выхода, мы понимаем, что решение вопроса лежит не в традиционном русле политических партий. Это решение зависит от совместных действий вооруженных сил и людей труда" ⁷⁴.

В подстрекательскую кампанию, направленную на подготовку насильственного свержения правительства Альенде, активно включилась реакционнейшая газета "Меркурио", которая кичилась своей приверженностью "конституционализму", "традиционным" политическим методам. Она призывала создать в Чили "новый порядок", отказаться от деятельности политических

⁷³ El tancazo. Documentos especiales de ese 29 de julio. Santiago de Chile, 1973, p.14.

⁷⁴ Ibid., p.11. Под "людьми труда" он подразумевал предпринимательские объединения и профессиональные ассоциации.

партий, "избирательного маскарада" и вручить власть "небольшой группе избранных военных", которые наведут в стране порядок ⁷⁵.

Политическая линия сил контрреволюции становилась все определеннее: они стремились дискредитировать саму традиционную "буржуазно-либеральную систему", которая, по мнению фашиствующих реакционеров, привела к "марксистской угрозе" в стране. Одновременно огромное психологическое, идеологическое давление было оказано реакцией на вооруженные силы с целью толкнуть их на открытое выступление против правительства.

В этом хоре сил реакции все громче звучали голоса правых военных. Правда, традиции "аполитичности" вооруженных сил до поры до времени мешали реакционно настроенным военным, находившимся на действительной службе, слишком открыто выражать свои взгляды.

Эту миссию взяли на себя отставные высшие офицеры, которые не стеснялись в нападках на левые силы, правительство Народного единства. Скандальную известность, благодаря своим подстрекательским заявлениям, приобрел, например, генерал Каналес, еще осенью 1972 г. за антиправительственную деятельность изгнанный из рядов армии по настоянию генерала Пратса. Каналес открыто призывал вооруженные силы не повиноваться правительству, выработать "свою собственную политическую схему", чтобы навести порядок в стране ⁷⁶.

В конце мая 1973 г. с открытым письмом к С.Альенде обратилась группа отставных генералов и адмиралов. Распаркиваясь перед президентом за его заботы, как говорилось в письме, по повышению профессионального уровня вооруженных сил, авторы обращения подвергли резкой критике политику правительства Народного единства. Апеллируя к концепции национальной безопасности, они утверждали, что политика прави-

---

⁷⁵ El tancazo. Documentos especiales de ese 29 de julio. Santiago de Chile, 1973, p.16.

⁷⁶ El Siglo, 1973, 11 jun.; "Estrategia", 1973, N° 24, p.68-69.

тельства ослабляет страну, ведет к расколу "национального единства" ⁷⁷. Сведение "национальной безопасности" к такому "единству", отрицание, по сути дела, глубоких антиимпериалистических преобразований свидетельствовали о принципиальном отличии подобной позиции от позиции генерала Пратса и его сторонников, которые придерживались прогрессивных взглядов ⁷⁸.

Авторы письма, обвиняя правительство в подрыве основ "правового государства", оправдывали правомерность для вооруженных сил занять "автономную" позицию, отойти от поддержки правительства ⁷⁹.

Реакция с радостью восприняла это письмо, охарактеризовав его как выражение "патриотической позиции" военных, которые решили действовать. Ее особенно радовало, что ставились под сомнение основные положения доктрины Шнейдера-Пратса, а на их место выдвигался тезис об "автономности" армии, что оправдывало любые действия вооруженных сил, их неподчинение правительству. Отвечая авторам письма, С.Альенде писал, что они игнорируют глубоко патриотическую политику правительства по обеспечению национальной безопасности, которая придает исключительно большое значение участию вооруженных сил в экономическом развитии страны. "Какие выводы; - задавал вопрос президент страны, - можно сделать, если логически развивать идеи авторов письма о возможности для вооруженных сил занять "автономную позицию" по отношению к государственной власти?" ⁸⁰.

Прогрессивные силы охарактеризовали это письмо как попытку подорвать дисциплину в армии, восстановить военных против Народного единства ⁸¹.

⁷⁷ El Mercurio, 1973, 29 mayo.

⁷⁸ Характерно, что ряд генералов и адмиралов отказались поставить свою подпись под этим письмом.

⁷⁹ El Mercurio, 1973, 29 mayo.

⁸⁰ El Siglo, 1973, 6 jun.

⁸¹ Ibidem.

Контрреволюционные настроения в вооруженных силах проявлялись не только в растущей оппозиции политике правительства. Они прорвались на поверхность во время танкового мятежа в Сантьяго 29 июля 1973 г., когда часть полка, возглавляемая полковником Супером, попыталась взять штурмом президентский дворец. Хотя мятеж был быстро подавлен благодаря решительным действиям генерала Пратса и других высших офицеров, верных правительству, он показал, что процесс укрепления и расширения позиций контрреволюции в рядах вооруженных сил зашел уже далеко. Участники мятежа были тесно связаны с правозащитными организациями, в первую очередь с "Патриа и либертад". Идеология этой организации, которая осуществляла активную работу в рядах армии, находила все больше сторонников в военной среде ⁸².

Мятеж был не обособленным явлением, а частью широкого контрреволюционного заговора, который зрел в вооруженных силах, только, по мнению его главных организаторов, это выступление было несколько преждевременным, неподготовленным. Так, бывший начальник военной разведки генерал Алехандро Луто (он занимал этот пост с января по ноябрь 1973 г.) заявил уже после переворота, что "события 29 июля были результатом действий группы офицеров, побуждаемых добрыми намерениями, однако нашедших плохих советчиков среди некоторых гражданских лиц. Эти офицеры не питали в то время доверия к действиям высшего военного командования и поэтому поспешили форсировать ход событий..." ⁸³.

Именно июльские события, по словам генерала Пратса, со всей очевидностью показали "политизацию" вооруженных сил в плане роста враждебности к правительству Народного единст-

---

⁸² El tancazo..., p.53.

⁸³ Ercilla, 1974, 16 - 22 en., p.11; Становится понятным в свете этого заявления поведение генерала Лутса, явно саботировавшего, по словам Пратса, расследование обстоятельства подготовки "Танкасо" (Prats C. Una vida por la legalidad, p.62-63).

ва ⁸⁴. В своих дневниках Прато с чувством глубокой горечи пишет, как он и его сторонники наталкивались на растущую неприязнь со стороны все большего числа военных ⁸⁵.

Какие же факторы и причины опосредствовали быстрому распространению контрреволюционных настроений в рядах вооруженных сил? Как уже отмечалось, это в немалой степени связано с тем, что сторонники доктрины Шнейдера-Прато, которые стремились с ее помощью облизить военных с Народным единством, начали терять свое влияние в рядах вооруженных сил.

В более широком плане причины ослабления позиций сторонников доктрины следует искать в изменении соотношения сил в самой стране, что не могло не оказать влияния на настроение в армии. Прежде всего это выразилось в том, что значительная часть военных-конституционалистов, которые до определенного времени поддерживали доктрину Шнейдера-Прато, хотя и трактовали ее ограниченно, стали пересматривать свое отношение к ней, проявлять враждебность к правительству Народного единства. Бесспорно, весьма большую роль в этом сыграли сдвиги в позициях средних слоев, отношение которых к правительству становилось все более негативным и в конце концов большая их часть заняла враждебную позицию. Причины тому не однозначны. Часть средних слоев, связанных с крупной буржуазией, была против Народного единства, так сказать, "по убеждению", на отношение других к правительству оказались авантюристические действия ультралевых, пользовавшихся поддержкой представителей некоторых партий, входивших в блок Народное единство. Оттолкнули значительную часть средних слоев от правительства и ошибки самого правительства в отношении этих слоев.

Позиция средних слоев, естественно, отразилась и на настроении вооруженных сил. Часть офицеров, выходцев из средних слоев, открыто заняла правозэкстремистские позиции,

⁸⁴ Carlos Prats. Una vida por la legalidad, p.62.

⁸⁵ Ibid., p.58.

превратилась в ударную силу реакции. Она приобретала все большее влияние в вооруженных силах, поскольку значительная масса представителей офицерского корпуса переходила в явную оппозицию к правительству С.Альенде. Если еще до сравнительно недавнего времени эти военные положительно оценивали усилия правительства по укреплению боеспособности вооруженных сил, улучшению положения личного состава армии, то теперь эти соображения не могли уже перевесить другие факторы.

Быстрый рост инфляции, нехватка товаров сказались и на материальном положении значительной части военных, порождали в их среде недовольство, опасения потерять свой социальный профессиональный статус. Эти опасения приобретали тем большую устойчивость, что ультралевые, выступая с позиций "вульгарного антимилитаризма", занимались провокационными нападениями на военных, стремились вызвать конфронтацию рядового состава с офицерским корпусом. Среди военных росли антипролетарские настроения, в немалой степени вызванные тем, что свои "ультрареволюционные эксперименты" левяки осуществляли от "имени" рабочего класса, который они хотели бы отождествить с полупролетарскими, маргинальными слоями, где популярностью пользовались идеи всеобщей уравниловки, раздела всего и вся.

В усилении враждебных настроений в рядах вооруженных сил по отношению к Народному единству сыграли свою роль и другие факторы и обстоятельства. Значительную роль в данном случае играло устойчивое влияние прусоких, милитаристских традиций на вооруженные силы.

Особенно сильным дух корпоративизма, элитарности был в военно-морском флоте. В 1969 г. среди военных старших званий, начиная с майора, в различных родах войск группой чилийских социологов был проведен опрос, правда, не совсем репрезентативный по числу опрошенных. 70% опрошенных военно-морских офицеров были выходцами из привилегированных семей таких городов, как Вальпараисо, Винья-дель-Мар или же их окрестностей. 60% опрошенных окончили "престижные" частные

католические колледжи, а 30% были выходцами из семей кадровых военных ⁸⁶. Нет ничего удивительного, что в своем большинстве военно-морское офицерство было враждебно настроено к правительству Народного единства.

Несколько иные причины определяли переход части офицеров сухопутных войск на враждебные правительству Народного единства позиции. Согласно той же социологической анкете, 45% всех опрошенных были выходцами из провинциальных средних слоев: торговцы, лица свободных профессий, чиновники. Характеризуя эту среду, чилийский социолог Антонио Морено Ривас замечает, что ее представители отличались "ясно выраженным стремлением занять более видную ступень на социальной лестнице, что не всегда удавалось реализовать на практике" ⁸⁷.

Желание "социально возвыситься" предопределяло стремление офицеров, выходцев из этих слоев, вступать в браки с дочерьми местных помещиков и других "нотаблей", которые, по словам Морено Риваса, отличались "крайне консервативными, реакционными настроениями" ⁸⁸.

Ярая враждебность этой привилегированной группы к политике Народного единства влияла и на позиции части офицерства, связанной с ней родственными узами. Американский социолог Льюис Норо, в частности, этим обстоятельством объясняет жестокие расправы армии с трудящимися в южных сельских районах страны после контрреволюционного переворота ⁸⁹.

Правые всегда стремились представить революционеров, марксистов-ленинцев "орудокоеальными" врагами армии, противниками военных традиций и офицерского корпуса. Так, "Меркурио" писала, что Чили служит подтверждением "старой

⁸⁶ Revista Mexicana de sociologia, 1975, N 3, p.755.

⁸⁷ Ibid., p.756.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Chile--America. Roma, 1975, N 10-11, p.75.

вражды марксизма-ленинизма к профессиональным армиям" ⁹⁰. Рупор реакции утверждал, что коммунисты отремятся под флагом "демократизации" вооруженных сил подорвать их институциональное единство, разложить, а затем и ликвидировать их.

Беззастенчиво льютя военным, "Меркурио" демагогически писала: "Большинство граждан доверяет вооруженным силам и лишь просит их полностью выполнить свою миссию по обеспечению национальной безопасности. Пока вооруженные силы будут сохранять свое моральное единство, дисциплину и независимость, они всегда будут внушать страх марксистам и укреплять уверенность тех, кто стремится достичь прогресса на истинно чилийском пути" ⁹¹.

Следует признать, что в условиях ухудшения экономической ситуации в стране, влияния этого фактора на положение военных, "антимилитаристской пропаганды" ультралевых, контрреволюции удалось спровоцировать антикоммунистические, антимарксистские настроения в армии. "Мы также решительно осуждаем провокационные действия ультралевых, - писала "Сигло" незадолго до переворота, - которые подливают масла в огонь, объективно ододействуют реакции, которая стремится натравить военных против народа" ⁹².

Газета французских коммунистов "Юманите" писала буквально накануне переворота, что реакция нашла себе объективного союзника в лице ультралевых, которые вели ожесточенные нападки на офицерский корпус, толкая даже демократически настроенных военных в оппозицию Народному единству ⁹³. Не случайно также, огласно данным социологической анкеты аргентинского журнала "Эстратегия", антимарксистские настроения в значительной части офицерского корпуса во многом объяснялись

---

⁹⁰ El Mercurio, 1973, 21 mar.

⁹¹ Ibidem.

⁹² El Siglo, 1973, 9 ag.

⁹³ L'Humanite, 1973, 10 sept.

боязнью потери своего социального, профессионального статуса⁹⁴.

В период Народного единства ультралевые группировки претендовали на некий приоритет в разработке "марксистской" политики в отношении вооруженных сил. При этом, оценивая уроки революции, чилийские коммунисты подчеркивали впоследствии, что левая спекулировала на отсутствии систематической и целенаправленной работы правительства Народного единства по разъяснению военным своей политической линии в отношении армии, по ее привлечению на сторону левых сил. Однако в действительности все, что делали левые, придерживаясь своей узкосектантской политики, состояло в том, что их заинтересованность в разработке военного вопроса на деле сводилась к тому, чтобы воспрепятствовать правительству упрочить сотрудничество с конституционалистским крылом вооруженных сил. Все это приводило к провокационным действиям левых против тех представителей военного командования, которые поддерживали Народное единство.

Пропаганда, которую левые пытались проводить в рядах вооруженных сил, по словам коммунистов, ставила своей целью внести раскол в ряды армии, искусственно противопоставляя солдат офицерам как два якобы непримиримых лагеря. "Форма проведения этой пропаганды способствовала деятельности провокаторов и все это в конечном отчете помогло фашистам создать для себя благоприятное соотношение сил с целью осуществить государственный переворот"⁹⁵.

Как заявляли уже после свержения правительства Народного единства генерал Пиночет и другие главы контрреволюционного путча, подготовка к нему началась еще весной 1972 г. В апреле того года военная разведка, в которой весьма сильным было влияние реакционеров, подготовила анализ политической ситуации в стране, придя к выводу, что не существует политического решения тех проблем, перед лицом которых ока-

---

⁹⁴ Estrategia, 1973, N 24, p.56.

⁹⁵ Desde Chile hablan los comunistas, p.216-217.

залась Чили⁹⁶. В такого рода "диагнозе" уже довольно ясно была выражена идея необходимости подготовки государственного переворота руками армии.

Особенно широкий размах деятельность заговорщиков приняла в 1973 г. В июле того года по распоряжению генерала Пиночета военная академия занялась разработкой конкретного плана осуществления государственного переворота, который в целях конспирации получил довольно невинное название "Военная игра по обеспечению внутренней безопасности". Главная же цель этого плана состояла, по признанию Пиночета, в том, чтобы изолировать центр Сантьяго от рабочих районов, блокировать их, воспрепятствовав тем самым трудящимся активно выступить в защиту правительства Народного единства⁹⁷.

Подготовка велась в обстановке строжайшей секретности, о нем знала очень узкая группа высших офицеров во главе с Пиночетом. По признанию последнего, план заговорщиков состоял в том, чтобы, "не вызывая подозрения ... перейти от состояния мира к состоянию войны"⁹⁸.

Прежде всего силы контрреволюции стремились изолировать рабочий класс от других слоев населения, восстановить против него армию. В ход была пущена вся пропагандистская машина реакции. В целях посеять панику у населения, восстановить военных против трудящихся реакционная пропаганда усиленно муссировала слухи о создании Народным единством "параллельных вооруженных сил", призванных заменить профессиональную армию, стать орудием расправы со "средним классом".

Законные меры рабочих, руководства Единого профцентра трудящихся Чили по охране предприятий реакционная пропаганда стремилась представить как якобы желание создать "незаконные вооруженные силы". В своей речи 8 июля 1973 г. Л. Корвалан, разоблачая провокации контрреволюционеров, подчерк-

---

⁹⁶ Presencia. La Paz, 1974, 18 ag.

⁹⁷ Ercilla, 1974, 13 - 19 mar., p.15.

⁹⁸ Presencia, 1974, 18 ag.

нул, что реакция стремится восстановить армию против трудящихся, утверждая, что левые силы взяли курс на ликвидацию профессиональной армии. "Нет, господа! - заявил руководитель коммунистов. - Мы поддерживаем, и будем это делать и впредь, чисто профессиональный характер наших вооруженных сил. Враги последних находятся не в рядах народа, а в лагере реакции"⁹⁹. В то же время коммунисты со всей решительностью выступали против тех, кто "своим безответственным поведением и декларациями, чуждыми методам борьбы рабочего класса и решениям ЕПТЧ, льет воду на мельницу реакции"¹⁰⁰.

Правые, как внутри армии, так и вне ее, стремились использовать в своих целях принятый Национальным конгрессом "Закон о хранении оружия", чтобы еще больше усилить конфронтацию вооруженных сил и рабочего класса. Явно в провокационных целях командование ряда военных соединений в Сантьяго и других городах страны под предлогом проведения в жизнь этого закона производило обыски. Эти операции в духе "военной игры по обеспечению внутренней безопасности" широко афишировались реакционной прессой, которая преподносила вторжение войск на предприятия как свидетельство существования "коммунистического заговора". Иными словами, все делалось для того, чтобы запугать обывателя "красной опасностью", создать обстановку антикоммунистической истерии, представить акции военных как начало антикоммунистического "крестового похода"¹⁰¹.

Компартия, боевые классовые профсоюзы, объединенные в ЕПТЧ, прилагали большие усилия, чтобы сорвать планы реакции, предотвратить дальнейшую конфронтацию вооруженных сил с трудящимися. Руководство ЕПТЧ выступило с изложением своей по-

⁹⁹ Boletín Informativo del Comité Central del Partido Comunista de Chile. Santiago de Chile, julio de 1973, p.10.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ С тревогой отмечал генерал Пратс в своих дневниках, что действия военных приобретают все более явно провокационный характер в отношении трудящихся. - Prats C. Una vida por la legalidad, p.67-68

зиции в отношении проведения в жизнь "Закона о хранении /оружия". Поддерживая этот закон, оно в то же время выразило решительное несогласие с методами его применения, когда он использовался против сторонников конституционного правительства и оставлял безнаказанными вооруженные фашиствующие банды, которые не скрывали своих планов свержения правительства. Подчеркнув всю опасность и коварство провокаций реакции, руководство ЕПТЧ вновь подтвердило стремление бороться за теодное сотрудничество вооруженных сил с трудящимися массами¹⁰². В специально изданных директивах, направленных трудящимся, руководство ЕПТЧ призывало их совместно с вооруженными силами, карабинерами охранять мосты, железные дороги от диверсий контрреволюционеров¹⁰³.

Но как раз такого сотрудничества трудящихся с вооруженными силами больше всего и боялись заговорщики в рядах армии. Они систематически проводили антирабочую, антипрофсоюзную пропаганду, вдалбливая в головы военных такие фальшивые стереотипы, как утверждение о непримиримой враждебности профсоюзов к армии, о "подрывном", "анархистском" характере борьбы рабочего класса и т.д. и т.п.¹⁰⁴.

Немаловажную роль в подготовке контрреволюционного выступления вооруженных сил против правительства Народного единства, бесспорно, сыграло сильное влияние Пентагона на чилийскую армию. Империалистические круги США после прихода к власти правительства Альенде вели политику дальнего прицела в отношении вооруженных сил. Осуществляя подрывную деятельность против Народного единства, стремясь ослабить экономику страны, они в то же время выступали в роли "благодетелей" чилийской армии, продолжая оказывать ей военную "помощь". Об этом достаточно красноречиво говорят цифры. Так,

¹⁰² Boletín Informativo del Comité Central del Partido Comunista de Chile, agosto de 1973, p.20.

¹⁰³ Ibid., p.13.

¹⁰⁴ Sanchez F.R. Reimann Weigert Elisabet. Las fuerzas armadas de Chile. Un caso de penetración imperialista, p.107-108.

в 1973 финансовом году на эту помощь было ассигновано 12,7 млн долл. (сравнить с 3 млн долл. на гражданскую "помощь" в том же году). Еще более крупная сумма - 45,5 млн долл. планировалась на 1974 г. ¹⁰⁵.

США продолжали поставлять чилийской армии вооружение, среди которого были самолеты новых марок. Небезынтересно, что, по американским законам, их можно было передавать другим странам только, если это отвечает "национальной безопасности" Соединенных Штатов. Оправдывая продажу самолетов в Чили, адмирал Раймонд Пит в своем выступлении в сенатской комиссии заявил, что путем таких поставок США укрепляют свои позиции в вооруженных силах Чили ¹⁰⁶.

В течение всего периода пребывания правительства Народного единства у власти продолжалось обучение чилийских военных в североамериканских военных учебных заведениях. Больше того, как подчеркивал бывший посол Народного единства в Китае Армандо Урибе в "Черной книге американского вмешательства во внутренние дела Чили", военное сотрудничество между вооруженными силами США и Чили в 1973 г. стало еще более интенсивным. Буквально накануне переворота шла подготовка к совместным с США военно-морским маневрам "Унитас", под предлогом чего в страну прибыло немалое количество североамериканских военнослужащих ¹⁰⁷.

Незадолго до переворота генерал Пратс, уже будучи в отставке, с глубокой тревогой отмечал в своем дневнике, что влияние США на чилийские вооруженные силы "может сыграть очень негативную роль в будущих событиях" ¹⁰⁸.

Деятельность Пентагона была составной частью общей отра-

---

¹⁰⁵ O Estado de São Paulo, 1973, 12 sept.; "Nacla's Latin America and Empire Report". New York, 1973, N 8, p.8.

¹⁰⁶ Ibid., p.9.

¹⁰⁷ Uribe. Le livre noir de L'Intervention americaine au Chile. Paris, 1974, p.194.

¹⁰⁸ Prats C. Una vida por la legalidad, p.87.

тегии правящих кругов США по "дестабилизации" положения в стране, подрыва позиций правительства Народного единства. Многие факты беззастенчивого американского вмешательства во внутренние дела Чили впоследствии стали достоянием широкой гласности, освещались на страницах мировой печати. Центральное разведывательное управление щедро финансировало все выступления против правительства Народного единства, в частности забастовку владельцев грузовых машин. Также передавались большие суммы денег таким рупорам контрреволюции, как газета "Меркурио". Приводя такие факты, газета "Нью-Йорк таймс" достаточно откровенно писала, что посольство США в Чили считало, что оно "ведет священную войну против Народного единства"¹⁰⁹.

После контрреволюционного переворота военные заговорщики всячески старались уверить, что он-де носил "институционный характер", так как вооруженные силы выступили как единое целое. Один из главарей заговора, генерал Арельяно Старк, даже подвел "теоретическую" базу под это, заявив, что чилийская армия была воспитана "в духе немецкой школы - энергичного и твердого командования"¹¹⁰, что и опособотвовало такому единству. Однако факты говорят о том, что прежде чем добиться такого "единства" главари заговора должны были осуществить настоящий внутренний переворот в самих вооруженных силах. Действительно, заговорщики ставили своей первоочередной задачей убрать из рядов армии сторонников доктрины Шнейдера-Пратса. Реакционная печать с особым ожесточением повела кампанию по дискредитации военачальников, верных правительству Народного единства, которые вошли в начале августа 1973 г. в состав нового правительства.

В это правительство, которое С.Альенде назвал кабинетом "национальной безопасности", вошли командующие всеми родами войск и командующий корпусом карабинеров, которые, пожалуй, за исключением командующего военно-воздушными силами ге-

---

¹⁰⁹ The New York Times, 1974, 20 sept.

¹¹⁰ El Mercurio, 1973, 23 dic.

нерала Руиса, были лояльно настроены по отношению к законному правительству. Однако, когда в вооруженных силах шел быстрый процесс захвата ключевых постов реакционерами, они оказались в уязвимом положении, не могли эффективно воздействовать на армию. Более того, реакционная печать, оппозиционные партии, а также заговорщики в рядах самих вооруженных сил прилагали все усилия, чтобы восстановить армию против военных - членов правительства и их сторонников. Впоследствии генерал Старк признавал, что такой поворот событий не устраивал заговорщиков, поскольку они стремились "сплотить" вооруженные силы ^{III}. На деле же контрреволюционеры в рядах армии боялись генерала Пратса и его сторонников, которые продолжали оставаться препятствием на пути осуществления их планов.

23 августа заговорщики добились важного успеха - отставки генерала К.Пратса (как они впоследствии открыто признавали) ^{II2}. Его место занял генерал Пиночет - один из главных организаторов будущего контрреволюционного переворота. Непосредственной причиной, побудившей генерала Пратса предпринять этот шаг, явилось голосование в Совете генералов, когда из 25 присутствовавших 15 человек выразили своему командующему вотум недоверия ^{II3}. Подавая в отставку, генерал К.Пратс направил письмо С.Альенде, в котором объяснял причины такого шага и вкратце излагал свою позицию в отношении роли вооруженных сил в чилийском обществе.

В условиях социальных преобразований, осуществляемых в Чили, подчеркивал генерал, армия не могла оставаться в стороне от процесса изменений. Поэтому он отремился одновременно со всемерным развитием профессиональной доктрины армии стимулировать участие вооруженных сил в планах по раз-

---

III El Mercurio, 1973, 23 dic.

II2 Об этом заявил генерал Аугусто Луте, признававший, что уход генерала Пратса облегчил государственный переворот. - См. Escilla, 1974, 16-22 en., p.11.

II3 "Veja", 1973, N 263, p.47.

витию страны в соответствии с новой концепцией защиты "гео-экономического суверенитета" страны. Эта позиция, по словам К.Пратса, вызвала к нему ненависть тех, кто хотел любой ценой свергнуть конституционное правительство ^{II4}.

Как подчеркивал К.Прато, он надеялся, что в армии поймут истинные мотивы клеветнической кампании в его адрес. Однако положение складывалось иначе. "На протяжении этих последних дней я смог убедиться, что те, кто меня чернил, сумели повлиять на часть офицерского корпуса армии. Поэтому я считал своим долгом солдата с твердыми принципами не быть причиной и поводом к тому, чтобы институциональная дисциплина была попрана, а правовое государство подорвано. Я также не хочу давать лишний предлог тем, кто стремится свергнуть конституционное правительство" ^{II5}.

Сразу же за отставкой К.Пратса последовала отставка генералов Пикеринга и Марио Сепульведы. Первый занимал пост начальника военных учебных заведений, а второй был командующим военным округом столицы. Оба сыграли большую роль в подавлении "танкасо", были известны своими демократическими взглядами. Отставка этих генералов также довольно ясно говорила о стремлении сохранить "единство" вооруженных сил. Поэтому, например, Пикеринг, заявляя о мотивах своей отставки, выступал против того, чтобы его уход из армии связывали с приверженностью какой-либо политической и идеологической позиции ^{II6}. В то же время он достаточно ясно давал понять, что причиной его отставки были соображения, связанные с оценкой тех "институциональных принципов и принципов доктрины, которыми руководствовались вооруженные силы" ^{II7}. И далее генерал Пикеринг, по сути дела, излагая кредо сторонников доктрины Шнейдера-Пратса, говорил: "Я, как военный, никог-

^{II4} См. Bohemia, 1973, 31 ag.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ La Nación, 1973, 25 ag.

¹¹⁷ Ibidem.

да не нарушал конституционный принцип аполитичности вооруженных сил, и в течение всей моей 31-летней службы я строго соблюдал конституционные законы республики и институционный регламент" 118.

Примерно в то же время без санкции президента был смещен со своего поста командующий военно-морским флотом адмирал Рауль Монтеро. Фактически заправлял всеми делами во флоте ярый антикоммунист адмирал Хосе Торибио Мерино, командующий ключевым военно-морским округом в Вальпараисо. Буквально накануне переворота такая операция была проведена и в корпусе карабинеров, где был незаконно смещен его глава генерал Хосе Мариа Сепульведа.

Чистка охватила все звенья вооруженных сил. "Правые офицеры, — пишет Льюис Норо, — осуществили свою собственную чистку в рядах вооруженных сил" 119. Доктрина Шнейдера-Прагса была выброшена заговорщиками за борт. Вместо нее в вооруженных силах одержала верх крайне реакционная, антикоммунистическая доктрина "внутреннего фронта", которая превращала армию в оккупационную силу собственной страны 120.

Активно расчищали путь контрреволюционному перевороту правые оппозиционные партии. 22 августа конгресс принял специальное обращение к вооруженным силам, в котором говорилось: "Вооруженные силы и корпус карабинеров являются и должны быть по своей сущности гарантией и защитниками всех чилийцев, а не какой-либо одной части нации или какой-либо поли-

---

118 La Nación, 1973, 25 ag.

119 Chile-América, 1975, N 10-11, p.77; этот же автор, ссылаясь на хорошо информированные источники, отмечает, что во время "чистки" погибло 2-3 тысячи представителей вооруженных сил и корпуса карабинеров — Ibid., p.78.

120 Небезынтересно, что после контрреволюционного переворота в Чили была выпущена книга, подготовленная в основном еще в годы Народного единства под названием "Вооруженные силы и национальная безопасность", авторы которой оправдывали право вооруженных сил свергнуть конституционное правительство, попавшее под влияние "коммунизма". Вся книга была пронизана лживой идеей о стремлении коммунистов ликвидировать профессиональную армию.

гической коалиции" ¹²¹. Это был открытый призыв к вооруженным силам выступить против правительства.

Тем временем заговорщики в рядах армии форсировали подготовку государственного переворота, 8 сентября 1973 г. на совещании у Пиночета было вынесено окончательное решение, предусмотрены акции по смещению с командных постов высших офицеров, остававшихся верными правительству, в частности командующего корпусом карабинеров генерала Сепульведы и замена его генералом Мендосой ¹²².

Верхушка контрреволюционного генералитета, испытывая страх перед трудящимися, действовала подлыми, коварными методами. Как признавал впоследствии Пиночет, он обратился с просьбой к правительству произвести передислокацию войск под предлогом предотвращения возможных вылазок противников Народного единства. "На деле же, — цинично откровенничал Пиночет, — эта передислокация дала мне возможность успешно действовать 11 сентября" ¹²³.

Кровавый переворот 11 сентября осуществили вооруженные силы, в командном составе которых возобладали контрреволюционные, антикоммунистические настроения. Контрреволюционная военная верхушка толкнула армию на путь расправы с демократическим движением, трудящимися. В своем последнем обращении к народу, когда заговорщики штурмовали президентский дворец, С.Альенде заявил, что народ рано или поздно, скорее рано, чем поздно, добьется победы. Предателям и фиглярам в военных мундирах он противопоставлял генерала Р.Шнейдера и других военных-патриотов, отдавших свою жизнь за демократические идеалы.

Так, даже в последние, трагические часы своей жизни С.Альенде выражал глубокую уверенность, что, несмотря на все усилия реакции изолировать армию от народа, в будущих

---

¹²¹ El Mercurio, 1973, 16 sept.

¹²² Ercilla, 19-25 dic., p.16.

¹²³ Presencia, 1974, 18 ag.

битвах прогрессивных сил Чили за свободу, социальный прогресс родины вместе со всеми патриотами будут участвовать и те военные, которым не по пути с предателями и контрреволюционерами.

Вооруженные силы в системе военно-фашистской диктатуры

Военная хунта, пришедшая к власти, обрушила на чилийский народ террор и репрессии под флагом борьбы с "международным марксизмом". Контрреволюционеры в военных мундирах заявляли о своей решимости покончить с "раковой опухолью марксизма", положить конец "хаосу" и "анархии"¹²⁴. Реакционная печать, и прежде всего газеты "Меркурио", "Тероера де ла ора", поливала грязью правительство Народного единства, обвиняла его в ликвидации "права собственности", "разжигании классовой борьбы", подрыве "национального единства". Подтверждая право вооруженных сил на свержение законного правительства, "Меркурио" писала, что марксизм является "инородным элементом в национальном организме"¹²⁵. Одним словом, разгул контрреволюционного реваншизма, разжигание ненависти к прогрессивным силам сразу же стали доминирующими в политике военной хунты.

Объявляя состояние "внутренней войны", хунта тем самым узаконивала действия военно-полевых судов, расправы с демократами и патриотами. За короткое время многие тысячи чилийцев были убиты, десятки тысяч брошены в тюрьмы, концентрационные лагеря. Жертвами террора стало немало видных деятелей Народного единства. В тюрьмы и концентрационные лагеря были заключены многие руководители партии, входившие в коалицию

¹²⁴ El Mercurio, 1973, 16 sept., p.6.

¹²⁵ Ibid., 18 sept.

Народное единство. Среди них - Генеральный секретарь КПЧ Л. Корвалан, против которого реакция подняла невиданную кампанию клеветы, стремясь дискредитировать коммунистов и обвинить их в "антипатриотизме".

В Чили воцарилась не просто правая, террористическая диктатура, а режим фашистского типа со свойственными ему политическими и идеологическими методами. "Эта диктатура является формой власти правых, - говорится в обращении чилийских коммунистов к народу (январь 1974 г.). - Она является возвратом к прошлому, к господству крупных семейных кланов. Установленная с помощью силы, она не имеет никаких конституционных ограничений, обладая абсолютной и грубой властью, основанной на вооруженной силе.

Диктатура в Чили - "это - фашистский режим, который душит все проявления демократии, запретил деятельность левых партий, убивает, пытается и бросает в тюрьмы тысячи лучших сынов рабочего класса и народа, уничтожает их организации, проповедует ненависть в отношении трудящихся" ¹²⁶. Эта характеристика полностью оправедлива и сегодня.

Установление военно-фашистского режима в Чили, стране, где развивался процесс глубоких социальных преобразований, свидетельствовало, по словам коммунистов, не о силе, а о слабости капиталистической системы, эксплуататорских классов, которые без колебаний идут на установление террористической диктатуры во имя сохранения или реставрации своих привилегий ¹²⁷.

В свое время немецкий фашизм претендовал на роль лидера в антикоммунистическом мировом "крестовом походе", обрушиваясь с нападками на "западные демократии" за их "неспособность" успешно бороться с "коммунистической угрозой". Ныне на такую роль претендуют чилийские правители, подвергая нападкам политику разрядки международной напряженности.

¹²⁶ L'Humanite, 8.1.1974.

¹²⁷ "К партии и народу Чили. Манифест Коммунистической партии Чили". - "Новое время", 1975, с.26.

Один из главарей хунты, генерал Ли, выступая в аристократическом "Ратари клуб" в апреле 1975 г., прямо-таки в апокалиптических тонах говорил о "красной угрозе" для "свободного мира", о нарастающей "коммунистической агрессии".

Встав в позу чуть ли не антикоммунистического лидера всего "свободного мира", Ли подверг критике "слабеющие западные демократии", "наивные попустительства западного мира", а ООН назвал "послушным орудием в руках советской агрессии" ¹²⁸. Типично в духе фашистской демагогии Ли выступал против транснациональных монополий, обвиняя их в "игнорировании всех ценностей за исключением своих утилитарных целей" ¹²⁹.

Однако это "морализаторство" чилийских фашистов сочетается с самым рабским пресмыкательством перед транснациональными корпорациями, с призывами к США не бросать их на произвол судьбы в борьбе против "международного коммунизма". Это-то и составляет одну из характерных черт "зависимого фашизма", который, критикуя "западные демократии", в то же время всецело от них зависит, не может обладать такой самостоятельностью, как фашизм "классического" типа. Если на международной арене чилийские фашистские пигмеи со своими смехотворными претензиями на лидерство в антикоммунистической борьбе по причинам от них не зависящим ограничиваются ролью "оракула", предсказывающего Западу беды, то внутри страны они берут реванш в борьбе с "подрывными идеями".

Чилийские правители пытаются провести в жизнь планы по ликвидации традиционных институтов "западной демократии", их замене новыми государственными институтами так называемой "органической демократии". Полное отрицание демократии, всех ее проявлений — доминирующая черта политики и идеологии военно-фашистского режима. Для его идеологов характерны не только ненависть к идеям социализма и коммунизма, но и

¹²⁸ Chile-América. Roma, 1975, N 8-9, p.12-13.

¹²⁹ Ibid., p.12.

вражда к идеям буржуазной демократии, либерализма, неприятие их. Генерал Ли, например, обвиняет Запад в том, что его "образ жизни" привел к падению "великих моральных твердынь, которые поддерживали цивилизацию, основанную на великих христианских принципах" ¹³⁰. Причину тому идеологи режима видят во влиянии "пагубных идеологий, которые поставили республику на край гибели" ¹³¹. Отсюда и призывы "деидеологизировать", "деполитизировать" чилийское общество, разрушить традиционную партийную систему.

В идеологии военно-фашистской хунты эклектически соединены ультранационалистические концепции крайне правых кругов чилийской олигархии с их тоской по прошлому, по иерархическому обществу с корпоративистскими концепциями испанского фалангизма, с идеями фашиствующих технократов из "Опус деи", тесно связанных с международными корпорациями. Апелляция к националистическим мифам прошлого у идеологов фашистского режима уживается с ультрамодернизаторскими, технократическими мифами и утопиями. При этом для идеологии чилийских фашистов и близких к ним ультранационалистов из лагеря олигархии характерна, по словам чилийского публициста Хосе Антонио Виейры Гальо, "тотальная контрреволюционность", поскольку они "выступают за изменения существующей исторической реальности с помощью реставрации или реконструкции модернизированного прошлого" ¹³².

Все эти идеологические и политические постулаты режима были откровенно изложены в декларации принципов долгосрочной деятельности военной хунты в марте 1974 г. Хунта выступает под лозунгом отрицания как "тоталитарного марксизма", так и "либерального индивидуализма". Взамен "отживших схем" предлагается "социальная демократия, эффективная и современная", которая, по определению авторов этого документа, ха-

¹³⁰ Chile-América, 1975, N 8-9, p.38.

¹³¹ Ibid., p.17.

¹³² Ibid., p.35.

рактируется авторитарными формами правления, аполитичностью". "Чилийский национализм" провозглашается военной хунтой основой ее политики ¹³³.

Прежняя политическая система объявлялась упраздненной, деятельность политических партий, в том числе и буржуазных, — потерявшей всякий смысл, поскольку они препятствовали "творческому труду нации". Иными словами, враждебными или неприемлемыми для новой политической "модели" общества объявлялись не только коммунистическая, социалистическая и другие левые партии, но и партия христианских демократов, о которой было заявлено, что она не национальная, а "интернационалистская", поскольку, как писала "Меркурио", ее доктрина имела "итальянское происхождение" ¹³⁴. "Тоталитарные концепции отвергают существование какой-либо демократической организации, даже если в ней преобладают интересы буржуазии, — говорится в документе "К партии и народу Чили. Манифест Коммунистической партии Чили" (декабрь 1974 г.). — Полное отрицание демократии в любой форме соответствует сути фашизма, являющегося политическим выражением монополистического капитала, который требует подчинения всего общества интересам меньшинства" ¹³⁵.

Интересам этого меньшинства подчинена и экономическая политика военно-фашистского режима. В этой области особенно отчетливо проявляются характерные черты чилийского "зависимого фашизма", который, на словах кичась своим ультра национализмом, на деле рабски следует рецептам "экспертов" из стран "западной демократии". "Фашисты, — подчеркивают чилийские коммунисты, — выступают за принятие навязанной извне экономической модели, которая должна превратить Чили в страну с высокой концентрацией монополистического капитала, низкой зарплатой и сверхэксплуатацией рабочего класса, открытую

---

¹³³ Chile-América, 1975, N 8-9, p.35.

¹³⁴ El Mercurio, 1974, 10 mar.

¹³⁵ Новое время, 1975, с.28.

для проникновения иностранного капитала; отдавая национальные богатства в руки иностранного капитала, они тешат себя иллюзиями экономического развития" 136.

Займствуя для Чили "бразильское чудо" чилийские правители стремятся взять на вооружение идеи Роберто Кампоса и его сторонников, соединив их с теориями североамериканских экономистов Харбергера и Фридмана — идеологов "чикагской школы". Идеи бразильских технократов и теоретиков "чикагской школы" пришлось чилийским фашистам по вкусу, так как они проповедуют модернизацию и "рационализацию" экономики с помощью таких мер, которые оправдывают усиление эксплуатации трудящихся, накопление капитала любой ценой.

Рецепты "чикагской школы" оказались пригодными для чилийских фашистов и потому, что они под предлогом внедрения в развивающиеся страны принципов "социального рыночного хозяйства" оправдывают широкое проникновение транснациональных монополий в экономику этих стран, почти полный отказ от протекционистских ограничений, защищающих национальную промышленность от иностранной конкуренции.

Импонирует чилийским правителям и апология "свободного предпринимательства", призывы к "приватизации" экономики, которые характерны для идеологов "чикагской школы". С помощью всех этих рецептов чилийский фашистский режим стремится не только укрепить свои позиции, но и покончить одним махом с "наследием прошлого", привязав страну к мировой капиталистической системе.

Достичь этих целей они пытаются с помощью так называемой политики "экономического шока", которая предусматривает овертывание деятельности институтов социального обеспечения, урезывание на эти цели государственных расходов, резкое уменьшение кредитования и другие подобные меры. И все это под предлогом борьбы с инфляцией, перестройки экономики на "рациональных" основах. На деле же эта политика, осуществляемая в интересах межнациональных монополий и местной мо-

---

136 Новое время, 1975, с.27.

нополистической буржуазии, оборачивается усилением эксплуатации, бедствием для трудящихся. Закрываются многие предприятия, рабочие лишаются работы, их выбрасывают на улицу. Уже к весне 1974 г. число безработных приблизилось к полумиллиону, что вместе с членами их семей составило свыше 1 млн человек ¹³⁷.

Безудержный рост стоимости жизни, разгул инфляции при фактически замороженной заработной плате обрекает массы трудящихся на нищенское существование. От экономической политики фашистов страдает не только рабочий класс и трудящиеся. Большие трудности испытывают круги мелкой и средней буржуазии, которые вначале связывали с военной хунтой свои надежды. Ныне многие предприятия, принадлежащие мелким и средним собственникам, закрылись или находятся на грани банкротства. Падение жизненного уровня, потеря перспектив вызывают массовый отъезд из страны специалистов, инженерно-технических и научных работников. По некоторым данным, из Чили уехало уже 25% специалистов этих категорий, что наносит огромный ущерб экономическому и научному потенциалу страны ¹³⁸.

Правящая клика практически ликвидирует государственный сектор, который значительно окреп в годы Народного единства. Уже в 1974 г. в рамках Корпорации развития из 500 государственных предприятий осталось 150, и хунта объявила, что это число будет уменьшено до 20 ¹³⁹.

Социально-экономическая политика хунты в интересах крупного местного и иностранного капитала ведет к обострению социальных, классовых противоречий в стране. Усиливается борьба трудящихся, недовольство выражают и те оилы, которые в начале ее поддерживали. Оказались иллюзорными надежды средних слоев на то, что хунта будет проводить политику в интересах "среднего класса", опираясь на власть гremиос,

---

¹³⁷ Chile-América, 1975, N 8-9, p.23.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ Chile-América, 1975, N 8-9, p.21.

т.е. профессиональных ассоциаций этих слоев. Обостряются противоречия между хунтой и христианской демократией.

Контрреволюционеры в военных мундирах, захватив власть, особое внимание обратили на превращение вооруженных сил в послушное орудие своего господства. Они жестоко расправились с патриотически настроенными военными, изгнали из рядов вооруженных сил негодных им людей. "Много солдат, а также демократически настроенных офицеров, — по словам чилийских коммунистов, — брошено в тюрьмы и расстреляно путчистами" I40.

Растущая изоляция военно-фашистской хунты в стране, отход от нее прежних союзников превращает армию в единственную, по сути дела, опору правящей камарильи. "Надо сказать со всей откровенностью, — заявил генерал Ли, — что в Чили за вооруженными силами — пустота" I41. Поэтому в таких широких масштабах чилийские правители осуществляют политику, направленную на фашизацию вооруженных сил, на создание, по справедливому замечанию Виейры Гальо, "военного фашизма". По его словам, "страна управляется, как казарма. Всячески пропагандируются военные доблести. Военный фашизм осуществляет власть с помощью оружия, а не с помощью партии или гремпиалистских организаций. Отсюда и то привилегированное положение, которое заняли военные в обществе. Таковы характерные черты этого неофашистского варианта режима" I42.

Чилийские коммунисты, характеризуя также политику правящей хунты как "военный фашизм", подчеркивают, что объяснения этому феномену, помимо всего прочего, следует искать в стремлении империализма использовать вооруженные силы зависимых стран в своих собственных интересах I43.

Отличительной чертой чилийского "военного фашизма" яв-

I40 L'Humanite, 8.I.1974.

I41 См. Новое время, 1975, с.28.

I42 Chile-América, 1975, N 8-9, p.41.

I43 Desde Chile hablan los comunistas, p.222-223.

ляется теоретическое сотрудничество его представителей с транснациональными корпорациями, международными элитарно-технократическими организациями типа "Опус деи". Еще в годы Народного единства начали устанавливаться широкие контакты части высшего офицерства с представителями "Опус деи", которые активно внедрялись в политическую жизнь страны, издавали свой журнал "Ке паса".

"Опус деи", — пишет хорошо информированная мексиканская газета "Эль Диа", — нашла своих адептов в Чили в лице крайне правых католических группировок, национальной партии, руководства "Патриа и либертад"; военных кругов, и прежде всего представителей военно-морского флота" ¹⁴⁴.

Правящая клика стремится вытравить из сознания военных все, что связано с национально-патриотическими, демократическими традициями вооруженных сил, с той трактовкой концепции "национальной безопасности", которую давали генерал К.Прато и его сторонники. Идеологи военно-фашистского режима, выражая самые реакционные, националистические концепции олигархических кругов, пропагандируют идеи о "мессианской" роли армии, ее предназначении возглавить "крестовый поход" против "международного коммунизма".

Идеологи теории чилийской исключительности — "чиленидад" заявляют, что вооруженные силы воплощают в себе, как писал правый журнал, орган "Опус деи". "Ке паса", "боевой дух испанских конкистадоров и индейцев арауканов" ¹⁴⁵. Подобная пропаганда контрреволюции имеет вполне определенную цель — насадить в вооруженных силах дух милитаризма, шовинистического национализма. В милитаристском, шовинистическом духе интерпретируется лозунг "единства армии с наро-

---

¹⁴⁴ El Dia, 8.I.1976. Не случайно руководители "Опус деи" стали посредниками в деле оказания международными корпорациями помощи военно-фашистской хунте. Так, в июле 1974 г Чили посетил один из основателей "Опус деи" монсеньор Эскрива Балагер в сопровождении группы экономистов с целью выяснения возможностей расширения иностранных капиталовложений в Чили. — El Dia, 8.I.1976.

¹⁴⁵ Que pasa. Santiago de Chile, 1973, 28 oct., p.1.

дом", будто единство вооруженных сил и есть единство народа Чили" ¹⁴⁶. По утверждению идеологов чилийского милитаризма, "в каждом солдате - сердце чилийца, в каждом чилийце - сердце солдата. "Иными словами, - пишет Виейра Гальо, - эти идеологи стремятся подчеркнуть "военную сущность", которая якобы свойственна характеру каждого чилийца и составляет истинную основу человека, человека высшей категории, которая искажена "первородным грехом сивильности" ¹⁴⁷.

Кумирами фашиствующей реакции стали такие ультраправые идеологи чилийских господствующих классов, как Альберто Эдвардо Вивес, Франсиско Антонио Энсина. Последний, в частности, утверждал, что "готско-баскский элемент", воплощающий в себе ясно выраженные "нордические черты", дал жизнь современной Чили, составил олоу "динамичной аристократии", которой предопределено руководство судьбами страны, нести цивилизацию инертной массе населения ¹⁴⁸.

Последователи Энсина и других идеологов реакционных сил, борясь за влияние над вооруженными силами в период Народного единства, как уже отмечалось, связывали надежды на возрождение "угасающего духа чилийской нации" с вооруженными силами, которые, по их утверждению, должны вернуть народу утерянную "националистическую мистику".

Контрреволюционный переворот возвел теорию чилийской исключительности в ранг чуть ли не официальной идеологии, которая приобрела явно фашистские черты. Не олучайно проповедь "национальной мистики" как проявление сущности упомянутой "теории" в идеологии контрреволюционного режима сочеталась с геополитическими постулатами в фашистском духе о "жизненном пространстве", о "предопределенной миссии нации".

В духе фашистской геополитики в Чили пропагандируется тезис о предопределенности чилийской нации осуществить свой

¹⁴⁶ Qué pasa. Santiago de Chile, 1973, 28 oct., p.1.

¹⁴⁷ Chile-América, 1975, N 8-9, p.41.

¹⁴⁸ Encina F.A. Portales. Introducción a la época de Diego Portales 1830-1848, Santiago de Chile, 1939, t.II, p.193, 198.

"исторический проект" — статья "великой державой" в "Южной части Тихого океана" ¹⁴⁹. Когда-то Пиночет написал книгу о геополитике, которая отличается банальностью и узкоколым доктринерством. Раньше она не вызвала никакого интереса и прошла незамеченной. Теперь же пиночетовское переложение концепций геополитики на "чилийский лад" объявляется чуть ли не высшей государственной мудростью, становится важнейшим компонентом военно-политической доктрины режима.

Характеризуя взгляды правящей клики, чилийские коммунисты отмечают, что ее представители "вытащили из идеологической свалки фашизма уродливые геополитические концепции, превращая их в определяющие "научные" основы для правительственных решений, в основу слепого и высокомерного национализма, чреватого экспансионистскими стремлениями, могущими привести лишь к конфликту с другими странами" ¹⁵⁰.

Военно-политическая доктрина, которую насаждают в вооруженных силах идеологи режима, есть не что иное как симбиоз фашистской геополитики с пентагоновскими теориями "внутреннего фронта", "контрреволюционной войны", с концепцией "идеологических границ".

Эта идеологическая мешанина является основой концепции "национальной безопасности" военно-фашистского режима.

Чилийские правители заявляют, что страна находится в состоянии перманентной войны, отражая агрессию "международного коммунизма", угрожающего "западно-христианской цивилизации". Объявляя армию последним оплотом этой "цивилизации", чилийские правители при этом фальсифицируют позицию коммунистов в отношении вооруженных сил. Они утверждают, как ато, например, делается в "Белой книге", выпущенной вскоре после контрреволюционного путча, что левые силы стремятся разложить вооруженные силы, ликвидировать их ¹⁵¹.

¹⁴⁹ Chile-América, 1975, N 8-9, p.40.

¹⁵⁰ Новое время, 1975, с.26-27.

¹⁵¹ Libro Blanco del cambio de gobierno de Chile. Santiago de Chile, S.A., p.25.

В качестве "весомого" аргумента реакция заявляет о существовании мифического "Плана-Х", разработанного якобы Народным единством, который предусматривал физическое уничтожение офицерского корпуса. Как подчеркивается в переводной статье журнала "Чили-Америка", "мятежные военные уничтожили чилийскую демократию. Единственным реальным и конкретным "Планом-Х" был план, который они провели в жизнь против демократов и народных руководителей" ¹⁵².

С помощью этой демагогии и фальсификации реакция стремится не только беззастенчиво спекулировать на чувстве "профессионального самосохранения" военных, но и создать в армии атмосферу вражды к демократическим силам, поставить ее в положение постоянной конфронтации с народом, связать военных круговой порукой в преступлениях.

В своем обращении к вооруженным силам и карабинерам в ноябре 1974 г. чилийские коммунисты прямо говорили военным, в какую пропасть их толкает фашиствующее командование вооруженных сил: "Что общего имеет безопасность страны с той пропастью ненависти и крови, которая лежит между чилийским народом и вооруженными силами? И ради этой преступной войны народ должен давать огромнейшие суммы на содержание людей и военной техники? Может ли принести честь война против беззащитного народа, против трудящихся, крестьян, бедняков, играющая на руку лишь богатым" ¹⁵³.

Известно, что представители национально-демократического течения в вооруженных силах во главе с генералом Пратсом вкладывали в доктрину "национальной безопасности" патристическое, антиимпериалистическое содержание, выступали в поддержку освободительного движения в других странах Латинской Америки. Ныне же военная камарилья прямо-таки пропитана слепой враждой и ненавистью к освободительному, антиимпериалистическому движению, развивающемуся в странах Латинской Америки.

¹⁵² Chile-América, 1975, № 8-9, p.10.

¹⁵³ См. Латинская Америка, 1975, № 3, с.219.

Вместе с реакционными военными Бразилии, Уругвая, Боливии, Парагвая и ряда других стран чилийские милитаристы выступают за развертывание в масштабах всего континента борьбы против "подрывной деятельности". Так, на совещании стран-участниц межамериканской военной системы в Монтевидео в октябре 1974 г. представитель Чили генерал Альварес обрушился с нападками на "некоторые правительства и вооруженные силы континента", которые, как он заявил, "способствовали установлению социализированных режимов", проявляли "колебания" и "слабости" перед лицом "коммунистической агрессии" ¹⁵⁴.

Заявление генерала было нацелено против революционного процесса в Перу, антиимпериалистической ориентации вооруженных сил. В свете подобного рода деклараций становится ясным смысл антиперуанской пропаганды, развязанной чилийской прессой после захвата власти военно-фашистской хунтой. Распускались провокационные слухи об "инfiltrации" Советского Союза и Кубы в перуанские вооруженные силы, об угрозе в связи с этим национальным интересам Чили. Так, фашиствующая газета "Терсера де ла ора" писала в феврале 1974 г., что Перу превратилась в "плацдарм марксизма" ¹⁵⁵. А "Меркурио" утверждала, будто Перу используется в качестве плацдарма для агрессивных действий против своих соседей, особенно Чили, которая избрала свободу" ¹⁵⁶.

Под предлогом коммунистической угрозы в Чили усиленно проводится милитаризация страны, осуществляется перевооружение армии. Чили приобретает новейшее вооружение у Соединенных Штатов, активно снабжают страну оружием и правящие круги Бразилии.

С помощью милитаризации и гонки вооружения военно-фашистский режим превращает Чили в гигантскую казарму, где всем заправляют вооруженные силы, которые, как заявляют главари

---

¹⁵⁴ Unidad, 1975, 5 nov.; "La Prensa", 1975, 24 oct.

¹⁵⁵ Цит. по: Comercio exterior, 1975, N 7, p.742.

¹⁵⁶ Ibidem.

режима, являются как никогда монолитными. Однако такие заявления далеки от действительности. Несмотря на то что фашиствующему командованию удалось поставить вооруженные силы как институт на службу реакции, в их рядах в различной форме проявляется недовольство, обостряются противоречия. "Многие военные, — заявил в своем выступлении на XXV съезде КПСС член Политической Комиссии Центрального Комитета Коммунистической партии Чили Америко Соррилья, — не хотят выполнять роль палачей народа, навязанную им фашизмом" ¹⁵⁷. Свидетельством роста недовольства в рядах вооруженных сил могут служить непрекращающиеся военно-полевые суды и увольнения из армии.

Страхась усиления оппозиционных настроений в рядах армии, клика Пиночета организовала в октябре 1974 г. убийство генерала Карлоса Пратса, жившего в Аргентине в эмиграции. Дело в том, что некоторые чилийские военные воспринимали патриотическую позицию Пратса как выход из тупика, как возможность спасти армию от моральной и профессиональной деградации, на которую ее обрекла хунта, возродить национально-демократические традиции в армии. "В военных казармах чилийских вооруженных сил, — говорится в заявлении члена руководства компартии В.Тейтельбойма в связи с убийством генерала-патриота, — все больше распространялось убеждение, которое могло бы возродить честь армии — "Прато был прав!" ¹⁵⁸. Вот почему убийство Пратса вызвало возмущение в рядах вооруженных сил, заставило все большее число военных задуматься о путях выхода из кризиса, в который ввергла страну военно-фашистская диктатура. "Эти факты говорят о том, — подчеркивалось в "Манифесте Коммунистической партии Чили", — что фашизму не удастся искоренить чувства подлинного патриотизма в сердцах тысяч военнослужащих, особенно после того, как хунта совершила отвратительное преступление против генерала Пратса и его супруги. Именно такие

¹⁵⁷ Правда, 28.П.1976.

¹⁵⁸ L'Unita, 11.X.1974.

люди, как Прате и Шнейдер, павшие от рук фашистов, указывают нам другой путь" ¹⁵⁹.

Обострились противоречия и в самой военной верхушке, свидетельством чего явился вывод из военной хунты генерала Ли, увольнение из армии ряда генералов, полковников. Кризис в верхах происходит в условиях роста недовольства в военной среде антинациональной политикой режима. Активизируют свою деятельность "Организация демократических военных Чили" (создана за рубежом в августе 1976 г.). Руководство организации военных-патриотов заявляет о своем стремлении бороться за независимую, свободную и народную Чили, за глубокую демократизацию вооруженных сил, чтобы они могли стать гарантом антифашистских и революционных преобразований ¹⁶⁰.

Выступая на пленуме ЦК Компартии Чили (август 1977 г.), Л. Корвалан с особой силой подчеркнул, что, несмотря на все свои старания, главарям хунты не удалось ликвидировать оппозиционные силы и настроения в рядах вооруженных сил. В них существуют демократические течения, представители которых отвергают антинациональную политику военно-фашистской хунты. Особое значение, как отметил руководитель чилийских коммунистов, приобретает в современных условиях союз рабочего класса и народных масс с демократическими и патриотическими течениями в вооруженных силах в борьбе против тирании ¹⁶¹. Такой союз может стать важным фактором в создании патриотического, антифашистского фронта, победа которого откроет путь к обновленной чилийской демократии.

---

¹⁵⁹ Новое время, 1959, с.30.

¹⁶⁰ Nuestra plataforma de una acción nacional y revolucionaria de los militares democráticos de Chile. Amsterdam, 1976, p.1-2.

¹⁶¹ Informe al Pleno, de agosto de 1977 del Comité Central del Partido Comunista de Chile, rendido por su secretario general, compañero Luis Corvalán, p.67-68.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УРУГВАЯ: ОТ «ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ» К ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЕ

Превращение вооруженных сил Уругвая в важный политический фактор в жизни страны в конце 60-х – начале 70-х годов был расценен уругвайскими и иностранными социологами и политологами как главное свидетельство "латиноамериканизации" этой страны. Дело в том, что еще до сравнительно недавнего времени было своего рода стереотипом буржуазной прессы, "академической" науки характеризовать Уругвай как "Швейцарию Латинской Америки", которая якобы была ограждена от социальных бурь, бушевавших в латиноамериканских странах.

В качестве одного из главных доказательств приводился статус уругвайской армии, которая считалась сугубо "аполитичной", занимающей скромное, чуть ли не декоративное место в жизни уругвайского общества. "Если бы в течение последних 25 лет, – писал уругвайский публицист и политический деятель Эктор Гутьеррес Руис, – любого жителя страны спросили бы об его мнении относительно роли вооруженных сил в жизни уругвайского общества, то вне всякого сомнения 90% всех опрошенных ответили бы в традиционном духе, отведя им второстепенную роль в национальных судьбах, или даже сведя ее практически к чисто декоративным функциям. Теперь же наверняка такой же процент опрошенных ответил бы на этот вопрос в совершенно ином духе, и хотя ответы могли бы быть не ясными и не вполне убедительными, каждый уругваец поставил бы под сомне-

ние то, что раньше принималось за абсолютную истину: место армии в казармах" ¹.

Действительно, в течение многих десятилетий уругвайская армия занимала незаметное место в политической системе, созданной в стране. Ее миссия была ограничена сугубо профессиональными функциями, традиционными задачами охраны границ. "Аполитичность" армии, культ сивилизма считались своего рода неизблемыми основами уругвайского общества. "Никто из военных, который в те годы захотел бы выступить в роли спасителя отечества, — пишет уругвайский социолог Карлос Баньяло, — не нашел бы благоприятных условий для успеха своей авантюры" ².

Своего рода "уникальность" положения Уругвая в Южной Америке в этом плане объяснялась особенностями той политической системы, которая создавалась в стране на протяжении длительного времени под руководством видного государственного деятеля Батлье-и-Ордоньеса, а после его смерти (1929 г.) сторонниками батльеистской политики, объединившимися в партию "Колорадо".

Особенность политики Батлье-и-Ордоньеса, как пишет уругвайский социолог Лилян де Рис, заключалась в том, что городская буржуазия, осуществив ряд реформ по модернизации страны и пойдя на компромисс с аграрно-латифундистскими кругами, добилась относительно прочной политической и социальной стабильности в стране ³.

---

¹ Estrategia, noviembre-diciembre de 1972 - enero-febrero de 1973, N 19-20, p.17.

² Aportes, 1968, N 9, p.36.

³ Revista Latinoamericana de Sociología, 1970, N 3, p.422.

В этих условиях, по словам Лилиан де Рис, вооруженным силам страны была отведена роль чисто профессионального, "аполитичного" института, причем в наиболее классическом его варианте, поскольку на армию в отличие от других латиноамериканских стран не была даже возложена задача быть гарантом стабильности государственных институтов ⁴.

Показательно, что и в моменты кризиса (например, во время государственных переворотов 1933 и 1942 гг.) господствующие классы использовали в своих интересах полицейские силы, оставляя в стороне армию. "С представлением о вооруженных силах как "аполитичных" и сугубо профессиональных, — пишет Л. де Рис, — резко контрастировало представление о миссии полицейских сил, которые выступали гарантом и охранителем системы" ⁵.

Положение стало меняться с конца 50-х годов, когда социально-политическая система начала давать все большие трещины, обнаруживать свою неэффективность и непрочность. Проявлением этого кризиса явились обострение классовых, социальных противоречий, борьба в рядах господствующих политических сил.

В течение долгого времени господствующим классам, обладавшим всей полнотой государственной власти, удавалось смягчать классовые, социальные противоречия в стране, решать их более или менее безболезненно в рамках существующей системы. Подобной политике способствовали такие благоприятные факторы, как достаточно высокие темпы экономического развития в первое десятилетие после окончания второй мировой войны, война в Корее, принесшая большие прибыли гоо-

⁴ Revista Latinoamericana de Sociología, 1970, № 3, p.424.

⁵ Ibid., p.426.

подстужим классам, что позволяло им проводить политику социального маневрирования, сохраняя более или менее приличные условия жизни трудящихся, средних слоев населения.

Однако кризисные явления, наметившиеся в стране с середины 50-х годов, в корне меняют положение. В основе этого кризиса, как и во многих других латиноамериканских странах, лежит глубокий кризис импортзамещающей индустриализации, которая, хотя временно и способствовала росту темпов экономического развития, не сопровождалась какими-либо глубокими социальными преобразованиями, укреплением экономической независимости, сохраняя деформированный характер уругвайской экономики.

Начавшийся в стране кризис проявлялся в резком падении промышленного производства, которое в период 1945-1955 гг. возрастало ежегодно на 8,5%, а со второй половины 50-х годов всего на 0,3%. Резко снизился прирост валового внутреннего продукта, который в период 1957-1959 гг. упал на 6,3%⁶.

В условиях обостряющегося кризиса господствующие классы стремились переложить всю его тяжесть на плечи трудящихся, сохраняя высокие прибыли буржуазно-помещичьих группировок путем перераспределения национального дохода в их пользу. Эта политика встречала растущее сопротивление трудящихся масс, рабочего класса, численность которого быстро росла, а с нею росло и его влияние на жизнь уругвайского общества. С 1930 по 1960 г. число лиц наемного труда в самостоятельном населении возросло с 39,7% до 77,6% (численность государственных служащих увеличилась на 26%, численность рабочих - на 12%)⁷.

---

⁶ Revista Latinoamericana de Sociología, 1970, N 3, p.426-427.

⁷ Ibid., p.427.

Кризис ухудшил положение не только рабочего класса, но и средних слоев, способствуя радикализации их позиций. Особенно это коснулось различных категорий служащих, которые стали все более активно включаться в освободительное движение.

Руководитель уругвайских коммунистов Родней Арисменди, характеризуя влияние кризиса на средние слои населения, подчеркнул, что если раньше, скажем, банковский служащий считался классическим представителем категории "белых воротничков" и сторонником реформистских профсоюзов, то теперь он "превратился в исключительно важную силу революции"⁸. Также дело обстоит, по его словам, и со школьными учителями. Обычно их изображали как олицетворение заурядности и умеренности. Теперь же они "стали важной силой революционного процесса"⁹. И было бы наивно думать, замечает Р.Арисменди, что классовая борьба остановилась у "ворот военных казарм"¹⁰.

Какими же были вооруженные силы на пороге своего активного вмешательства в политическую жизнь страны? Низкая социальная престижность военной профессии, связанная в первую очередь с положением армии в обществе, наложила печать своего влияния на офицерский корпус. Военной профессией пренебрегали не только представители привилегированных классов, но и зажиточные группы средних слоев населения, которые выбирали более престижную с точки зрения социального статуса карьеру. В своем подавляющем большинстве профессиональные военные кадры рекрутировались из представителей малоzaжиточных групп средних слоев населения. Материальное положение уругвайских военных было далеко не блестящим. Даже офицеры

---

⁸ Estudios, 1973, N 67, p.10.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

высоких рангов получали, как правило, меньше, чем начинающий администратор в какой-либо частной компании ¹¹.

Уругвайские военные не представляли для крупного бизнеса, как местного, так и иностранного интереса с точки зрения привлечения их в управление компаниями, акционерными обществами. "Уругвайские военные, — пишет социолог Карлос Баньялес, — не занимают каких-либо ключевых позиций в обществе, не обладают таким влиянием и связями, которые имеются в соседних странах, чтобы сделать их объектом внимания со стороны частных предпринимателей" ¹².

В то же время вооруженные силы Уругвая обладали высокой степенью профессиональной подготовки. Это объяснялось как самим положением армии в обществе, которое позволяло военным сосредотачивать все внимание на совершенствовании своего профессионального умения, так и тем фактом, что для военных, выходцев из малозажиточных слоев населения, военная профессия была единственным средством утвердить себя в обществе, доказать ее престижность и даже преимущество по сравнению с другими профессиями.

Процесс политизации вооруженных сил стал особенно интенсивно развиваться с конца 50-х — начала 60-х годов, что, помимо углубления структурного кризиса общества страны, было связано и с обострением противоречий в рядах правящих классов, с разрывом традиционного альянса между промышленной буржуазией и латифундистско-помещичьей олигархией. Приход к власти в 1959 г. партии "Бланко", выражавшей интересы сельской фракции господствующих классов, свидетельствовал об обострении противоречий в их рядах. Именно тогда партии "Колорадо" и "Бланко", отбросив в сторону тезис об "аполитичной армии", стали вербовать себе сторонников в ее рядах, иными словами начали втягивать военных в политику.

В вооруженных силах все более определенно брала верх тенденция к превращению армии в своеобразную "автономную"

---

¹¹ Aportes, 1968, N 9, p.40.

¹² Ibidem.

силу в политической системе (что, как мы видели, наблюдалось в некоторых других странах) которая начинала играть роль "надклассового" арбитра в политических схватках, социальных конфликтах. Ряд факторов как объективного, так и субъективного порядка способствовал этому процессу. Немаловажную роль тут сыграло усиление влияния Пентагона, его внешне-политической, контрреволюционной доктрины на уругвайскую армию. Еще в 1953 г. был подписан двусторонний военный пакт между США и Уругваем, который поставил уругвайскую армию под контроль Пентагона.

Американская политика оказала крайне отрицательное влияние на развитие вооруженных сил страны. В результате вмешательства Пентагона были ликвидированы планы по созданию национальной военной промышленности. Все снабжение уругвайской армии военной техникой было поставлено под полный контроль Пентагона. Под его же контролем осуществлялась переподготовка уругвайских военных ¹³.

С конца 50-х - начала 60-х годов давление Пентагона на уругвайскую армию, как и на армии других латиноамериканских стран, шло по линии их превращения в орудие подавления освободительного движения, борьбы с "подрывной деятельностью". По словам уругвайского социолога Карлоса Рамы, на Уругвай оказывалось сильнейшее давление со стороны тогдашних военных режимов Бразилии и Аргентины, которые угрожали совершить даже интервенцию в страну, если она окажется не в состоянии собственными силами справиться с "подрывной деятельностью" ¹⁴.

Открытое империалистическое вмешательство во внутренние дела армии обострило борьбу течений в её рядах. Тради-

---

¹³ В американских военных училищах за период 1946-1970 гг. подготовку прошли 1723 уругвайских военных.

¹⁴ Cuadernos Americanos, 1973, N 4, p.10.

ционные "конституционалисты" в вооруженных силах продолжали стоять на позициях "аполитичности" армии, выступали против ее политизации.

На первый взгляд на таких же "конституционалистских" позициях стояли представители патриотического течения, которые резко выступали против подчинения вооруженных сил Пентагону, его военно-политической доктрине. Однако эта позиция отражала стремление патриотически настроенных военных, прежде всего из рядов молодого офицерства, воспрепятствовать превращению армии в орудие борьбы с народными массами во имя защиты интересов иностранных монополий и местной олигархии.

Прежде чем в вооруженных силах успели окончательно выкристаллизоваться различные течения и тенденции, армия была втянута в самую гущу политических событий, что поставило ее перед лицом сложнейших проблем внутриполитической жизни. Особенность вторжения уругвайской армии на политическую авансцену заключалась в том, что именно сами господствующие классы, еще до недавнего времени заявлявшие о своей приверженности к ее "аполитичности", вывели, так сказать, вооруженные силы из казарм, чтобы бросить их на подавление борьбы трудящихся.

Использование армии в борьбе против народных выступлений усилилось с конца 60-х годов. Правительство президента Хорхе Пачеко Ареко насильственно мобилизовывало в армию баствующих студентов, превращало военных в своего рода надсмотрщиков над банковскими служащими, чтобы сломить их волю к борьбе.

Конфронтация правящих кругов с Движением национального освобождения (тупамарос) еще больше усилила вмешательство армии в политику. Деятельность тупамарос, которые избрали в качестве основного метода борьбы городскую партизанскую войну (налеты на банки, похищения, индивидуальный террор, действия небольших групп-боевиков), резко противоречила борьбе массовых демократических организаций, профсоюзов.

Прогрессивные силы, в рядах которых крепло влияние компартии, осуществляли политику мобилизации народных масс, боролись за создание освободительной антиимпериалистической коалиции, которая оформилась в стране в начале 1971 г., получив название Широкий фронт.

Широкий фронт добился заметных успехов на президентских и парламентских выборах в ноябре 1971 г. — он получил 20% всех голосов. Фронт оказался второй по количеству поданных голосов политической силой в Монтевидео. "Несмотря на поражение на выборах, — подчеркивает Родней Арисменди, — Широкий фронт вышел из избирательной кампании всего через 9 месяцев после своего рождения как могучая сила, имеющая общенациональное влияние, как альтернатива власти благодаря своей программе, своим корням в массах и своим боевым связям с пролетариатом и прогрессивными слоями населения"¹⁵.

В этих условиях деятельность тупамарос, несмотря на героизм и личную честность многих участников движения, наносила ущерб освободительному движению в стране, распыляла его силы. Кроме того, настроения вульгарного антимиитаризма, характерные для тупамарос, играли на руку правящим кругам страны, которые отождествляли взгляды ультралевых с позицией компартии и других прогрессивных сил, стремились внушить военным, что приход к власти левых сил приведет к ликвидации профессиональной армии, замене ее рабочей милицией.

К началу 70-х годов роль армии в уругвайском обществе еще больше возросла. Неспособность правящих кругов силами полиции справиться с тупамарос постепенно привела к фактической передаче всей полноты власти в руки вооруженных сил. В сентябре 1971 г. правительство Пачеко Ареко передало руководство борьбой с "подрывной деятельностью" в руки армейского командования, подчинив ему полицию.

В декабре 1971 г. была создана хунта командующих всеми родами войск, которая, по словам Карлоса Рамы, стала "эмбри-

---

¹⁵ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973, с.558.

оном параллельной военной власти" ¹⁶. В апреле 1972 г. уругвайский парламент одобрил закон о введении в стране "состояния внутренней войны", что повлекло за собой сосредоточение в руках армии широких функций гражданской администрации. Военные получали право создавать собственные трибуналы для суда над арестованными, казармы превращались в тюрьмы, возникали военные концентрационные лагеря.

Под предлогом борьбы с тупамарос резко увеличились государственные расходы на армию. К 1972 г. численность армии, полиции, специальных соединений увеличилась до 50 тыс. (12 тыс. человек в 1960 г.), а на их содержание предназначалось около 1/4 всего национального бюджета ¹⁷. Участие армии в борьбе против "подрывной деятельности" создало благоприятные условия для расширения североамериканского влияния на вооруженные силы как с помощью щедрых кредитов на их перевооружение, так и путем посылки военных экспертов и советников.

Политика правящих классов по превращению армии в карательные отряды по борьбе с освободительным движением вызвала резкое противодействие со стороны демократически настроенных военных. С особой ясностью эти настроения в конце 60-х годов проявились в деятельности генерала Либеры Сереньи и его сторонников. Один из образованнейших генералов уругвайской армии, человек прогрессивных взглядов, Л.Сереньи командовал войсками первой военной зоны, штаб-квартира которой находилась в Монтевидео. В мае 1968 г. он в знак протеста против подавления армией выступлений студентов и государственных служащих подал в отставку.

Позиция генерала Л.Сереньи была поддержана молодыми офицерами первой военной зоны, которые в открытом письме обвинили правительство в поддержке "ультраконсервативных" течений в армии, враждебных народу ¹⁸. Впоследствии генерал

¹⁶ Cuadernos Americanos, 1973, N 4, p.82.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Revista Latinoamericana de Sociología, 1970, N 3, p.433.

Л.Серенъи стал председателем Широкого фронта, был выдвинут от него кандидатом в президенты во время выборов 1971 г. Видную роль в Широком фронте сыграли его единомышленники генерал Виктор Ликандро, полковник Карлос Суффриатеги.

Глубокая озабоченность патриотически настроенных военных превращением вооруженных сил в карательные соединения по подавлению народных выступлений была тем более обоснованной, что в армии все явственнее выступали на первый план негативные, антинародные тенденции. Это проявилось, например, в том, что часть военных, возмнив себя вершителями судеб страны, жестоко расправлялась с бастующими, глумилась над арестованными.

В 1972 г. репрессии, осуществляемые армией и полицией, достигли таких масштабов — в течение года подверглись арестам свыше 20 тыс. человек — что они, по словам К.Рамы, не имели себе равных в Латинской Америке, если учитывать размеры страны и численность ее населения ¹⁹.

Использование армии в репрессивных целях, ее фактическое превращение в параллельную политическую власть, повлекли за собой большие изменения в вооруженных силах. В условиях глубокого кризиса уругвайского общества армия превращалась, о чем говорилось выше, в относительно автономную силу, стала играть роль арбитра в политической жизни страны.

Однако знакомство военных с различными сторонами национальной жизни, с положением и борьбой различных социальных сил способствовало более полному осознанию ими того факта, что страна переживает глубокий кризис, который охватил как экономические, так и политические структуры. Иными словами, борьба с "подрывной деятельностью" позволила военным обнаружить, что причины глубокого кризиса страны отнюдь не вызваны борьбой левых сил, или городской герильи.

Военные все больше осознавали, что вся социально-эко-

---

¹⁹ Cuadernos Americanos, 1973, N 4, p.82.

номическая, политическая система переживает глубокий кризис, коррупция и продажность разъедают правящие группировки. По словам генерала Л.Сереньи, именно это обстоятельство "позволяет военным осознавать тот факт, что помимо обычной подрывной деятельности существует деятельность не менее глубокая и опасная, пожалуй, более пагубная для интересов страны и народа" ²⁰. Именно все эти факторы и обстоятельства способствовали быстрому процессу политизации военных, превращению армии в армию, так сказать, митингующую и рассуждающую.

Этим объясняется тот факт, что к неудовольствию правящих кругов в вооруженных силах активно стали обсуждаться проблемы, связанные с причинами национального кризиса, путями выхода из него. Так, члены военно-морского клуба на своей ассамблее в августе 1972 г. приняли специальную резолюцию, осуждающую такие формы подрывной деятельности, как "эксплуатация национальной экономики", "узурпирование у народа результатов его труда", "моральная, административная и политическая коррупция", "вздувание цен и спекуляция в ущерб народу", деятельность "по подрыву национального суверенитета" ²¹. С не менее знаменательными заявлениями выступил 23 сентября 1973 г. представитель военно-воздушных сил бригадир Хауме, который в число врагов уругвайского народа, помимо тупамарос, включил "спекулянтов, ростовщиков, контрабандистов, расхитителей государственной казны" ²².

Дело не ограничивалось только словесным осуждением коррупции, разгула спекуляции. Представители армии явились инициаторами ряда громких расследований неблагоприятных действий представителей государственного аппарата, лидеров буржуазной партии. Карлос Рама, характеризуя эту деятельность военных, подчеркивает, что вооруженные силы как

²⁰ *Visión*, 1973, 10 mar., p.28.

²¹ *Cuadernos Americanos*, 1973, N 4, p.83.

²² *Ibidem*.

бы превратились в "выразителя весьма типичных стремлений и интересов среднего класса, из рядов которого рекрутируются офицерские кадры". Действительно, как и в других латиноамериканских странах, выступления уругвайских военных против коррупции, "продажных политиков" являлись, бесспорно, специфическим отражением в армейской среде настроений средних слоев населения.

Как в Уругвае, так и в других странах Латинской Америки, результаты "антикоррупционной" деятельности военных были далеко неоднозначны. Для части уругвайских военных борьба за "оздоровление" общества, была, так сказать, ступенькой на пути превращения в гегемонистскую силу в политике под флагом "мессоизма", "провиденциализма" вооруженных сил. Как правило, это были антинародные, антикоммунистически настроенные военные круги, хотя влияние "мессоизма" концепции армии затрагивало и патриотические течения в вооруженных силах.

Для представителей этих течений было характерно стремление связать борьбу с коррупцией, разложением государственного аппарата с преобразованиями старых, анахроничных структур уругвайского общества в интересах народных масс.

Во время февральских событий 1973 г. эти сложные, противоречивые процессы в армии как бы выплеснулись наружу, обнаружив со всей очевидностью, что бурная политизация вооруженных сил теснейшим образом связана с углублением кризиса уругвайского общества.

Непосредственной причиной вступления вооруженных сил на политическую арену со своей собственной программой послужило назначение нового военного министра. Военные возражали против такого назначения, заявляя, что военный министр тесно связан с "традиционными политиками", не отвечает профессиональным требованиям.

За короткое время (9-10 февраля) вооруженные силы выпустили так называемые коммюнике № 4 и № 7,

в которых излагалась позиция военных²³. Представители армии заявляли, что "вооруженные силы не хотели возвращаться назад, к той уже канувшей в прошлое эпохе, когда они были вооруженной рукой экономических и политических группировок"²⁴.

В коммюнике излагался также целый ряд мер, которые предлагали военные, чтобы вывести страну из кризиса. Они выступали за улучшение жизни неимущих слоев населения путем ликвидации безработицы с помощью разработки планов развития, создания новых рабочих мест, перераспределения земельной собственности, осуществления новой политики в области цен и заработной платы, резкого улучшения системы здравоохранения.

В коммюнике выдвигались требования развернуть "решительную борьбу с противозаконной деятельностью в области экономики, с коррупцией". В области внешней торговли и политики авторы коммюнике выступали за стимулирование экспорта, уменьшение внешней задолженности путем отказа от излишних расходов, реорганизации дипломатической службы.

Военные выступали за "искоренение всех форм подрывной деятельности, от которых страдает страна, путем установления соответствующего законодательства в целях контроля за ней и применения санкций против нее". Проведение в жизнь этой программы гарантировалось при условии передачи ключевых позиций в государственном секторе под контроль военных.

Вооруженные силы, говорилось в коммюнике, не будут вмешиваться в профсоюзные и студенческие выступления, за исключением тех случаев, когда их масштабы могут создать угрозу для безопасности страны. Одновременно указывалось на необ-

---

²³ Коммюнике № 4 не было подписано представителями военно-морских сил, поскольку вначале флот занимал "конституционалистские" позиции невмешательства вооруженных сил в политику.

²⁴ *Visión*, 1973, 10 mar., p.27.

ходимость воспрепятствовать проникновению чуждой "уругвайским традициям марксистско-ленинской доктрины и философии и вербовке ее сторонников" ²⁵.

Как видно из простого перечисления требований, в коммюнике содержались как позитивные меры, так и негативные. Именно так оценили эти программные заявления партии (компартия, соцпартия, христианско-демократическая), входящие в Широкий фронт.

Со специальным заявлением по поводу программы военных выступила компартия. По мнению коммунистов, многие требования, оодержающиеся в коммюнике, отвечали национальным интересам, и "проведение их в жизнь открыло бы благоприятные перспективы для выхода страны из кризиса" ²⁶. В то же время коммунисты отмечали слабость программы, ее противоречия; в частности, это относилось к недостаточно решительному разоблачению деятельности империалистических монополий, местной олигархии, расплывчатой, неопределенной постановке вопроса о политических свободах, профсоюзных правах.

С особым беспокойством отмечали коммунисты прелубежденность и недоверие военных в отношении рабочего класса, предрассудки и враждебность к революционной, пролетарской теории. Обращаясь к военным, коммунисты подчеркивали, что "рабочий класс и его авангард, вдохновляясь идеями марксизма-ленинизма, всегда находились в первых рядах борьбы за глубокие преобразования, и поэтому существует объективное совпадение их взглядов со многими требованиями, с которыми выступают вооруженные силы, особенно с идеалами Артигаса" ²⁷.

Это был призыв к патриотически настроенным военным выступить вместе с трудящимися, народными массами в борьбе против олигархии, за обновление родины. Иными словами, такая позиция коммунистов означала, что они ясно осознавали не-

---

²⁵ Cuadernos Americanos, 1973, N 4, p.86.

²⁶ Marcha, 1973, 16 febr., p.4.

²⁷ Ibidem.

обходимость борьбы за армию, привлечения ее на сторону народа, призывали включиться в эту борьбу все прогрессивные антиимпериалистические силы. Поэтому они решительно выступили против односторонних, неверных теорий и концепций в отношении вооруженных сил.

Коммунисты не раз указывали на большой вред "вульгарного антимилитаризма", отождествляющего всех военных с олигархией, что затрудняло борьбу за единство действий всех патриотических сил. В то же время они настойчиво говорили об опасности военного патернализма, который пренебрегал поддержкой народных масс, стремился исключительно силами армии решать сложные социальные и политические проблемы страны.

Принципиальная, боевая позиция уругвайских коммунистов приобретала тем большее значение, что олигархия отнюдь не собиралась складывать оружия, стремилась не допустить союза армии с народом.

Как весьма тревожный факт, уругвайские коммунисты отмечали, что февральский кризис не привел к устранению от власти президента Бордаберри, выразителя интересов самых реакционных кругов уругвайской олигархии. Поэтому февральское выступление армии далеко не ответило на вопрос об исходе борьбы народных масс и патриотически настроенных военных с олигархией.

Из февральского кризиса армия бесспорно вышла неизмеримо усилившей свои позиции в политическом плане. Военные заняли ключевые посты в правительстве, по их требованию был создан Совет национальной безопасности, который стал своего рода высшей инстанцией, контролирующей экономическую и политическую жизнь страны. Однако, укрепившись у власти, военные отнюдь не проявляли желания начать проведение в жизнь обнародованной в феврале программы социально-экономических преобразований. Больше того, последующие коммунисты овидетельствовали о том, что военные отошли от своей февральской программы и прежде всего от ее социального содержания, глубины и масштабности поставленных проблем.

В этих коммунисты лишь обличала коррупция, подверга-

лись нападкам политические партии, парламент и в то же время обходилась молчанием проблема борьбы с засильем олигархии, империализма в стране. Больше того, представители военного командования усилили нападки на профсоюзы, рабочий класс, недвусмысленно давая понять, что ни о каком союзе армии с трудящимися не может идти и речи ²⁸. Вместо конструктивного диалога, который предлагал военным Национальный конвент трудящихся для поиска путей выхода из кризиса, военное командование явно проявляло стремление проводить политику патерналистской опеки над рабочим движением, установить контроль над профсоюзами.

Подобную эволюцию в позиции вооруженных сил нельзя сводить к однозначным причинам. Здесь сыграло свою роль отсутствие у вооруженных сил какой-либо обстоятельно разработанной патриотической военно-политической доктрины, что давало возможность правым в армии и вне ее небезуспешно манипулировать националистическими лозунгами "спасения родины", "вывода страны из социального, экономического, политического кризиса". Все это вносило идеологическую сумятицу в ряды вооруженных сил. Активно использовала реакция в своих интересах и левацкие лозунги "вульгарного антимилитаризма", чтобы восстановить военных против левых сил, "институционно" их сплотить под флагом антикоммунизма.

Надо указать, что это стремление к сохранению "институционального единства" в армии на антинародной платформе, как показало дальнейшее развитие событий, стало одним из важных факторов сохранения олигархией своих позиций.

В подобном развитии послефевральских процессов сыграло роль и то обстоятельство, что олигархия, во многом удалось (уступив политическую авансцену военным) создать своего рода совместную платформу борьбы против "подрывной деятельности", за "экономическое развитие" страны, за ее "национальное возрождение". Эта идеологическая, политическая мимикрия олигархии, политику которой воплощала группировка президен-

²⁸ Estudios, 1973, N 67, p.17.

та Бордаберри, осуществлялась прежде всего по линии демагогического противопоставления военных как носителей идей национализма рабочему классу, трудящимся, которые-де являлись орудием в руках "подрывных элементов", представителей "иностранных доктрин".

Свою роль в подобном развитии событий сыграло и то, что представители олигархии сознательно шли на упразднение институты "представительной демократии", с одной стороны с целью спасения своих позиций, с другой — для того, чтобы связать военных с собой круговой порукой. Июньский государственный переворот (1973 г.), совершенный группировкой Бордаберри при поддержке военного командования, свидетельствовал о том, что олигархия выложила на стол свои последние козырные карты в сложной политической игре, которую она вела с февраля 1973 г. Запрещение деятельности парламента, политических партий, т.е. ликвидация инотитуты "представительной демократии" еще больше укрепила позиции военных в политической жизни страны, поставила под их еще более строгий контроль деятельность президента и правительства. Однако, сознательно идя на урезывание своей политической власти в пользу военных, олигархия добилась того, что армия объективно выступила в защиту интересов привилегированных классов, противопоставила себя народу. С драматической очевидностью эти негативные процессы в вооруженных силах обнаружилились во время июньской забастовки, объявленной трудящимися в ответ на государственный переворот.

Героическая двухнедельная борьба рабочего класса преодолела своей целью, помимо всего прочего, привлечь на сторону народа патристически настроенные круги военных, добившись тем самым стратегически важного изменения соотношения сил. Однако эту задачу революционным силам, пролетариату не удалось выполнить, хотя в рядах армии во время забастовки и наблюдались симпатии к борьбе пролетариата. Тем не менее в вооруженных силах возобладало стремление к корпоративному институциональному единству. Немаловажную роль при этом сыграло то обстоятельство, что в военной среде не без

активного содействия реакции действия левацких группировок с их лозунгами "вульгарного антимилитаризма" отождествлялись с позицией подлинно революционных, левых сил. По словам члена Исполкома ЦК Компартии Уругвая Хулио Гонсалеса, в "глазах военнослужащих все коммунисты были тупамарос, а значит врагами. Этим в значительной степени объясняется то, что всеобщая забастовка не достигла одной из главных целей: изменить позицию, занимаемую армией" 29

Определенную роль в таком развитии событий сыграло и то обстоятельство, что средние слои населения в своем большинстве в общем-то занимали во время забастовочной борьбы пролетариата пассивную позицию созерцательного наблюдателя. Все эти факторы не могли не оказать влияния на вооруженные силы, в которых процесс размежевания был приостановлен, заглушен, а кастовые, корпоративные настроения возобладали, что только играло на руку крайне правым представителям военной верхушки. "Вся ли уругвайская армия поддержала диктатуру? Это более чем спорный вопрос, — пишет Энрике Родригес, член Исполкома, секретарь ЦК Компартии Уругвая. — Но совершенно очевидно, что кастовый дух господствует в вооруженных силах и лишь глубокие потрясения могут изменить положение, свидетелями которого мы стали в Уругвае. Демократически настроенные военные, участвовавшие в февральских событиях, были смещены. А правые элементы в армии опелись с теми, кто в феврале намеревался "снести голову" уругвайским военным. Классовый страх сродни свахе, соединяющей даже несовместимых по характеру людей" 30.

Поставив себя на службу олигархии, олицетворением которой был президент Бордаберри, армия обрекла себя на бесславную роль орудия в руках местной реакции и международных монополий. Все это предопределило усиление в рядах армии корпоративистских, милитаристских тенденций, что отделяло ее пропастью от народа. О милитаризации страны свидетельст-

29 Латинская Америка, 1975, № 3, с.70.

30 Проблемы мира и социализма, 1974, 5, с.82.

вовал тот факт, что уже в 1974 г. по меньшей мере 50% всего национального бюджета расходовалось на содержание армии и полиции. Олигархия делала все возможное, чтобы превратить военных в привилегированную касту, оторванную от народа.

Идеологи режима с момента его установления заявляли, что он ставит своей целью модернизировать отсталую экономическую структуру, вывести страну из политического кризиса, искоренить коммунизм, создать "демократическое общество". Достичь этой цели пришедшая к власти олигархическая группировка, опирающаяся на военную верхушку, рассчитывала с помощью широко разрекламированной "неолиберальной" политики, основные принципы которой сводились к ничем неограниченной свободе деятельности иностранных монополий, концентрации и монополизации капитала, ликвидации "неконкурентоспособных" предприятий немонополистической части буржуазии.

Важнейшим компонентом "неолиберальной" стратегии было резкое сокращение доли трудящихся в национальном доходе путем замораживания и урезывания заработной платы, ликвидации многих социальных завоеваний.

Таким путем правящая верхушка надеялась добиться модернизации страны, упрочить капиталистическую систему с помощью перестройки экономических и социальных институтов страны. "Экономическая либерализация" способствовала—таки расширению деятельности как иностранных, так и местных монополий. По словам Р.Арисменди, правящие круги "переводят по существу насильственным путем в руки империалистических и национальных монополий капитала, накопленные национальными промышленниками и крупными производителями в деревне. Это ведет к быстрому обнищанию широких трудящихся масс и доводит до самых возмутительных пределов зависимость от империализма" ЗІ.

В особо трагическом положении в результате такой политики оказались трудящиеся. К началу 1977 г. покупательная

ЗІ Арисменди Р. УП Конгресс Коминтерна и фашизм в Латинской Америке сегодня. М., 1977, с.110.

способность трудящихся понизилась на 60% по сравнению с тем, что было 10 лет тому назад. Только за первые четыре месяца 1977 г. реальная заработная плата упала еще на 7,3%³². Положение усугубляется растущей безработицей, которая за последние годы увеличилась с 8% до 17%³³.

Последствия "неолиберальной" политики сказались на национальной торговле и промышленности, которые теряют свои позиции в результате катастрофического сужения внутреннего рынка, разорительной конкуренции со стороны монополистического капитала.

Рост внешней задолженности, не прекращающаяся инфляция еще больше ухудшают положение страны, свидетельствуя о полной неосостоятельности утверждений правящей верхушки о их борьбе за "национальное достоинство" и "процветание".

Стремясь обеспечить проведение в жизнь "неолиберальной" политики, правящие круги объявили "крестовый поход" против демократических сил, встав на путь ликвидации боевых профсоюзов, прогрессивных организаций и объединений. С особым ожесточением они обрушили террор на коммунистов. В тюрьмах и концентрационных лагерях находится около 6 тыс. человек, что составляет самый большой процент во всей Латинской Америке, если принять во внимание численность населения.

Идеологи правящего режима усиленно пропагандируют теорию "политико-психологической войны", основной тезис которой сводится к чистке государства от "марксистов" и всех тех, "кто отдавая дань либерализму, играет на руку марксистам"³⁴. Катастрофические последствия уругвайского "маккартизма" налицо.

Режим террора и репрессий, установленный в стране, создал трагическое положение в области культуры, образования,

³² PCU. Boletín del Partido Comunista de Uruguay, 1977, N 5-7, p.6.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., p.9.

науки, вызвал массовый исход уругвайцев. За последние годы из страны эмигрировало около 500 тыс. человек. Среди них много молодежи, квалифицированных рабочих, дипломированных специалистов, что наносит колоссальный ущерб экономическому и социальному потенциалу страны, отбрасывает ее развитие на много лет назад.

Однако реакции не удалось заморозить общественное развитие страны, уничтожить компартию, другие прогрессивные силы, которые ведут самоотверженную борьбу, что свидетельствует о несломленном духе уругвайского народа. Эта борьба, подчеркивают коммунисты, способствует изоляции режима, пропастью отделяет его от народа, который видит в нем чуждую оккупационную силу 35.

Углубляющийся кризис "неолиберальной" политики не мог не отразиться на вооруженных силах, на "оплоте" правящего режима. Такое место вооруженных сил в политической системе режима оправдывалось необходимостью обеспечить стране "национальную безопасность" во имя "развития". Военная верхушка немало сделала для того, чтобы поставить военных на службу самым экстремистским силам реакции, превратив армию в "вооруженную руку" олигархии.

Выступая на XI Совещании командующих армиями американских государств (октябрь 1975 г.), генерал Вадора призвал совещание объявить "борьбу не на жизнь а на смерть марксистско-нигилистической подрывной деятельности на всем континенте" 36.

Однако альянс "армия-олигархия" не был прочным: по мере катастрофически ухудшающегося положения стран противоречия в его рядах становились все очевиднее. Причины недовольства в армии своими партнерами по союзу были неоднозначными, проявляясь по-разному на различных уровнях армейской иерархии.

---

³⁵ PCU. Boletín del Partido Comunista de Uruguay, 1977, N 5-7, p.9.

³⁶ См. Casa de las Americas. La Habana, 1976, N 97, p.7.

Военная верхушка, претендуя на решающую роль армии в жизни страны, болезненно относилась к ущемлению ее привилегий со стороны олигархической группировки, возглавляемой президентом Бордаберри. Последний, постоянно расточая похвалы по адресу военных, превознося их "мессианскую" роль³⁷, одновременно стремился ограничить участие представителей военной верхушки в повседневной политике, оставляя себе тем самым свободу действий в интересах олигархического клана. В этом проявились не только личные амбиции, стремление сыграть первую роль в альянсе, но и недоверие олигархии к армии. Этим-то и объясняется вручение президентом страны секретного меморандума хунте главнокомандующих (декабрь 1975 г.). Бордаберри призывал военных нести бремя власти во имя защиты жизненно важных "идеалов страны", а не для того, чтобы "ее непосредственно осуществлять".

Такая трактовка роли армии отнюдь не устраивала военную верхушку, которая рассчитывала, что именно Бордаберри и его окружение станут послушным орудием в ее руках. Военные отнюдь не хотели таскать для него каштаны из огня, молчаливо санкционируя все действия олигархии, ставя себя тем самым в уязвимое положение. Иными словами, военная элита, по крайней мере внешне, стремилась охранять определенную дистанцию от своих союзников из лагеря олигархии, чтобы иметь возможность время от времени проявлять свой "национализм", выступать с критикой президента. В немалой степени это объяснялось стремлением нейтрализовать патриотические течения в вооруженных силах, сохранять институциональное единство.

Именно этими соображениями следует объяснять устранение армией от власти (июнь 1976 г.) Бордаберри, замену его А. Мендесом, доверенным лицом военной верхушки.

Процессы, происходящие в вооруженных силах, не замыка-

---

³⁷. Он, например, заявил, что наличие на латиноамериканском континенте марксизма заставляет вооруженные силы играть господствующую роль в жизни своих стран.— *La Mañana*, 1975, 12 mayo.

ются на уровне военной элиты. На всех уровнях, во всех звеньях армии растет недовольство существующим положением. Ведь многие военные считали, что, придя к власти, армия сможет более эффективно провести в жизнь коммунистические пункты № 4 и № 7, обеспечив стране и национальную безопасность и развитие.

Эти иллюзии активно поддерживались и поддерживаются военной верхушкой, представители которой не упускают случая, чтобы не сказать о своей верности духу этих документов. Однако драматическая действительность страны, трагедия ее народа постепенно открывает глаза многим военным на то, куда их привел союз с олигархией. Объясняя причины роста оппозиционных настроений в армии, мексиканский журнал "Комерсио экстериор" писал: "Монополистическая группа, которая вершит судьбы страны под флагом осуществления экономики, со страшной силой обрушивается на немонаполистические круги буржуазии, а также на трудящихся, что наносит колоссальный ущерб стране, поскольку речь идет о большинстве народа. А из его недр как раз и выходят военные, многие из которых начинают понимать, что выбрали не тот путь" ³⁸.

Кризис в рядах армии, как подчеркивают уругвайские коммунисты, постоянно углубляется, проявляясь в растущем разочаровании военных в той роли, которую их заставляют выполнять ³⁹. Стремясь воспрепятствовать росту оппозиционных настроений в армии, военная верхушка все шире использует репрессии, бросая в тюрьмы десятки патристически настроенных офицеров "только за то, что они высказываются за изменение политического курса" ⁴⁰.

Уругвайские коммунисты, выступая за создание широкой коалиции демократических сил, способной вывести страну из кризиса, обращаются ко всем военным, патристам, которые

---

³⁸ Comercio exterior, México, 1975, N 7, p.760.

³⁹ PCU. Boletín del Partido Comunista de Uruguay, 1977, N 5-6-7, p.7.

⁴⁰ Ibid., p.6.

"отказываются быть предателями дела Артигаса и готовы бороться за свободу и справедливость" ^{4I} с призывом участвовать в борьбе против диктатуры.

---

^{4I} PCU. Boletín del Partido Comunista de Uruguay, 1977, N 5-6-7, p.4.

КОММУНИСТЫ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Позиция коммунистов стран Латинской Америки основывается на творческом применении к латиноамериканской действительности научного, идейного наследия К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, уделявших немало внимания анализу места и роли вооруженных сил в жизни общества.

Политические и идеологические позиции коммунистов стран Латинской Америки по этой важной проблеме широко и аргументированно изложены в партийных программных документах, в выступлениях руководителей партии, в партийной печати.

Коммунисты, армия и освободительное движение

Умело и творчески используя такое эффективное средство познания и перестройки мира, как материалистическая диалектика, коммунисты в своих оценках места и роли вооруженных сил в обществе исходят из того, что армия, тысячами нитей связанная с обществом, больше того, своей эволюцией как бы резюмирующая его историю, не может не испытывать возрастающего влияния всей совокупности общественных про-

тиворечий, различных их проявлений. Такой диалектический, научный подход коммунистов к вооруженным силам можно проследить на протяжении многих лет на различных этапах развития стран Латинской Америки. Само развитие освободительных, революционных процессов обогащало, углубляло взгляды коммунистов на армию, вносило в них коррективы.

В разгар "холодной войны", когда в ряде латиноамериканских стран власть захватили проимпериалистические диктаторские режимы, правившие от имени армии, коммунисты решительно выступали против отождествления всех военных с преступной, террористической политикой правящей верхушки, подчеркивая возможность выступления армии против диктатуры. Так, в 1953 г., когда в Венесуэле свирепствовал полицейско-террористический режим Переса Хименеса, венесуэльские коммунисты, находясь в глубоком подполье, заявляли, что "было бы наивно и смешно думать, что вооруженные силы представляют собой герметически закрытую крепость, которая стоит в стороне от острейших противоречий нашей национальной действительности, и не видеть разницы между высшим реакционным офицерством, тщеславным, амбициозным и антinationальным, и офицерами, сержантами и солдатами, которые испытывают чувство глубокой любви к своей родине, нашим свободолюбивым традициям, национальному достоинству, суверенитету и независимости. Они должны быть завоеваны на сторону народа и сыграть одну их главных ролей в час борьбы за выход из нынешнего глубокого кризиса страны" ¹.

Венесуэльские коммунисты разоблачали методы, применяемые диктатурой с целью воспрепятствовать углублению в рядах армии оппозиционных настроений: заточение в тюрьмы, концентрационные лагеря, разжалования, ссылки и изгнание из страны ². Однако никакие репрессии, подчеркивали коммунисты, не могут воспрепятствовать усилению патриотических настроений

---

¹ Tribuna popular, N 26, octubre de 1953.

² Ibidem.

в рядах армии. По их словам, свидетельством роста таких настроений явилось сопротивление в рядах армии посылке венесуэльских войск в Корею, подписанию военного пакта с США ³.

Эти признания лишней раз свидетельствуют, насколько чутко венесуэльские коммунисты улавливали настроения в вооруженных силах.

Венесуэльские коммунисты сыграли большую роль в вовлечении значительного числа военных в ряды патриотического, антидиктаторского фронта, созданного в 1957 г. для борьбы с диктатурой. Патриотическая хунта, в состав которой наряду с другими оппозиционными террористическому режиму партиями входили и коммунисты, при подготовке восстания развернула активную борьбу в рядах вооруженных сил. В своем манифесте (январь 1958 г.) Патриотическая хунта писала, что "вся Венесуэла, гражданские лица и военные, как никогда раньше, объединились в борьбе против узурпации, преследований, пыток, убийств, грабежа государственной казны, осуществляемых теми, кто только стремится сохранить свое привилегированное положение, игнорируя страдания отечества" ⁴.

Гибкая политика в отношении военных принесла свои плоды: вооруженные силы приняли активное участие в свержении диктаторского режима. Пленум компартии, состоявшийся сразу же после свержения тирании в начале марта 1958 г., специально подчеркнул в своем решении наличие сильных демократических настроений в рядах венесуэльской армии ⁵.

Колумбийские коммунисты внимательно следили за процессами, происходившими в вооруженных силах после свержения военного режима генерала Рохаса Пинильи (1957 г.). В условиях открытого враждебного отношения к военным, в не-

---

³ Tribuna popular, N 26, octubre de 1953.

⁴ Así se fragó la insurrección (Los documentos de la clandestinidad 1956-1958). Caracas, 1958, p.79.

⁵ El Nacional, 12.VIII.1958.

малой степени поощряемого правящими классами, стремившимися активнее использовать армию против народных выступлений, колумбийские коммунисты всемерно подчеркивали необходимость учитывать дифференциацию в ее рядах.

"В вооруженных силах, — говорилось в Отчетном докладе УШ съезду Компартии Венесуэлы в декабре 1958 г., — могут произойти изменения, если они очистят свои ряды от антидемократических элементов и палачей нашего народа и вступят в активное сотрудничество с патриотическими силами нашей страны" ⁶.

Постоянное вмешательство вооруженных сил Аргентины в политическую жизнь, антидемократическая позиция главным образом военной верхушки породили в стране широко распространенные представления об армии как некоем едином реакционном целом. Против такой упрощенческой точки зрения выступили аргентинские коммунисты. Так, в передовой статье июльского номера за 1960 г. теоретического органа компартии журнала "Нувэва эра" отмечалось, что в вооруженных силах существуют и реакционные, и демократическое течения. "Представители последнего, правда, еще только начинают понимать, что они не могут оставаться в стороне от борьбы народа за независимость и суверенитет страны" ⁷.

Коммунисты вместе с тем предупреждали об опасности нигилистического, враждебного отношении к армии, которое существовало в демократическом движении. "Имелась в прошлом и существует в настоящее время, — писал известный специалист по военным вопросам Хосе Пиньейро, — ошибочная концепция, которая разделяется представителями ряда демократических течений, характеризующихся враждебным отношением к вооруженным силам как институту. Объясняется это отчасти теми функциями, которые им навязывает реакционная камарилья. Такая позиция облегчает деятельность олигархии

---

⁶ Documentos políticos, 1959, N 13, p. 17.

⁷ Nueva Era, 1960, N 7, p. 5.

и империализма, направленную на то, чтобы воспрепятствовать сотрудничеству гражданских течений с военными" ⁸.

Х.Пиньеиро подчеркивал, что углубление освободительного движения в стране, успехи сил мирового социализма не могут не оказать влияния на все большее число аргентинских военных, которые, по его словам, не захотят, чтобы их "часы показывали не то время" ⁹.

Государственный военный переворот в Бразилии в 1964 г., приход к власти антидемократических военных режимов в ряде других стран вновь с большой остротой выдвинули перед демократическими силами, коммунистическими партиями необходимость определить свою позицию в отношении вооруженных сил. Это тем более необходимо было сделать, что события в Бразилии вновь привели к усилению враждебного отношения к военным, содействовали распространению взглядов на то, что армия в латиноамериканских странах является чуть ли не главным врагом революционного движения.

Коммунисты, естественно, не могли оставаться в стороне от развернувшихся в то время политических и теоретических дискуссий, не дать марксистско-ленинской интерпретации происходящим событиям. В развернутом виде позиция коммунистов была изложена в работе генерального секретаря ЦК Компартии Уругвая Р.Арисменди "Заметки о тактике рабочего и народного движения".

В работе подчеркивалась мысль о том, что нельзя на основе бразильских событий делать однозначные выводы о политической роли вооруженных сил. Наряду с бесспорным проявлением реакционных тенденций в вооруженных силах, влиянием на них империализма с его реакционными концепциями "внутреннего фронта", "антипартизанской войны", среди военных усиливаются настроения протеста. "Сколько военных-патриотов Латинской Америки, — отмечал Р.Арисменди, — все

---

⁸ Píñeyro J. Algunos consideraciones sobre el Plan de Reestructuración del ejército. Buenos Aires, 1964, p.33.

⁹ Ibid., p.34.

с большей настойчивостью и обеспокоенностью задают себе вопрос, является ли их уделом охранять господство янки над огромными богатствами Иberoамерики, содействовать социально-экономической отсталости своих стран и ущемлению их национального суверенитета" ¹⁰.

По словам Р.Арисменди, в рядах вооруженных сил латиноамериканских стран с большей или меньшей интенсивностью происходит рост патриотических, антиимпериалистических настроений. "Поэтому, - писал он, - рабочее и народное движение совершило бы чудовищную глупость, даже если бы она была облачена в громкие псевдореволюционные фразы на манер анархистской болтовни конца прошлого века, если бы автоматически отдало бы всякого человека, одетого в военную форму, империализму или предательскому антинациональному горилизму" ¹¹.

Давая оценку процессам, происходившим в вооруженных силах, коммунисты не могли не определить свою позицию относительно причин ликвидации батистовской армии на Кубе. Это было тем более необходимо сделать, что реакция апеллировала к данному факту, чтобы доказать "ортодоксальную" вражду революционеров к вооруженным силам. При этом антикоммунисты, как правило, ссылались на "вульгарный антимилитаризм" ультралевых, которые односторонне интерпретировали кубинский опыт в военном вопросе, чтобы приписать эти взгляды всем революционным силам, в том числе коммунистам. Леваки спекулировали на левацкой "теории", согласно которой успех революционной борьбы будет зависеть от успеха борьбы "кастроистов" с вооруженными силами, которые объявлялись главным врагом революции.

Коммунисты, борясь против фальсификации своих позиций как справа, так и "слева", показывали несостоятельность подобного рода апелляций к кубинскому опыту. Р.Арис-

---

¹⁰ Estudios. Montevideo, 1964, N 29, p.2.

¹¹ Estudios, 1964, N 29, p.3.

менди в вышеназванной работе подчеркивал "неправомерность механического перенесения всего кубинского опыта на все латиноамериканские страны" ¹². Характеризуя "теорию" относительно конфронтации "кастроистов" с военными, он писал: "Это глупое утверждение, полностью смазывающее вопрос о социальных причинах борьбы, оказывало в то же время бесплатную услугу империализму янки" ¹³. Кубинская армия была всецело связана с диктаторским режимом, отмечал Р. Арисменди, полностью деградировала ¹⁴.

Специально остановился на этой же проблеме один из руководителей компартии Орестес Гиольди в выступлении на XII съезде Компартии Аргентины, состоявшемся в феврале 1963 г. "Кубинская армия, — подчеркивал Гиольди, — потерпела крах вместе со своим командующим, потому что была сообщницей его преступлений, его предательской, продажной, проимпериалистической политики, его национального предательства, его вражды к народу, что выражалось в арестах, пытках, убийствах. Народ ненавидел батистовский режим и его армию, которая была орудием в руках тиранической, антинациональной диктатуры" ¹⁵.

Последующее развитие событий подтвердило справедливость и дальновидность подхода латиноамериканских коммунистов к вооруженным силам своих стран. В некоторых из них под влиянием углубляющегося антиимпериалистического движения, успехов сил социализма во всем мире крепили патриотические, прогрессивные течения.

Свидетельством таких сдвигов явилось выступление части вооруженных сил в Доминиканской Республике на стороне народа в дни апрельского восстания 1965 г. Положительно

---

¹² Estudios, 1964, N 29, p.3.

¹³ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка, с.291.

¹⁴ Estudios, 1964, N 29, p.3.

¹⁵ XII Congreso del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, 1963, p.297.

оценивая эти выступления патриотически настроенных военных, доминиканские коммунисты в порядке самокритики писали: "Наша партия занимала одно время сектантские позиции в отношении вооруженных сил, считая их каким-то монолитным единым институтом, где целиком заправляют "гориллы" на службе у реакции. Мы не принимали во внимание социальный состав наших вооруженных сил, не учитывали, что в их рядах возникают те же противоречия и борьба, которые присущи всему обществу, хотя они как институт и находятся на службе у реакционного государства..."¹⁶.

Латиноамериканские коммунисты высоко оценивают выступление доминиканских военных патриотов, возглавивших народное восстание, считая его важным вкладом в антиимпериалистическую борьбу народов Латинской Америки. В Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна специально подчеркнута: "В апреле 1965 г. в Доминиканской Республике произошло народное восстание под руководством полковника Франсиско Кааманьо и других революционно-настроенных офицеров, которое нанесло удар господству империализма в этой братской стране"¹⁷.

Подобные сдвиги в армии дали основание коммунистам еще настойчивее ставить вопрос об активном участии военных в революционной борьбе, их роли в укреплении антиимпериалистического фронта. Важные процессы, происходящие в рядах вооруженных сил, нашли свое отражение в партийных документах, партийной прессе, в многочисленных выступлениях руководителей компартий. Так, в программной резолюции XX съезда Компартии Уругвая (декабрь 1970 г.) отмечалось, что "в различных латиноамериканских странах... влиятельные течения в вооруженных силах все больше понимают, что их место

---

¹⁶ Triunfaremos. Partido Comunista Dominicano, p.15-16.

¹⁷ Латинская Америка в борьбе против империализма за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с.22.

рядом с народом в самоотверженной борьбе в защиту национальных интересов, попираемых империализмом. Поэтому они занимают боевые, демократические позиции" 18.

В новой программе Коммунистической партии Колумбии, принятой на XI съезде в декабре 1971 г., подчеркивалось, что под влиянием подъема освободительного движения в стране усиливаются прогрессивные, антиимпериалистические течения в рядах армии, которые могут стать немаловажным фактором в народной борьбе 19.

Большое внимание анализу сдвигов в вооруженных силах уделяли аргентинские коммунисты. Выступая на пленуме ЦК КПА в августе 1971 г., генеральный секретарь Х. Арнедо Альварес призывал прогрессивные силы страны обратить самое серьезное внимание на рост патриотических течений в рядах армии, активно использовать эти сдвиги в интересах единого антиимпериалистического фронта. "В этих патриотических и демократических течениях в рядах армии, - говорил А. Альварес, - усиливается национальное, антиимпериалистическое самосознание. Они обближаются с позициями рабочего класса и антимонополистических сил, которые борются за национальный суверенитет, и они не чужды народным чаяниям" 20.

Важные изменения в вооруженных силах Перу стали предметом глубокого, всестороннего анализа со стороны Перуанской коммунистической партии. Коммунисты отмечали, что усиление антиимпериалистических настроений в рядах армии связано с целым комплексом многообразных причин. Эти сдвиги объяснялись отказом перуанской армии от антинародных, контрреволюционных концепций "внутреннего фронта", "антипартизанской войны", разрывом с привилегированными, олигархическими группировками. Все эти изменения в рядах во-

---

18 Estudios, 1971, N 58, p.124.

19 Voz proletaria. Bogotá, 1971, 2 dic. Suplemento, N 21.

20 Informe del camarada Arnedo Alvarez en la reunión del Comité Central de 7-8 de agosto de 1971. Buenos Aires, 1971, p.15.

оруженных сил, по словам перуанских революционеров, свидетельствовали о возрастающем влиянии на военных передовых, антиимпериалистических и даже социалистических идей ²¹.

Коммунисты Перу вели постоянную разъяснительную работу среди трудящихся о необходимости всемерно расширять сотрудничество с вооруженными силами, бороться за создание единого антиимпериалистического фронта, который немислим без активного участия военных. "В нашей стране, - говорится в докладе члена Политической Комиссии ПКП Помпейо Мареса, - главной политической силой ныне являются вооруженные силы, которые находятся у власти и осуществляют антиолигархические и антиимпериалистические преобразования. Поэтому вооруженные силы должны быть одним из основных, главных компонентов единого антиимпериалистического фронта" ²².

Характеризуя сдвиги в панамской армии, Рубен Дарио Соуса отмечал, что "националистически настроенное крыло панамской армии испытывает влияние не только борьбы народных масс своей страны, но и того общего поворота влево, характерного для всей Латинской Америки, который в специфической форме проявился в политическом курсе, принятом перуанскими военными" ²³.

Эквадорские коммунисты в политической резолюции IX съезда компартии (ноябрь 1973 г.) отмечали, что в вооруженных силах Эквадора "все шире распространяются националистические и патриотические настроения, охватывая все большее число военных, которые вступают в противодействие

---

²¹ Mares P. El proceso revolucionario peruano. Balance y perspectivas. Lima, 1971, p.20-23.

²² Ibid., p.43.

²³ Trabajo, 1971, N 131, p.15.

с антинародными, реакционными и капитулянтскими кругами в их рядах" ²⁴.

Коммунисты подчеркивали, что патриотические течения возникают в армиях таких стран, которые казались "совершенно надежными" с точки зрения империализма и местной олигархии. Так, гондурасские коммунисты в своих политических тезисах отмечали, что братоубийственная война с Сальвадором, а также воздействие примера Перу и Панамы явились теми факторами, которые "привели к возникновению у молодых офицеров националистических устремлений. Последние могут претвориться в жизнь, если военные объединят свои усилия со всеми, кто ведет демократическую, антиимпериалистическую и народную борьбу" ²⁵.

Трагические чилийские события, в которых вооруженные силы сыграли роль орудия контрреволюции, придали дискуссиям о роли армии в общественном развитии еще большую остроту. Латиноамериканские коммунисты, разоблачая попытки контрреволюции и в других странах Латинской Америки повторить чилийский опыт, в то же время выступили против ультралевых, маоистов, троцкистов, которые после чилийской трагедии с еще большим рвением стали апеллировать к лозунгам "вульгарного антимилитаризма".

Аргентинские коммунисты, определяя свою позицию, подчеркивали в этой связи: "Реакция приложила все усилия, а ультраевые ей помогли, чтобы, используя трагические события в Чили, вызвать в рабочем классе, в народных массах слепую вражду к вооруженным силам. Однако в рядах прогрессивных сил эти настроения преодолеваются. Предстоит еще многое сделать в этом направлении. Все больше побеждает дифференцированный подход к вооруженным силам. Линия водораздела между сторонниками освобождения и его противниками проходит также и в армии. Успех в борьбе за освобож-

---

²⁴ IX Congreso del Partido Comunista del Ecuador. Documentos. Guayaquil, 1973, p.144.

²⁵ Tesis políticas del Partido Comunista de Honduras, S.A., p.26.

дение в немалой степени будет зависеть от того, удастся ли преодолеть все попытки раскола, к которым прибегает реакция, чтобы воспрепятствовать... антиолигархически настроенным гражданским лицам и военным объединить свои усилия в этой борьбе" ²⁶.

Излагая точку зрения кубинских коммунистов на армию, Ф.Кастро подчеркивал: "Конечно, во многих странах Латинской Америки вооруженные силы играют еще реакционную роль, генералы возглавляют диктаторские антинародные режимы, представляя и защищая интересы иностранных монополий и местных олигархий" ²⁷. В то же время Ф.Кастро особо выделил и противоположные процессы в вооруженных силах: "Раньше армия использовалась для угнетения народа. Сейчас мы видим, как в ряде случаев она становится на сторону народа. Это, по-моему, одно из знамений века. Закономерен вопрос: в чем же причина полевения значительной части военных кругов латиноамериканских стран? Это результат крупных перемен в социальной обстановке. В Латинской Америке все шире разворачивается движение за национальную независимость против империализма. Народы начинают понимать, что их бедность и отсталость - следствие империалистического господства.

Рост политического сознания народов не может не отражаться на политической позиции армий. В ряде стран в офицерском корпусе все больше становится представителей средних и даже бедных слоев, которые, естественно, достаточно хорошо знают положение народа. Они активно включаются в политическую деятельность, начинают бороться за национальную независимость против олигархических режимов и засилья монополий" ²⁸.

---

²⁶ Nueva Era, 1973, N 11, p.537.

²⁷ "Известия", 6.И.1975.

²⁸ Там же.

Свою позицию в отношении вооруженных сил неоднократно высказывали чилийские коммунисты после контрреволюционного переворота. Подчеркивая контрреволюционную роль, которую сыграли вооруженные силы, коммунисты в то же время подходят к ним дифференцированно, отвергают левацкий схематизм. "Организаторы государственного переворота, — отмечают коммунисты в одном из своих документов (январь 1974 г.), — поставили вооруженные силы и корпус карабинеров на службу террористической политике. Они навязали железом и огнем возврат к прошлому, когда страна подвергалась эксплуатации империализма и олигархии. Однако, как вчера, так и ныне, мы не рассматривали социальную борьбу как борьбу между военным и гражданским населением. Среди военных имеются люди, которые надели форму во имя служения родине и которые были вовлечены в террор, развязанный против народа вопреки их демократическим убеждениям" ²⁹.

В развернутом виде позиция чилийских коммунистов в отношении армии была изложена в специальном документе "Обращение Компартии Чили к вооруженным силам и карабинерам" (ноябрь 1974 г.). "Торькая правда состоит в том, — подчеркивалось в обращении, — что с согласия генералов-предателей армия была использована и используется сейчас для восстановления, сохранения и роста привилегий этого меньшинства" ³⁰. Подобный путь не только делает военных соучастниками преступлений реакции, но и ставит под вопрос само существование вооруженных сил. "Вооруженным силам не принесет славы то, что они выполняют роль сторожевых псов режима, их ждет разложение и гибель" ³¹.

Коммунисты призывают всех патриотически настроенных военных вместе с народом выступать против террористического режима. "Солдаты должны снова стать защитниками отчизны, а не быть прислужниками богатых и палачами бедняков. Чест-

---

²⁹ L'Humanite, 8.I.1974.

³⁰ См. Латинская Америка, 1975, № 3, с.216.

³¹ Там же, с.220.

ные солдаты не должны относить к себе ненависть и презрение, которые навлекло на себя незаконное антипатриотическое правительство и его политика" ³².

В манифесте коммунистов "К партии и народу" вновь подчеркивается: "...среди людей, одетых в военную форму, мы делаем различие между фашистами и нефашистами, между истязателями и теми, кто отказывается заниматься преступной практикой, между честными людьми и предателями, между руководителями заговора и обманутыми. Очевидно, что по прошествии немногим более года со времени предательства, организованного группой высших офицеров в рядах армии, проявляется нежелание по-прежнему выступать в роли охранника богачей и тюремщика бедняков, в роли палача своего народа. Недаром так часто заседают военно-полевые суды, так часты случаи увольнения из армии. Эти факты говорят о том, что фашизму не удастся искоренить чувство подлинного патриотизма в сердцах тысяч военнослужащих, особенно после того, как хунта совершила отвратительное преступление против генерала Пратса и его супруги. Именно такие люди, как Пратс и Шнейдер, павшие от рук фашистов, указывают нам другой путь" ³³.

В этом же документе чилийских коммунистов специально выделяется проблема участия в антифашистском фронте патристически настроенных военных. "В антифашистском фронте есть место для всех патристически настроенных военных. Мы уверены, что они сами примут необходимые меры для того, чтобы покончить с преступлениями и пытками, а затем предать суду тех, кто несет ответственность за все преступления против народа" ³⁴.

Глубокий анализ сложных, противоречивых процессов, происходящих в вооруженных силах латиноамериканских стран,

---

³² См. Латинская Америка, 1975, № 3, с.220.

³³ Новое время, 1975, № 9, с.30

³⁴ Там же.

дан в Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Гавана, июнь 1975 г.). В ней подчеркивается, что в вооруженных силах ряда латиноамериканских стран, которые до недавнего времени служили, казалось бы, надежным орудием в руках олигархии и империализма, происходят важные идеологические, политические и социальные сдвиги, которые превращают их в элемент прогресса и даже в потенциально революционный фактор. "Указанные сдвиги очень заметны среди вооруженных сил некоторых латиноамериканских стран. Движение с революционными корнями и содержанием, которое под руководством значительных групп высшего офицерства развертывается в Перу, движение, начатое в Панаме руководителями Национальной гвардии, углубляющееся и сегодня, представляет собой яркое выражение обострения общего кризиса империалистической системы угнетения и неуклонного развития патриотического самосознания" ³⁵.

В документе подчеркивается также, что империализму становится все труднее убеждать военных, "что они, участвуя в репрессиях, защищают национальный суверенитет и территориальную целостность, а не поддерживают привилегированное меньшинство" ³⁶. В то же время участники совещания отметили сложность и неоднозначность этих процессов. Империализм развертывает подрывную деятельность в вооруженных силах, он все чаще прибегает к военным переворотам с целью установления реакционной или фашистской диктатуры ³⁷. Однако стремление реакции превратить военных в палачей народа встречает растущее сопротивление в армии. "Офицеры, чувствующие, что обладающие политической властью олигархии предадут патриотические идеалы, в духе которых многие вос-

---

³⁵ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с. 43-44.

³⁶ Там же, с. 44.

³⁷ Там же.

питывались, начинают понимать, что право и справедливость не на стороне тех, чьи привилегии они защищают.

Сама жизнь заставляет все более широкие круги латиноамериканских военных, отравленных ядом антикоммунизма в процессе казарменного воспитания, связанного с влиянием империализма и реакции, осознать тот обман, которым их окружили, сознавать крах идеологии и практики антикоммунизма" 38.

Такой подход к характеру процессов, происходящих в вооруженных силах латиноамериканских стран, продиктован не какими-то конъюнктурными соображениями, а основывается на всестороннем марксистско-ленинском анализе роли и места армии в общественном развитии и в конкретных исторических условиях.

Вклад латиноамериканских коммунистов в творческую разработку военного вопроса

Необходимость глубокого систематического исследования роли вооруженных сил в латиноамериканском обществе определяется не только их возрастающей ролью в политике, но и острой необходимостью дать отпор фальсификаторам марксистско-ленинского учения об армии, раскрыть истинную суть взглядов сторонников научного социализма. Творческая разработка коммунистами военных проблем неразрывно связана с острой полемикой со сторонниками сивилизма, "военного авангардизма", "вульгарного антимилитаризма". Во многом эта полемика определяет тот круг проблем, которые выдвигаются на первый план в теоретической, политической и идеологической деятельности коммунистов.

---

³⁸ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с.44.

Важное значение, по мнению коммунистов, для понимания роли вооруженных сил в политических, социальных процессах имеет точная, подлинно научная оценка их места во всей системе надстроечных институтов. Основываясь на известном марксистском тезисе, что надстроечные институты не являются пассивным, так сказать, зеркальным отражением базиса, а обладают относительной самостоятельностью, автономией, коммунисты берут эти исключительно важные методологические идеи как исходные для анализа.

Выдвижение этого тезиса в качестве основного методологического принципа помогает коммунистам аргументированно вести идеологическую и политическую борьбу как с вульгарно-социологическими "теориями" сивилизма, так и со взглядами "военных авангардистов", которые приписывают коммунистам стремление подойти к анализу роли армии в обществе с позиций "вульгарного экономизма".

Латиноамериканские коммунисты отнюдь не отрицают возможность для вооруженных сил той или иной страны при определенных исторических условиях играть относительно самостоятельную роль именно вследствие их особого, специфического характера как профессионального института. Так, колумбийские коммунисты на своем УШ съезде в декабре 1958 г. отметили усиление тенденции в колумбийской армии к относительной самостоятельности ее позиций в политической жизни страны, прежде всего в силу того, что армия стала своего рода "арбитром" в политической и социальной борьбе, взяла на себя многие политические функции правящих классов. "И хотя вооруженные силы, — говорил на съезде Х. Виейра, — всегда были орудием в руках господствующих классов во время диктатуры Рохаса Пинильи, они превратились в особый надстроечный институт со своими собственными интересами и устремлениями..."³⁹

Эти тенденции позднее стали более явственными. Следует отметить, что сами правящие классы, которые в немалой

---

³⁹ Documentos políticos, 1959, N 13, p.17.

степени способствовали усилению этих тенденций, как отмечают коммунисты, начинают проявлять все большее беспокойство по поводу усиления роли армии в политической жизни ⁴⁰.

Колумбийские коммунисты для подтверждения своего тезиса ссылаются на слова К.Маркса из его работы "Восемнадцатое бримера Луи Бонапарта" о позиции французской армии в отношении господствующих классов: "Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, и вместе с тем подвергнуть осаде кошелки буржуа?" ⁴¹. Естественно, отмечают коммунисты, такие опасения правящей буржуазии относительно усиления самостоятельной роли армий возрастают по мере того, как в ее рядах усиливаются прогрессивные тенденции ⁴².

Специально остановились на этой проблеме боливийские коммунисты на III съезде, обобщая опыт пребывания у власти в стране военных режимов. Как отмечается в Программных тезисах съезда, "вооруженным силам присуща также тенденция при определенных обстоятельствах встать над классами и их интересами" ⁴³.

На необходимость учитывать особые устремления и интересы вооруженных сил обращают внимание перуанские коммунисты. "Вооруженные силы, - по словам П.Марсера, - представляя собой военный институт, обладают только им присущими свойствами, которые дают основание считать их автономным, особым целым. Естественно, классовая борьба оказывает влияние на армию" ⁴⁴.

40

Documentos políticos, 1970, N' 87, p.47.

41

К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, с.136.

42

Documentos políticos, 1970, N 87, p.47.

43

Partido Comunista de Bolivia. Tesis programática aprobada en el III Congreso Nacional, p.12.

44

Mares P. El proceso revolucionario peruano. Balance y perspectivas, p.42.

Признавая относительную самостоятельность вооруженных сил, коммунисты в то же время рассматривают этот феномен в теснейшей связи с главными тенденциями классовой борьбы. Иными словами, "надклассовой абсолютизации" самостоятельной роли армии сторонниками теории "военного авангардизма" коммунисты противопоставляют классовый подход в оценке роли вооруженных сил в социальных преобразованиях, в политической жизни. Такой диалектический подход коммунистов помогает им решать ряд принципиально важных задач как в области теории, так и практики.

Одним из убедительных подтверждений воздействия классовой борьбы на вооруженные силы является быстрый процесс их втягивания в политику. Анализируя этот процесс, отмечая его объективный и необратимый характер, коммунисты в то же время исходят из его неоднозначности. Такой подход характерен для работы Р.Арисменди "Заметки о тактике рабочего и народного движения". По словам Р.Арисменди, небезуспешная идеологическая обработка империализмом бразильских вооруженных сил в духе антинациональной доктрины "антипартизанской войны" позволила совершить государственный переворот ⁴⁵.

Подобного рода политизация направлена на то, чтобы "лишить вооруженные силы их национальной души, их патриотической сущности, низвести их до положения преторианской гвардии, подчиненной чуждой стратегии..." ⁴⁶. В то же время против такого развития событий, подчеркивает Р.Арисменди, выступает все большее число военных-патриотов ⁴⁷.

Бразильские коммунисты в Политической резолюции, принятой VI съездом партии (1967 г.), отмечали, что военный режим под прикрытием доктрины "национальной безопасности" обрушивается на демократические силы, видя в них своего

---

⁴⁵ Estudios, 1964, N 29, p.2.

⁴⁶ Estudios, 1964, N 29.

⁴⁷ Ibidem.

главного врага ⁴⁸. Тем самым, подчеркивали бразильские коммунисты, этот режим стремится превратить вооруженные силы страны в карательные отряды по борьбе против народных выступлений ⁴⁹. "Однако все это, — говорится в Политической резолюции, — не воспрепятствует тому, чтобы под воздействием народной борьбы произошли сдвиги в вооруженных силах, вовлекая в борьбу против диктатуры офицеров, сержантов, солдат и моряков" ⁵⁰.

Позиция бразильских коммунистов в отношении армии специально охарактеризована в апрельской резолюции (1970 г.) ЦК БКП. Особенно большое внимание было обращено на идеологическую борьбу с антинародными военными доктринами. "Наши усилия, направленные на достижение союза с военными, должны включать в себя борьбу против распространяемой в их среде идеологии Высшей военной школы, а также против использования вооруженных сил в качестве политического орудия для подавления народа и пыток над патриотами" ⁵¹.

В своих оценках процесса политизации вооруженных сил коммунисты исходят из того, что само по себе социальное происхождение военных не определяет их политических позиций. Эту проблему глубоко проанализировал Хорхе дель Прадо в статье "Революционный процесс в Перу и позиция коммунистической партии". По его словам, классовое происхождение офицеров может служить не более чем отправным пунктом, поскольку одного этого фактора далеко не достаточно, чтобы дать правильный ответ на причины тех или иных политических позиций представителей офицерского корпуса.

---

⁴⁸ VI Congresso do Partido Comunista Brasileiro. Resolução Política. Brasil, s.a., p.9.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid., p.15.

⁵¹ Contra a fascistização do país. Resolução política do Comitê do Partido Comunista Brasileiro, abril, 1970.

В истории Перу, да и других латиноамериканских стран немало можно найти примеров, когда именно офицеры-выходцы из мелкобуржуазных слоев приводили к власти ультраправые правительства. Поэтому очень важен конкретно-исторический подход к анализу этого явления. "В обычных условиях, - подчеркивает Х.дель Прадо, - вооруженные силы, находясь на службе у господствующих классов, выступают, независимо от социального происхождения офицерства, прежде всего как орудие репрессий. В таких условиях офицеры легко поддаются влиянию реакции. С тем большей вероятностью это происходит в момент относительной стабилизации и экспансии капитализма. Именно при таких обстоятельствах совершались военные перевороты и, как результат их, воцарялись реакционные профашистские диктатуры. Дело, однако, может принять совершенно другой оборот, когда общественный строй, который они защищают, переживает кризис.

Маркс говорил о такой возможности в работе "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", подчеркивая, что в условиях подобного кризиса армия может даже противопоставить себя господствующему классу, на службе у которого она находилась. Подобные явления имели место в Перу, как и в ряде арабских и африканских стран. Эти явления особенно характерны для периода, когда общий кризис капитализма распространился на всю систему империалистического господства"⁵².

Отмечая наличие благоприятных условий для политизации военных в духе патриотизма и антиимпериализма, коммунисты в то же время подчеркивали, основываясь на опыте Чили и ряда других стран, что реакции удастся использовать в своих целях офицеров, выходцев из мелкобуржуазных, трудовых слоев населения. "Процесс, который имеет место в вооруженных силах, сложен, - говорится в Декларации Совещания компартий стран Латинской Америки и Карибского бассейна. - Империализм всеми средствами усиливает в них свою работу с тем, чтобы использовать реакционные элементы и с помощью

---

⁵² Коммунист, 1974, № 13, с.112.

быстрого обуржуазивания привлечь на свою сторону офицеров — выходцев из народа, подкупить их" ⁵³.

Правильный подход к проблеме политизации коммунисты самым теснейшим образом связывают с борьбой против буржуазно-реформистского и ультралевого мелкобуржуазного подхода к оценке роли армии в политической жизни. Видный деятель Аргентинской компартии Эктор Агости, излагая позицию коммунистов по этому вопросу, отмечает: "Мы не являемся ни мелкобуржуазными антимилитаристами, ни абстрактно мыслящими сивилистами либерального толка" ⁵⁴. В отличие от идеологов сивилизма, которые видят во вмешательстве армии в политику только "аномалию", необоснованные претензии военных возложить на себя не свойственные им функции управления обществом, коммунисты в своих оценках этого явления опираются на всесторонний конкретно-исторический анализ соотношения классовых сил в той или иной стране, предопределяющий особенности развития революционных освободительных процессов.

О.Гиольди, показывая полную несостоятельность буржуазной теории о "нейтральности" армии, отмечает, что она призвана воспрепятствовать усилению патриотических настроений в вооруженных силах, оправдать защиту интересов привилегированных классов. Или защита военными интересов последних, или же переход их на сторону народа, — третьего не дано, отмечает О.Гиольди ⁵⁵. "Офицеры и солдаты Сан-Мартина, — говорит он, — не были нейтральными в борьбе между силами колониального рабства и национального освобождения. Наоборот, они покрыли себя славой, возглавив вооруженную

---

⁵³ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с. 44.

⁵⁴ Nueva Era, 1969, N 2, p.256.

⁵⁵ XII Congreso del Partido Comunista de la Argentina, p.298-299.

борьбу за освобождение. Аргентина борется за свое полное освобождение, не только политическое, но и экономическое, стремится к тому, чтобы патриотическое офицерство вместе с сержантами и солдатами было на стороне народа во имя достижения этого освобождения" ⁵⁶.

А.Альварес, полемизируя со сторонниками тезиса об "аполитичности" армии, подчеркивает, что профессионализм и политизация военных — это два диалектически связанных компонента, которые характеризуют нынешнюю эволюцию вооруженных сил. "Жизнь со всеми противоречиями, острыми проблемами, — по словам руководителя аргентинских коммунистов, — оказывает сильнейшее влияние на военных". Это обстоятельство показывает нежизненность "всех схем и теорий, которые хотели бы видеть вооруженные силы изолированными, в своего рода башне из слоновой кости, бездейственными в отношении проблем, волнующих всю страну" ⁵⁷.

Придавая большое значение политизации военных в духе патриотизма и антиимпериализма, коммунисты одновременно решительно выступают против попыток произвести главный социальный водораздел по линии "гражданское население — военные". Такой "анализ" общественных противоречий, подчеркивают коммунисты, не только абсурден и антинаучен сам по себе, но и наносит немалый вред борьбе за создание единого антиимпериалистического фронта, в котором активную и важную роль должны играть военные.

"Мы всегда отбрасывали, как несостоятельный тезис, — говорится в Политических тезисах Компартии Гондураса, — что главным противоречием нашего общества является противоречие между военным и гражданским населением" ⁵⁸.

---

⁵⁶ XII Congreso del Partido Comunista de la Argentina, p.299.

⁵⁷ Alvarez G.A. Ahora avanzar hacia una amplia coincidencia democrática. Buenos Aires, 1976, p.20.

⁵⁸ Tesis políticas del Partido Comunista de Honduras, p.27.

В подтверждение своего тезиса латиноамериканские коммунисты ссылались на пример Перу, где военное правительство выступило инициатором прогрессивных социальных преобразований. В отличие от сивилистов, которые всячески пытались очернить политику перуанских военных, коммунисты высоко оценивали эти преобразования, показывали несостоятельность и, в конечном счете, контрреволюционность попыток абстрактного противопоставления военному правлению правления гражданского. Как подчеркнул в своем выступлении в конгрессе Венесуэлы депутат-коммунист Э.Мухика, для коммунистов критерием оценки тех или иных общественных групп является не тот факт, что одни носят военную форму, а другие нет, а позиция в отношении коренных национальных проблем. "Поэтому мы не колебались в положительной оценке позиции правительства генерала Веласко Альварано в Перу..."⁵⁹.

Объясняя причины своей поддержки военного правительства Перу, уругвайские коммунисты отмечали, что прогрессивные преобразования, осуществляемые перуанскими военными, лишней раз доказывают надуманность и вред "теории", противопоставляющей гражданских военным. Эта теория, по словам Нико Шварца, члена руководства компартии, "напоминает ошибочную позицию тех, кто даже сегодня выступает в защиту устарелого, замшелого антиклерикализма и, игнорируя новые реальности церкви, упорствует в том, чтобы, так сказать, писать слово "бог" с маленькой буквы. Бесспорно, такая позиция на руку тем, кто хотел бы противопоставить всю армию целиком народному движению"⁶⁰.

В то же время, как подчеркивал Шварц, теория "гражданские против военных" черпает свои аргументы, в частности, в таких бесспорных фактах, что немало военных переворотов в латиноамериканской истории носило реакционный ха-

---

⁵⁹ Tribuna popular, 1969, 18 dic.

⁶⁰ Estudios, 1973, N 67, p.32.

раक्टर. Все это и создавало в народе настроения недоверия к военным ⁶¹.

Надо сказать, что в значительной степени именно в силу этого обстоятельства приход к власти военных режимов прогрессивной ориентации был вначале оценен коммунистами, по их собственным словам, односторонне. Так, в Отчетном докладе ЦК VI съезду Перуанской компартии отмечалось, что первоначальная оценка, данная партией приходу к власти вооруженных сил, была ошибочной, поскольку в ней не учитывались "глубокие изменения, которые происходили в перуанской армии" ⁶². Панамские коммунисты на Пленуме ЦК Народной партии Панамы в июле 1973 г. подчеркнули, что их первоначальная оценка прихода к власти военных как традиционного верхушечного "военного переворота" была неверной ⁶³.

Важные изменения, происходившие в вооруженных силах ряда латиноамериканских стран, с особой остротой выдвинули на первый план проблему участия патриотических течений в вооруженных силах в освободительных процессах.

Коммунисты подчеркивали, что при определенных, конкретно-исторических условиях армия в лице ее наиболее радикальных, революционно-демократических течений может выступать проводником глубоких социальных преобразований. "Бесспорно, — заявляли перуанские коммунисты, — нынешние изменения, происходящие в стране, возможны только в результате того, что вооруженные силы выступили под антиимпериалистическими и антиолигархическими лозунгами. Рабочее и народное движение, это мы должны признать откровенно, не было еще в состоянии само, собственными силами встать на этот путь" ⁶⁴. В то же время перуанские коммунисты отмечали, что такие действия вооруженных сил стали возможны в результате героической борьбы народных масс, и особенно ра-

---

⁶¹ Estudios, 1973, N 67, p.33.

⁶² Sexto Congreso del FCP. Documentos, N 2, p.8.

⁶³ Pleno del Comité Central. Partido del Pueblo de Panamá, julio - 1973, p.10.

⁶⁴ Unidad, 1971, 16 dic.

бочего класса, и все растущего влияния мировой социалистической системы на освободительное движение в Латинской Америке ⁶⁵.

Свою позицию в отношении оценки исключительно большого значения того факта, что процесс глубоких структурных преобразований в стране начали революционно настроенные военные, коммунисты вновь подтвердили и в 1978 г. Хорхе дель Прадо подчеркнул, что, несмотря на наличие негативных тенденций в рядах военных, в вооруженных силах "антиимпериалистические настроения и идеи социального прогресса пустили глубокие корни".

Перуанские коммунисты с принципиальных, творческих марксистско-ленинских позиций дают отпор как правым олигархическим силам и реформистам, так и ультралевым, которые пытаются очернить деятельность военных патриотов во главе с генералом Веласко Альварадо, которые, придя к власти в октябре 1968 г., начали осуществлять глубокие социальные и антиимпериалистические преобразования. Хорхе дель Прадо отметил полную несостоятельность и фальшь утверждений о том, что эти преобразования были лишь тактическим маневром, чтобы обмануть народ и укрепить позиции империализма. Эти преобразования стали возможными, отметил Хорхе дель Прадо, в результате всемирно исторических успехов социализма, подъема освободительного, антиимпериалистического движения в Перу. В то же время перуанские коммунисты отмечают, что с самого начала революционный процесс в Перу был не свободен от ряда слабостей и противоречий: недооценка со стороны военного руководства страны активной роли трудящихся масс, переоценка революционных возможностей вооруженных сил как единого института, негативное влияние теории "ни капитализм, ни социализм", стремление стать над "партиями". Однако при всем том, подчеркивают коммунисты, в стране произошли большие и во многом необра-

---

⁶⁵ Unidad, 1971, 16 dic.

тимые изменения, изменившие ее лицо ⁶⁶.

При разработке проблем, связанных с ролью военных в освободительном движении, коммунисты особое внимание обращают на ленинские идеи о практической невозможности победы революции без привлечения хотя бы части армии на сторону революционных сил. Аргентинские коммунисты в теоретическом документе, подготовленном к XIV съезду, заявляли: "Мы не должны забывать решения XII съезда, в которых отмечалось, что в нашей стране не сможет победить народно-демократическая и антиимпериалистическая революция, если часть вооруженных сил не примкнет к национально-демократическому фронту" ⁶⁷.

Р.Арисменди, критикуя "вульгарный антимилитаризм", призывал изучать ленинские идеи об армии, опыт революционной борьбы в России, участие в ней офицеров и солдат царской армии ⁶⁸.

Перуанские коммунисты подчеркивали "огромную важность привлечения вооруженных сил на сторону народа, что, помимо всего прочего, является идеей и опытом, которые не представляют чего-то исключительно нового. Большевистская революция является классическим примером в этом отношении" ⁶⁹.

Позиция коммунистов в отношении возможностей привлечения патриотических, антиимпериалистических течений в вооруженных силах на сторону революции ничего общего не имеет с идеализацией армии, с некритическим преувеличением ее революционных возможностей, как это делают "военные авангардисты". В противовес последним, которые из факта усиления патриотических течений в армии делают выводы о чуть ли

---

⁶⁶ Unidad, 1978, 16 jun., 19 oct.

⁶⁷ Hacia el XIV Congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, 1972, p.17.

⁶⁸ Estudios, 1973, N 67, p.23.

⁶⁹ Mares P. El proceso revolucionario. Balance y perspectivas, p.27.

не "мессианской" ее роли в революции, коммунисты подходят к процессам в военной среде с классовых, социальных позиций.

Имея это в виду, Р.Арисменди писал: "За самыми своеобразными движениями в истории должны обнаруживаться реальные действующие классы, существенные линии развития (в тех или иных формах, с теми или иными особенностями, даже с такими своеобразными чертами, которые граничат с исключительностью) будут в конечном счете определяться классовыми причинами, классовой борьбой в сочетании с противоречиями, порождающими антиимпериалистическое движение" ⁷⁰.

Такой подход предопределял негативное отношение коммунистов к "военному патернализму", пусть даже выступающему под революционными левыми лозунгами, к путчистской тактике военных переворотов. Теория и практика "военного авангардизма", как подчеркивают коммунисты, независимо от субъективных желаний его сторонников, объективно способствующих изоляции военных от народа, обрекают их на бесплодный путчизм, тактику верхушечных переворотов.

Аргентинские коммунисты специально выделяют ту мысль, что прогрессивные силы должны помочь представителям патристических течений в вооруженных силах понять, что, "игнорируя народные массы, можно прийти только к контрреволюции, что, действуя за спиной народа, ничего нельзя сделать, что было бы полезно аргентинскому народу, наоборот, вместе с народом можно достичь национального величия" ⁷¹.

Эту проблему аргентинские коммунисты ныне рассматривают и в плане борьбы за демократию, против попыток правых толкнуть вооруженные силы на путь контрреволюции. Только на путях борьбы за демократию, отказа от участия в реакционных авантюрах, подчеркивают аргентинские коммуни-

---

⁷⁰ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка, с.293-297.

⁷¹ Hacia el XIII Congreso del Partido Comunista, p.19.

сти, вооруженные силы смогут избежать изоляции от народа, защитить подлинные интересы страны ⁷².

Такой подход коммунистов к проблеме участия военных в освободительных, революционных процессах, борьбе за демократию неразрывно связан с их позицией по вопросам о путях укрепления патриотических течений в вооруженных силах, эффективной борьбы с проимпериалистическими тенденциями в рядах армии. По этим проблемам коммунисты ведут острую идеологическую и политическую борьбу как с ярыми антикоммунистами из числа правых, так и с ультралевыми. В ходе этой борьбы коммунисты показывают полную несостоятельность попыток приписать им "ортодоксальную" враждебность к военным институтам, отождествить их позиции с ультралевыми "теориями".

Коммунисты подчеркивают, что попытки идеологов реакции и империализма выдать себя за "единственных" защитников армии, профессиональных интересов военных объясняется прежде всего стремлением сохранить вооруженные силы в качестве орудия защиты своих интересов и классовых привилегий.

"Реакция хочет присвоить себе чуждый ей лозунг "защиты армии"; - говорится в Программных тезисах Компартии Боливии. - В действительности же это является попыткой империализма и реакции не защищать вооруженные силы как таковые, а использовать их как орудие классового господства, подавления народа для сохранения своих привилегий и с целью воспрепятствовать борьбе за национальное освобождение и социальный прогресс" ⁷³.

Гондурасские коммунисты, разоблачая лживые утверждения реакции о том, что коммунисты стремятся "расколоть" единство вооруженных сил, отмечают, что именно правые силы

---

⁷² El movimiento obrero. Buenos Aires, 1977, 3 ag.

⁷³ Partido Comunista de Bolivia. Tesis programática aprobada en el III Congreso Nacional. Junio de 1971, p.13.

звергают армию в кризис, вербуя себе сторонников в ее рядах с целью помешать проведению аграрной реформы и других социальных преобразований ⁷⁴. Что же касается обострения противоречий в рядах вооруженных сил, то они, по словам коммунистов, имеют объективную основу и порождены "борьбой народа против своих угнетателей" ⁷⁵.

Исходя из этих принципиальных позиций, латиноамериканские коммунисты заявляют о решимости бороться против реакционных, проимпериалистических, антинародных течений в вооруженных силах. "Коммунисты никогда не занимались тем, чтобы давать надуманные оптимистические оценки в отношении вооруженных сил, — отмечают аргентинские коммунисты. — Они также никогда не игнорировали их классовый характер. Поэтому они боролись против военной диктатуры, представлявшей интересы монополий, и разоблачали реакционный характер доктрины "внутреннего фронта" и "контрреволюционной войны" ⁷⁶.

Выступая от имени парламентской фракции Компартии Венесуэлы в конгрессе (декабрь 1969 г.), Э.Мухика резко критиковал попытки реакции превратить вооруженные силы в карательные отряды на службе империализма, вытравить из сознания военных национальные, патриотические традиции. "Мы решительно против, — заявил Э.Мухика, — такой военной политики в отношении наших вооруженных сил, поскольку она с помощью американских военных миссий, советников, "рейнджеров", зеленых беретов превращает людей, одетых в военную форму, в убийц" ⁷⁷.

---

⁷⁴ Vanguardia Revolucionaria, 1974, 24 ag.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Nuestra palabra, 1974, 9 sept.

⁷⁷ Tribuna popular, 1969, 18 dic.

Депутат коммунистов, излагая взгляды компартии по военному вопросу, выступил за осуществление подлинно патриотической политики в отношении армии, которая ориентировала бы военных на защиту природных богатств страны от грабежа империалистических монополий, на отказ следовать постулатам военной доктрины Пентагона ⁷⁸.

Для коммунистов характерен диалектический, неоднозначный подход к процессам, происходящим в вооруженных силах. В этом отношении их позиция принципиально отличается от позиции как "военных авангардистов", так и ультралевых.

В противовес ультралевым, отрицающим позитивное значение сдвигов в вооруженных силах, коммунисты призывают настойчиво и всесторонне изучать эти процессы, окончательно отбросить предвзятое, враждебное отношение к армии. Так, коммунисты Колумбии заявляют о необходимости "серьезно и вдумчиво изучать борьбу противоречивых тенденций в вооруженных силах и покончить раз и навсегда с любым проявлением систематической вражды ко всем военным и армии как профессиональному институту ⁷⁹. Об опасности "беспринципного антимилитаризма", игнорирующего дифференциацию в рядах армии, предупреждают боливийские коммунисты ⁸⁰.

Анализ процессов, происходящих в рядах вооруженных сил, коммунисты органично связывают с выдвижением позитивной программы в отношении армии. Как убедительно свидетельствует вся система их взглядов, коммунисты последовательно выступают за существование сильных патриотических и демократических вооруженных сил, стоящих на стороне национальных интересов и опирающихся на прогрессивные традиции. Такая позиция коммунистов имеет давнюю историю, глубокие корни.

---

⁷⁸ Tribuna popular, 1969, 18 dic.

⁷⁹ Documentos políticos, 1970, N 87, p.48.

⁸⁰ Partido Comunista de Bolivia. Tesis programática aprobada en el III Congreso Nacional, p.13.

Так, например, еще в 1946 г. один из старейших руководителей коммунистов Аргентины Р.Гиольди, выражая точку зрения своей партии, дал отповедь попыткам реакционеров в фальсифицированном виде представить позицию компартии по вопросу об армии. Р.Гиольди подчеркнул, что коммунисты отнюдь не являются противниками вооруженных сил. Они борются за армию обновленную, демократизированную, стоящую на защите национальных интересов и воодушевленную высокими патриотическими идеалами. "Миссия, которую предстоит выполнить вооруженным силам, — действительная защита нашего суверенитета и территориальной целостности, — тесно связана с развитием нашей страны и ростом ее независимости, — говорил Р.Гиольди. — Армия должна стоять на страже прогресса и завоеваний движения национального освобождения, должна отражать интересы развивающейся нации, которая ни на кого не собирается нападать, но и не потерпит ничьей угрозы извне. Наши вооруженные силы должны охранять мирное строительство. Стране нужна армия не для агрессии или завоеваний, а для обороны. Страна нуждается в военных институтах не кастового, а народного характера. Страна нуждается в единстве народа и вооруженных сил, которые, отбросив старые реакционные и нынешние феодально-империалистические теории, смело развивали бы традиции Сан-Мартина и овладевали научными достижениями современного ведения войны. Стране нужны вооруженные силы, боеспособный личный состав, который находился бы на высоте политического и военно-технического прогресса. Только тогда республика будет иметь мощную и действенную оборону"⁸¹.

А много лет спустя (1969 г.), аргентинские коммунисты, готовясь к своему XIII съезду, вновь специально обратили внимание на то, что реакционеры клеветуют на коммунистов, стремясь представить их непримиримыми противниками вооруженных сил. В этой связи компартия в своем программном документе заявила, что она "считает необходимым су-

---

⁸¹ Куэнка Э. Военные в Аргентине, с.119-120.

ществование вооруженных сил для защиты национального суверенитета, территориальной целостности, чему угрожает только международный империализм, возглавляемый Соединенными Штатами" ⁸².

Глубокая заинтересованность в дальнейших судьбах вооруженных сил характеризует позиции и других компартий латиноамериканских стран. Так, мексиканские коммунисты подчеркивают: "Мы, коммунисты, не являемся врагами армии вообще. Мы выступаем против армии проимпериалистической и антипатриотической, армии антинародной, репрессивной и антидемократической... Мы являемся приверженцами патриотической армии, действительно готовой по глубокому убеждению выступить в защиту национального суверенитета. Такая армия должна быть воспитана на традициях наших национальных героев" ⁸³.

Характерным для аргументации коммунистов в пользу перестройки вооруженных сил на новых прогрессивных демократических основах является обращение к опыту большевиков, к ленинским идеям об армии, к строительству вооруженных сил в социалистических странах. В Программных тезисах, подготовленных Компартией Боливии на III съезде в июне 1971 г., говорится: "Мы, коммунисты, не являемся и не можем быть противниками армии, игнорирующими классовый подход. Тому свидетельство-действительность и практика стран социалистического лагеря, где существуют прекрасно обученные, оснащенные и идеологически подготовленные армии, связанные нерушимым единством со своими народами" ⁸⁴.

82

Hacia el XIII Congreso del Partido Comunista. Buenos Aires, p.19-20.

83

Por un ejército democrático y patriótico al servicio del pueblo. México, 1976, p.14-15.

84

Partido Comunista de Bolivia. Tesis programática aprobada en el III Congreso Nacional. Junio de 1971, p.13.

Специально останавливается на значении опыта большевиков в военной области Э.Куэнка в работе "Военные в Аргентине". По его словам, этот опыт представляет собой "ценный исторический прецедент", показывая, какое большое внимание уделяли большевики привлечению офицеров старей армии в ряды новой Красной Армии: "Находясь на службе народа, они выполняли свое профессиональное призвание, причем многие из них, отмеченные Советским правительством, завоевали глубокое признание товарищей по оружию, уважение своих сограждан и были назначены на высшие военные должности в армии и в военно-морском флоте" ⁸⁵.

Для теоретической и политической деятельности латиноамериканских коммунистов в области военного вопроса характерно их непосредственное обращение к военным, разъяснение им своей позиции. Так, в 1972 г. в Аргентине вышла в переводе на испанский язык речь министра обороны маршала А.А.Гречко, произнесенная перед молодыми советскими офицерами в ноябре 1969 г.

В предисловии к брошюре, написанном Э.Куэнка в форме диалога с аргентинскими военными, отмечается, что в Аргентине очень мало известно о советской армии, как армии нового типа. "Бесспорно, - подчеркивал Э.Куэнка, - это не является случайностью. Речь идет о преднамеренной политике ультрареакционной и проимпериалистической военной верхушки, которая стремится воздвигнуть перед офицерским корпусом наших вооруженных сил своеобразную идеологическую дымовую завесу с помощью систематического искажения, фальсификации всего того, что связано с основными положениями доктрины советских вооруженных сил" ⁸⁶. Учитывая, что, несмотря на все препятствия, интерес к Советской Армии в рядах аргентинских военных растет, отмечает Э.Куэнка, выпущенная брошюра

---

⁸⁵ Куэнка Э. Указ.соч., с.83.

⁸⁶ Nueva Era, 1972, N 9, p.280.

поможет им глубже узнать правду о Советском Союзе, его вооруженных силах ⁸⁷.

Гондурасские коммунисты выпустили в кратком изложении основные положения книги "Военная стратегия", изданной под редакцией маршала В.Соколовского. Во вступлении к книге коммунисты подчеркнули, что ее издание является попыткой сблизиться с офицерами, обсудить с ними острые, актуальные проблемы военной теории, вопросы, связанные с будущим страны. По словам коммунистов, эти военные "ищут в изучении доктрины марксизма-ленинизма концепцию и метод, с помощью которых можно разрешить сложные экономические, социальные, культурные и политические проблемы гондурасского народа" ⁸⁸.

Выступления коммунистов за глубокую демократизацию вооруженных сил, разъяснение своей позиции непосредственно военным органично и неразрывно связаны с защитой профессиональных интересов военных, улучшением их материального положения. Они подчеркивают, что являются сторонниками всесторонней модернизации вооруженных сил с учетом больших изменений, вызванных научно-технической революцией.

Такой комплексный, подлинно творческий марксистско-ленинский подход к вооруженным силам характерен, в частности, для Компартии Аргентины, которая неоднократно излагала свою позицию по этим вопросам, разоблачая попытки реакции представить коммунистов врагами военных. Так, в 1961 г. появилась работа "Некоторые соображения по поводу плана преобразования армии", написанная видным публицистом-коммунистом Хосе Пиньеиро, в которой немало говорилось о защите профессиональных интересов военных, подчеркивалась необходимость модернизации армии. И в последующие годы в аргентинской коммунистической печати систематически появлялись материалы, где всесторонне анализировалось положение

---

⁸⁷ Nueva Era, 1972, N 9, p.280.

⁸⁸ Mariscal Socolovski V. La teoría marxista-leninista sobre la guerra y los ejércitos. México, 1970, p.4.

ние различных категорий военных, выдвигались конкретные предложения по защите их профессиональных прав.

Известно также, какое большое внимание уделяли вооруженным силам, защите их профессиональных интересов чилийские коммунисты. На страницах газеты "Сигло" неоднократно излагалась их позиция в отношении военных, в частности, подчеркивалась решительная поддержка компартией их профессиональных требований. Чилийские коммунисты давали отпор попыткам реакции представить их противниками профессиональных интересов вооруженных сил. Как писала "Сигло", реакция "фальсифицирует и искажает подлинную патристическую позицию коммунистов в отношении вооруженных сил" ⁸⁹.

Энергичная защита коммунистами профессиональных интересов военных, помимо всего прочего, имеет чрезвычайно большое политическое и идеологическое значение, поскольку реакция и империализм стремятся противопоставить, и как мы видели не всегда безуспешно, армию рабочему классу и другим отрядам трудящихся, обвиняя их в "чрезмерных требованиях", что-де ведет к ущемлению интересов военных, их "пролетаризации". Опыт Бразилии, Чили, Боливии, ряда других стран свидетельствует и о том, что успеху сил контрреволюции в немалой степени способствовала все более открытая конфронтация значительной части офицерского корпуса с профсоюзами и трудящимися.

Защита коммунистами профессиональных интересов военных связана и с другими аспектами проблемы. Известно, что идеологи антикоммунизма стремятся доказать, что марксисты в своей политике игнорируют исторически сложившиеся традиции вооруженных сил, нигилистически их отбрасывают в целях создания новой "народной армии", так сказать, на пустом месте. На деле все обстоит иначе. "В нашей политике в отношении вооруженных сил, — пишет колумбийский социолог, коммунист Федерико Ферро, — следует исходить из реально существующей армии, а не заниматься утопическими мечтами

о какой-то так называемой народной армии, которой нет и в помине" ⁹⁰. Именно так и действуют коммунисты.

В плане идейной борьбы с ультралевыми коммунисты большое значение придают вопросу о взаимоотношениях рядового и сержантского состава с офицерским корпусом. Известно, что ультралевые призывают объявить "классовую войну" офицерскому корпусу, апеллируют к "пролетарским эксплуатируемым классам" в армии в лице рядового и сержантского состава, побуждая их к объединению для борьбы с "офицерами-эксплуататорами".

Такая авантюристическая сектантская позиция, как показали трагические события в Чили, Бразилии, Боливии, играет на руку реакции, препятствует установлению прочного сотрудничества прогрессивных сил с демократически настроенными военными. Поэтому коммунисты так настойчиво выступают с решительной критикой этих вредных взглядов.

Показательно в этой связи обсуждение за "круглым столом" данных проблем, проведенное сержантами-коммунистами аргентинских вооруженных сил. Выступавшие подчеркивали принципиальную ошибочность проведения социального и политического водораздела в армии по линии "офицерский корпус - сержантский состав". На самом же деле водораздел определяется по линии различного подхода к проблемам дальнейшего развития страны: одни в армии выступают за коренные социальные преобразования, другие - за сохранение любой ценой существующего положения ⁹¹. "Имеется немало демократически настроенных людей, потенциальных союзников дела рабочего класса и народа среди офицеров, - так же как они имеются среди офицерского корпуса, так же как, бесспорно, они есть и среди сержантов" ⁹².

Такая позиция, подчеркивалось на обсуждении, поможет

---

⁹⁰ Documentos políticos, 1976, N 121, p.74.

⁹¹ Nueva Era, 1972, N 6, p.559.

⁹² Ibid., p.561.

понять всю ошибочность подхода к армии как некоему единому реакционному институту, преодолеть неверные взгляды на армию, существующие среди определенной части населения.

На обсуждении затрагивался вопрос об огромной важности для революционного, антиимпериалистического движения привлечения на свою сторону антиолигархически настроенного офицерства. Его сотрудничество будет крайне необходимо в будущем, когда в результате победы революции начнется перестройка армии с целью превратить ее "в вооруженную руку народного государства"⁹³. В связи с такой постановкой вопроса выступавшие призывали глубже изучать опыт политики большевиков в отношении офицерского корпуса царской армии, когда многие тысячи офицеров-патриотов внесли большой вклад в становление Красной Армии⁹⁴.

Большое внимание было уделено обсуждению перспектив установления тесного сотрудничества между офицерами и сержантами. Выступавшие подчеркивали, что за последнее время многие преграды, которые разделяли офицеров и сержантов, были устранены. И одной из главных причин являлся отказ все большего числа военных играть роль полицейской, репрессивной силы на службе у эксплуататорских классов⁹⁵.

На этой дискуссии были подвергнуты широкому обсуждению методы и формы борьбы сержантского состава за свои права. Ораторы подчеркивали, что только с помощью объединения своих усилий, связывая борьбу за свои конкретные, профессиональные требования с борьбой прогрессивных сил, сержантский состав может добиться успеха. При этом особо подчеркивалась необходимость укреплять единство между сержантами и прогрессивно настроенными офицерами, отказаться от ошибочного подхода ко всякому офицеру как

---

⁹³ Nueva Era, 1972, N 6, p.562.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibid., p.564-565.

врагу сержантского и рядового состава ⁹⁶.

На дискуссии были подвергнуты критике анархистские, сектантские действия в рядах армии, направленные против отдельных офицеров, а также на подрыв воинской дисциплины. Такие акции, указывали участники "круглого стола", могут воспрепятствовать единству действий прогрессивных сил в рядах армии, ими может воспользоваться реакционная военная верхушка для развязывания репрессий ⁹⁷. Участники обсуждения призвали сержантов разворачивать борьбу вместе с другими демократическими силами в армии против ее превращения в антинародную полицейскую силу на службе правящих классов.

Ничего общего, как видим, позиция коммунистов не имеет с насильственным разрушением армии, пренебрежением к профессиональным интересам военных. Более того, коммунисты подчеркивают, что усиление прогрессивных, антиимпериалистических течений в вооруженных силах будет создавать благоприятные условия для перестройки вооруженных сил, для понимания все большим числом военных необходимости этого шага.

Именно укрепление этой тенденции в рядах вооруженных сил некоторых латиноамериканских стран дало коммунистам основания говорить о появлении новых, благоприятных возможностей, содействующих переходу армии на сторону народа. Такой процесс ведет к ослаблению влияния традиционного милитаризма на военных, предопределяет возникновение новых черт в развитии вооруженных сил, все более решительно выступающих в защиту национальных интересов, социальных антиимпериалистических преобразований. Так, перуанские коммунисты отмечали, что перуанская армия перестала быть "вооруженной рукой и эффективным политическим орудием в руках империализма и олигархии", включилась в активную антиоли-

---

⁹⁶

Nueva Era , 1972, N 7, p.71-76.

⁹⁷

Ibidem.

гархическую и антиимпериалистическую борьбу ⁹⁸.

Естественно, подобного рода изменения в позиции армии выдвигают перед коммунистами ряд новых проблем. Как уже отмечалось, им отнюдь не безразлична "цена революции", что и объясняет их настойчивую, целеустремленную борьбу за привлечение военных на сторону революционных, антиимпериалистических процессов. Коммунисты подчеркивают чрезвычайно большое значение появления в вооруженных силах элементов армии нового типа в таких странах, как, например, Перу и Панама.

Укрепление этих тенденций в рядах вооруженных сил делает их фактором исключительной важности в деле защиты прогрессивных завоеваний, консолидации и углубления освободительных процессов. С этим связана необходимость существования сильных, хорошо вооруженных армий, способных вместе с народом отражать натиск не только внутренней контрреволюции, но и внешней. Этим и объясняется, помимо всего прочего, решительная борьба коммунистов против леваков, которые стремятся опорочить политику революционно-демократических сил по укреплению и модернизации армии, представить эту политику как проявление "милитаризма", препятствующего росту благосостояния народных масс.

Этой догматической позиции коммунисты противопоставляют свою политику, направленную на укрепление союза армии с трудящимися, на превращение вооруженных сил в оплот и защитника революционных преобразований там, где это, естественно, имеет место. Так, панамские коммунисты подчеркивали: "Перед лицом растущей угрозы контрреволюционного наступления империализма, который, помимо всего прочего, стремится организовать вооруженную агрессию руками наемников извне или же вооружив их внутри страны, необходимо незамедлительно приступить к организации защиты революционного процесса, что дало бы возможность нанести

---

⁹⁸ del Prado J. Ideología y política en el proceso peruano. Lima, 1972, p.5.

поражение любым попыткам реставрации власти олигархии... для того, чтобы открыть путь к народной власти, новой экономике, основанной на общественной и государственной собственности, к полной национальной независимости" ⁹⁹.

Важным фактором, способствующим достижению этой исторической цели, отмечают панамские коммунисты, представляется укрепление национальной армии, упрочение ее союза с народом. "Эти задачи требуют, чтобы национальная гвардия превратилась в подлинно народную, демократическую армию, оснащенную самой передовой техникой, современным оружием, отличающуюся дисциплиной, высоким моральным духом и революционной сознательностью. Такая армия была бы способна защищать родину и революционный процесс и гарантировала бы надежную защиту против любой контрреволюционной агрессии и безопасность в тылу. При этом сам народ также должен быть готов к использованию всех форм борьбы. Это неременное требование истории, и здесь не может быть никаких колебаний, ибо неподготовленность народа в этом плане оказывает негативное влияние на революционный процесс и ставит под угрозу не только то, что уже было достигнуто, но и саму национальную независимость" ¹⁰⁰.

Конкретизируя и углубляя эти мысли, панамские коммунисты подчеркивали, что положительные сдвиги в вооруженных силах в сторону антиимпериализма, активного участия в процессе социальных преобразований в первую очередь объясняются их растущим сотрудничеством с трудящимися массами, расширяющимися с ними контактами на заводах, в сельскохозяйственных кооперативах, крепнущими связями с органами новой народной власти. Немалую роль в такой эволюции вооруженных сил, по словам коммунистов, играет идеологическая работа в армии, инициатором которой выступили генерал Торрихос и его сторонники. Она ориентирована на воспитание

99

Pleno del Comité Central Partido del Pueblo de Panamá, julio 1973, p.55.

100

Ibid., p.53-54.

военных в духе антиимпериализма, патриотизма и осознания своей роли в социальных преобразованиях. В то же время коммунисты отмечают и трудности на пути такой эволюции панамских военных, что, в частности, проявляется в определенном влиянии в военной среде националистических идей "третьей позиции" ("ни с капитализмом, ни с коммунизмом"), недостаточное понимание объективного характера классовой борьбы ¹⁰¹.

За последнее время компартии многих латиноамериканских стран при определении своей позиции в отношении вооруженных сил обращают все большее внимание на проблему национальной безопасности. Известно, что под прикрытием лозунгов обеспечения "национальной безопасности", для предотвращения "коммунистической угрозы" контрреволюционно настроенной военной верхушке ряда стран удалось с помощью армии прийти к власти. Проведение в жизнь концепции "национальной безопасности" с ее ярким антикоммунизмом, враждой к трудящимся массам привело к углублению социальных противоречий в стране, углубило пропасть между армией и народом. Именно это обстоятельство заставляет все большее число военных задумываться над подлинным смыслом национальной безопасности, что связано с отказом от репрессивной роли вооруженных сил, сближением с народом. Именно в этих условиях коммунисты, выдвигая проблему национальной безопасности, давая ей патриотическую интерпретацию, предлагают военным своего рода диалог. Так, аргентинские коммунисты подчеркивают, что правильное понимание проблемы национальной безопасности приобретает исключительно важное значение ныне, когда в стране разворачивается упорная борьба за демократический выход из кризиса. "Безопасность не является проблемой, которая интересуется только вооруженные силы, она имеет жизненно важное значение для всей нации. Борьба за обеспечение безопасности требует укрепления на-

---

¹⁰¹ Síntesis. Panamá, 1978, N 2, p.20-22.

ционального единства, реализации на практике единства армии и народа. При всех условиях одно должно быть совершенно ясным: безопасность не может быть обеспечена без независимого развития национальной экономики, мы именно с особой силой подчеркиваем, без независимого" ¹⁰².

В свою очередь венесуэльские коммунисты, излагая свою позицию по проблемам национальной безопасности, подчеркивают, что она может быть эффективна и отвечать интересам нации при условии борьбы за ликвидацию зависимости страны, освобождения армии от империалистического влияния ¹⁰³.

Уругвайские коммунисты, выступая против антинародной интерпретации концепции национальной безопасности, в то же время предостерегают от неверной точки зрения, отождествляющей, так сказать, фатально военную профессию с милитаризмом. Военные смогут обрести истинную суть своей профессии и стать гарантом подлинной национальной безопасности, если встанут на сторону народа, будут вместе с ним бороться против диктатуры ¹⁰⁴.

Против милитаристской трактовки национальной безопасности выступают боливийские коммунисты, подчеркивая, что только путем сближения армии с массами "возможно обеспечить подлинную обороноспособность страны, опираясь на народ, а не попирая его" ¹⁰⁵.

Чилийские коммунисты, разоблачая антинародную сущность концепции национальной безопасности, выдвигаемой пиночетовской кликой, подчеркивают, что она является оправданием "политического геноцида", служит интересам межна-

---

¹⁰²

Propuestas económicas para un proyecto nacional, p.5.

¹⁰³

Tribuna popular, 27. VIII.1976.

¹⁰⁴

FCU. Boletín del Partido Comunista de Uruguay, 1977, N 2, p.79.

¹⁰⁵

Ultima hora, 24.II.1978.

циональных корпораций, лишает вооруженные силы национального характера. "А практическим результатом, - говорит Л. Корвалан, - было то, что ныне, как никогда раньше, подлинная национальная безопасность не была так подорвана, никогда не существовало такой пропасти между народом и вооруженными силами, никогда социально-экономическое положение страны не было столь тяжелым, никогда международная изоляция не была столь явной. А именно все эти факторы определяют подлинную национальную безопасность, а ее реализация возможна только при условии демократической трактовки этой доктрины" 106.

Истинная национальная безопасность, подчеркивают чилийские коммунисты, возможна только при условии решительной защиты национального суверенитета, природных богатств страны, независимого экономического развития, улучшения жизни народных масс, проведения независимой внешней политики. Именно только при этих условиях возможно существование сильной современной армии, пользующейся уважением и любовью народов 107.

Свою позицию по проблеме национальной безопасности Компартия Чили изложила в обращении к вооруженным силам (апрель 1978 г.). В этом обращении подчеркивалось, что пиночетовский режим подорвал подлинную национальную безопасность, отдав страну на разграбление международным корпорациям и местным монополиям. Компартия, обращаясь к военным, призывает их задуматься "над теми масштабами катастрофы, в которую вверг страну пиночетовский режим" 108.

106

Informe al pleno de agosto de 1977 del Comité Central del Partido Comunista de Chile, rendido por su Secretario General, compañero Luis Corvalán, p.69.

107 Ibidem.

108

Partido Comunista de Chile. Boletín del exterior, mayo-junio 1978, N 29, p.107.

Чилийские коммунисты в своих последних выступлениях о вооруженных силах с особой настойчивостью подчеркивают всю актуальность и значимость ленинской идеи о том, что без привлечения на сторону революции армии трудно и думать о сколько-нибудь серьезной борьбе ¹⁰⁹. "Политическая и идеологическая борьба за армию, которая включает борьбу за нее в ее собственных рядах, бесспорно, будет способствовать тому, чтобы влиятельные течения в вооруженных силах стран Латинской Америки внесут в недалеком будущем важный вклад в народную победу над империализмом" ¹¹⁰.

Настойчивая, непрекращающаяся разработка коммунистами проблем, связанных с политической ролью вооруженных сил в латиноамериканском обществе, корректировка, уточнение и углубление их взглядов на роль армии в обществе — убедительное свидетельство постоянных творческих теоретических поисков латиноамериканских революционеров, их стремления применить идеи марксизма-ленинизма об армии к конкретным условиям стран Латинской Америки. Такая разработка тем более важна, что вооруженные силы превратились в чрезвычайно важный фактор социально-политических процессов, которые разворачиваются в Латинской Америке.

---

¹⁰⁹

Partido Comunista de Chile. Boletín del exterior, septiembre-octubre 1978, N 31, p.53.

¹¹⁰

Ibid., p.53.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Марксизм-ленинизм об армии (вместо введения)	16
Г л а в а I. ВЫХОД ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АВАНСЦЕНУ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	26
Вооруженные силы и "холодная война"	27
Армия перед выбором	54
Г л а в а II. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АРГЕНТИНЫ И КРИЗИС "ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА"	93
Аргентинская армия накануне переворота	94
Режим "аргентинской революции"	106
Патриотические, антиимпериалистические течения в вооруженных силах и падение режима "аргентинской революции"	133
От хустисиалистского режима к военному правлению	156
Г л а в а III. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ БРАЗИЛИИ: ОТ "ГАРАНТА" КОНСТИТУЦИИ К ПРЕВРАЩЕНИЮ В "ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ".....	167
Кризис бразильского общества и вооруженные силы..	167
Первый этап "бразильской революции"	191
Борьба течений в вооруженных силах	202
"Бразильская модель" развития и вооруженные силы	218

Г л а в а IV. РОЛЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПЕРУ В ПРОЦЕССЕ
СОЦИАЛЬНЫХ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ..... 237

Социальный облик перуанских вооруженных сил накануне прихода к власти	238
Первый опыт пребывания армии у политической власти: в поисках новой военно-политической доктрины	252
Кризис режима "представительной демократии" и вооруженные силы	265
Перуанская революция и мировой революционный процесс	284
Теория и практика борьбы за новое общество в Перу	296
Вооруженные силы в революционных, антиимпериали- стических преобразованиях	311

Г л а в а V. АРМИЯ ПАНАМЫ: ОТ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРЕТО-
РИАНСКИХ ФУНКЦИЙ К ЕДИНЕНИЮ С НАРОДОМ ..... 329 |

Кризис олигархической системы правления и Нацио- нальная гвардия Панама	329
Роль Национальной гвардии в освободительном, антиимпериалистическом процессе в Панаме	341

Г л а в а VI. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ БОЛИВИИ: ТУПИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ..... 356 |

Армия на пути к контрреволюционному перевороту...	356
"Революция реставрации"	365
Вооруженные силы и правительство генерала Овандо	376
"Национально-революционная модель" развития и армия	393
От Националистического народного фронта к авто- ритарному военному режиму	410

Г л а в а VII. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЧИЛИ: ОТ "АПОЛИТИЧНО-
СТИ" К КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ..... 426 |

Вооруженные силы Чили накануне прихода к власти правительства Народного единства	427
Доктрина Шнейдера-Пратса: к вопросу о возможно- стях сближения армии с демократическими силами...	439

Рост контрреволюционных настроений в вооруженных силах	461
Вооруженные силы в системе военно-фашистской диктатуры	479
Г л а в а VIII. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УРУГВАЯ: ОТ "ПРЕДСТА- ВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ" К ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЕ	494
Г л а в а IX. КОММУНИСТЫ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ	519
Коммунисты, армия и освободительное движение	519
Вклад латиноамериканских коммунистов в творче- скую разработку военного вопроса	534

А.Ф.Шульговский. Армия и политика в
Латинской Америке

Редактор И.В.Соболева
Редакторы издательства Г.С.Тихонов, Ю.Н.Королев
Технический редактор Л.В.Сысолятина
Корректор И.В.Иванова

Т - 09089. Подписано в печать 27.VI.1979.
Бумага офсетная 60x90^I/16. Печ.л. 35,5.Уч.-изд.л.29,6.
Тираж 2100 Заказ № 107 Цена 3 руб.

ПМЛ ИЛА АН СССР
П13С35. Москва, Б.Ордынка, 21.